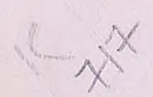
М.М.БОГОСЛОВСКИЙ

ПЕТР I

ПЕТР I

Акад. М. М. БОГОСЛОВСКИЙ

ПЕТР I

*

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
ПРОФ. В. И. ЛЕБЕДЕВА

ОГИЗ
ГОСПОЛИТИЗДАТ
1948

Акад. М. М. БОГОСЛОВСКИЙ

ПЕТР I

ТОМ ПЯТЫЙ

ПОСОЛЬСТВО Е. И. УКРАИНЦЕВА В КОНСТАНТИНОПОЛЬ

*

1699–1700

ОГИЗ
ГОСПОЛИТИЗДАТ
1948

Подготовка текста настоящего издания к печати, подбор иллюстраций, составление примечаний к ним, указателей и объяснительного словаря произведены
Н. А. БАКЛАНОВОЙ.

Рис. 1. Петр I

Портрет маслом работы И. Н. Никитина 1721 г.

I. ПРИБЫТИЕ ПОСОЛЬСТВА В КОНСТАНТИНОПОЛЬ. ЭПИЗОД С ПАЛЬБОЮ С ПОСОЛЬСКОГО КОРАБЛЯ

Мы расстались с Е. И. Украинцевым рано утром 28 августа 1699 г. в тот момент, когда он с посольством на корабле «Крепость», отслужив молебен, вышел при пушечных салютах из Керченского гирла в Черное море. Последуем за ним в этом путешествии, которое, как вообще и все свое посольство, он подробно описывал в обширных и обстоятельных отписках в Москву и в столь же обстоятельном статейном списке. В тот же день, 28 августа, корабль проплыл мимо Кафы (Феодосия), которую путешественникам не было видно с корабля, так как она расположена в лимане; а затем в течение трех дней, 28, 29 и 30 августа, огибали Крым, держась в 8—10 верстах от берега в виду Айских гор (Яйлы), подвигаясь медленно, не на всех парусах, «а на иных местех и постаивая, ожидая пристава», который должен был на своем корабле нагнать посольство, что и случилось 31 августа рано утром, не доезжая верст 50 до Балаклавы [1].

Явившись на посольский корабль и привезя в подарок посольству трех живых баранов, пристав убеждал посланников зайти в Балаклаву. Турки, как мы припомним, всячески старались

[1] ЦГАДА, фонд 6. Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 45 об.—47. (Ввиду того, что весь архивный материал, использованный в данной работе, хранится в Центральном государственном архиве древних актов — ЦГАДА — в дальнейших ссылках указание на ЦГАДА опускается и обозначается лишь архивный фонд).

Рис. 2. Кафа. Развалины генуэзских крепостных башен.
Литография XIX в.

задержать Украинцева, воспрепятствовать ему плыть морем и желали направить посольство в Константинополь сухим путем. Очевидно, исполняя инструкцию, данную ему в этом смысле, пристав и предлагал остановиться в Балаклаве. Посланники, однако, ему отказали, решительно заявив, что от Айских гор пойдут по компасу прямо к Царьграду. «И пристав, — замечает статейный список, — в тех посланниковых словах был смущен и говорил, что царского величества корабль перед их турскими кораблями в хождении морском гораздо лутче». Он не надеялся поспеть за русским кораблем на своем корабле. Свиданием с приставом посланники воспользовались для пополнения своих географических познаний относительно Крыма. Они спрашивали у пристава: «Меж теми Айскими горами жилища какие есть ли и ведает ли он, сколько во всем Крыму сел и деревень?» Пристав на эти расспросы отвечал: «Слышал де он, что меж теми Айскими горами поселение есть, а подлинно о том не знает, потому что по Черному морю едет он впервые. А в Крыму де будто сорок тысяч сел и деревень, в которых по 50 дворов и меньше». Посланники стали предлагать дальнейшие вопросы: «Каков околичностию своею Крым?», т. е. сколько Крым имеет в окружности, «и из Кафы в Перекопь во

Рис. 3. Развалины древней крепости в Балаклаве (на заднем плане).
Литография XIX в.

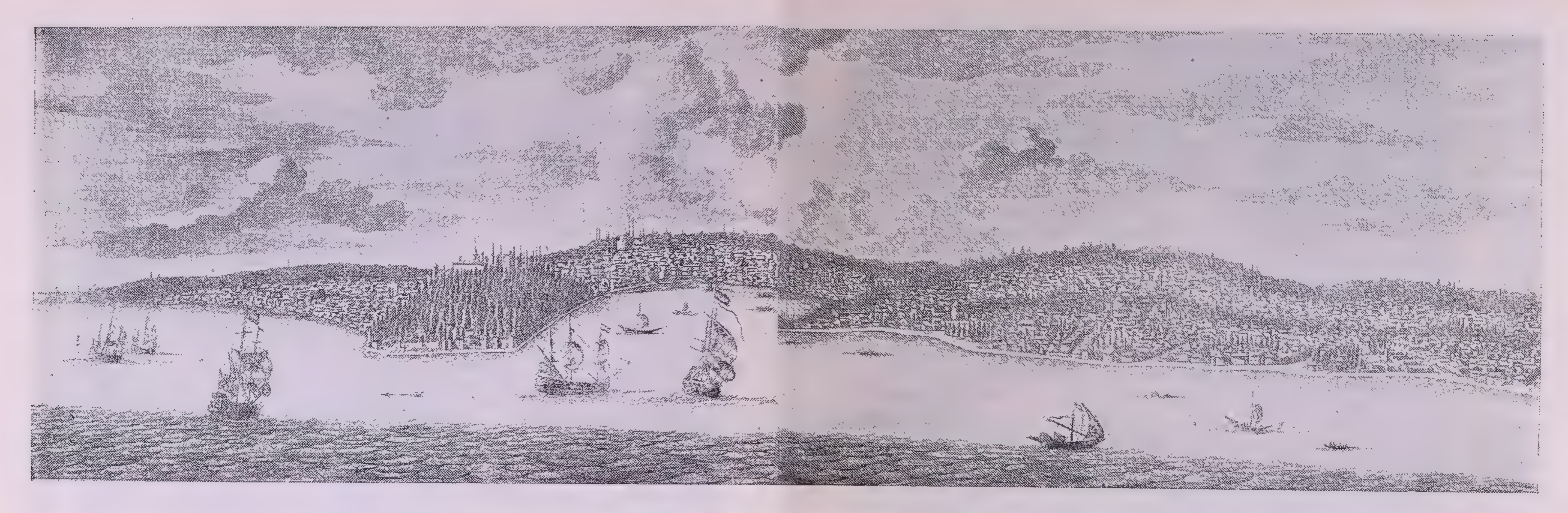

Рис. 4. Вид на Константинопол с Босфора (европейская сторона).
Гравюра из книги К. де Бруина «Путешест в Малую Азию, Сирию, Египет и Палестину», изд. 1698 г.

много ль дней переезжают?», на что пристав отвечал, «что будто Крым околичностию будет с семьсот верст, а езды из Кафы до Перекопи три дни, а от Булаклавы до Бакчисарая пять часов». После этого разговора пристав пересел на свой корабль, а посланники «при помощи божии пустились от тех Айских гор пучиною Евксинопонтскою прямо к Царюграду»[1]. Таково было смелое выступление первого русского военного корабля в открытое море.

Переезд через Черное море занял дни 31 августа и 1 сентября. 31-го весь день плыли «тихою погодою». «С вечера учинилась погода понемногу противная», до полуночи на 1 сентября, и плыли «лавирами», а с полуночи на 1 число, весь день 1 сентября и всю ночь на 2-е «плыли зело скоро доброю погодою». Рано поутру 2 сентября показался Анатолийский берег и город Пендераклия в 150 верстах от входа в устье Цареградского пролива. От Пендераклии корабль шел все время держась Анатолийского берега, и в восьмом часу дня того же 2 сентября «милостию божиею и великого государя его царского величества святыми молитвами и счастием приплыли посланники к гирлу и вошли в него в целости самою срединою без указывания и без

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 47 об.—48.

вожей турских». Посланники заметили при входе в пролив по обеим сторонам два маяка — «две башни, на тех башнях с сторон приделаны стекольчатые каморки, а в них на великих лоханях медных горит по ночам масло деревянное вместо свеч». При дальнейшем продвижении по проливу видели также по обеим сторонам две небольшие крепости-городки у самой воды, «живут в них янычары»; под городками пушек небольших по 10 и больше. Над городком на левой стороне пролива виден был на горе большой каменный город «древнего строения». Берега пролива густо населены; жители «живут между гор в садах и кипарисех многие». В небольшом лиманце (заливчике) стоят чайки и галеасы. Статейный список не ограничивается этим изобразительным описанием внешнего вида пролива, а приводит некоторые гидрографические сведения. Длина пролива от устья до Константинополя 18 миль — турецкая миля по объяснению списка «с русскую версту», — глубина на самой середине 20, 30 и 40 сажен, быстрое течение идет из Черного моря в Белое (Мраморное)[1].

Проливом плыли 2 сентября до вечера и вечером стали на якорь под греческим селом Новым, дожидаясь отставшего на

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 48—50.

своем корабле пристава. Он явился к посланникам в ночь на 3 сентября и говорил, чтоб посольский корабль дальше к Царьграду не ходил, что он предварительно съездит в город известить о прибытии посланников великого визиря. Вернувшись в тот же день, 3 сентября, он объявил, что султан указал принять посланников 6 сентября; раньше не успеют, потому что для посланников не приготовлено еще двора, где им стоять; султан не ожидал столь скорого появления посольства. Украинцев пытался было возражать и заявил, что поедет на царском корабле до самой пристани, когда пристав сказал, что за посольством будут присланы «сандалы» — небольшие суда. Пристав, однако, уговорил его не противиться султанскому указу: сандалы будут присланы за посланниками для почета; впереди пойдет царский корабль, за ним посольство в сандалах. Действительно, 6 сентября за посольством было прислано 50 каюков, в которых оно при пушечных салютах доехало до пристани близ султанского дворца, откуда сам султан смотрел на прибытие посланников. На берегу для встречи посольства было выстроено «со 100 конных чаушей (полицейских) и с 200 янычар с батогами». Встречали посланников начальствующие лица: эминь-чауш-ага и янычарский чурбачей (офицер), причем эминь-чауш от имени султана спрашивал о здоровье. К пристани приведено было для посольства до 100 лошадей, на которых оно и двинулось в город «верхами». Когда проезжали около султанского дворца, султан смотрел с башни. Ехали до отведенного для посольства двора «многими улицами и переулками», причем по всему пути посольства стояло множество народа. Посольству отведен был двор умершего Мустафы-паши близ городских ворот, именуемых Кумкапы или Песочные. Корабль, отставший из-за противного ветра от флотилии везших посольство каюков, остановился в проливе за милю от Царьграда. На другой день, 7 сентября, он, однако, вошел в город и стал на якоре против самого султанского дворца. Тотчас же по приезде посланников на посольский двор к ним явился пристав с известием, что по султанскому указу велено посланников и состав посольства по здешнему обыкновению «яко гостей» в течение трех дней продовольствовать «съестным харчем», и, действительно, им были доставлены: «яловицы, бараны, гуси, куры, масло, сочевица, пшено срацынское и разные овощи, виноградное вино и хлеб пшенишной доброй и росхожей». Сверх этого трехдневного содержания в натуре посольству назначено было денежное жалованье на все время его пребывания в Царьграде [1].

В самый же день прибытия, 6 сентября, посланники сочли нужным известить о своем приезде находившихся в Константинополе послов французского, английского и голландского, для чего посылали к ним «с поздравлением» капитана Памбурга,

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 50 об.—56.

Рис. 5. Бахчисарай.
Рисунок из «Путешествия» Палласа (вторая половина XVIII в.).

умевшего говорить по-голландски и по-французски, и с ним дворянина Василия Комова. Французский и голландский послы приняли их любезно, за поздравление благодарствовали и обещали со своей стороны прислать к посланникам с поздравлением. Прием у английского посла был иной. Английский посол лорд Пэджет Памбурга и Комова «к себе не пустил, а выслал к ним на крыльцо человека своего и велел сказать, что он, посол, о приходе их, с чем они к нему присланы, ведает, а видеться де ему с ними, капитаном и дворянином, не для чего, и сел он теперво за стол есть». Однако, когда послы французский и голландский прислали 9 сентября к посланникам чинов своих посольств с ответным поздравлением, то с таким же поздравлением прислал своего секретаря и лорд Пэджет. В разговоре с секретарем посланники спрашивали о его начальнике, где он, посол, жил после Карловицкого съезда, когда он приехал в Константинополь и как он посылает свои письма в Англию, через почту ли или с «нарочными ездоками». Секретарь отвечал, что лорд Пэджет по отъезде из Карловиц жил в Адрианополе, в Царьград приехал в тот же день, когда прибыли и они, посланники, а письма с ведома великого визиря, который «к нему, послу, зело добр и склонен», посылает в Белград и Петервардейн, а оттуда в Английскую землю через «нарочных посыльщиков», а обыкновенной почты из Царьграда к ним в Английскую землю нет»[1].

Прибытие русского корабля возбудило большое любопытство в Константинополе как у живших там европейцев, так и у турок. Тотчас же по прибытии приезжали дворяне французского посла смотреть корабль и, по словам капитана Памбурга, хвалили корабль и говорили, что как турки, так и они, французы, не ожидали, чтобы в Российском государстве было корабельное строение. У них были «ведомости», что в Азове нет корабельной пристани. «Не по малу они дивятся, что в русском государстве строятся корабли, чего прежде не бывало и не слыхано». 8 сентября приезжал смотреть корабль великий визирь в нарядном каюке с 24 гребцами в белых кисейных рубахах. Визирь сидел в каюке на корме под балдахином и «ездил около корабля и на него смотрел многое время». На другой день, 9 сентября, к посланникам явился пристав, чтобы сообщить им, что великий визирь «похвалял» русский корабль султану и султан хотел в этот день смотреть корабль сам. Пристав предупредил, чтобы посланники распорядились о встрече султана пушечным салютом. В полдень, действительно, султан приезжал осматривать корабль в таком же каюке, в каком накануне приезжал великий визирь. На самый корабль, конечно, ни визирь ни султан не вступали[2].

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 56—59.
[2] Там же, л. 54 об., 56 об. — 57 об.

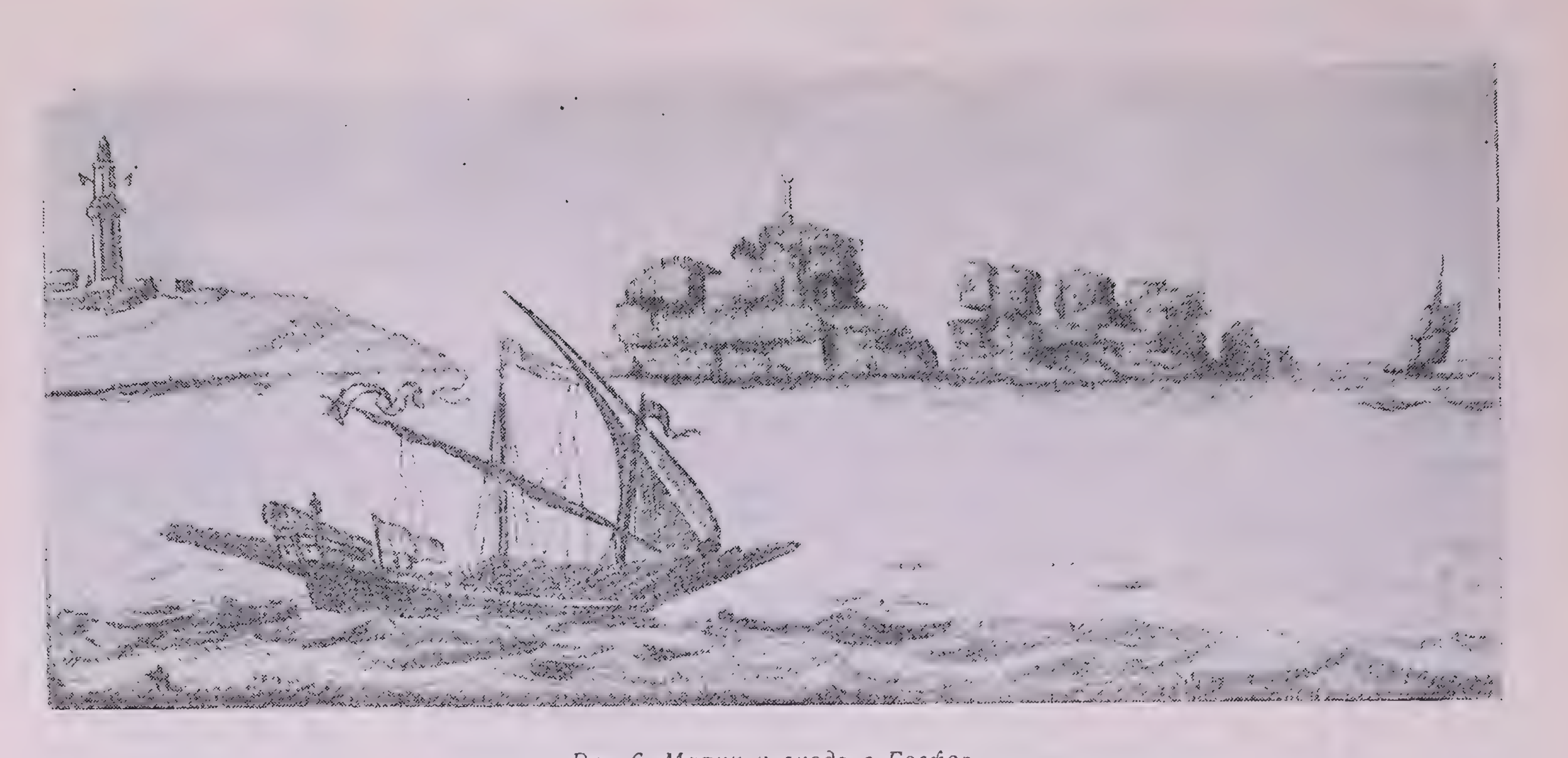

Рис. 6. Маяки у входа в Босфор.
Гравюра из книги К. де Бруина «Путешествие в Малую Азию, Сирию, Египет и Палестину», изд. 1698 г.

В отписке от 17 октября Украинцев доносил в Москву, что весь народ в Константинополе удивлялся появлению корабля и к русским обращались с вопросами, кто корабль этот делал и как он «мелкими водами из-под Азова вышел в Черное море и так скоро без турецких вожей прошел черноморскую пучину». Турки утешают себя тем, что русские корабли плоскодонны и в бурю держаться на море не смогут, также и тем, что у царя нет знающих адмиралов, а русские морского плавания не знают и биться на море не умеют. На неоднократные вопросы, обращенные к Украинцеву, много ль у царя сделано кораблей, все ли они оснащены и сколь велики, он отвечал, что кораблей и галер наделано у царя много, днами они не плоски, из-под Азова в море выходят свободно и что его провожал до Керчи целый флот. Ежедневно, как он писал в отписке, приезжают смотреть корабль многие тысячи турок, греков, немцев, евреев и армян в сандалах и каюках. Всего больше хвалят на корабле паруса, канаты и веревки за их прочность. Упрекают голландцев в том, что они учат русских морскому делу, и выговаривали за это голландскому послу, на что тот ответил, что у них люди вольные, а капитан Петр Памбург будто волонтер и из Голландской земли выгнан. Говорят также и то, что русские корабли сделаны худо и некрепко и в морском плавании ненадежны. К этим критическим замечаниям турок Украинцев в той же отписке присоединил и свою критику и совет относительно дальнейшего кораблестроения, находя недостатки и в самой постройке и в надзоре за ней. «И о том тебе, великий государь, как господь бог по сердцу известит, а мне мнится, что надобно у строения корабельного присмотру быть прилежному, чтоб делали и конопатили их мастеры крепко и чтобы к одному кораблю приставлен был добрый, и честный, и разумный, и пожиточный дворянин, который бы никакой корысти был непричастен, а убогие впадут в корысть. Да и иноземцы, государь, которые делают компанейские корабли, чаять, уже не без корысти у того дела пребывают. А корабль дело не малое, стоит города доброго. И сей твой, великий государь, корабль, на котором я плыл на Черном море, в ветер и не само сильный гораздо скрипел и на бок накланивался, и воды в нем явилось не мало» [1].

Появление русского корабля вызвало даже страх. Пошли преувеличенные толки. Была молва, что на корабле находится сам царь, — этот слух пустили иностранные посольства, — вот почему турецкие начальные люди часто подъезжали и присматривались к кораблю. Опасались прибытия целого русского флота; говорили, что русский флот из 10 военных кораблей и 40 мелких судов выходил в Черное море, достигал Анатолийского берега и подходил к Трапезунду и Синопу. Имея флот на

[1] *Устрялов,* История, т. III, стр. 515—518.

Рис. 7. Турецкие укрепления на берегу Босфора.

Гравюра из книги К. де Бруина «Путешествие в Малую Азию, Сирию, Египет и Палестину», изд. 1698 г.

Черном море, царь мог мешать подвозу в Царьград съестных припасов. Знатный грек в Галате спрашивал у переводчика Афанасия Ботвинкина, сколько у государя сделано кораблей, и по поводу ответа Ботвинкина, что «готовых ныне со сто, а еще к тому многие делаются», заметил: «Здесь того зело боятся и все говорят: как де царское величество Черное море запрет, то в Цареграде будет голодно, потому что хлеб, масло, лес, дрова привозят с Черного моря из-под Дунайских городов: Браилова, Измаила, Галации, Килии, Белгородчины, Очакова» [1].

Стоявший на якоре против самого султанского дворца русский корабль не давал туркам покоя. Делались попытки перевести его на другое место. Вскоре же по прибытии, 9 сентября, явившись к посланникам, пристав говорил, чтобы корабль с того места, где он стоит, свесть и поставить там, где стоят французские, английские и голландские корабли; здесь же стоять ему непристойно, потому что капитан стреляет из пушек «необыкновенно почасту». Возразив, что капитан стреляет «по обыкновению», посланники отправили, однако, к нему подьячего Ивана Грамотина с приказанием перевести корабль на место стоянки французских, английских и голландских кораблей и из пушек «без дела и безвременно» не стрелять. Памбург переводить корабль отказался и ответил, что корабль стоит в пристойном месте, а из пушек он стреляет «по обыкновению». Через два дня, 11 сентября, вновь приходил пристав с теми же жалобами, на этот раз от самого великого визиря. Визирь велел сказать, что «капитан стрельбу чинит не по обыкновению, как ведется, и почасту стреляет безвременно, и такая де стрельба салтанову величеству неугодна. Да и стоит де тот корабль близко его, салтанских, сараев (дворца), не в указном месте». Посланники возразили, что капитан стреляет не «безвременно», а на вечерней и на утренней зорях из одной пушки «по манеру воинскому, как на кораблях ведется для караулу». Так же стреляют и с других иностранных кораблей. Пристав в ответ указывал, что такая стрельба бывает в открытом море и во время войны: «Корабельное обыкновение, как ведется, он, пристав, знает, и пушечная стрельба для караулу бывает и в барабаны бьют на тех кораблях, которые бывают на море или где в воинском случае. А капитан царского корабля, приехав в чужое государство под самую столицу, чинит стрельбу будто на какую похвалу тому кораблю или себе, не по обыкновению. И то де он чинит зело досадительно». При этом пристав не удержался от осуждения качеств царского корабля: «А корабли им, туркам, не в диковину; и тот корабль, на котором они, посланники, к Царюграду пришли, сделан плоскодон и в морском плавании от волнения будет он небезопасен и неспособен». Посланники

[1] *Устрялов,* История, т. III, стр. 515—519.

Карта Черного моря, изданная Иоганном ван-Келеном в Амстердаме, с посвящением Петру I и аллегорическим изображением его побед над турками.

ПОГАШЕНО

горячо протестовали, говоря, что «и в Российском государстве корабли не в диковину ж, и у великого государя кораблей великих, и средних, и малых множество. А тот корабль, на котором они, посланники, пришли, сделан таким подобием, как ведется, а не плоскодон». Пристав и сам видел его в морском плавании, и перед турецкими кораблями «он в хождении был скор и от волнения морского безопасен». Такого турецкого корабля они, посланники, не видали ни в Керчи, ни в Царьграде; турецкие корабли перед царским кораблем «гораздо плохи и малы». Недаром же ежедневно приезжают смотреть его многие турки и окрестных государств иноземцы; если бы он был плох, то смотреть бы его не приезжали [1].

Разговоры, однако, тем не кончились. На следующий день, 12 сентября, приезжал к посланникам для переговоров о предварительных церемониях по приему посольства «салтанова величества тайных дел секретарь и переводчик», как его титулует статейный список, турецкий государственный деятель, дипломат, писатель и философ, доктор Болонского университета Александр Маврокордато. По окончании переговоров, для которых он приезжал, он поучительно заметил: «Всякое де государство имеет свой закон, и устав, и правление, по которому должны послы, и посланники, и всяких чинов люди, где в котором государстве быть им прилучится, поступать. Однако ж, будучи ныне в государстве салтанова величества, царского величества на воинском корабле капитан стреляет из пушек необыкновенно, ночью поздно, а по утру рано. И салтанову де величеству гораздо то нелюбо, потому что то необычное стреляние есть некоторой великой государственной в государстве турском знак. И чтоб они, посланники, того ему впредь чинить не велели». Посланники привели в ответ Маврокордато объяснение, данное им накануне капитаном, которого они призывали: «Он чинит то стреляние по маниеру воинскому для того: когда солдаты становятся на караул с утра и в вечеру, тогда должно тот маниер ему учинить», причем он ссылался на пример других иностранных кораблей. Маврокордато заметил, что с иностранных кораблей бывала стрельба, когда султана не было в Царьграде, а был он в Адрианополе. «А ныне то стреляние запрещено». Пусть они запретят стрелять и капитану. «В день пусть де стреляет, сколько хочет, только чтоб по утру рано и в вечеру поздно не стрелял, потому что то стреляние есть в Турском государстве некакой государственный знак». Посланники обещали, что если французским и английским кораблям «по маниеру воинскому стрелять будет заказано, то и они капитану стрелять закажут» [2].

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 59—61.
[2] Там же, л. 61 об.—71.

Корабль остался стоять на том же месте, где он с самого начала бросил якорь, против султанского дворца, а то, что на нем случилось через несколько дней, вызвало в Константинополе переполох и панику. Капитану хотели запретить делать по одному пушечному выстрелу на вечерней и утренней зорях. Каково же было всеобщее изумление и беспокойство, когда вдруг совершенно неожиданно в ночь на 25 сентября раздалась с корабля пушечная пальба, которая продолжалась всю ночь. «Сентября против 25-го числа в ночи, — записано в статейном списке, — на корабле великого государя... была из пушек многая стрельба. А учинил тое стрельбу капитан Петр Памбурх собою, без ведома их, посланничья; и приказу их, посланничья, о той стрельбе ему не было».

Рано утром 25-го к посланникам явился тайных дел секретарь Александр Маврокордато для объяснений. Сказав посланникам, что имеет говорить им «некоторую речь», попросив удалить из комнаты бывших при посланниках людей и оставшись наедине с посланниками и с переводчиком Семеном Лаврецким, Маврокордато говорил: «Прошедшей де ночи какой всполох и великая тревога и страхование многим людям ужасное от необыкновенного поступку корабельного их, посланничья, капитана в пушечной ночной стрельбе учинился, чаять де и им, посланником, было слышно. И тем де бешенством и своевольством своим он, капитан, весь народ обоего полу, мужеского и женского, в превеликое ввел страхование и смущение, какого смущения ни которых государств послов и посланников от капитанов корабельных никогда не бывало». Посланники ответили, что они стрельбу слышали, но о причинах ее не знают; хотели было посылать за капитаном, но как раз в это самое время приехал он, Маврокордато. Маврокордато далее спрашивал: как они, посланники, рассуждают, кто, приехав в чужое государство, станет поступать «не по обыкновению того государства, а к тому еще учинит многие досадительства и бесчинства, и с такими бесчинными людьми» как, по их мнению, надо поступать? А их «корабельный капитан — человек бешеный и ума лишенный», не только не хранит честь своего государя, но своим бешенством и бесчинством превеликую досаду и оскорбление учинил «державнейшему и умножительнейшему их императору, его салтанову величеству, от которого внезапного страху в верхних его салтанских сараях многие жены беременные из утроб своих безвременно младенцев повывергли». И сам султан, «сумнився о том необыклом ночном великом пушечном стрелянии, видя такой страх, той же ночи послал к везирю», а визирь отправил его, Александра, к посланникам спросить, «чего тот капитан за такое неистовство достоин. И какой на то ответ ему, Александру, они, посланники, учинят?» Посланники повторили, что не знают, для чего капитан стрелял прошлой ночью, и прибавили, что раньше, как оказалось, капитан стре-

лял для приезжавших к нему на корабль гостей, французов и голландцев, а «впредь обещался для приезжих иноземцев такою пустою пушечною стрельбою не стрелять», а стрелять только на вечерней и на утренней зорях из одной пушки только по одному выстрелу. Маврокордато продолжал: известно ли им, посланникам, что капитан — «человек порочный, из Голландской земли выгнан», для того и поступает так бесчинно, своевольно и неистово? Если бы в нем был разум и постоянство, как у корабельных капитанов других государств, он бы поступал кротко и смирно, и учтиво со всякой честью. «И надобно от такого бешеного и непостоянного человека на обе стороны иметь опасение». Посланники возражали, что капитан принят в царскую службу в Голландской земле вместе с другими такими же как «доброповеренный человек», в службе он оказался верным, никакого непостоянства и «шатости» они, посланники, за ним не видали. Назначен он к ним на корабль везти их в Царьград как наиболее сведущий среди морских капитанов, в пути до Царьграда «бесчинства никакого не чинил, и порока за ним никакого они не ведают, и выгнан ли он за что из Голландской земли, они не знают». Маврокордато не переставал порицать капитана: «Унять его, как он видит, им трудно, потому что и прежний их приказ он презрел. . . и учинил бедство и неистовство больше прежнего». Надо им против него изобрести какой-нибудь способ «для того, что он человек без разума и пребывает в шалости, и в шатости, и в непрестанном пьянстве», ходит к послам других государств, «а именно ко французскому и к голландскому и, напився у них до пьяна вина горячего и иного питья, лает и поносит государство их, чего больше терпеть им невозможно. И за такие его неистовые поступки достоин он, капитан, всякого жестокого наказания. А те послы, видя его шалость и пьянство, поят его нарочно». Посланники просили, чтобы султан ту пушечную стрельбу «положил на милость», и обещали, что прикажут капитану «о учтивом житии и поступках» и смотреть за ним будут; теперь же, призвав его с корабля, обо всем расспросят и, что он скажет, сообщат Маврокордато. Маврокордато окончил разговор заявлением, что «пришел он к ним, посланником, якобы с небольшим выговором, только отходит от них с радостию для того, что слышит от них слова благоразумные и к настоящему делу согласные и ко исправлению капитанскому впредь потребные». Об этом, сказал он, будет донесено визирю и самому султанскому величеству [1].

Простившись с Маврокордато, посланники тотчас же отправили подьячего Ивана Грамотина на корабль с приказанием капитану немедленно явиться на посольский двор. Но не успел подьячий выйти с посольского двора, как с корабля раздалась

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 93—98 об.

опять сильная и продолжительная пушечная пальба. Во дворце опять всполошились. Маврокордато прислал своего казначея, а за ним племянника с упреками и с угрозой от султана взять царский корабль «за караул», для чего уже приготовлены люди. Посланники вслед за первым посланным, Грамотиным, отправили за капитаном переводчика Степана Чижинского и подьячего Бориса Карцева. Но привести капитана оказалось нелегко. Иван Грамотин вернулся уже к вечеру, «в отдачу дневных часов», и докладывал посланникам, что «как де он приехал на корабль, и в то де время у капитана сидели два человека иноземцев и с ним пили. И он де, Иван, ему, капитану, говорил, чтоб он ехал к ним, посланником, на посольской двор. И капитан ему, Ивану, сказал, что он к ним, посланником, поедет, и, напився пьян, лег спать. И он де, Иван, его, капитана, будил многажды и розбудить его не мог для того, что он спал пьян без памяти, и сержанты де и солдаты сказывали ему, Ивану, что с теми двемя иноземцами почал он, капитан, пить вчерашнего дня с полудня и пил во всю ночь и сего дня по весь день, также и ис пушек стрелял во всю ночь. Да и при нем, Иване, он, капитан, из пушек стрелял же». После Грамотина возвратились на посольский двор вторые посыльные, Степан Чижинский и Борис Карцев, и докладывали: «Как де они на корабль пришли, и в то время капитан Петр Памбурх спал, и они его будили ж и добудиться не могли долго. А сержант и солдаты сказывали им, что он, капитан, с гостьми, с иноземцами, вчерашнего дня с полудня и во всю ночь и сей весь день пил и во всю ночь с воскресенья на понедельник ис пушек стрелял и теперво спит пьян же. И они де... дожидались того на корабле, покамест он проспится, многое время до самого вечера и, видя, что день преклоняется к вечеру, насилу его разбудили и звали к посланником. И он ж де, лежа на постели, им сказал, что он ехать не может, потому что пьян. И они де ему говорили, чтоб он, капитан, ни днем, ни ночью из пушек не стрелял. И он де, капитан, приподняв немного голову, лежа на постели, говорил им чрез толмача, что он из пушек стрелять не станет». К этой записи статейный список эпически спокойно добавляет: «И после тех посылок того ж числа в вечеру и на другой день с утра рано с того корабля из пушек он, капитан, стрелял»[1].

26 сентября за капитаном опять был послан Иван Грамотин, но Памбург и на этот раз не поехал, отговорившись тем, что у него болит нога и бок, и послал вместо себя подштурмана и матроса. На вопрос посланников, почему капитан к ним не явился, подштурман и матрос сказали: «Третьего де и вчерашнего дня были у него гости, и с теми де гостьми он пил и теперво едва жив с похмелья». Только после второй посылки

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 100—103 об.

опять переводчика Чижинского и подьячего Карцева капитан пришел на посольский двор. На вопросы и укоры посланников он ответил, что не был у них «для того, что были у него... французы и венецыяне и с ними пил и во пьянстве стрелял ночью и в день и в том просит он у них, посланников, прощенья, а впредь стрелять не будет». Посланники выговаривали ему, заметив, что, если бы даже у него в гостях были сами послы французский, голландский и английский, и тогда ему безвременно из пушек стрелять и тем на себя наводить султанский гнев не следовало.

Дело, однако, грозило принять серьезный оборот. Турецкое правительство распорядилось об аресте корабля, для чего к кораблю приехало на 24 каюках человек 200 янычар. Посланникам стоило немалого труда уладить дело в переговорах с Маврокордато, явившимся к ним вновь от великого визиря 26 сентября с известием, что корабль «велено взять за караул и держать за караулом» на все время пребывания посланников в Константинополе, а капитана удалить с корабля и держать на посольском дворе. Маврокордато передал, между прочим, посланникам о своем разговоре с голландским послом, который ему сообщал, что когда капитан начал на корабле ночью пальбу, то «на Галате женской пол в великом страху был и кричали так: горим, горим!». Посланникам ничего не оставалось более, как рассказать ему, что капитан просил у них прощения и больше стрелять не будет, и просить, чтобы султан изволил «вину ему отдать и положить на милость», «потому что то он учинил во пьянстве и причесть бы то к глупости его и к пьянству, а не к иному какому делу». Маврокордато, однако, заявил, что с таким ответом ему к визирю «придти не с чем», и салтаново величество доволен не будет. Какое в том капитану оправдание, что учинил он «пьянским обычаем»? Если бы человек убил человека до смерти, а после бы сказал, что учинил то во пьянстве, можно ли такого убийцу помиловать от смерти? Как они, посланники, размышляют? Можно ли такому великому государю, его султанову величеству, «в таких досадительствах и своевольствах тому худейшему человеченку и пьянице больше терпеть? А обещанию его, что обещался впредь того не чинить, верить нечему», потому что он и прежде обещался и того обещания не исполнял. Султан приказал корабль взять «за караул», а капитана с корабля сослать и держать на посольском дворе. Для того были посланы янычары, но им на корабле оказали сопротивление: царские ратные люди стали против них с ружьем, и неизвестно, что еще из этого произойдет. И поэтому, конечно, надобно им, посланникам, того капитана смирить не словами только, но самым делом, «чем бы тот роспалительной огнь могл быть утушен, не допуская больше к пространному разжиганию». Если гость в чем неугоден будет хозяину или какое зло ему причинит, что ему за это будет?

«А салтаново величество — государь великий и славный, и самовластный; такому праху земному и пьянице непотребному за такие досадительства и ослушания како возможет утерпеть в злых его поступках? И чтоб они, посланники, той разжигательной ране дали свое целительство, которое б могло его салтанова величества гнев обратить в милость». Капитана за его поступки не только с корабля взять доведется, но он достоин жестокого наказания. Отговоркам и ссылкам на обычаи в других странах верить нельзя; да если бы где такие обычаи и были, то они султанову величеству в государстве его не образец. «И когда де его салтанову величеству такое дело показалось неугодно и непотребно, то надобно его отставить, а противного не делать, потому что де салтаново величество в своем государстве, как на сухом пути, так и на воде, самовластен, что хочет, то и чинит».

Посланники ответили, что они «ни в чем воле и указу салтанова величества не противятся и противиться им в таких делех не належит... а на ту рану, которую учинил капитан, пластырь то, чтоб салтаново величество тому капитану изволил вину его отдать и положить на милость, а он, капитан, впредь так дерзновенно чинить и из пушек в день и по ночам стрелять не будет». Но они решительно протестовали против ареста корабля и удаления с него поставленного самим царем капитана: «А что де его салтаново величество указал великого государя корабль взять за свой караул, также и его, капитана, с того корабля сослать, и лучше де им, посланником, смерть принять, нежели тот корабль с того места свесть, где он стоит, и быть ему за караулом салтанова величества, понеже было б то у иных послов и посланников в великом посмеянии». А если бы находящиеся на корабле царские ратные люди «во время того взятия под арест стали бы биться из ружья, от того бы вящая беда учинилась и кровь человеческая многая напрасно бы пролилась». Поэтому посланники просили янычар, присланных арестовать корабль, от корабля отвести и капитану его поступок, учиненный «пьянским обычаем, а не с хитрости какой», простить, так как он чести обоих государей не касается и делу повредить не может. Капитан более стрелять не будет. Если ж «учинится ослушен и стрелять не перестанет, тогда они велят взять его с корабля к себе на посольский двор за караул и к наказанию его сыщут иной способ». И тут же при Маврокордато вновь послали на корабль переводчика Чижинского и подьячего Карцева с решительным запрещением капитану, «чтоб отнюдь впредь никогда стрельбы с корабля не чинил». Маврокордато, выслушав возражения посланников и видя, что посылают к капитану, «говорил, что они, посланники, учинили то добро и салтанову величеству будет та посылка угодна. Только знает он подлинно, что тем их, посланниковым, словесным запрещением... салтан и везирь не удовольствуется,

разве что он, Александр, скажет везирю так, что тот капитан за такое салтанову величеству многое досадительство от них, посланников, наказан». Посланники ответили, что «возможно салтанову величеству, также и везирю, то все вменить ему, капитану, в глупость и во пьянство, и чтоб он, Александр, его салтанову величеству и везирю по совести христианской о том донес, приводя их ко всякому благополучному поведению». На этом разговор закончился; дело было улажено. На следующий день Маврокордато прислал своего племянника сказать, что о словах посланников он донес визирю; капитан вечером и утром не стрелял, «и тем де салтаново величество и великий везирь удовольствовались, и чтоб то впредь было не пременно», т. е. без изменений [1].

Соглашение, однако, не осталось «непременным». В ночь на 9 октября после султанской аудиенции посланникам капитан опять стал палить из пушек, чем вновь вызвал неприятные для посланников объяснения с угрозами со стороны турецких властей посадить Памбурга в тюрьму. Приняты были меры надзора. На корабль по приказанию визиря был отряжен ночевать особый наблюдатель, капычи-баша, который должен был смотреть за капитаном, с тем, что если капитан станет стрелять, то ему, капычи-баше, будет отрублена голова [2].

II. ПЕРЕГОВОРЫ О ТОРЖЕСТВЕННОМ ПРИЕМЕ ПОСОЛЬСТВА

Эпизод с «безвременною» пушечною пальбою грозил затормозить ход начавшихся уже переговоров. Первые переговоры касались тех церемоний, которыми должен был быть обставлен торжественный прием посольства, причем Украинцев и Чередеев, как и все русские посланники в XVII в., оберегая честь своего государя, считали своей обязанностью по поводу отдельных моментов приема делать ограждающие эту честь оговорки. Заметно, однако, что оговорки делались более ради формы, и посланники, предъявив их, затем довольно податливо уступали.

Переговоры начались 12 сентября и велись специально приехавшим для этого в посольство Маврокордато. Маврокордато открыл беседу заявлением о своей готовности помогать посланникам и перешел затем к воспоминаниям о Карловицком съезде, где он также помог царскому послу в заключении перемирия. «Он по ревности христианской в приключающихся делах всякое вспоможение готов есть им чинить. Да и на прошлом де Карловицком съезде царского величества послу во

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 104—115.
[2] Там же, л. 149—151, 154 об. — 158 об.

учиненном двулетнем перемирье всякое вспоможение он чинил. Также и иных христианских государей послом и посланником» он помогает, докладывая султану и визирю по их делам, «а здешние де начальники в том ему верят и всякие посольские дела отправляет он обще с рейз-эфендием». Этими словами он как бы рекомендовался посланникам, вступая с ними в личное знакомство. Посланники с своей стороны сочли необходимым заявить, что его служба великому государю известна, и просили его и впредь так же служить. Маврокордато сказал, что султан и великий визирь, узнав о прибытии посланников в Царьград, весьма обрадовались, и поэтому он надеется, что порученные им дела будут следовать добрым порядком, и, заметив, что о «предлежащих делах» надобно им говорить «истинным сердцем и самою правдою», с чем и посланники согласились, он, переходя к делу, спросил посланников, есть ли у них полномочная грамота и как она написана, на обоих или на одного. Узнав, что грамота есть и написана на обоих, он попросил ее показать. Посланники отклонили эту просьбу, возражая, что полномочные грамоты предъявляются «на разговорах», т. е. на конференции посланников с теми уполномоченными, которые будут назначены вести с ними переговоры. Маврокордато настаивал на своем: «Надобно де всякие дела рассматривать заранее, чтоб во время посольства никаких препон ни в чем не было и чтоб они безо всяких отговорок царского величества полномочную грамоту на себя показали». Посланники возразили: султанову величеству о посланнике, какого он чина и как его зовут, известно по той грамоте, которая прислана ранее. Но Маврокордато продолжал настаивать, говоря, что в той грамоте, которая прислана ранее, написан посланник только один, а в приезде их двое, и потому он спрашивает посланника, дано ли «полномочество» и на товарища его. Посланники уступили и показали грамоту [1].

Затем обсуждался вопрос о порядке представления посланников султану и визирю. Посланники потребовали, чтобы сначала они были представлены султану, а потом уже визирю, причем, чтобы царскую грамоту изволил бы принять у них сам султан, «а никто б той грамоты из рук у них не вырывал». Эти требования о представлении сначала султану, а потом визирю, как и о том, чтобы никто не вырывал из рук у посланников грамоты, были предписаны посланникам данным им тайным наказом [2]. Маврокордато указал, что «всякое государство имеет свой закон, и право, и устав, и основание» и что при турецком дворе всех государей послы: от цесаря, от королей английского, французского, от индейского и персидского шаха сначала бывают у визиря, и визирь, приняв у них грамоту, написанную на

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 61 об. — 65.
[2] Там же, Дела турецкие 1699 г., № 4, л. 53—79, статья 20.

Босфор и окрестности Константинополя.

Деталь плана Константинополя, составленного Дмитрием Кантемиром и гравированного А. Зубовым в 1720 г.

его имя, доносит султану, и потом те послы бывают на другой день на приеме у султана, «перед салтана бывают вводимы со всякою честью, а грамоты в руках держат». И когда они произнесут султану речь, тогда у них грамоты берет с учтивостью капычи-баша и отдает из рук в руки кубе-визирям, а те кубе-визири, принимая друг от друга, отдают великому визирю, а великий визирь подносит ее султану и кладет на подушку. «А вырывают де перед салтаном из рук грамоты у таких послов, которые, здешнего чина не ведая, спорят». Посланники пытались возражать против этого порядка: великому государю не только из разных ведомостей, но и из писем прежде бывших послов и посланников известно, что всегда, как царские послы, так и цесарские, французские и иные бывали сначала у султана, а потом уже у визиря. Маврокордато заметил, что «то царскому величеству донесено неправдою»; он сам представляет, «приводит», всех послов и посланников, и прием происходит именно так, как он говорил. Посланники продолжали стоять на своем, что им сначала быть у визиря невозможно, и требовали, чтобы Маврокордато донес о том султану; но Маврокордато отказывался: он о том доносить не смеет и опасается султанского «подивления», как он, секретарь, зная «закон и устав государства Турского и свое полномочество в приводе послов к салтану», доносит о непристойном и «для чего он посланникам не сказал, какое у них обыкновение в приеме посольском бывает». Посланники уверяли его, что ему «за то никакого салтанского гнева и от везиря мнения не будет», и просили сослаться на них, посланников, что они домогаются того, чтобы им быть прежде у султана, а потом у визиря. Маврокордато обещал донести визирю и их уведомить и, действительно, на другой день их уведомил об отказе визиря отступать от старого обычая, и посланники должны были уступить и согласиться. В заключение разговора 12 сентября посланники сделали замечание относительно дома, который им был отведен. До этого царские послы стаивали в греческой слободе, а не в том месте, где ныне они, посланники, поставлены. Маврокордато успокаивал их: «чтоб они о том никакого сумнения не имели, потому что поставлены они в дому в палатах знатного и честного человека, а прежде де сего царского величества послы и посланники стаивали не на таких дворех и не в палатах, но в домех небольших греческих». Выслушав это заверение, посланники сказали: «Когда де он, секретарь, говорит. . ., что они поставлены в честном и в знатном дому и не для какого утеснения и бесчестия, и в том они ему по христианству верят». Взаимно были высказаны любезности. Секретарь говорил, что «по ревности христианской, в которой он пребывает без всякого сомнения, имеет он всегда в делех великого государя. . . тщание и радение и впредь имети будет по возможности своей. И посланники говорили, что о том его доброжела-

тельстве великому государю... известно, и чтоб он, секретарь, их, посланников, ныне в приключающихся делех не покинул и всякое вспоможение им чинил. И секретарь говорил, что он то вспоможение им, посланником, чинить готов»[1].

16 и 17 сентября приезжал к посланникам от Маврокордато его шурин Дмитрий Хрисокулий, чтобы сообщить, что прием у визиря назначен им на 18 сентября, и условиться о дальнейших деталях приема. В переговорах с ним посланники требовали, чтобы визирь принял у них царскую грамоту стоя и чтоб им, посланникам, сидеть с визирем на софе, и спрашивали: когда они к визирю в палату войдут, в то время визирь в той ли палате будет или придет после их, посланников, из другой палаты. Дмитрий отвечал, что визирь войдет из другой палаты после их, посланничья, прихода. Сидеть они будут на софе подле визиря. Грамоту примет у них государственный канцлер рейз-эфенди и будет держать во все время приема. На замечание посланников, что прежде грамоту принимал визирь сам, Дмитрий возражал: «Знатно де прежние... послы и посланники царю доносили неправдою»; не только у царских, но и у всех послов христианских государей визирь сам грамот не принимает, а принимает канцлер. Александр Маврокордато сказал им правду, лгать ему в том нечего, узнают посланники и сами, что и цесарскому послу будет такой же прием. Посланники согласились. На вопрос их: как бывают у султана и у визиря цесарские, французские, польские и английские послы, в шляпах или без шляп, Дмитрий ответил, что в шляпах; так же и им надлежит отправлять посольство, не снимая шапок; подозрения на них за то от блистательной Порты не будет. Дмитрий сообщил посланникам, что за ними, чтобы везти их к визирю, пришлют 27 лошадей с чаушами, тогда как за прежними послами присылалось 20 лошадей. Посланники просили, чтобы лошади присланы были, как прежде бывало, с чауш-башою (офицером), но Дмитрий заметил, что с чауш-башою лошадей к ним пришлют, когда их повезут к султану, а на прием к визирю лошади будут с чаушами. Заканчивая разговор 16 сентября, Дмитрий сообщил посланникам, что «завтра (17 сентября) у везиря будет святейший патриарх царегородский и везирь де велит на него надеть кафтан». На вопрос посланников, «для чего де он, святейший патриарх, завтра у везиря будет и какое ему у него, везиря, бывает почитание», Дмитрий рассказал: «Напред де сего святейшие патриархи во время обрания своего на патриаршеской престол вхаживали в салтанской диван пред везиря в мантиях и с посохами и в том диване сиживали они, святейшие патриархи, в первом месте. А ныне де то отставлено, и у везиря бывают они временем и то в дому его везирском, а не в диване. И входят они к нему, везирю, в палату в одних

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 65 об. — 73 об.

исподних рясах и без посоха, а мантию верхнюю с себя снимают и с посохом отдают архидиаконом в сенях, а в палату перед везиря не входят. И при нем, везире, во время своего бытия они, святейшие патриархи, не садятся, всегда стоят. А когда де они ж, патриархи, приносят к нему, везирю, обыкновенную дань, и тогда надевают на них и кафтаны». В заключение разговора 17 сентября посланники говорили Дмитрию, что «они у везиря завтрашнего дня быть готовы; а что де они, посланники, по се время к нему, Александру Маврокордату, ни с чем не отозвались, и за то б на них никакого сумнения он не имел для того, что еще они, посланники, здесь, в Цареграде, не осмотрелись», но Дмитрий их уверил, что Александр «желает того, чтоб у великого государя... с салтановым величеством учинен был вечный мир. А кроме того иного ничего от них, посланников, он не требует» [1].

III. ПРИЕМ ПОСЛОВ ВЕЛИКИМ ВИЗИРЕМ

Прием посольства у великого визиря состоялся в назначенный день. «Сентября в 18 день,—читаем в статейном списке,— в 5-м часу дня (т. е. в 10-м часу утра) приходил к посланником пристав, капычи-баша, и говорил, что быть им, посланником, сего числа у везиря после полудня и прислан будет к ним от него, везиря, эминь-Магмет-ага с чаушами и чтоб они, посланники, к тому времени ехать к везирю были готовы. И посланники сказали, что они к тому времени ехать к везирю будут готовы. А после того приказывали к посланником с дворянином с Васильем Даудовым он же, пристав капычи-баша да чурвачей, который у них, посланников, стоит на карауле, чтоб того эминь-агу и чаушей и конюхов, которые подводить будут им, посланником, лошадей, они, посланники, велели подарить, чем пристойно. И посланники чрез него ж, Василья, приказали к ним, приставу и чурвачею, что того эминя-Магмет-агу и чаушей дарить им ничем не за что и не доведется, потому что присланы они будут к ним от везиря по его, везиреву, велению, а не по их, посланничью, хотению. Да и у великого де государя их, у его царского величества, окрестных государей послы и посланники его царского величества стольников, которые к ним для почести присылаются, ничем не дарят же; и те стольники того у них не домогаются. А конюхом де, которые им, посланником, салтанских лошадей подводить будут, они, посланники, за труды их велят им дать, что доведется по рассмотрению. И капычи-баша и чурвачей ему, Василью, сказали, что они то предают на их, посланничье, рассуждение» [2].

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 77—81 об.
[2] Там же, л. 82—82 об.

«И того ж числа после полудня пришел к посланником капычи ж баша и сказал, что прислано с салтанской конюшни под дворян и под иных чиновных людей с чаушем 27 лощадей с седлы и во всем конском наряде. А для де чести их, посланничей, прислан будет к ним, посланникам, салтанова величества честной знатной человек чауш-баша Мустафа-ага, а с ним вышеупомянутой эминь-Магмет-ага да китяп-ага с чаушами и приведены будут с ними под них, посланников, особые две лошади в добром конском наряде. И немного помешкав, приехал на посольский двор чауш-баша Мустафа-ага и эминь-Магмет-ага да китяп-ага в больших чалмах, а с ними чаушей диванских со 100 человек и привели за ними две лошади салтанские в добром конском наряде и под чепраки шитыми золотными. А взъехав на двор, стали они на лошадях около крыльца, а к посланником в палаты не пошли. И прислал к посланником чауш-баша, чтоб они ехали с ним, чауш-башою, к везирю. И посланники, вышед из палаты и сшед с крыльца на рундук, спрашивали о здоровье чауш-башу, а чауш-баша спрашивал о здоровье их, посланников. И седчи на лошади, поехали с двора. Напреди ехали чауши диванские, а за ними пристав и чурвачей, да эминь-Магмет-ага, да китяп-ага. А чауш-баша ехал с двора с чрезвычайным посланником, с думным советником по левую сторону и едучи говорил, что с иными послы чауш-баши ездят по правую сторону, а он, чауш-баша, для почести едет с ним, посланником, о левую сторону. И чтоб он, посланник, ехал с товарищем своим вместе, а он де, чауш-баша, поедет напреди. И посланники ехали вместе, а чауш-баша ехал перед ними. А дворяне, и переводчики, и подьячие, и толмачи, и люди посольские ехали за посланниками. А по обе стороны около посланников и напреди шли янычаня со сто человек с батошками. А великого государя его царского величества грамоту к везирю до его везирского двора и на двор вез Посольского приказу подьячей Лаврентий Протопопов в камке за пазухою» [1].

«И как посланники приехали к везиреву двору, и у того двора перед вороты по улице и на переднем дворе по обе стороны стояли янычаня с триста человек без ружья с батошками и при них начальные их люди в платье турском. И, приехав к везирю на двор, чауш-баша и посланники ссели с лошадей у крыльца, а дворяне и посольские люди, и эминь-Магмет-ага и китяп-ага, и пристав, и чурвачей с лошадей ссели среди двора, а чауши у ворот [2], и от крыльца возле палат с правую сторону стояли капычейские головы в ферезеях бархатных и суконных собольих, а на крыльце и в сенях аги и иные началь-

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 83—84.

[2] На полях статейного списка в этом месте сделана приписка: «К везирю на двор двои ворота, и чурвачеи и чауши ссели с лошадей на переднем дворе у ворот».

ные люди. И, сседчи с лошадей у крыльца [1], велели посланники великого государя его царского величества грамоту несть подьячему перед собою явно в камке, а дворянам и всем чиновным людем итить велели за собою. И как посланники вошли в сени, что перед везиревою палатою, и в дверях сенных встретил их салтанова величества ближней секретарь Александр Маврокордат и, поздравя посланников, пошел в палату везирскую перед посланниками».

«А вшед в палату, сели посланники на софе близ везирева места на уготованных скамейках [2], бархатом червчатым обитых. А везиря в то время в той палате не было. А Александр Маврокордат стоял. А как они, посланники, сели, и из другой палаты вышел государственной канцлер рейз-эфенди, а за ним шел великий везирь. И посланники тогда встали. И взошед он, везирь, на софу сел на ковре в углу междо двемя подушками бархатными золотными. А посланником велел он, везирь, сесть же на тех же скамейках. А против его, везиря, во всю их, посланничью, бытность, стояли с правую сторону рейз-эфенди, а с левую сторону янычар-агасы, да чауш-баша, и кегая, и тефтедарь, и иные ближние салтанские люди, и было в той палате всякого чину с 200 человек. Кафтан на нем, везире, был соболий под изуфью, чалма зеленая. И опричь посланников, с везирем никто не сидел» [3].

«А как везирь сел на место, и тогда чауши кричали ему виват трижды. И, посидев немного, посланники встали, и, не снимая шапки, говорил думной советник и наместник каргопольской Емельян Игнатьевич везирю речь такову: Пресветлейший и державнейший император и великий государь божиею милостию царь и великий князь Петр Алексеевич, всеа Великие и Малые и Белые России самодержец и многих государств и земель восточных, и западных, и северных отчич, и дедич, и наследник, и государь, и облаадатель, его царское величество, прислал к тебе, Блистательной Порты к великому везирю Хусейн-Азем-паше, свою царского величества грамоту и указал высочество твое поздравить. А как тое речь переводчик Семен Лаврецкой с русского на латинской, а Александр Маврокордат с латинского на турской везирю изговорили, и дьяк Иван Чередеев, приняв великого государя его царского величества грамоту у подьячего в камке, поднес ему, думному советнику. А думной советник Емельян Игнатьевич, приняв ее у него, дьяка, поднес везирю. И везирь царского величества грамоту принял у него сам, сидя, и положил подле себя с правую сторону на подушке и говорил, что за присылку той великого государя царя Московского всеа Великие и Малые и Белые России грамоты и за поздравление он, везирь, ему, великому государю, благо-

---

[1] На полях статейного списка: «на нижнее крыльцо».
[2] На полях статейного списка: «стулах, прикрытых бархатом».
[3] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 84—85.

дарствует и приемлет то с любовию радостным сердцем и приездом их, посланничьим, веселится и желает во врученных им делех доброго начатку и счастливого окончания. А из грамоты де царского величества о делех выразумев, он донесет салтанову величеству и обещается им с своей стороны исходатайствовать у него, салтанова величества, бытие на приезде с грамотою царского величества и очи его видеть без замедления. И посланники говорили, что за доброжелательство его, великого везиря, они ему благодарствуют и сами того желают же, дабы доброначатое дело, обоим государствам прибыльное, восприяло совершенство благое и чтоб по его, везиреву, ходатайству быть им у салтанова величества на приезде и о делех обоих великих государей и государствам их належащих донесть вскоре. И везирь говорил: о том де он радеть будет. А когда им у салтанова величества быть, и о том ведомо им будет впредь».

«А потом посланники говорили, что они по милости салтанова величества и по его, велеможного везиря, повелению на рубеже под Керчью приняты и в царствующий град припровавежены со всякою честию, и пристав капычи-баша в приеме их, посланничье, и в дороге чинил им всякое почитание и благоприветствование, и за то они салтанову величеству челом бьют, а ему, велеможному везирю, благодарствуют. И везирь говорил, что та честь воздана им по чину посольства их. И спрашивал везирь, как де они, посланники, ехали Черным морем? Потому что времянем бывает то море неспокойно, и давно ль они от Азова поехали, и в сколько дней от Керчи к Царюгороду поспели? И посланники говорили: ведают де они и сами, что пучина Евксинопонтская времянем бывает неспокойна. И хотя де им на ней была от волнения по два дни трудность, однако по милости божии за счастием благочестивого великого государя, его царского величества, ту Евксинопонтскую пучину от Керчи кораблем царского величества преплыли и в Царегородское гирло пришли в пятой день. А от Азова поехали июля в последних числех».

«И после того подносили посланником конфекты на блюдах малых и пить кагве (кофе) и шербет, и подавали из маленьких серебряных кушинцев умывать руки и окуривали благовонием. А по курении велел везирь на посланников надеть кафтаны золотные, так и на дворян и на иных чиновных людей, всего на 23 человека кафтаны надели ж. А потом говорил везирь, чтоб они, посланники, ехали к себе на посольской двор. А когда им быть у салтанова величества на приезде, и о том ведомость им учинена будет в ыное время впредь».

«И посланники, встав и поклонясь по обычаю везирю, пошли из палаты. Провожал их тот чауш-баша Мустафа-ага, которой по них, посланников, приезжал на посольской двор в сени и, поздравя посланников, пошел к везирю. А Александр Мавро-

кордат провожал посланников до прежнего встречного места — до дверей сенных. И посланники спрашивали его, Александра, для чего тот чауш-баша не провожает их, посланников, до посольского двора? И Александр сказал: такие де особы честные только приводят к везирю и к салтану послов с посольского двора, а на посольской двор никогда не провожают. А те де особы называются кубе-везири, которых есть 9 человек, а проводят де их, посланников, до посольского двора эминь-Магмет-ага с чаушами. И провожали посланников из палат до крыльца и с везирева двора на посольской двор эминь-Магмет-ага с чаушами, да Александров шурин Дмитрей Хрисокулий. А по обеим сторонам около посланников шли янычаня. И, приехав на посольской двор, были те аги и чауши у чрезвычайного посланника, у думного советника в палате и, вшед, поздравляли посланников бытием у везиря. И посланники против прежнего поведения эминь-агу и товарыщев его двух агов же велели было подарить собольми и те соболи им подносили. И они тех соболей не приняли, а сказали, что того ныне принять им не доведется для того, что они, посланники, не были еще у салтанова величества. А как они, посланники, будут у салтанова величества на приезде, и тогда они, аги, по провождении их, посланников, от салтанова величества на посольской двор те подарки у них, посланников, примут. И посланники, подчивав тех агов, отпустили» [1].

IV. АУДИЕНЦИЯ У СУЛТАНА

Как мы видели выше [2], в разговоре с шурином Маврокордато Дмитрием Хрисокулием посланники просили его передать Александру их извинение в том, что они ни с чем еще к нему *«не отозвались»,* потому что в Царьграде еще не осмотрелись. На следующий день после приема у визиря они сочли уместным «отозваться», отправив к Маврокордато с поздравлением переводчика Семена Лаврецкого и старого подьячего Лаврентия Протопопова, с которыми послали «к нему, Александру, в почесть за его труды и что он в делех великого государя обещался им чинить всякое вспоможение чашу большую серебреную чаю, да на блюдах пуд икры армянской, да сорок соболей в двести рублев». Приняв подарки, Маврокордато ответил посланникам широковещательными комплиментами и говорил Лаврецкому и Протопопову, «выхваляя их, посланников, что де они удостоились у всего народа турского всякие чести и похвалы» по трем причинам: 1) что они присланы в посольство от великого государя, «которого превеликая хвала и храбрость процвела

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 85—88 об.
[2] См. стр. 27.

во всю вселенную», 2) «что они в своем посольственном поведении и поступке явились благоискусны и доброчинны и посольство свое пред великим везирем правили зело изрядно и достохвально», 3) что они «ныне в государстве салтанова величества суть яко гости благоприятные и любимые», потому что приехали они для доброго для всего христианства дела, для заключения мира, о чем радуется не только весь народ греческий, но и турки тому веселятся. А особенно «весь народ греческого закону радуется ж и веселится приездом их, посланничьим, что они присланы от великого государя. . . единоверного и православного, восточной церкви греческого закона блюстителя и подражателя и оборонителя, единого под солнцем на всей земле сияющего государя», от которого они ждут «в вере и в действах церковных от бусурманской тягости ходатайством и заступлением их, посланничьим, облегчения и вспоможения». Сверх того Маврокордато прибавил, «что де та их, посланничья, к нему присылка не токмо ему есть благоприятна, но и впредь детем и наследником роду его будет навеки славна и памятна» и что он готов «служить и радеть великому государю истинным своим сердцем и душою». Маврокордато и материально не остался у посланников в долгу. 20 декабря он прислал им в подарок с своим казначеем «погребец вина виноградного нового и в двух кувшинах шербету», а во время болезни Е. И. Украинцева в начале января 1700 г. присылал ему «разные уготованные сахары». В том же роде подарок, сорок соболей в 270 рублей и большая серебряная чаша чаю китайского, был отправлен посланниками государственному канцлеру рейз-эфенди, «чтоб он в делех мирных. . . чинил посланником всякое вспоможение». Это, может быть, был ответ на то внимание, которое оказал посланникам рейз-эфенди вскоре по их приезде в Константинополь, прислав к ним с своим дворецким «всякие овощи и розные цветы на 74 блюдах и веках (род блюда)» [1].

3 октября к посланникам явился племянник Маврокордато Дмитрий Юрьев сын Мецевит с известием, что прием у султана назначен им на 8 октября. Маврокордато велел им сообщить тайно, чтобы они «ни в чем сомнения не имели, потому что о том о всем имеет тщание он, Александр, как бы им паче иных учинена была честь»; если они имеют что-нибудь заявить, пусть заявят. Посланники предъявили несколько условий, касающихся ритуала приема: во-первых, обычное в этих случаях московское требование, чтобы у султана в этот день ни на обеде, ни на приеме других послов или посланников не было; далее, чтобы им, посланникам, «свободно было итти» в ту палату, где будет сидеть султан, и никто б за руки их не держал; также, чтоб и царской грамоты у них никто из рук не вырывал.

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 88 об. — 90, 352 об., 414, 1292 об., 1290.

Константинополь.
Деталь плана, составленного Дмитрием Кантемиром и гравированного А. Зубовым в 1720 г.

И Дмитрию Мецевиту посланники повторили вопрос, с каким они обращались к Маврокордато: «Для чего они поставлены не в Фонарской улице, где всегда были царские посланники ставливаны?» Мецевит объяснил, что султанский указ о приготовлении двора для посланников пришел к Маврокордато из Адрианополя, где тогда был султан, и по приказу Маврокордато искал двор для посланников он, Мецевит, и иного «способного и пространного двора», кроме этого, не сыскал. В Фонарской улице стоять им было бы невозможно, потому что поблизости там султанский двор, и поэтому им пришлось бы держать окна всегда закрытыми; у живущего там польского посла окна всегда закрыты; да и дворы там маленькие. «И чтоб они в том, что поставлены на этом дворе, сомнения никакого не имели». Посланники говорили, что сомнения они в том не имеют, «только спрашивают, для чего они не в прежнем месте поставлены».

Для разрешения разных других вопросов ритуала Мецевит являлся к посланникам еще 6 и 7 октября. Было условлено в результате этих переговоров, что посланники, войдя в палату «пред салтана», поклонятся ему рядовым поклоном и будут «править посольство», не снимая шапок. Маврокордато обещал, что царской грамоты «из рук у них никто вырывать и за руки их держать с невежеством не будет, а будут держать их под руки с учтивостью». С посланниками должно быть четверо дворян. Посланники возражали и говорили, что всегда раньше бывало с посланниками на султанском приеме дворян десять человек, а теперь должно быть пятнадцать. Турки согласились на десять. По просьбе Маврокордато посланники доставили ему текст приветственных речей, которые они будут говорить перед султаном, заключавшихся почти исключительно в перечислении титулов обоих государей с пышными эпитетами. Турки потребовали речи эти сократить, вместо двух речей произнести одну и имени его султанского, *«Мустафа»,* в речи не называть. На возражение посланников Мецевит им разъяснил, что называть султанского имени в речи, произносимой перед ним самим, и тем его возносить не для чего, он де про себя сам знает, как его зовут. Сопровождающий посольство чауш-баша (по объяснению сделанной на полях статейного списка отметки: «розрядной боярин, которой ведает всех чаушей») поедет, по здешнему обыкновению, по правую сторону посланников. Посланники просили передать Маврокордато благодарность за его уступку в вопросе о числе дворян свиты, согласились говорить краткую речь, если послы и посланники иных государей говорят краткие речи, а относительно стороны, которой будет держаться сопровождающий их чауш-баша, заметили, «что они здешнего поведения не знают, а учинят то по предложению его, Дмитриеву» [1].

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 118—120 об., 123—128 об.

8 октября состоялся прием посольства у султана. За два часа до рассвета приведены были на посольский двор лошади с султанской и визирской конюшен, а «в отдачу дневных часов» приехали чины, назначенные сопровождать посланников, и посольство выехало таким же великолепным и многолюдным поездом, каким ехало к визирю. «На переди ехали чауши, а за ними пристав и чурвачей, на голове у него в челме было перо великое. А за тем ехали эминь-Магмет-ага да китяп. А за ними перед посланниками вез великого государя грамоту в камке подьячей Лаврентей Протопопов. А великого государя за грамотой ехали посланники вместе, а с ними с правую сторону ехал чауш-баша. А за посланниками ехали дворяне и капитан (Памбург), и переводчики, и подьячие, и толмачи. А по обе стороны около посланников и напереди шли янычане с прутиками человек с двести. И ехали посланники с посольского двора улицею, что называется *Катарга лимани,* да мимо двора Османа-паши, за которым салтанская родная сестра, а от того двора мимо церкви святые Софии, которая после благочестивых греческих царей мечетью учинена. А проехав церковь святые Софии, взъехали посланники и все при них вышеписанные чины на салтанской двор, который называется Ени-сарай передней, где наперед сего при благочестивых же греческих царех на левой стороне на городовой стене была церковь святого Дионисия Ареопагита, а ныне она пуста. А кругом того двора городовая стена каменная из дикого камени с зубцами без кровли, ниже кремлевской городовой стены гораздо, и ворота на тот двор, где посланники ехали, одни, шириною мочно было ехать в три лошади, а башни и никакого строения над теми вороты не было[1]. И на том дворе по обеим сторонам стояло янычан и пушкарей человек со сто, да с левую сторону сидел на лошади капычи-баша, а подле его пеших пушкарей же и людей его стояло человек с двадцать. Да на том же дворе было лошадей простых верховых везирских и пашинских и иных салтанских ближних людей в добром конском наряде с триста и больше»[2].

«И ехали тем двором до салтанского ж другого двора, где его, салтанские, сараи и большой диван, сажен с полтретьяста (т. е. 250), а шириною тот передний двор будет сажен со сто. И приехав к тому другому салтанскому двору, чауш-баша и эминь-ага и китяп-ага с лошадей ссели, не доезжая каменного рундука, который сделан у самых салтанских ворот, где всегда с лошадей сходят и на лошадей садятся везирь великой и иные салтанские ближние люди. А посланники с лошадей ссели на тот рундук. А над теми воротами башня; кругом ее каменные

---

[1] Очевидно, посланники при взгляде на эти ворота мысленно сравнивали их с русскими крепостными сооружениями, в которых над воротами возвышались «палаты», увенчивавшиеся башней.

[2] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 129—131 об.

Рис. 8. Султанский дворец с садами и церковь св. Софии.
Французская гравюра середины XVIII в.

перила и подписано над теми вороты большими словами по-турски две строки, в длину сажени по две».

«А пристав и чурвачей, и чауши, и дворяне, и переводчики, и подьячие с лошадей ссели, не поезжая тех ворот, от рундука сажен за двадцать, а иные и больше. И как все с лошадей сошли и пошли на салтанской двор в ворота, и у тех ворот[1] встретил посланников капычейской голова капычи-баша в платье золотном и с посохом серебряным и, встретя и поздравя, пошел перед посланники. Да перед ними ж, посланниками, наперед шли вышепомянутые чауш-баша, да эминь-ага, и китяп-ага, да пристав, да чурвачей с большим пером, а за ними великого государя с грамотою подьячей, а великого государя за грамотою посланники, а за ними шли все государевы и посольские люди. И стояло в тех воротех чурвачеев с большими перьями по 12 человек, а за ними янычан человек по сту и больше на стороне. А на дворе салтанском подле тех же ворот с правую сторону стоял на рундуке в золотном платье анычар-агасы[2], а около его чурвачей ж с большим перьем и капычи-баша и ады-баши[3] человек с двести. А по другую сторону тех же ворот стояли чурвачеи ж и ады-баши и янычан с пятьдесят человек».

«А от тех ворот с правую ж сторону близко дороги, по которой шли посланники, до большого дивана междо деревьями кипарисными и масличными и иными, которых по счету сорок дерев, а возрастом они великие и древо от древа растет в пространности гораздо, — в одном месте положены столярные выкрашеные красками низкие перильцы, меж которыми стояли медные небольшие чаши с ествами. А позади тех дерев на той же стороне саженях во сте и больше подле салтанских оружейных и кладовых амбаров стояли лавою, теснясь, человек подле человека, янычан с пять тысяч человек, на которых колпаки с затылками долгими (длинными) белыми, без ружья. А в тех колпаках против самого лба вшиты доски узкие булатные и железные с черныю позолоченые шириною вершка на два, а длиною в четверть аршина и больше, а называются они по-турски *кечи*[4]. А посторонь тех янычар с правую ж сторону от салтанских сараев стояли сулаки да пейки, которые ходят перед салтаном в походы, человек с триста с таким же большим перьем, как и на чурвачеях. А от тех сулаков и пейков саженях в тридцати меж кипарисными деревьями стояли в бархатных красных кафтанах и с такими ж большими перьями начальные их люди четыре человека, именуемые сулак-баши. Да на том же салтанском дворе на левой стороне от большого дивану в саженях в двадцати в одном месте обставлено было пóлами зеле-

---

[1] На полях статейного списка к этому добавлено: «повышед за ворота».
[2] На полях статейного списка: «Стрелецкого приказу боярин».
[3] На полях статейного списка: «сотники».
[4] На полях статейного списка: «янычарские значки».

ными полотняными[1]. А строение на том салтанском дворе кругом каменное поземное, и с правую сторону от ворот, где янычаня стояли, построены до самых салтанских сараев оружейные и кладовые палаты. А с левую сторону до большого дивану его ж салтанские фряжские погребы и поварни все под одну кровлю и покрыты черепицею красною. И около тех палат, и амбаров, и погребов, и поварен на каменных столбах сделаны навесы пространные с перилами наподобие переходов. А большой диван и салтанские сараи покрыты под одну ж кровлю свинцом, и навесы кругом их такие ж пространные. А длиною тот салтанской двор сажен с триста, а поперек с двести сажен, и на том дворе сухо и чисто, и меж дерев во многих местех трава поросла, а пути все выкладены каменем».

«И как посланники на тот салтанской двор взошли, и тогда вышеписанные янычаня с мест своих, где они стояли, побежали вдруг ко устроенным перильцам и в том месте хватали те поставленные чаши с ествами с великою междо собою суетою. А потом среди того ж салтанского двора встретил посланников салтанова величества ближней человек розрядной боярин чауш-баша в золотном платье, имеючи у себя в руках серебряной же посох. И, поздравя, пошел перед посланниками ж вместе с капычайским головою, которой шел с таким ж серебряным посохом. А как посланники приближились к большому дивану, и у того дивана на крыльце посланников встретили салтанова величества тайных дел секретарь и переводчик Александр Маврокордат, а с ним капычи-баша да чаушей человек с тридцать».

«А как вошли в диванскую палату, и в той палате сидел с приходу против дверей под окном, которое из другой палаты сделано, где салтан смотрит, великой везирь, а с ним с правую сторону, немного поодаль, сидели ж кубе-везири три человека: царегородской Гасан-паша, подле его Юсуп-паша походной, а третий салтанской зять Осман-паша. Да в кривой лавке с правую ж сторону сидел один бедшанджи-паша. А с левую сторону везиря сидели ж два казы-аскеря Румельской да Анатолейской[2], собою гораздо стары с бородами, а челмы на них великие, на одном темновишневая, а на другом белая. Да в кривой же лавке с левую ж сторону сидел тефтедарь да рейз-китяп-эфенди. А платье на них: на большом везире и на четырех пашах, которые с ним с правую сторону сидели, ферезеи собольи под атласом зеленым, а исподние кафтаны атласные ж белые; челмы на них большие. На казы-аскерях ферезеи суконные гвоздичные; и на тефтедаре суконная ж вишневой цвет, а на рейз-эфенди темногвоздичной цвет и челмы на них большие ж».

---

[1] Очевидно, ширмами.
[2] На полях статейного списка: «Анатолейской первой».

«А палата та диванская в длину будет пять сажен, а поперек тож под круглым сводом. А подле той палаты такая ж другая палата, где сидят и пишут подьячие; а окно, что над везирем, в длину аршина в полтора, а поперек в аршин, а в нем решетка частая наподобие сети рыболовной, и та решетка вызолочена, а посеред той палаты висит яблоко большое позолоченое медное наподобие глобуса. И посланники, вшед в тое палату, везирю и пашам поклонились по обычаю не низко и не снимая шапок. А он, везирь, и при нем иные паши посланником поклонились же, сидя. И велел везирь посланником подать два стула бархатных и сесть с правую сторону близко бедшанджи-паши. А в том месте, где тот паша сидел, из диванской палаты окно великое на салтанской двор и из того окна, что над везирем, к тому месту на посланников зело видно было».

«И как посланники сели, и тефтедарь подал везирю письмо. И везирь, посмотря того письма и запечатав, послал к салтану с вышеписанным чауш-башею, которой в другой встрече посланников встречал. А как он к салтану пошел, и в ту пору в диванскую палату перед везиря пускали с челобитными всяких чинов людей мужеска полу и женска челобитчиков, при которых женщинах на руках были и малые грудные младенцы. И те челобитчики везирю каждой о своем деле били челом и подавали челобитные зело тихо, и никто никакого слова не говорил. И те челобитные у них принимал и помечал сам везирь и отдавал там же челобитчиком».

«И во время тех дел Александр Маврокордат говорил посланником, чтоб они оставили при себе дворян и иных чиновных лучших людей человека три или четыре, а достальных отпустили б за стол салтанова величества, которой готован им, дворяном, и иным чиновным людем в особом месте. А в той де палате, где им, посланником, с везирем есть, многим людем салтан быть не указал и везирь не велел. И посланники оставили при себе капитана, да четырех человек дворян, да переводчика Семена Лаврецкого, да подьячего, которой держал великого государя грамоту. А достальным дворяном, и переводчиком, и подьячим, и толмачем велели итить салтанова величества за стол. И ели те дворяне и иные чины за вышеписанными расставленными пòлами, которые расставлены были на левой стороне близко дивана» [1].

«И как челобитчики все перешлись и вышли вон, и тогда чауши в той палате с пóлу верхнюю настилку бумажную собрали, а под тою настилкою были ковры шелковые васильковый цвет, и поставили перед везиря столик круглой аршина в полтора, а на него мису серебреную белую, а перед пашей стулы и мисы поставили ж и давали воду умывать руки везирю и по-

[1] Очевидно, на дворе на месте, огороженном зелеными полотняными пóлами (ширмами).

сланником, и пашам чауши. И как руки умыли, и везирь звал посланников к себе есть. И поставили им, посланником, стулы те ж, на которых они сидели. И посланники с везирем ели за однем столом; а с пашами ели по разным столам дворяне четыре человека да капитан. И ставили на столы, переменяя, ествы мясные, куры жаркие, и утки, и похлебки сладкие в чашах глубоких зеленых персидских [1], и пить подавали шербет, в чашках малых такой же работы, чауши ж. А как посланники пришли к столу, и везирь спрашивал их, посланников, о здоровье. И посланники взаимно его, везиря, поздравляли. И во время стола везирь посланников подчивал сам и говорил, чтоб они, посланники, ели и были радостны. А потом спрашивал он, везирь, посланников, каково де им, посланником, в Цареграде поводится и всё ли у них по се время здраво и воздух здешний, царегородской, как им служит? И посланники говорили, что в начале, милостию божиею, а потом жалованьем салтанова величества и добрым его, везиревым, призрением они, посланники, в добром поведении и здравии и от воздуха царегородского никакого повреждения им по се время нет, и тому дивятся, что в сих времянах или в осеннем времяни настает теплота, а в странах великого государя, его царского величества, в сие осеннее время бывает уже холодно. И везирь говорил, что Московское государство стоит на севере и для того скорее и паче иных государств там являются стужи ранние. А потом посланники спрашивали везиря о цесарских послех, что они из Вены отпущены ль и где ныне обретаются, также и из Молдавлахии и из иных мест и из Крыму есть ли к нему, везирю, какие московские ведомости? И везирь говорил, что цесарские послы из Вены отпущены и обретаются в пути и ожидают их они к себе в Царьгород вскоре, а из Волоской де земли бывают у них гонцы часты, только московских никаких ведомостей у них нет».

«А как из-за стола встали, и Александр Маврокордат говорил посланником, чтоб они били челом салтанову величеству на его жалованье, на столе и поклонились и сели б в прежних своих местех, и тот де поклон не везирю за обед, но самому салтанову величеству, потому что де его салтаново величество из вышеписанного окна, что над везирем, сквозь решетку смотрит сам. И посланники, встав из-за стола и отошед на прежнее место, где сперва сидели, поклонились салтану по обычаю и, поклонясь, сели в тех прежних местех на стулех. И после того обеда вскоре пришел от салтана вышеписанной чауш-баша и принес за печатью салтанское письмо, держа его в правой руке выше главы своей, а левою рукою постукивал о пол посохом своим серебреным. И то письмо принял у него везирь честно и, встав и у того письма поцеловав в печать и роспечатав,

[1] На полях статейного списка: «фарфуровые и яшмовые дорогие».

посмотря в него, положил к себе за пазуху. А паши в то время вставали ж».

«И потом, пришед к посланником, Александр Маврокордат говорил: салтаново де величество указал им, посланником, итить к себе. А как де они перед салтановым величеством речь на русском речении проговорят, и тое б речи переводчику своему по-латине переводить они, посланники, не велели для того, что салтанову величеству ждать того будет долго и скушно, потому что одна речь говориться станет втрое: с русского речения на латинское, а с латинского надобно переложить на турское речение, и у него де, Александра, речи их, посланниковы, что им перед салтаном говорить, переведены по-турски. И посланники говорили, что они перед салтановым величеством о подании великого государя его царского величества грамоты и о належащих при том делех речь говорить будут на русском речении, а по-латине говорить не надобно; а с русского б речения говорил он, Александр, тое речь по-турски, чтоб де об одном деле во многом толмачении салтанову величеству не прискучило»[1].

«И ис той диванской палаты пошли посланники к салтану на посольство, а везирь и иные паши остались в диване — и шли перед посланниками из дивану он же, Александр, да чауш-баша, да пристав, да чурвачей, да эминь-ага, да китяп-ага. И не доходя салтанской палаты, у переходов его ж, салтанской, казенной палаты, которая называется *гомаюн,* пришел к посланником салтанова величества казначей[2] Мустафа, а за ним принесли золотные кафтаны. И те кафтаны на посланников и на всех государевых людей и на посольских, всего на 27 человек, надели, да и на Александра, и на чауш-башу, и на пристава, и на чурвачея кафтаны надели ж. Александр Маврокордат говорил посланником, чтоб в том месте они, посланники, сели и смотрели, как пойдет из дивана к салтану большой везирь и с ним иные везири, которые при нем в том диване были, а к салтанову де величеству итить им рано, и в тое палату, где им, посланником, быть на посольстве, салтан еще не пришел. И посланники у той палаты сели на каменных лавках, которые сделаны из камени мраморового».

«И, помешкав мало, вышли от дивану чауш-башей и чаушей в больших челмах человек с семьдесят и, вышед, стали подле дороги, где итить везирю до салтановых палат в один человек с правую сторону. А за ними особо шли два человека в золотном платье с посохами серебреными — чауш-баша да капычи-баша те же, которые с приезду на салтанском дворе посланников встретили, а за ними шел большой везирь, а за везирем шли четыре человека кубе-везири в атласных зеленых ферезеях, что были в диване, а за ними шли тефтедарь да рейз-эфенди.

[1] На полях статейного списка прибавлено: «А та речь послана к Александру наперед сего на латинском языке».
[2] На полях статейного списка: «кафтанжи-баша».

И тому большому везирю все чиновные люди, которые на салтанском дворе ни были, кланялись. Да и посланники ему, везирю, встав, поклонились же, а он, везирь, посланником и всем салтанским людем кланялся ж. И во время тут посланничья бытия говорил им Александр же Маврокордат, указывая на капитана Петра Памбурха, что де ему в немецком платье, в котором он ныне, перед салтаново величество итить непристойно, а чтоб на него вздеть русское ж платье. А к тому и то он, Александр, говорил, что по нынешнем у салтанова величества бытии ради всякия забавы, естьли они, посланники, похотят, тому капитану в пристойное время из пушек в день стрелять будет мочно, и салтаново де величество того пушечного в день стреляния им не запрещает, только б он, капитан, той пушечной стрельбы не чинил по ночам, и в том ему надобно заказать накрепко. И посланники говорили, что платья немецкого на том капитане не видно, потому что вздет на него такой же, как на всех на них, салтанова величества верхней длинной золотной кафтан и русского платья теперь вздевать на него некогда. А о пушечной ночной стрельбе у них, посланников, тому капитану заказано напред сего».

«А как везирь и паши к салтану прошли, и Александр же говорил: салтаново де величество указал им, посланником, итить к себе, и в тое де палату, где им быть на посольстве, он, салтан, пришел и их ожидает. И посланники к салтану пошли и шли до салтанской палаты двором же по земле, а расстоянием от того места, где сидели, до той палаты будет сажен с сорок. А не доходя той салтанской палаты поблизку большие ворота, которые называются по-турски *хасада,* а в них сделаны двои деревянные затворы, шириною те ворота сажени в три, а в вышину в пять сажен, и резьба на них многая с турскою подписью. И вырезаны над теми вороты их же, турские, гербы, месячное ущербление. А посреди утвержено в кольце веретено железное с стрелкою, каковы бывают у весов. А в стенах вделаны с лица плитки ценинные и столбы каменные великие из камени мрамору. И сидело у тех ворот на лавках по обеим сторонам чаушбашей и капычеев-башей в золотном платье человек с сорок. А в воротех по обеим сторонам стояло в атласных красных и в зеленых ферезеях эвнухов безбородых, и в лице гораздо бледы, человек с тридцать, челмы на них большие. А от тех ворот до салтанской палаты сажен с семь или с восемь и насланы в тех воротах до самой палаты шелковые ковры, и никого в те ворота из турских людей не пускали».

«И как к тем воротам посланники пришли и встретил их чауш-баша и говорил чрез Александра Маврокордата: салтаново де величество указал с ними, посланниками, к нему, салтану, итить дворяном и иных чинов людем только четырем человеком, и чтоб тех людей велели они, посланники, указать им именно. И посланники говорили, что с ними к салтанову

величеству в палату войдут дворян четыре человека, да капитан, да переводчик, да подьячей, которой пойдет перед ними великого государя с грамотою, и тех людей указать им велели. И Александр говорил, чтоб те дворяне, и капитан, и подьячей, увидя салтанова величества очи и челом ударя, вышли вон, а в той бы палате долго они не были».

«И в то ж время, вышед от салтана из палаты, эвнухос, которой при салтане бывает непрестанно и ведает эвнухов и отроков, говорил Александру, чтоб он с ними, посланники, к салтанову величеству шли, не мешкав. И посланники к салтану в палату пошли, а вели их от тех ворот перед салтана честно, приняв под руки, капычи-баши: думного советника с правую сторону чауш-баша, а с левую сторону капычи-баша; а дьяка, и дворян, и капитана, и переводчика по два ж человека, капычибашей, все в золотном платье. А как перед салтана в палату вошли, и посланники и с ними вышеписанные чины салтанову величеству поклонились по обычаю в пояс, не снимая шапок. А потом думной советник говорил салтанову величеству речь по сему» (далее приводится текст речи о том, что московский государь прислал султану свою грамоту, и все это с пышным перечислением титулов обоих государей). «А покамест тое речь думной советник говорил и Александр Маврокордат по-турски переводил, и тогда великого государя грамоту держал дьяк Иван Чередеев. И как Александр тое речь по-турски перевел всю, и думной советник великого государя грамоту взяв у дьяка, и поступил с нею одну ступень к салтану. И чауш-баша и капычи-баша, которые держали его, думного советника, под руки, до салтана далее не допустили. И принял у него великого государя грамоту чауш-баша, которой его держал с правую сторону под руку, и отдал салтанова величества зятю Осман-паше, а Осман-паша, приняв, отдал Юсуф-паше, а Юсуф-паша отдал царегородскому Гасан-паше, а Гасан-паша подал везирю, а везирь, приняв, положил ее перед салтана».

«И по подании великого государя грамоты говорил салтаново величество к везирю, а везирь к Александру Маврокордату. И Александр говорил посланником: пресветлейший де и августисимейший император его салтаново величество о мирном деле, для которого они, посланники, присланы, указал выслушать великому везирю в иное время. А он, везирь, выслушав у них, доложит его салтанова величества, и ответ им, посланником, по их предложению на те дела учинен будет чрез того ж везиря. А ныне б они, посланники, ехали к себе на подворье. И посланники, покланясь салтану, из палаты пошли».

«А как посланники у салтана были и посольство правили, и Мустафа салтан в то время сидел на своем месте, которое устроено в переднем углу в палате наподобие кровати с покрышкою, и положены подле его с правую сторону две подушки шиты золотом и обнизаны жемчугом, в ширину то место больше

Рис. 9. Сераль султана в Константинополе.
Французская гравюра середины XVIII в.

сажени, а в длину сажени с полтретьи ($2^1/_2$). И к тому месту учинены три всходные ступени. А на тех ступенях и на салтанском месте прикрыто бархатом червчатым, а по нем шито волоченым золотом высоким швом и низано жемчугом большим с каменьем. А на полу во всей палате и по окнам настланы ковры золотные, и вышиты на них их же, турские, гербы — лунное ущербление. Да с левую сторону салтана стояла чернильница большая, оправлена золотом с каменьи алмазы и с яхонты, наподобие та чернильница, будто шкатула, мерою в поларшина или малым чем больше. А платье на салтане ферезея серой цвет объеринная шелковая, испод рысей, с ожерельем и вздета в проймы, нашивка на ферезее до самого пояса широкая, алмазная. Под исподом кафтан золотной по белой земле. На голове вместо челмы положен окладень алмазной наподобие короны или венца, а на нем положены в запанах алмазных ж перья белые и черные, а те перья с тылу и наперед немного поспущены. Возрастом салтан средней, лицом смугл и скудноват, очи и ус и брада черны, и борода невелика продолговата».

«А палата та, где он, салтан, сидел, невелика, длиною сажени четыре, а поперек сажени три. А сделана она в саду одна и кругом ее деревья кипарисные и иные, и около того саду ограда каменная ж. А иных палат, кроме вышеписанных ворот, которые против той палаты, нет. И от тех ворот до той палаты, также и кругом ограды по всему саду, на столбах каменных сделаны навесы с сводами, а под них учинен ход. И от тех навесов в палате салтанской не светло, и в ней окна только с двух сторон, с приходу два, да против салтанского места одно, а четвертое окно на той же стене подле комина, шириною те окна аршина по полтора, а в длину аршина по два или малым чем больше. А на других двух стенах окошек нет. И то окно, что над салтанским местом, было завешено чуть не все. А в той палате при нем, салтане, были: с правую сторону у стены близко салтанского места стоял большой везирь, а подле его поодаль на той же стороне стояли вышеписанные кубе-везири четыре человека. А с левую сторону близко комина против дверей стояли тефтедарь, а с ним рейз, китяп-эфенди да эвнухос. А иных салтановых чиновных людей, кроме Александра Маврокордата да чауш-баши и капычи-башей, которые посланников под руки держали, в той палате перед салтаном не было».

Когда посланники, поклонившись султану, пошли из палаты, «вели их под руки те же люди до прежнего места честно ж. И провожали от тех ворот Александр Маврокордат да чаушбаша, которой с посланниками с посольского двора ехал, сажен с пятнадцать. А салтанским двором и с двора салтанского до посольского двора провожали эминь-ага, да китяп-ага, да пристав, да чурвачей с большим пером, да чауши и янычаня те ж, которые с посольского двора к салтану ехали. И сели посланники на лошади с того ж рундука, где приехали. А как на

лошади сели, и пристав, и эминь-ага посланником говорили, чтоб они, от того рундука отъехав недалече, поостановились и смотрели, как от салтанова величества поедут большой везирь и кубе-везири и иные чиновные люди, которые при них, посланниках, на салтанском дворе были. И посланники, отъехав от того рундука сажен с тридцать, стали меж кипарисных деревей на левой стороне и тех чинов смотрели».

«И наперед с салтанского двора шли скоро, а иные и бежали, янычаня без ружья, а за ними сулаки, и пейки, и чурбачеи с большими перьями. А потом ехал янычар-агасы, а после его ехали кубе-везири: 1) цареградской, 2) салтанской зять, 3) бедшанджи-паша, 4) Юсуф-паша. А за ними ехал большой везирь, при котором шли по обеим сторонам янычан человек со сто. А за везирем ехали тефтедарь, да рейз, да китяп-эфенди, да капычи-баши и чауши. И, едучи, тот большой везирь и иные посланником кланялись, а посланники взаимно им кланялись же. А садились они, везирь и иные вышепомянутые четыре кубе-везири, сошед с салтанского двора с того же рундука, где посланники, приехав и отъехав, на лошади садились же. А прочие салтанские чиновные люди на лошади садились поодаль того рундука. А затем ехали посланники и провожали их до посольского двора вышепомянутые эминь-ага, да китяп-ага, да пристав, и чурбачей, и чауши, и пешие янычаня. И на дворе у посланников они были. И посланники того эминь-агу, и китяп-агу, и пристава, и чурбачея подчивав, а эминь-агу и китяп-агу подаря собольми, а чаушей и конюхов ефимками и левками, отпустили» [1].

V. ПОСЕЩЕНИЕ ПОСЛАМИ ПАТРИАРХОВ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО И ИЕРУСАЛИМСКОГО. ВИЗИТ ПОЛЬСКОГО ПОСЛА

Аудиенция у султана открывала посланникам свободу сношений с внешним миром. Во-первых, они могли теперь писать в Москву; во-вторых, они рассчитывали в Константинополе иметь свидания с иностранными дипломатами; до султанской аудиенции таких сношений не полагалось. Посланников с самого их приезда очень интересовал вопрос о почте. Оказалось, что никакой почты из Константинополя нет, и Маврокордато обещал им отправить от себя нарочного гонца до Киева и это обещание исполнил. С таким гонцом были отправлены две обширные отписки Украинцева в Москву с сообщением обо всем происшедшем с момента отъезда посольства из Керчи [2].

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 129—145.

[2] Там же, л. 90 об., 148 об., 154—154 об. Отписки в Москву; там же, л. 160—183. Ср. *Устрялов,* История, т. III, стр. 515—521.

Сложнее был вопрос о личных сношениях посланников с внешним миром. Еще 23 сентября шурин Маврокордато Дмитрий Хрисокулий от имени Маврокордато сообщил посланникам султанское разрешение ездить в церковь; но посланники тогда это разрешение отклонили, находя выезд со двора до представления султану неудобным. После аудиенции они заявили Маврокордато о своем желании быть в воскресенье, 15 октября, у обедни в соборной церкви, а затем после обедни посетить константинопольского патриарха; но Маврокордато почему-то потребовал, чтобы 15-го они побывали в близлежащей к их двору церкви, а через неделю, 22 октября, посетили бы патриарха; иначе, как приказывал им передать Маврокордато, «будет от турков на него, патриарха, подозрение такое, знатно де они поехали к нему, патриарху, для некокого совету» [1]. Пришлось подчиниться и отложить посещение патриарха до 22 октября, когда оно, действительно, и состоялось. «Октября в 22 день, — читаем в статейном списке, — были посланники в соборной церкви святого великомученика и победоносца Георгия у литоргии. А та соборная церковь за городом против Терсаны в греческой Фонарской улице. Ехали с посольского двора до той соборной церкви на лошадях, которые прислал к ним, посланником, нарочно для того Александр Маврокордат. А приехав к той церкви, ссели посланники с лошадей, не въезжая на площадку перед церковь».

«Встретили их у ворот патриарши и митрополичьи архимандриты, и архедиаконы, и дьяконы, а среди площадки священники во облачении со кресты и со святым евангелием и с образом пресвятые богородицы знамения. И посланники, поклонясь святым крестам и евангелию и образу пресвятые богородицы и целовав, пошли в церковь за кресты и за евангелием и за образом пресвятые богородицы; вели их под руки те встречники. А как вошли в церковь, их в дверях церковных встретили митрополиты: 1) Кизицкий Кирилл, 2) Никомидийский Парфений, 3) Халкидонский Гавриил, 4) Филиппопольский Неофит, 5) Нигропонтский Калинник, 6) Дерковский Никодим, 7) бывший Дриский Парфений. А святейший Калинник, архиепископ Констянтинопольской и вселенский патриарх, в то время стоял, сошед с своего места, со крестом с небольшим, большими изумрудами устроенным, и тем крестом посланников благословил. И посланники святый крест и руку его, патриаршу, целовали, а святейший патриарх посланников целовал в голову и велел стать против своего места на левой стороне. И посланники, приняв от него, святейшего патриарха, благословение, стали в назначенных местех. А тогда в церкви пели на утрени стихиру евангельскую. А отпустя утреню, начали литургию. И на литур-

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 92 об., 148 об., 151 об. — 152.

гии на ектениях и во время великого выхода дьякон и священник молили господа бога о здравии великого государя его царского величества, а по отпуске литургии пели и многолетие ему, великому государю».

«А потом святейший патриарх пошел из церкви в кельи свои; за ним шли по правую сторону посланники, а по левую митрополиты и иные священного чина и мирские особы клироса его. А, вшед к патриарху в кельи, говорил чрезвычайный посланник, думный советник и наместник каргопольской Емельян Игнатьевич речь такову: Божиею милостию пресветлейший и державнейший великий государь (средний титул) его царское величество, государь мой милостивейший, вас, всесвятейшего и блаженнейшего господина, господина Калинника, архиепископа Констянтинопольского, нового Рима и вселенского патриарха велел поздравить и о вашем спасении спросить. И поднес патриарху милостыни три пары соболей по десяти рублев, косяк камки, мех белей да деньгами петьдесят левков. И святейший патриарх за поздравление и за присылку милостыни великому государю его царскому величеству бил челом. А потом посланник спрашивал от великого государя о здравии и о спасении всех вышепомянутых митрополитов, которые были при нем, патриархе. И митрополиты великому государю, его царскому величеству, за его, государскую, милость били ж челом и говорили, что они по должности своей о многолетном здравии великого государя, его царского величества, непрестанно господа бога молят и впредь то исполнять будут».

«А потом святейший патриарх сел в креслах, а посланником велел сесть близ себя по правую руку в креслах же, бархатом червчатым обитых, а митрополитом велел сесть в лавке. И, седчи, говорил святейший патриарх: благодарствует де господа бога, что сподобился видеть ныне их, царского величества посланников, которых чрез многие лета уже здесь, в Цареграде, не было, и ради они им паче иных. И посланники говорили, что они не по малу благодарны, видя лице его, святейшего патриарха, и получа благословение. А за счастием де великого государя, его царского величества, и молитвами его, святейшего патриарха, от Керчи на его великого государя корабле в цареградское гирло чрез пучину морскую пришли они в пятый день. И святейший патриарх говорил: слава же господу богу, что перешли они пучину морскую и пришли в гирло в целости. Он же, патриарх, говорил: разлучение де имеем с вами телом, а душою всегда в соединении. И посланники говорили, что они так же пребывают, а паче радуются, слыша воспоминание и молитвы в божественной литоргии о многолетном здравии великого государя, его царского величества. И святейший патриарх и митрополиты говорили, что они имя великого государя, его царского величества, всегда незабвенно имеют в сердце своем и не токмо в церкви, но и в келиях своих о многолетном его,

государском, здравии господа бога молят. И посланники говорили, что великому государю, его царскому величеству, о том известно и впредь чрез них, посланников, ведомо будет же. Да святейший же патриарх говорил: за многолюдством де невозможно было всего чина церковного ныне исправить, потому что такое многолюдствие, как ныне они видели, бывает у них в церкви только одиножды, в самый праздник светлого христова воскресения, потому что многие восхотели их, посланников, видеть и для того собралися в церковь. И посланники говорили, что милостию божиею и его, святейшего патриарха, правлением в церкви божией все было чинно. Посланники ж говорили, что они поставлены от дому его, святейшего патриарха, в дальнем месте, а не в том месте, где прежде сего царского величества послы и посланники стаивали. И святейший патриарх говорил: видят де они и сами, что далеко поставлены. А если б де были ближе, то почасту б с ним, патриархом, видались. И чтоб они о медленном своем житии не печалились; чаять де при помощи божией дело их совершится благополучно. И желает де он видеть их в соборной церкви на праздник рождества христова. И посланники говорили, что ради б они отсюду ехать прежде того времени. И святейший патриарх говорил: хотя б де и до того времени жить, только б дело свое благополучно совершить».

«А потом святейший патриарх говорил: для чего де они, посланники, от брата и сослужителя его, от святейшего патриарха Московского, поздравления и благоприветствования не сказали и писания не привезли? И посланники сказали, что великий господин, святейший кир Адриан, архиепископ московский, всеа России и всех северных стран патриарх по воле божией немоществует многое время, а они, посланники, отпущены в сие посольство в скором времени из Азова и при самом отпуске видеть им его, святейшего патриарха, не случилось, и для того и поздравления к нему с ними не приказано. И святейший патриарх сказал: о том де ему ведомо, что высланы они в сию посылку вскоре, и хотя де он, святейший патриарх, к нему не писывал, однако же он с ними, посланники, писать к нему будет».

«А потом изволил сам кушать и посланникам подавал из своих рук водку и конфекты разные и в чашках кагве и шербет. А митрополитом подносил казначей. А дворяном и иным чиновным людем подносили водку ж и конфекты и в чашках кагве и шербет иные келейные старцы».

«И потом посланники встали и, восприяв у патриарха благословение, пошли. Провожал посланников святейший патриарх до половины палаты, а митрополиты в сени и с верхнего крыльца до другого крыльца, а патриарши чиновные люди духовные и мирские провожали посланников до лошадей. А лошади взведены были на площадь перед церковь. А народ, ко-

торой был в церкви, дожидался посланников вне церкви, у церкви и на той площади»[1].

Но посланники желали не только выезда в церковь и посещения патриарха. Они имели в виду встречи с находившимися в Константинополе или ожидавшимися туда европейскими послами. Видеться с послами цесарским, английским, голландским, венецианским и французским и говорить первым четырем из них о содействии мирным переговорам предписано было данным Украинцеву наказом[2]. Соответственно с этим еще 13 октября они просили Дмитрия Мецевита передать Маврокордато, что им надобно не только бывать в церкви, но по должности своей быть у послов французского, английского и голландского. Когда Мецевит 21 октября сообщил посланникам, что он передал их заявление Маврокордато, но он никакого ответа на заявление не дал, тогда посланники, видимо недовольные, заметили: «Стыдно де им того слышать, что Александр против того умолчал; они де люди вольные, куда хотят, туды едут. А тем де послом давно было належало им по должности своей учинить поздравление. А как де, даст бог, придут послы цесарской и венецыйской, и им де, посланником, надобно того ж дня не для какого дела, но *по обычаю гражданскому вежливых народов* у них быть и их поздравить. А если де им в том будет не позволено, и они де так к ним прикажут, что ради б они с ними видеться, только в том им запрещено и с двора их никуды не спускают. Так же де и с теми послами, которые ныне здесь в Цареграде, желают они видеться не для какого разговору, но только учинить им поздравление. А взаимно де и они, послы, у них, посланников, будут же. И лучше де им, посланником, для подозрения от бусурман на християн, под игом их зде живущих, к церкви божией не ходить, нежели с теми послами не видеться»[3].

Некоторые посольские визиты «по обычаю гражданскому вежливых народов» состоялись. 23 октября приезжал к посланникам польский посол Станислав Ржевусский. Разговор начался выражением благодарности со стороны посланников за прежнюю присылку Ржевусским дворянина с поздравлением. Ржевусский говорил, что он должен был к ним приехать вскоре же «по их приезде», но «за некоторыми трудностями» он этого исполнить не мог. На вопрос посланников, когда он отсюда уезжает, он ответил, что вскоре, «только де турки — зело люди непостоянные, где что договорят и постановят, а после то инако толмачат». «При постановлении мирных договоров, — наставительно заметил Ржевусский, — надобно от них остерегаться и договоры всякие толковать накрепко, чтоб впредь от них на те договоры не было какого иного толкования». Он это сам теперь от

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 190—195.
[2] Там же, Дела турецкие 1699 г., № 4, л. 75, статья 29.
[3] Там же, Книга турецкого двора, № 27, 159, 185 об. — 187.

них познал: «живет здесь с мая месяца по нынешний октябрь, только того дела, для чего приезжал, не совершил, понеже здешний двор вельми в делех медлен и многомыслен, разве де то дело совершит великой их, польский, посол Лещинский, с которым чает он встретиться в Яссех». Посланники спросили его о выкупе пленных: слышали они, что он отыскивает здесь полоняников. Посланники задавали этот вопрос, сами интересуясь возвращением пленных: Ржевусский отвечал: «Обещано де ему было того полону отдать шестьдесят человек, только он больше десяти человек не сыскал, . . .да и про тех бусурманы сказывают, что они взяты (в полон) в давних летах». Посланники поинтересовались далее сдачей турками Каменца, который по Карловицкому договору должен был быть возвращен полякам, в каком виде он передан: «отдан ли им, и с пушками ль отдан, и кто его принял и держать будет, и жители в нем какие остались ли?» Вопрос этот мог интересовать посланников потому, что им предстояли переговоры о днепровских крепостях, из-за которых разошлось дело на Карловицком конгрессе. Ржевусский рассказал, что «Каменец им отдан весь опустошен, а пушек ничего не отдано — все вывезли басурманы и оставили только одни стены. А башни у мечетей своих, которые были кликовичные (т. е. минареты, с которых скликают народ к молитве), посбили, только церквей и костелов не вредили. А принял де тот город Каменец воевода киевской господин Контский, генерал алтилерии корунной и староста каменецкий, и по указу королевскому будет в нем жить и воинских людей держать он, воевода, своих. А жителей де осталось после турков в Каменце армян и волохов малое число». Поляки с своей стороны отдали туркам города Сороку, Немец и Сочаву. Беседа перешла затем к началу переговоров. Ржевусский заметил, что «время уже им, посланником, проситься на разговор к везирю»; посланники говорили, что «и сами они того давно желают и домогаются, только неведомо для чего они их не зовут, и спрашивали Ржевусского, как он чает, учинит ли салтан с царским величеством мир или нет», на что он ответил: «Чает де он, что мир салтан учинит». Если турки начнут отказывать, то можно им, посланникам, сказать, что они присланы не для нового дела, а только для того, чтобы докончить уже начатое. Турки уже заключили мир со всеми союзниками, в том числе и с царем, но с царем только не довершен вопрос о границах; если турки этого дела не окончат, то и союзники (цесарь, венеты и поляки) не ратифицируют Карловицкого договора, а Московского государства в войне не оставят. «И потому де чает он, что будут они, турки, о том в великом размышлении, опасаяся того, что союзники от них (т. е. от русских) не отстанут и их в войне не выдадут». Турки, по его мнению, заключат мир, потому что обессилели. Посланники просили Ржевусского рассказать, что думают и говорят в Константинополе о царском флоте: «Будучи де он здесь

немалое время, чаять, со многими здешними припознался и от них слышал, какое они размышление имеют о караване царского величества и чают ли его вывесть на море и что о том корабле говорят, на котором они, посланники, сюда приехали». Ржевусский отвечал, что турки знают, что король польский — союзник царю, и потому откровенно с ним не говорят, только можно разуметь, что если они, посланники, пришли сюда на корабле, то может быть выведен на Черное море и целый флот. В заключение разговора Ржевусский сказал, что он в Константинополе на посольстве уже второй раз, и рассказал об обстоятельствах своего первого посольства [1].

В воскресенье 29 октября посланники посетили проживавшего тогда в Константинополе иерусалимского патриарха Досифея, сведенного с своего престола. О посещении патриарха иерусалимского была в наказе посланникам специальная статья, в которой говорилось, что он писал государю много раз, а ответа ему еще ни разу не писано, и если он, патриарх, будет спрашивать, доходят ли его письма до государя, то ему отвечать, что письма все получены и ответ на них будет дан с посланцем Мультянского господаря Георгием Кастриотом [2]. Действительно, Петр писал Досифею летом 1700 г. с Кастриотом. По задушевному тону собственноручно составленного письма видно, что патриарх пользовался большим расположением Петра. Он оказывал большие услуги посланникам, сообщая им интересовавшие их сведения, и, между прочим, через его посредничество посланники отправляли некоторые свои отписки в Москву. Поэтому Петр и благодарит его за «неусыпное радение, проведование, утешение, утверждение нашему послу» [3].

«Были посланники, — читаем в статейном списке под 29 октября 1699 г., — в соборной церкви святого великомученика и победоносца Георгия у литургии, а потом и у святейшего иерусалимского Досифея патриарха. А та соборная церковь в городе в Жидовской слободе против салтанских сараев, которые за проливою в Терсане. Ехали с посольского двора до той церкви на лошадях верхами, а прислал лошадей Александр Маврокордат. А перед посланниками ехали два чауши, да пристав капычи-

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 195—198 об.

[2] Там же, Дела турецкие 1699 г., № 4, л. 74, статья 28. Ср. вопросные пункты Украинцева с пометами Ф. А. Головина — там же, л. 145 об.

[3] Письма и бумаги Петра Великого, т. I, № 323 — черновой, собственноручный отпуск, не вполне сохранившийся. «Купно зъ душею і серцемъ, — пишет в нем царь, — Богъ да упъравитъ по Своей Ему воли, въ Которомъ, аше і гърешьны вѣсь животъ души і тѣла пологаемъ, о чемъ вашей съвятыни пространнѣе донесетъ господинъ Кастриотъ. Вамъ же, какъ за святое ваше заступъление християнъ, такъ і за неусыпъное радѣние, провѣдование, утешение, утверждение нашему послу, тамъ будушему, Богъ въсеблаги да даруетъ вамъ венецъ души, зъдѣ же лѣта многа, зъдрава і благополучьна, і да сподобитъ ваши очи видетъ ізбавъление людей съвоіхъ, яко Моісею, отъ насъ же благодарение, благодарение і неотмѣнность души і серца. Аминь. Въсеблаженный отче, пастырю і утѣшителю хъристиянъ».

баша, да чурвачей, которой у них, посланников, на посольском дворе на карауле, да янычан шло по обе стороны с батогами пятьдесят человек».

«И приехав к той церкви, ссели посланники с лошадей у врат монастырских; встретили их в тех вратах патриарш племянник, и греки, и старцы, а на рундуке перед церковью священники во облачении со кресты и со святым евангелием и с образом святого апостола Иоанна Богослова. И посланники, поклонясь святым крестам, и евангелию, и образу Иоанна Богослова и целовав, пошли в церковь за кресты, и за евангелием, и за образом. А как вошли в церковь и в дверях церковных встретили бывший никомидийский митрополит Дорофей, а с ним игумен Григорий. А святейший патриарх в то время стоял, сошед с своего места, со крестом небольшим резным деревянным и тем крестом посланников и всех при них царского величества чиновных и их, посланничьих, людей благословил. И посланники святый крест и руку его, патриаршу, целовали, и велел он, святейший патриарх, стать им, посланником, против своего места на левой стороне. И посланники, восприяв от него, святейшего патриарха, благословение, стали в назначенных местех и начали тогда в церкви божественную литоргию. И на литоргии на ектениях и во время великого выхода диакон и священник молили господа бога о здравии великого государя его царского величества и сына его, государского, благоверного царевича и великого князя Алексея Петровича».

«А по совершении божественные литоргии святейший патриарх пошел из церкви в кельи свои; за ним шли по правую руку посланники, а по левую митрополит, игумен и иные священного чина и мирские особы клироса его. А вшед к патриарху в кельи, говорил чрезвычайной посланник думной советник и наместник каргопольской Емельян Игнатьевич речь по сему: Божиею милостию пресветлейший и державнейший великий государь (средний титул) его царское величество государь мой милостивейший вас, всесвятейшего и блаженнейшего господина, господина Досифея, святаго божия града Иерусалима и всеа Палестины патриарха, велел поздравить и о вашем спасении спросить и за многие ваши, святейшего патриарха, ему, великому государю, письменные доношения он, великий государь, благодарствует и впредь от тебя того же требует. И святейший патриарх за то поздравление и благодарствование великому государю, его царскому величеству, бил челом и говорил, что он непрестанно господа бога, в троице святой славимого, молит, дабы государство его царского величества умножалось и держава его распространялась и чтоб господь бог под ноги его царского величества покорил всякого врага и супостата».

«А потом думной советник благодарствовал и бил челом ему, святейшему патриарху, за особую его к себе милость и пись-

менное посещение чрез архимандрита Хрисанфа, прежде бывшего на Москве».

«А потом святейший патриарх сел в кресла, а посланником велел сесть по левую руку в креслах же, а митрополиту и дворяном в лавке. И, седчи, говорил святейший патриарх: благодарствует де он господа бога, что видит ныне их, посланников, которых чрез многие лета здесь не было, и желал бы де он, святейший патриарх, и сам быть в царствующем граде Москве и великому государю, его царскому величеству, должное поклонение и благодарение воздать, но за старостью своею и для часто приключающейся подагры учинить того не может. И посланники говорили: непомалу и они тому веселятся, что видят его, патриарше, лицо, и желают того, дабы господь бог ему, святейшему патриарху, от болезни его даровал свободу. Святейший патриарх говорил, что нынешний везирь Галишан Азым-паша к христианом добр и нужды в вере и никакого изгнания им нет, разве кто сам восхощет быть бусурманом. И многая при нем дань с християн сложена, да и крови де нежелатель. И посланники говорили: слышали де и они, что он в таком состоянии пребывает, а больше в вере христианом чинится принуждение от папистов в Венгерской земле и в иных местах, а нежели от турков. И святейший патриарх говорил: подлинно де так есть, что они, паписты, христиан греческого закона из правоверия во унию насильно принуждают. Он же, патриарх, говорил, что здесь всем государством владеет и расправу всякую чинит везирь и в деле его никто ничем не может ему спорить и не смеет. Посланники били челом и благодарствовали ему, святейшему патриарху, за присылку святыни, то-есть животворящих крестов, которые он к ним прислал октября в[1] день с игумном Макарием. И святейший патриарх говорил: если б де он был на своем престоле, знал бы, как и чем их, посланников, благословить; а здесь де живет он в великой скудости. Он же, святейший патриарх, говорил: брат де его и сослужитель, великий господин святейший Адриан, патриарх Московский, здравствует ли? И посланники сказали, что великий господин, святейший кир Адриан, архиепископ Московский и всеа России и всех северных стран патриарх, по воле божией, немоществует многое время, а они, посланники, отпущены в сие посольство из его, царского величества, походу из Азова и при самом отпуске видеть им его, святейшего патриарха, не случилось».

«Потом святейший патриарх изволил сам кушать и посланником подавал из своих рук водки и канфекты розные и в чашках кагве. А митрополиту, и дворяном, и иным чиновным людем подносили водку ж и канфекты, и в чашках кагве келейные его старцы и греки мирского чину. Вначале святейший патриарх пил за здравие великого государя, его царского величества,

---

[1] В подлиннике оставлено пустое место для числа.

а вдругоряд за здравие великого государя царевича, в третие за здравие его царского величества ближних бояр. А посланники и все при нем, патриархе, будучие люди пили ж».

«Потом святейший патриарх говорил, что де он, будучи здесь, имеет духовное утешение в непрестанном чтении книжном, и указывал на книги, вновь купленные кроники древние греческие, а печатаны во Франции греческим и латинским языком. И посланники спрашивали его, святейшего патриарха, как они, французы, те книги печатают, понеже в вере и в иных церковных догматех имеют великое разнствие, и совершенно ль знают еллино-греческой язык? И святейший патриарх говорил, что печатают всю старину правдою, разве малое что не печатают, которое им что к поношению и ко укоризне належит, а еллиногреческой язык достаточно знают. Потом святейший патриарх звал посланников в другую палату и оказывал книги древние исторические, греческие и латинские, которых в ящиках больше тысячи книг, и говорил, что у него те книги вместо вотчин, которые имеют в Московском государстве святейший патриарх, и митрополиты, и монастыри. И ис той палаты провожал посланников до церкви и до крыльца, которым из церкви ходят к кельям его, святейшего патриарха. А чиновные его люди духовные и мирские провожали посланников до лошадей. А лошади введены были на площадь перед церковь к тому крыльцу. А народ, которой был в церкви, мужеска и женска полу, дожидаясь посланников, смотрели вне церкви, у церкви и на той площади. А на милостыню ему, святейшему патриарху, в то время ничего они, посланники, не поднесли для того, что он у турков в великом подозрении, а отослали к нему, святейшему патриарху, посланники великого государя жалованья на милостыню сорок соболей в триста рублев, да два косяка камки лауданов, да мех белей хребтовой октября в 28 день напред своего бытия» [1].

VI. НАЧАЛО МИРНЫХ ПЕРЕГОВОРОВ. I КОНФЕРЕНЦИЯ

4 ноября начались мирные переговоры. В этот день состоялась I конференция у посланников с великим визирем, которая, по выражению Маврокордато, должна была иметь значение «преддверия», или вступления к дальнейшим переговорам. В полдень посланники со свитой из 15 человек дворян, переводчиков и подьячих в сопровождении отряда из 32 человек янычар и посланничьих людей «в цветном платье» отправились к великому визирю, причем старший подьячий Лаврентий Протопопов вез полномочную грамоту «в камке во уготованном суконном

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 199 об.—204 об.

мешке... за пазухою». На крыльце и в сенях визирева дома стояли «аги и чауши, и иные начальные многие люди»; перед посланниками шли пристав и чурбачей. Посереди визиревой палаты встретили посланников чауш-баша и Александр Маврокордато и, поздравя посланников, велели им сесть близ визирева места на «устроенных» стульях, обитых червчатым бархатом. Когда посланники сели, из другой палаты вышел рейз-эфенди — государственный канцлер или посольский думный дьяк,—как его называет, поясняя значение его должности, статейный список, — а за ним шел великий визирь, которого вели под руки справа тефтедарь (казначей), а слева новоизбранный визирский кегая (адъютант) Магмет-ага. Посланники при входе его встали. Визирь сел на софе на ковре в углу между двумя золотными бархатными подушками, а посланникам велел сесть на прежних местах на стульях. Составитель статейного списка в подробностях заметил и точно описал одежду визиря: «Кафтан на нем, везире, был соболей, покрыт светлопесочного цвета сукном, а исподней кафтан киндячной темновишневого цвету, подпоясан тесьмою с плащами золотыми, а в них каменье: алмазы, и яхонты, и изумруды большие». На голове: «зеленого сукна скуфья, обвита белою индескою кисеею». Сев, визирь положил перед собою на подушке «часы золотые зепные» (карманные). По правую сторону визиря стоял рейз-эфенди, по левую: чауш-баша, янычар-агасы, кегая и тефтедарь, а всего, как замечает статейный список, «было в той палате всякого чину турских людей больше пятидесяти человек». Визирь, поздравив посланников, обратился к ним с вопросом: «Не скучно ль им здешнее царегородское житие и в добром ли здравии пребывают?» Посланники «взаимно поздравляли» визиря и на вопрос его ответили, что «милостию божиею они по се время

Рис. 10. Великий визирь Кара-Мустафа.
Гравюра де Лармессена 1683 г.

здравы и жалованьем пресветлейшего и державнейшего императора великого государя, его салтанова величества, а потом и его, великого везиря, призрением во всяком здешнем поведении удовольствованы, и скуки никакой им нет». Затем они сделали переход к делам, выразив желание выступить с предложением, «наедине, приватно, а не всенародно». Тогда визирь приказал удалиться всем своим, оставив при себе рейз-эфенди, тефтедаря и в качестве переводчика Александра Маврокордато, а посланники оставили при себе переводчика Семена Лаврецкого *«да для записи»* подьячего Лаврентия Протопопова (таким образом, указывается составитель по крайней мере этой части статейного списка), и, кроме того, подьячий Григорий Юдин держал полномочную грамоту. Когда все лишние из палаты вышли, визирь обратился к посланникам со словами: «О чем они требовали ему предлагать, чтоб они о том теперво ему предлагали, а он того их предложения слушать будет». Е. И. Украинцев произнес, очевидно, приспособляясь к восточному стилю, несколько цветистых витиеватых слов о том, что они, посланники, будучи на приеме у султанова величества, просили о назначении ближних людей для выслушивания у них порученного им дела и для постановления и утверждения того, что «надлежит к дружбе и любви». Теперь они благодарят султана, а, видя его, визиреву, «вельможность», радуются и хотят усердно и радостно «належащие дела объявлять и к согласию приводить», а для удостоверения своих полномочий представляют полномочную грамоту. При этом посланники подали визирю полномочную грамоту и с нее список. Визирь грамоту и список принял сам и отдал рейз-эфенди, который положил их подле него на подушке. Затем визирь сказал, что вручением грамоты он «зело доволен», приезд их, посланников, сиятельной Порте угоден, грамоту он велит перевести и, «выразумев» ее из перевода, доложит султанову величеству, а потом им объявят, кому будет поручено вести с ними переговоры. Посланники просили визиря, как правителя «пространных мусульманских государств», приложить «изящное свое радение» к тем предложениям, которые они сделают, и иметь «к совершенству (т. е. к окончанию дела) усердно-радетельное и желательное свое тщание», уверяя его, что «то его радение и усердие у бога и у них, великих государей, забвенно не будет и вечною неугасимою славою всегда процветати будет». Визирь объявил, что он вступить в полезное и приятное народам обоих государств дело желает с радостью, чтобы между султановым величеством и великим государем обновилась дружба и любовь так же, как это совершилось на съездах в Карловицах у султана с цесарем римским, королем польским и «речью посполитою венецкою». Поблагодарив, посланники заявили, что имеют ныне объявить «некоторые начальные статьи». На вопрос Маврокордато: те статьи, которые они хотят визирю объявлять, относятся ли

к «миротворению» или это особое какое дело, посланники ответили, что статьи относятся к миру, и они предложат их «кратким речением», чтобы не затруднять визиря. Маврокордато предлагал было отложить объявление этих статей, сказав, что сначала визирь должен «выразуметь» полномочную грамоту; но визирь, когда ему переведены были слова посланников, выразил готовность выслушать статьи сейчас же. Тогда Украинцев объявил четыре следующие статьи: 1. На комиссии в Карловицах было постановлено заключенное там краткое перемирие привести к вечному миру или к продолжительному перемирию и чтобы для этого к султану присланы были царские послы. Теперь они и присланы, и царское величество готов быть с султаном в крепкой и непоколебимой дружбе и заключить договор о вечном мире или о продолжительном перемирии. 2. По заключении такого договора хан крымский и «всякий род татарской», состоящий в державе блистательной Порты, не должны причинять никакого зла русскому государству. 3. Размен пленных. 4. «Великий государь желает, чтоб во Иерусалиме святые места отданы были грекам» согласно многим «повелительным указам» прежних султанов. Это не значит, что царь не признает власти султана над святыми местами. Иного государя, кроме султана, над Иерусалимом нет, так как султан владеет теми местами «по воле божией». Святых мест великий государь не для себя просит, но «посредствует», т. е. ходатайствует как посредник, чтобы султан отдал те святые места своим подданным, которым отдали их предки его, самодержцы мусульманские, и славной памяти отец его султанова величества то подтвердил. Впоследствии посланники обещали эти статьи, «описав со укреплением, пространно изобразить», т. е. изложить подробно. Выслушав перевод статей, визирь сказал, что ответ будет дан в свое время и будут назначены комиссары для ведения дела, причем он надеется, что «то доброначинаемое дело восприимет себе всякое благо и доброе окончание». Этим секретная часть конференции закончилась. Визирь приказал впустить опять высланных людей и подать кофе. «И как кагве принесли в чашках ценинных, и везирь велел поднесть посланником, и посланники, приняв, пили. А потом принесли благовонное курение и подносили перед лицо везирское и посланником и окуривали». Конференция закончилась, так же как и началась, светским разговором. «И после того везирь спрашивал посланников, что они, будучи в Цареграде, куды для забавы от скуки ездили ль? И посланники говорили, что, опричь святейших патриархов константинопольского и иерусалимского, и то для слушания божественные литургии и для поздравления им, нигде они, посланники, не были и желания их никуда ехать не было для того, что еще по се время никакого разговору о государственных делех с ним, великим везирем, они, посланники, не имели. И везирь сказал: еще де будет такое время,

куда им, посланником, ездить. И салтаново величество и он, везирь, того, куда б им намерение было ездить, не забороняют и дают им в том повольность. И посланники говорили, что за такую повольность его салтанову величеству они, посланники, челом бьют, такожде и ему, великому везирю, благодарствуют. А когда им, посланником, потребно будет куда ехать, и о том они скажут Александру Маврокордату». Далее посланники стали извиняться перед визирем, что «утрудили» его своими разговорами, и хотели откланяться. «А потом ему ж, везирю, посланники говорили, что они его, везиря, многими своими словами утруднили, и в том бы на них он не подивил, и ныне время уже им ехать на подворье». Но визирь еще задержал их, говоря, «что ему в том их благополезном предложении и во искусном доношении никакие трудности и докуки нет и не имеет, потому что присланы они от его царского величества к салтанову величеству для доброго и обоим государствам полезного дела и приемлет их, посланников, он, везирь, с радостию». Посланники вновь обратились к нему с просьбой: «Когда ему, великому везирю, то их, посланничье, предложение и доношение угодно, а не докучно, и приезду их он желателен, и он бы, везирь, в тех... предложенных делех приложил труды свои и радение, дабы те дела, не испустя благополучного времени, приведены были к совершенству. И везирь говорил, что он в тех делех труды свои и радение прилагать готов и желает того, чтоб междо такими славными обоими государствы была тишина и благополучной покой. И потом посланники встали и, поклонясь по обычаю, из палаты пошли» [1].

VII. ОБМЕН ДИПЛОМАТИЧЕСКИМИ ВИЗИТАМИ

Посланники начали делать дипломатические визиты и 7 ноября ездили на Галату к французскому послу. От посольского двора они шли пешком до Песочных ворот, а от Песочных ворот до Галаты ехали морем в принадлежавшей русскому кораблю шлюпке; с ними сидели и их пристав и капитан Памбург. Сопровождавшая посланников свита (дворяне, переводчики, подьячие, толмачи, посольские люди, а также чурбачеи, чауши и янычары) плыла в особых наемных лодках. Французский посол встретил их и «витался» (поздоровался) с ними на крыльце и шел с ними через трое сеней. Войдя в светлицу, Украинцев говорил послу, что, «воздавая честь христианнейшему государю, его королевскому величеству, приехали они, чрезвычайные посланники, его, посла, поздравить и в делех, потребных ко услужению, повольны быти ему себя обещают». Посол, поблагодарив за посещение, сказал, что он

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 207—216.

Рис. 11. Константинополь. На первом плане — Скутари. На втором плане — слева Стамбул, справа — Галата и за ней — Пера.

Гравюра из книги К. де Бруина. «Путешествие в Малую Азию, Сирию, Египет и Палестину», изд. 1698 г.

писал уже королю об их приезде, а теперь будет писать о посещении. Затем посол и посланники сели «в стулах бархатных вызолоченных». Посланники сказали, что им надлежало бы посетить его, посла, тотчас же по приезде, но они не могли этого сделать за некоторыми трудностями, а более всего за дальним расстоянием. Посол говорил: «Правда де, что имеет он с ними расстояние не малое и, не быв у салтана, видеться им было невозможно. Да и приехали они для нужных дел, и в таковых случаях иногда и дружба отлагается до иного времени». Затем посол спрашивал посланников: «Привыкли ль они к здешнему воздуху, и каков двор, где они, посланники, стоят? Посланники сказали, что они, милостию божиею, здравы, а поставлены на дворе некоторого честного человека. И посол говорил: слышал де и он, что поставлены они на добром дворе, только де на Галате жить веселее и здравее, нежели в самом Цареграде. И посланники говорили: и сами де они то видят, что на Галате жить лутче, нежели в Цареграде, потому что в городе дворы частые и тесные, а здесь дворы пространные и воздух свободной и светлой, только де в том не их воля; где они поставлены, тут и стоят». Посол говорил: «Обыкновение де здесь такое, что приезжих иных государей послов и посланников ставят в Царегороде на лутчих дворех, которых подобием на Галате нет, а хотя которые подобием таким и есть, и тех домов самих жителей тем утеснить невозможно». Посол затем спросил о здоровье государя: «Как они поехали с Москвы, и великий государь, здравствует ли?» На что посланники отвечали, что «великий государь в государствах своих в добром здравии пребывает». Посол далее навел речь на заводимые Петром новшества. «Великий де государь, — спросил он, — как они (французы) видят, изволил немалое новое дело, то-есть корабельное строение, всчать и делать? И посланники говорили: то де корабельное строение по воле божии чинится, и всякие новые дела обыкли всчинаться изволением монаршеским, и бывают те дела и впредь прочны и постоянны, и много таких на свете дел, которых предки их, государские, не имели, а наследники то делают. А в иных де государствах то они слыхали, что и один корабль строится лет по пяти, и по шести, и по семи. А великого государя изволением и в один год могут состроиться двадцать кораблей, потому что лесов и корабельных припасов и всяких мастеровых людей в государствах его царского величества довольство многое». Посол сказал: «Только де бы о строении корабельном великого государя указ был, а трудности в том деле никакой нет. А корабль де, на котором они, посланники, к Царюгороду приехали, зело состроен по размеру и по достоинству и к хождению морскому скор». Посланники в ответ на эту любезность сказали: «Милостью божиею и великого государя счастием на том корабле преплыли они Меотийское и Евксинопонтское море без всякой трудности, а от Керчи пришли к Царюграду в пятой

день. И посол говорил: зело радуется он о том, видя у себя таких честных гостей, их, царского величества посланников. И посланники говорили, что и они тому радуются ж, что увиделись с ним, послом; да и впредь желают с ним видетись и спрашивали: королевского де величества посол, назначенной ему на перемену, где ныне и давно ль из Парижа поехал? И посол говорил, что назначенной ему на перемену посол выехал из Парижа тому четыре месяца и ныне живет в Смирне и при благополучной погоде может сюды приитить в четыре дни. Посланники ж спрашивали: у королевского величества в котором месте на Белом (Средиземном) море корабельные пристани? И посол говорил, что у королевского величества две пристани на Белом море: одна корабельная в Тулоне, а другая каторжная или галерная в Марсилии. А у царского де величества ныне три морские пристани: первая у Архангельского города, вторая у Астрахани, третья у Азова. Московское де государство стоит междо тремя морями». Посланники на это заметили, что у царя есть и четвертая пристань под Казыкерменем. «И посол говорил: слышали де мы и то, что у царского величества и на Каспийское море вновь суды сделаны ж для унятия тамошних морских разбойников. И посланники говорили, что суды у царского величества на то море поделаны наипаче для торговли персидской. А разбойников там морских бывает мало, только выходят иногда для кражи и грабежу по небольшому в малых каюках горские черкесы, и тех из Астрахани и с Терка царского величества ратные люди разбивают и усмиряют в то время». Посол поинтересовался работами по сооружению канала между Волгою и Доном: «Слышали де они и то, что делают у царского величества меж реками Волгою и Доном перекоп, чтоб проход был водою из Волги в Дон, и то де подлинно ль так и для чего то строится?» Посланники ответили не особенно любезно, «говорили, что по указу царского величества междо теми великими реками тот перекоп делают, — но объяснить цели этого предприятия отказались, сказав: «а для чего, и то в воле его царского величества». На этом разговор кончился. «И потом подчивал посол посланников розным питьем, и провожал посланников посол и секретарь и дворяня до тех мест, где встретили» [1].

14 ноября французский посол присылал к посланникам своего толмача с извинением, что, несмотря на свое великое желание, с ответным визитом быть у них не может из-за плохой погоды «за тем, что сего числа на море погода зело великая, и в каюках от Галаты к Песочным воротам за тою погодою приехать ему невозможно; да и чрез Галатскую проливу за тою ж погодою в Царьгород переехать не мочно ж». Поэтому он, посол, вынужден приезд свой к посланникам отложить до завтра.

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 219—223 об.

В то же утро приходил секретарь английского посла Георгий Шраер. Войдя к посланникам в палату, он говорил: «Ходил де он сего числа, приехав в город с Галаты, для гуляния, и прилучилось ему итить мимо их, посланничья, двора. И по совести де христианской доброжелательной зашел он к ним, посланником, поклон свой отдать и поздравление им учинить». Посланники в ответ сказали, что они «тем его приходом благодарны и любовь его к себе почитают», и спросили о здоровье английского посла. Секретарь, ответив на их вопрос, сообщил затем посланникам интересовавшее их известие, что английский и голландский послы получили от своих правительств указы о посредничестве в предстоящих русско-турецких переговорах, сообщили эти указы великому визирю и что от визиря и от султана получен благоприятный ответ. При этом Шраер засвидетельствовал, что, как раньше на Карловицком съезде он царской стороне «всякого добра желал и бывшему там русскому послу радение свое оказывал, так и ныне им, посланникам, услужить готов». Затем он спрашивал у посланников, были ли к ним за последнее время из Москвы какие-либо письма. Посланники сказали, что из Москвы к Царьграду почта не ходит и писем к ним «в присылке» из Москвы и от Киева нет. Продолжая разговор, Шраер сказал далее, что из английской и из голландской земель писано к послам, что в Москве после их, посланничья, отъезда были великие пожары, во время которых немалая часть Москвы выгорела. Посланники говорили: «Ведомость де им об одном пожаре была еще тогда, как они были в Азове и у Таганрога, и пожары де на свете не диво, потому что и в иных окрестных государствах, также и в Цареграде, пожары бывают же». Секретарь сказал, что в Москве великие пожары бывают потому, что там много деревянных построек, заметив при этом: «А у них де в Аглинской земле таких пожаров не бывает». На это Украинцев возражал, что «в Московском государстве каменного строения много, и к тому каменному строению прилежание ныне есть немалое, только меж тем каменным строением есть многое и деревянное строение, и пожары чинятся от того деревянного строения»; а на замечание секретаря, что в Англии таких пожаров не бывает, московский дипломат очень находчиво и кстати напомнил о большом лондонском пожаре 1666 г.: «А он де, посланник, помнит и то, да и забыть того еще некогда, как тому минуло не с бо́льшим тридцать лет, что и королевского величества аглинского стольной город Лондон чуть не весь выгорел». Шраер должен был признаться, что «о том великом лондонском пожаре слыхал и он. И выгорело тогда больше 30 000 дворов. И с того де времени у них в Аглинской земле почали палатное строение созидать каменное твердое и от огненного запаления безопасное. А до того пожару, хотя у них строение было каменное ж, однако строили гораздо плохо и непрочно, и мешано было больше

Рис. 12. Строительные работы при устройстве канала Волга — Дон.
Гравюра на карте канала в атласе К. Крюйса 1703 г.

каменное с деревом. А после того великого пожару при добром каменном созидании от пожаров их бог хранил, и бывали пожары намале» [1]. Посланники сказали о своем давнем желании видеться с английским и голландским послами и о том, что не удалось им найти для этого свободного времени. Секретарь говорил, что и послы с ними свидания желают, но мешает отдаленность расстояния. Если бы посланники были поставлены где-нибудь поблизости, в Галате, то послы давно бы уже с ними повидались. Если они наступающей зимою останутся на прежнем месте, то в зимнее время видеться будет с ними трудно: «Водяным путем в каюках за льдом и за ветрами ездить будет невозможно, а сухим путем неспособно». Он, секретарь, на дорогу от своего посольства до них и обратно употребляет три часа времени. «И для таких способностей лучше им, посланникам, стоять в Фонарской улице, где стоял польской посланник. А в той де улице дворов добрых и пространных греческих много, и чает де он, секретарь, буде они, посланники, у везиря о том новом дворе домогаться станут, и им новый двор дастся без прекословия, потому что и посредникам то будет надобно и потребно». С своей стороны он обещал просить своего посла о содействии. Этим разговор кончился, и посланники, «подчивав его, отпустили» [2].

На следующий день, 15 ноября, состоялся визит французского посла. Посол приезжал после полудня в сопровождении огромной свиты, увеличенной еще всем составом французской колонии в Константинополе: «За ним королевских дворян и чиновных и его, посольских, и всяких чинов торговых и мастеровых людей французов, которые живут в Цареграде, пеших было со сто с пятьдесят человек». Для встречи его у посланников на посольском дворе от самых ворот и до крыльца по обеим сторонам стояло русских солдат с корабля два капральства. На дворе встретил его персонал русского посольства, на крыльце сами посланники, «потому что и он, посол, как они, посланники, у него были, во встрече учинил такую же им честь и почитание». «Витався» с посланниками, и, войдя в палату, посол говорил: «По должности де христианской и за приезд их, посланников, к нему довелось было ему, послу, к ним приехать давно и желание его о том было. Однако ему припятие чинилось от великой погоды, для которой и теперво он тем своим приездом позамедлил, и чтоб на него в том они, посланники, не имели гневу». Посланники ответили обычной в этих случаях благодарностью, что «они приезду его к ним с желательством радостны и за такое его посещение благодарствуют. И, поздравя посол посланников, а посланники посла, сели по местам. И, сидя, посол говорил: хотя де у него с ними, царского величества по-

---

[1] О лондонском пожаре 1666 г. см. т. II настоящего издания, стр. 305.
[2] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 224—229 об.

сланниками, древнего знакомства и не было, однако, видя он, посол, к себе изрядной их доброжелательной поступок и любовь, желает с ними, посланники, всегда быть в благоприветствовании и в любви он, и о том их благоразумии и что они с любви своей к нему, послу, напред сего приезжали, писал он, посол, к государю своему, к его королевскому величеству французскому». В соответствии с этими изысканными французскими фразами, тяжеловато переведенными на русский язык, послы также отвечали витиеватыми фразами, говорили, что «по совести христианской довлеет им междо собою всегдашную иметь любовную дружбу и взаимно о таком его, послове, к ним благоприветствовании и что он оказуется любовию ж и приехал к ним, и они, посланники, к великому государю своему, к его царскому величеству, писать будут же». Разговор перешел к жилищу, занимаемому посланниками, и к константинопольскому климату. «Посол говорил: как де он ныне своима очима видит, что тот двор, на котором они, посланники, поставлены, хотя и в дальности от них, изрядной и пространной, и строения на нем много. И по достойности их благоразумия такой им двор дан. Только спрашивает он, посол, у них, посланников, о том, что нет ли им от здешнего воздуха вредительства? И посланники говорили, что за милосердием божиим по се число от здешнего воздуха повреждения им нет, и пребывающие при них люди все здравы. И признавают они, посланники, что приезд их в Царьград случился в благополучное осеннее время, в которое бывает холодно. А летом де, как они, посланники, слышат, бывают здесь великие жары и живущим людям от тех жаров случается неспособность к здравию. И они де, посланники, спрашивают его, посла, что в летнее время, а паче в мае, и в июне, и в июле месяцах, когда бывают великие жары, и тогда где он пребывание свое напред сего имел и из Галаты куда отъезжал ли? И посол говорил: правда де то, что в те времена в Цареграде бывают великие жары, только видеть ему того не случилось, потому что в такие времена в Цареграде он не живал, а бывал в отъездех, иное в морском плавании, а иное во Адрианополе. И тот де город Адрианополь воздухом и всяким приволием зело удовольствован, и жить в нем в летнее время весело, и многие там есть угодья к птичьей и ко псовой охоте, и тем де немалую забаву живущие там люди себе приемлют. Да и быть де во Адрианополе всякой потехе пристойно, потому что прилегли кругом его равные и гладкие великие поля и перелески небольшие. И чает де он, посол, что и в Московском государстве такие охоты есть же, потому что славные птицы сунгуры, которые называются по-русски кречаты, вываживаны были напред сего из Московского государства. Только де разве той охоте препятие от того, что лесов там много, а таких угожих мест, как около Адрианополя, в Московском государстве нет. И спрашивал он же, посол, что в Российском

государстве виноград родится ль и из того винограду красное какое питие делают ли? И посланники говорили: в Московском де государстве птиц: кречатов и иных ко употреблению полевой охоты много, и тое охоту многие употребляют. И таких мест, где быть охоте, много, потому что около Москвы и в иных градех и странах прилегли равные ж и гладкие места и перелески малые изрядные, и воздух благополучной. Да и виноград де в Российском государстве родится в двух местех: в Астарахани да в Киеве, и питье красное из него делают». Затем перешли к угощению, «подчивали посланники посла розным питием и ставили перед него всякие канфекты, а дворян его, посольских, и всех с ним людей подчивали ж дворяне и переводчики в особых палатах розными ж напитками и ставили им канфекты. И посол говорил: по первому де случаю у них, посланников, он, посол, по премногу удовольствовался и сидел немалое время и просит прощения, что уже ему приспело время ехать. А впредь, ежели бог подаст здравия, для расширения любви он с ними еще увидится. А ныне он за такую их любовь благодарствует, за что долженствует взаимно отслужить им таким же случаем. И, встав и привитався с посланники, пошел. Провожали его посланники, и дворяне, и переводчики, и подьячие, и толмачи до тех же мест, где встретили» [1].

Это свидание посланников с французским послом было последним. Выше было уже сказано, что на заявление посланников Александру Маврокордато, переданное ему с его племянником Дмитрием Мецевитом, о том, что они хотели бы видеться с пребывающими в Константинополе иностранными послами «по обычаю гражданскому вежливых народов», Маврокордато ответил молчанием, которое показалось посланникам обидным, и они протестовали, говоря, что они — люди вольные, куда хотят, туда и едут [2]. Однако этой их воле был положен конец. Турки категорически запретили посланникам свидания с иностранными дипломатами. Маврокордато, «ведая мысль салтанскую и везиреву», извещал посланников 16 ноября, чтобы они ни к кому из послов не ездили, приводя мотив: «для того, что розных государей у послов розные и мысли». Хотя послы английский и голландский уведомили султана о поручении им от их государей выступить в русско-турецких мирных переговорах с посредничеством, и султан это посредничество принимает, «однако бы они, посланники, безвременно к тем послам не ездили». Когда и цесарский посол прибудет в Константинополь, посланники должны будут от посещения его также «поодержаться». Впрочем, султан их свободы не стесняет. Если они захотят «ехать к которой церкви божией или куды для погуляния, и то им свободно, только бы от повидания с послы иных

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 229—232 об.
[2] См. выше, стр. 49.

государей поудержались до времени»[1]. Через несколько дней, 25 ноября, посланники вновь подняли этот вопрос, выражая желание повидаться с английским и голландским послами, причем жаловались, что, не посетив этих послов, они вызвали с их стороны укоризну в невежестве и такое мнение, «что будто они, посланники, не человеколюбцы и политичного обычая не знают, что их, послов, по се время не посетят. И такие де слова происходят об них для того запрещения их, что салтанское величество и великий везирь видеться им, посланником, с ними не допущают». Маврокордато от имени визиря ответил: «А о свидании с аглинским и с галанским послы велел им, посланником, везирь сказать, что видеться им с ними, послы, не для чего, потому что вступили уже они, посланники, в дела мирного договору, авось либо де даст господь бог, что и без совету их мир междо государствы учинится. Разве де дойдет до какого несогласия и до розни, тогда де доведется обоим странам сопча, буде понадобятся, позвать и тех чужеземских послов для посредничества». Мотивируя это запрещение, Маврокордато приводил очень слабые аргументы: во-первых, если посланники будут ездить к чужеземным послам, могут возникнуть нежелательные пересуды в народе, во-вторых, послам небезопасно ездить по улицам. При этом первый аргумент он основывал на изложенной им тут же теории взаимоотношений государя и народа. «А беспотребно де ездить им, посланником, к чужеземским послом; в народе турском будет не без переговоров. Да и опасно, чтоб в тех их, посланничьих, переездах от какого дурного человека не учинилось им какого бесчестия. И для того ненадобно давать никакой причины народу к переговором об них, посланниках, потому что всякого слуху больше бывает в народе, которого слуху и государь иногда слушает, понеже *как народ служит государю, так и государь служит народу*. Да и послом де аглинскому и галанскому и иных государей сказано, чтоб и они ездили временем и с ведома, а без ведома не добре бы разъезжали. . . А к церкви де божией им, посланником, ходить и за город гулять ездить свободно и вольно, только бы о той своей поездке, куды они ехать похотят, ведомо они чинили везирю»[2]. Этого запрещения Украинцеву и Чередееву видеться с другими иностранными дипломатами турецкое правительство держалось упорно и все дальнейшие их просьбы о таких свиданиях отклоняло[3].

Сношения с чужеземными послами все же не совсем прекратились; они происходили только в форме пересылок через второстепенный персонал посольства: через секретарей, переводчиков, подьячих и пр. Однако и такие пересылки не всегда совершались беспрепятственно и гладко. Капитана, присланного

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 237 об., 239 об.
[2] Там же, л. 255—260 об.
[3] Там же, л. 324 об., 327 об., 351, 411 об. — 412 об., 417, 422—422 об.

к посланникам венецианским послом, караульные янычары не только не пропустили к посланникам на двор, но и «отослали прочь с бесчестием, а человека его, капитанского, те ж янычаня и зашибли... И тот де его капитан пришел к нему (послу) чуть жив, потому что зело от них, турков, испужался» [1]. Само собою разумеется, что и самое содержание таких пересылок должно было сузиться, и пересылки имели большей частью лишь формальный характер, сводились к заявлению с той и другой стороны о желании повидаться лично, к жалобам на препятствия к свиданию от турок, к взаимным поздравлениям. Старый французский посол через своего доктора извещал о своем отъезде и прощался; вновь приехавший и его сменявший уведомлял о своем приезде и вступлении в должность. Голландский посол 31 декабря прислал своего конюшего поздравить посланников с новым годом, который, как замечает составитель статейного списка, «начинается у папежников и у прочих иноземцев генваря с 1-го числа», не подозревая, что новый год на этот раз начался с 1 января не только у «папежников» и «иноземцев», но и в самой Москве. Передав поздравление, конюший сообщил посланникам, что его посол ходатайствовал по их просьбе перед Портою о разрешении свидания, но ответа еще не получил и на колкое замечание посланников: «знатно де Порта их, послов, пренебрегает, что с ними, посланники, видеться их не пускает», возразил, что «по сие де время знаку никакого о том пренебрегательстве от Порты им еще не было», а невнимание турок объяснил так, что турки по природе своей таковы: «когда до кого нужду в чем имеют, тогда его слушают и почитают, а соверша дело свое, ни во что того вменяют. А когда де они, послы, были им потребны, тогда они их и слушали, а когда де они дело свое по намерению своему совершили, то они их, послов, впредь, чаять, мало станут почитать и слушать» [2]. От венецианского посла посланники желали узнать, заключен ли у республики мир с Портою, отданы ли туркам с венецианской стороны города Лепанто и Превеза. С ним, несмотря на оскорбление, нанесенное янычарами его капитану, посланникам удалось обменяться письмами [3].

Столь же отрицательно отнеслись турки к желанию посланников переменить двор, на котором они стояли, и поселиться где-либо поблизости от Галаты, где жили чужеземные послы, с тем, чтобы иметь возможность чаще с ними видеться. Но помимо этой причины посланники указывали на неудовлетворительное состояние отведенного им помещения, на непригодность его для житья в нем зимой и на опасность для здоровья обитателей: «двор тот бывал пуст и разорен, и кровли все

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 328—329.

[2] Там же, л. 408—408 об.

[3] Там же, л. 261 об. — 268 об., 291—294, 294—299 об., 327 об. — 330 об., 351 об. — 352 об., 388—392, 408—409, 447—448.

опали, и везде бывает от дождя великая теча. И такую нужду до сего времени терпели посланники для того, что чаяли в делех поспешения и скорого себе отпуску. А за такою ныне в делех мешкотою дожили до зимы и учала быть стужа. А во всех палатах окончин и печей нет, и от того многие было люди катарами и иными болезньми занемогли. И чтоб он, Александр, доложил о том великого везиря, чтоб им, посланником, дан был иной двор близко Галаты в Фонарской улице или инде где против Галаты». Турки ответили отказом: достаточно поместительного двора близ Галаты нет, пришлось бы отводить им несколько обывательских дворов и из них принудительно выселять жителей в зимнее время: «Перемены (двора) не будет для того, что ныне время настало холодное, и если де переменять двор, то надобно, приискав дворы, очищать дворов пять или шесть для того, что дворы там малые и на одном дворе им, посланником, вместиться будет невозможно, и из домов надо жителей выслать вон, и то б учинилось с великим плачем многих людей. И салтаново величество того на себя плача и жалобы навесть не хочет, а приказал накрепко тот двор, где ныне они, посланники, живут, починить и кровли перекрыть, чтоб никакой посланником нужды не было, и вместо печей велеть дать в житья жаровни, потому что по их обычаю в житьях печей у них не бывает»[1]. Попытка посланников переменить двор и поселиться поближе к Галате, где жили иностранные послы, не удалась. Да и распоряжение султана о ремонте их двора приводилось в исполнение не сразу и посланникам приходилось не раз вновь поднимать этот вопрос.

VIII. СМОТР ТУРЕЦКОГО ФЛОТА. II И III КОНФЕРЕНЦИИ

16 ноября посланники были приглашены на смотр турецкого флота, возвратившегося из Средиземного моря. Утром в этот день приходил к посланникам их пристав капычи-баша и говорил: «Салтаново де величество изволит сего числа смотреть из набережных сараев (дворца) морского своего каравана кораблей и каторг, которой пришел с Белого моря с адмиралом их с капитаном-пашею с Медзомортом. А стоит тот караван у Галатской морской заливы поблизку того корабля, на котором они, посланники, к Царюграду пришли. И тому де Медзоморту и иным пашам, которые с ним на том караване были, за их службу даны будут его, салтанова величества, жалованья — шубы собольи. И те шубы наденут на них при нем же, салтане,

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 238—239, 253—254 об.

и будет с того каравана пушечная стрельба, чего смотреть учнут многие люди. Да и им де, посланником, салтаново величество, буде они похотят смотреть того, поволил же, и для того отведен им особой двор — неподалеку от его, салтанских, сараев — Юсупа-паши, которой ныне стоит с ратными людьми у Дуная в городе Бабе. И чтоб они, посланники, с ним, буде похотят, ехали того каравана смотреть сего числа без замедления для того, что салтан того каравана смотреть будет из утра рано до полудни, и чтоб им не опоздать». Посланники отправились на смотр со всем персоналом посольства и с обычным сопровождением — всего человек со сто — и расположились в отведенных для них палатах Юсуп-паши. «И как великой везирь, и иные кубе-везири, и паши к салтану в верхние его сараи все съехались, и тогда он, салтан, из тех верхних сараев чрез сад пришел в вышеупомянутые набережные свои сараи. И позвали к нему того капитана-пашу Медзоморта с товарищи. А приезжали они с кораблей своих в легких нарядных каюках, и были они перед ним, салтаном, на малое время, меньше получаса, и даны им шубы. И надев те шубы, отпустили их в караван в тех же каюках, на которых они приезжали. А как капитан-паша с товарищи на корабль свой приехал, и с того корабля изо всех пушек, также и со всех кораблей и с каторг каравана его была стрельба пушечная одиножды. А та залива, где тот караван стоял, шириною будет версты с три. А пушки на тех кораблях и на каторгах были великие, от которой стрельбы тряслись в Цареграде набережные каменные домы. А в караване того Медзоморта-паши 12 кораблей, да три каторги, да еще две каторги того ж каравана к Царюграду пришли до приходу его с венецийским послом[1]. И те все... каторги от тех кораблей поставлены были особо в Терсане. А пушечной стрельбы с того каравана было: с первого корабля, на котором он, капитан-паша Медзоморт, из 86 пушек, а всех на том корабле 114 пушек. А длиною и шириною и вышиною тот корабль великого государя корабля, на котором посланники пришли, гораздо больше и пушечных на нем три боя чрез весь корабль, а четвертой пушечной же бой на корме у каюты верхней». Перечислив далее, по скольку выстрелов было с остальных кораблей и с пяти каторг, статейный список продолжает: «А как стрельба с кораблей и с каторг минулась, и капитан-паша поехал с корабля своего в каюке на двор свой, которой у него близ Терсаны на Галате. А после того и салтаново величество поехал из сараев своих в каюке в другие свои набережные сараи, которые в Терсане против дворов святейших патриархов цареградского да иерусалимского. А сидел он, салтан, в том каюке близ кормы под балдехином суконным зеленым. А перед ним

---

[1] Венецианский посол Лоренциус Соранцо прибыл в Константинополь 3 ноября 1699 г. Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 217.

сидело ближних людей три человека. А гребцов было на том каюке в кисейных белых рубашках по 12 человек на стороне. И тот каюк шел зело скоро. А по обоим сторонам того каюка сажен в 30-ти плыли на двух каюках ближние ж его люди. Да и позади того каюка саженях в тридцати ж плыло два ж каюка, а на гребцах были белые ж рубашки. И посланники, пропустя салтаново величество, поехали к себе на подворье»[1].

18 ноября Маврокордато прислал своего племянника Дмитрия Мецевита уведомить посланников о времени и месте II конференции и о лицах, уполномоченных вести с ними переговоры. Конференция назначалась на следующий день, 19 ноября. Для заседаний был отведен дом умершего кубе-визиря Кара-Мустафы-паши.

Для ведения переговоров назначались те же сановники, которые вели их на Карловицком конгрессе: великий канцлер рейз-эфенди Магмет и «во внутренних тайнах» секретарь Александр Маврокордато. Мецевит просил ехать на конференцию, как только будет прислан нарочный, без промедления и людей взять с собою «немноголюдно». Посланники стали возражать против 19 ноября, которое приходилось в воскресенье, говорили, что «завтра день воскресной, и в такой день на разговорех быть они не чаяли, потому что у всех православных христиан тот день бывает в почтении и употребляют его для моления, а не для работы. И надобно де было им того числа также господу богу благодарение воздать. Да и у жидов де из недели один день субботный, а у турков день пятничный вместо воскресного дни в почитании ж. И в те дни больше они присовокупляются по своему закону к молению ж, а не к работе». Мецевит соглашался с тем, что воскресенье следовало бы почтить воздержанием от работы, но труды о таком деле, каким они будут заняты, можно допустить и в воскресенье: «Правда де, что по христианскому обычаю тот воскресной день почтить было должно, и от работы удержаться надобно, обаче же он рассуждает, что в такой день их, посланничьи, труды не иные какие, но только о добром мирном деле будут, и то к иным неплодным трудам не пример», на что посланники заметили, что «они о том говорят не для иного чего, только для того, как в котором государстве и в народе законное постановление содержится, а на разговорех они завтра быть готовы и людей с собой возьмут, что доведется, и велел бы он, Александр, прислать к ним только пять лошадей». Отвечая далее на целый ряд предложенных ему посланниками вопросов, Мецевит сообщил, что султан сегодня отправляется на время в село свое, именуемое Чин-баши, до которого Белым морем езды 17 часов, что «на Черном море в нынешних числах бывает великое волнение и стужа большая, а на Белом (т. е. Мраморном и Среди-

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 231 об. — 235 об.

земном) бывает теплее, и волнение на Белом море бывает не таково свирепо, как на Черном, и для того никаким судам ныне по Черному морю до богоявленьева дни ходу не бывает. А пойдут всякие суды по Черному морю после богоявленьева дни вскоре, а по Белому морю ходят суды всегда»; что турецкий караван станет зимовать под Царьградом и для того поставили его сего числа у Терсанской пристани; что у капитана-паши Медзоморта в Царьграде два двора: один в самом Царьграде, а другой близ той Терсанской пристани. Посланники, интересуясь способом содержания турецкого флота, спросили: «Те корабли и каторги, которые ныне к Царюграду пришли, все ль салтанские или есть пашинские и бейские?» Мецевит рассказал, что в караване каторги «строения некоторых пашей и беев, а не салтанские. И о тех каторгах, и о всяких приналежащих припасех, и о гребцах попечение имеют те ж паши и беи, чьи те каторги. А салтану де до того ни до чего, кроме пушек и пороху, дела нет. И когда их для какого походу салтан спросит, и они всегда у него бывают в готовности, а им де за то дается по вся годы из салтанской казны денежной платеж... А корабли, которые с ним, Медзомортом, пришли, все салтанские, и всякие протори для тех кораблей имеет он, салтан, из своей же казны». При этом рассказе Мецевита у Украинцева и Чередеева, вероятно, мелькнула мысль о русских кумпанствах. Возможно, что и заданные Мецевиту вопросы были предложены в связи с этими воспоминаниями [1].

II конференция состоялась на следующий день, в воскресенье 19 ноября. Посланники выехали в обычном порядке. На крыльце отведенного для конференции дома умершего визиря Кара-Мустафы-паши их встретили люди великого визиря, которых было человек 20, и Дмитрий Мецевит. Войдя в залу заседаний (в «ответную палату»), посланники сели на приготовленные для них бархатные подушки. «А салтанских назначенных для договоров думных людей [2] (рейз-эфенди и Александра Маврокордато) в то время в той палате не было. А приехали они на тот двор после. А посланники приставу говорили: для чего он привел их на тот двор, а тех салтановых думных людей, с которыми им иметь разговоры, нет? И пристав говорил, чтоб они, посланники, в том не подосадовали, что по се время думные люди, с которыми им быть на разговоре, не бывали, потому что ехали они, посланники, к тому двору скоро, а он де еще с пути послал к ним о том ведомость. И чтоб они пообождали их на малое время. И те везирские люди подносили посланникам пить кагве и шербет. И посланники того шербету и кагве у них не приняли и говорили, что

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 239 об. — 242 об.
[2] Этим термином составитель статейного списка обычно называет турецких уполномоченных.

до тех мест, покаместа назначенные с ними думные люди на разговоры к ним будут, пить они не станут». Вскоре думные люди — рейз-эфенди и Маврокордато — явились. Войдя в палату и обменявшись с посланниками приветственными словами, выражавшими пожелание привести к счастливому окончанию доброначатое дело, «думные люди велели подать шербету и кагве и говорили: по обычаю де их ведется у них так, что, воздавая им, посланником, честь, в начале доведется их подчивать полезным питием, а потом разговор о делех употреблять должно, и чтоб они, посланники, с любви своей то их питие приняв, елико возможно, употребили; а после того станут они с ними чинить разговор о делех». Посланники на эти слова ответили общей сентенцией об отношениях гостей к хозяевам: «Долженствует де всегда сперва для почтения приезжему гостю слушать дому того господина, к кому он приедет, а потом поступать с ним к делу с рассмотрением. И они де того не прекословят. И приняв, посланники и думные люди кагве пили». Маврокордато объяснил причину их опоздания на конференцию: «Господин де рейз-эфенди сего числа зело было изнемог; и для того они приездом своим на тот съезжей двор и поумешкали. И для той его немощи нынешней съезд хотели было они поотложить до иного времени; только не хотя слова своего переменить и их, посланников, тем в сумнение привесть и чрез великую мочь он, рейз, ныне к ним, посланником, приехал». Посланники сочувственно заметили, что «за такие его потребные дела, для которых он, хотя и чрез мочь свою, труд восприять не отягчился, подаст ему господь бог от той болезни здравие, да и они, посланники, здравия ему желают же». Турецкие уполномоченные сказали: «Время де им приспело говорить о делех». Из палаты были удалены лишние люди: при посланниках остались только переводчик Семен Лаврецкий и двое подьячих для записи речей.

После этого начались переговоры. Если с речей, которыми на этой конференции обменялись ведущие переговоры стороны, снять риторику с ее словесными украшениями, со всеми декларациями об «учинении умножительной дружбы и любви», о необходимости вести дело «истинным и чистым сердцем и намерением и душою откровенною», «без всякого препятия», если опустить цветистые изъявления благодарности и тяжеловатые взаимные комплименты, то суть переговоров на II конференции сводилась к двум вопросам: во-первых, о виде соглашения — заключать ли мир или продолжительное перемирие; во-вторых — что поставить в договоре на первое место. По первому вопросу турки высказались прямо, что от султана дан им указ: для установления между государями дружбы, а между народами покоя и тишины заключить с посланниками договор о вечном мире. Из двух возможных видов соглашения султан предпочитает вечный мир, потому что «в перемирье временная будет

дружба, а вечным миром всегда будет покой и тишина, и умножится крепчайшая дружба и любовь». Но в крайнем случае султан не отказывается и от длительного перемирия. Посланники же высказывались по этому вопросу не столь определенно, они говорили и о том и о другом виде соглашения, «не отрицались поступить и на вечный мир». По второму вопросу — с чего начать переговоры — обе стороны совершенно разошлись. Турки заявили, что прежде всего надо договориться *о рубежах,* т. е. установить границы между обоими государствами, разумея под вопросом о рубежах вопрос о завоеванных русскими местностях: о днепровских крепостях и об Азове. Для посланников вопроса о границах не существовало: они не допускали мысли, что завоеванные русскими местности могли быть предметом спора, эти местности были неотъемлемой принадлежностью России, ее составной частью. Поэтому посланники требовали прежде всего ответа на предложение, сделанное ими на I конференции, на те четыре или по существу на три статьи, с которыми они тогда выступили, заявляя, что ни о чем другом до получения ответа говорить не станут. Стали намечаться, таким образом, различные и противоположные точки зрения обеих сторон. С точки зрения турок для заключения договора самую большую трудность представлял вопрос о границах; для посланников же самого этого вопроса о границах не существовало. Они приехали в Константинополь без всякого намерения уступать туркам что-либо из завоеванного в последнюю войну и толковали дело так: эти завоеванные территории уже уступлены турками Московскому государству на Карловицком конгрессе; оставалось только краткосрочное двухлетнее перемирие, заключенное на этом конгрессе, обратить или в более длительное перемирие, или в вечный мир. С этой целью, согласно принятому в Карловицах решению, они прибыли в Царьград, и поэтому они предложили на I конференции статьи, из которых, по их мнению, должен был состоять акт договора: о крымском хане, о полоняниках и о «святых местах», статьи, вполне приемлемые для турок, и о которых без всяких особых затруднений можно было договориться. Между тем, турки вопрос о рубежах ставили в теснейшую связь с вопросом о виде соглашения. Когда посланники спросили, чего они хотят, вечного мира или длительного перемирия, Маврокордато ответил, что в этом предложении посланников «являются две вещи — либо вечной мир или на довольные лета перемирие учинить, и те вещи имеют в себе две силы. И надобно им, посланником, к тем обоим силам намерение свое объявить». Здесь под «силами» Маврокордато, вероятно, разумел условия, являющиеся последствиями принятия того или иного вида соглашения. Перемирие можно было заключить на одних условиях — с оставлением хотя бы части завоеванного в руках русских; в этом случае султан, не отказываясь от своих прав на потерянные места,

уступал их царю только во временное владение, на более или менее продолжительное время. Вечный мир влек за собою другие условия — возвращение всего завоеванного султану. Поэтому турки и связывали так тесно вопрос о рубежах с вопросом о виде соглашения. По мнению же русских основные условия договора не могли зависеть от вида соглашения.

Никакого соглашения между сторонами на II конференции достигнуто не было. Она вообще была очень кратковременной. Турецкие уполномоченные обещали доложить визирю о желании посланников заключить вечный мир, а подробнее о том поговорить на следующем съезде. «А ныне б больше о том не говорить для того что де он, рейз-эфенди, гораздо изнемогает каменною болезнью и сидит с ними, посланниками, через великую мочь и силу. И тотчас, замечает далее статейный список, он с места своего перешел на другое место к комину и челму с себя скинул и в лице весь гораздо против прежнего переменился и стал в лице блед (бледен)». Конференция закончилась. «И посланники говорили, что видят они и сами такую над ним, рейз-эфендием, болезнь и больше о делах говорить они ныне с ним не будут, а поедут к себе на подворье». Сказав еще несколько слов о необходимости заключить вечный мир без всяких дальнейших затруднений и что, будет ли вечный мир или длительное перемирие, намерение великого государя одно, т. е. условия с русской стороны будут одни и те же, посланники отправились к себе на посольский двор [1].

III конференция состоялась 2 декабря. Приехав в дом Кара-Мустафы, посланники дожидались приезда турецких уполномоченных в палате, которая находилась перед ответной палатой, и, «немного помешкав», сказали приставу, что время уже им с думными людьми видеться и говорить о делах. Пристав, осведомившись о приезде думных людей, пригласил посланников в ответную палату. У ее дверей встретил их Маврокордато. «И Александр, поздравя посланников, говорил: как де им, посланником, угоднее будет до тех мест, покамест первой его товарищ к ним придет, сесть или постоять? И посланники сказали, что они подождут того его товарища. И после того вскоре пришел в ответную палату рейз-эфенди и, поздравя посланников, а посланники их, думных людей, сели по местам». Рейз-эфенди стал извиняться, что болезнь заставила его прекратить предыдущую конференцию, на которой они, турки, хотели побеседовать подольше. «И, сидя, рейз-эфенди посланником говорил: на прошедшем де разговоре желательство их, думных людей, было такое, чтоб с ними, посланники, посидеть многое время и, о чем междо ими належит, разговориться пространнее. Однако ж тому их желательству учинилась тогда препона для скорби его, рейзовой, потому что он в то время занемог, о чем ему зело

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 242 об. — 252 об.

было тогда досадительно и печально. И посланники говорили, что и они тогда о той его, рейзовой, скорби посетовали ж, а ныне желают ему здравия».

Поданы были кофе и шербет. Завязался разговор. «И тот шербет и кагве пили. И говорил Александр: привыкли ль они, посланники, будучи здесь, к тому их питью? И посланники говорили: то де питье, кагве и другое подобное тому ж, чай, употребляют многие в Российском государстве и во всей Европе. И Александр сказал: про тот де чай ведают они, что он человеку пользует ко здравию от всяких воздухов способен. И у них в Турском государстве его употребляют же; и спрашивал, где тот чай родится и из которого государства к Москве его привозят. И посланники говорили: в Московское де государство привозят его из Китайские земли, потому что там то дерево растет, с которого тот чай листвием сымают. И Маврокордат говорил: разве де они, посланники, там были или есть при них такие, которые там бывали? И посланники сказали, что они сами в Китайском государстве не бывали, и таких людей, которые б там были, при них нет, только о Китайском государстве ведают отчасти и слыхали об нем. И Маврокордат говорил: читал де и он про то Китайское государство только описание историческое, что люди того государства во нравех непостоянные и народ грубой и государя своего не почитают и, хотя мало им государь явится не по нраву, то они, великими собрався скопами, к нему приходят и за свои прихоти с престола его отставливают, а после того обирают иного, кого захотят. И посланники говорили: разве де такие причины у них бывали в древние времена. А ныне, как они слышат, что в том государстве народ живет постоянно и государя своего почитают, и такого у них замешания в народе, как он, Александр, сказывает, в нынешних временах не слышно». Так разговор от кофе перешел к чаю, а от чая к политическим нравам Китайского государства. Затем посланники сочли своевременным этот разговор закончить и перейти к делам. «И теперво де, — заметили они, — ту повесть о Китайском государстве время отложить к иному времени, а надобно приступить к настоящему делу, для которого они съехались». Разговоры эти велись в присутствии свит обеих сторон. По удалении свит в палате остались только переводчик Семен Лаврецкий и двое подьячих. Посланники заявили, что они, как говорилось и в прошлый раз, в дело вступают «желательным сердцем». И сам великий государь «имеет к тому делу рачение», поэтому прислал их прямо в Царьград, чтобы без дальнейших проволочек, без всяких посольских пересылок, съездов и комиссий, как это обыкновенно бывает в таких случаях, скорее кончить дело. Вечный мир или «на довольные лета» перемирие, это — как угодно султану; они, посланники, одинаково готовы на то и на другое. Но основание, т. е. основное условие, как для мира, так и для перемирия у царя

положено одно (посланники разумели uti possidetis). Турки сказали, что предыдущая конференция была как бы преддверием для дела, что великий визирь и они, думные люди, сделанное тогда словесно посланниками предложение, т. е. четыре статьи, «выразумели», а теперь просят эти статьи представить в письменном виде. Посланники привели сначала общую сентенцию: «Всегда де на свете обыкновение поводится такое: когда кто к кому приедет зван, а не собою, и тогда тот гость долженствует у того, к кому приехал, перво восприять уведомление, для чего он его к себе призвал и требовал». Затем заметили, что они, посланники, приехали в Константинополь «не собою», а по желанию султана и «по письменному домоганию» их же, думных людей, на Карловицком конгрессе, и поэтому надлежало бы, чтобы думные люди первые сделали им заявление, как званым гостям, для чего они их позвали. Однако, не желая «в том деле чинить замедления», они предложат некоторые статьи «на письме». Турки ответили: «То де зело добро, что безо всякого продолжения они, посланники, к делам приступают». Тогда Е. И. Украинцев, взяв у товарища своего Ивана Чередеева статьи, писанные на латинском языке, и произнеся предисловие, в котором заявил, что они, посланники, приступают к святому делу, прося у господа бога милости, дабы он соизволил послать святого духа в сердца обоих государей, чтобы «содействием святого духа дело могло прийти ко всегдашней тишине и благоденствию, а подданным к покою и к благополучию», передал статьи турецким уполномоченным.

В 16 статьях изложены были следующие, предлагаемые с русской стороны, условия. 1. Вечный мир или перемирие на продолжительный срок, заключаемое на прежнем основании: «кто чем ныне владеет, тако да владеет» (uti possidetis). Поэтому в царской стороне остаются города: на Дону Азов со всеми к нему принадлежащими старыми и вновь построенными городками и землями, а на Днепре Казыкермень с принадлежащими к нему городками и землями. 2. Порта запретит крымскому хану и татарам всякие нападения на русские окраины. 3. Крепости Азов и Казыкермень с городами царь оставляет за собою «не для какой-нибудь себе славы», а для «удержания нападений своевольных людей» обеих сторон. 4. Если по заключении мира казаки своевольно нападут на какие-либо черноморские или крымские места, принадлежащие блистательной Порте, то туркам «вольно побивать их», как злодеев. По возвращении их из походов сами они будут казнены, а все награбленное ими будет возвращаться Турции; так же и Порта должна поступать с нападающими на русские окраины крымцами. 5. Условия договора распространяются на хана крымского и на все орды: крымские, очаковские, белогородские, на черкесов, кубанцев и на иные подвластные Порте народы. Воинских походов от них на царскую сторону никогда не должно быть.

За нарушение ими мира Порта должна их без милости смирять и предавать казни. Так же будет действовать и царь по отношению к своим подданным. 6. «Дача», дававшаяся прежде крымскому хану и его приближенным, отменяется и впредь платиться не будет. 7. Размен пленных с обеих сторон. 8. Купцам обеих сторон обеспечивается безопасность торговли. Им вольно возить товар сухим путем: возами и вьюками, и морем: на кораблях и иных судах, причем в последнем случае они могут заходить в гавани для пополнения запасов воды и съестного, не подвергаясь осмотру товаров. Установленные пошлины платятся там, где они будут продавать свои товары. 9. Запорожским казакам вольно плавать от Казыкерменя вниз по Днепру и его притокам с обеих сторон до впадения его в Черное море для рыбной ловли и для добывания соли, а также ходить в степь для ловли всякого зверя. 10. Как султан, так и крымский хан должны «государю всякого добра хотеть и никакого зла не мыслить», на порубежные города сами с войсками не ходить и никого не посылать и мира не нарушать. Взаимно то же будет соблюдаемо и с царской стороны. 11. В случае какой-либо порубежной ссоры надлежит произвести расследование и уладить дело через послов, а войны из-за порубежных ссор не начинать. 12. Русским богомольцам вольно ходить в Иерусалим; с них не должно взыскивать никаких поборов ни в путешествии, ни в самом Иерусалиме. 13. Святые места, отданные католикам («фрарам»), возвращаются попрежнему грекам. Эта обширная статья излагает подробно историю вопроса о святых местах, подтверждающую основательность заключающегося в статье требования с ссылкою на книги из русских библиотек: «понеже в книгохранительницах российских во историях церковных обретается, что взял Иерусалим преславный Омеря от греков по согласию с ними и греком отдал святые места», чтó также «явно есть и от многих книг мусульманских, и имели греки те святые места, покаместа взяли фрары Иерусалим (во время крестовых походов). И тогда пресветлейший султан Салахандин (Саладин), выгнав фраров из Иерусалима, паки святые места и поклонения отдал греком, якоже о том написано в указе его» и т. д. Историческая справка о распоряжениях прежних султанов, утверждавших святые места за греками, доводится до султана Магомета, отца царствующего султана. В заключение делается оговорка, приведенная уже в четырех кратких статьях, заявленных на I конференции: царь нисколько не желает нарушать верховных прав султана в Иерусалиме, признает там государем только султана, потому что «господь бог повелел ему там владеть», вовсе не требует святых мест для себя, но «посредствует», чтобы султан отдал святые места во владение тем своим подданным, которым отдали их предыдущие султаны. Католики и другие пусть держат те места, которые они держали ранее, причем им не будет запрещено

Рис. 13. Иерусалимский храм и окружающие его строения (центральная часть города).
Гравюра из книги К. де Бруина «Путешествие в Малую Азию, Сирию, Египет и Палестину», изд. 1698 г.

поклонение и греческим святым местам. 14. Свобода веры для турецких подданных православного исповедания: неприкосновенность церквей и монастырей, «вольность» православным строить и ремонтировать свои церкви и отправлять богослужение. 15. Перемирие заключается на 30 лет. Из этой статьи видно, что русские посланники скорее имели в виду заключение длительного перемирия, чем вечного мира. По истечении этого срока или даже половины его перемирие может быть продлено далее на «множайшие лета». 16. Особые посольства в Москву и в Константинополь одновременно будут назначены для обмена ратификациями договора. Русское посольство остановится в Азове, турецкое в Керчи и затем по взаимным пересылкам будут продолжать путь, первое в Константинополь, а второе в Москву.

Как видим, содержание этих довольно многочисленных статей может быть сведено к немногим основным вопросам, к тем, о которых говорилось в четырех статьях, заявленных на I конференции, именно: 1. Основание договора — uti possidetis. За Московским государством остаются завоеванные им Азов и Казыкермень с принадлежащими к ним городками. 2. Безопасность Московскому государству от крымских и других подвластных Турции татар и безопасность Турции от казаков. 3. Свободная торговля между купцами обоих государств. 4. Права православного населения в Турции: свобода православного вероисповедания, передача святых мест грекам, безопасность для русских богомольцев. Статьи были составлены в соответствии с данным Украинцеву при отправлении его в Константинополь наказом, который предписывал заключить вечный мир или длительное перемирие на 25 лет или больше, *непременно* удержать Азов и Казыкермень с городками, обусловить предотвращение набегов татар на русские границы и казаков на турецкие, решительно отменить ежегодную «дачу» крымскому хану, договориться о размене пленных, о торговле между купцами обоих государств, выхлопотать передачу святых мест православным и установить права православных в Турции[1]. Это все те же самые вопросы, которых касался проект договора, представленный Возницыным на Карловицком конгрессе.

[1] Вот сравнительная таблица статей приведенного проекта со статьями наказа (Арх. мин. ин. дел, Дела турецкие 1699 г., № 4, л. 53—79 об.):

Проект	Наказ
1, 3 (Азов, Казыкермень)	3, 8
2, 4, 5 (взаимные нападения)	8, 12
6 (дача крымскому хану)	4, 8, 11
7 (размен пленных)	5, 10, 23
8 (торговля)	13
13, 14 (святые места и права православных)	25
15 (срок договора)	18

На вопрос турок: «В тех статьях все ль царского величества желание написано или еще что к тому впредь в прибавку будет?», посланники ответили, что представленные статьи написаны у них «кратким речением», а текст будущего договора они напишут пространнее и «всякую статью определят ко осторожности». Турки попросили к поданному им латинскому тексту статей еще экземпляр на славянском языке. Затем посланники возобновили свою просьбу о свидании с иностранными послами и жаловались на то, что их пристав и чурбачей никаких иноземцев на двор к ним не пускают. От чужеземных послов им стыд и нарекание. Они боятся и царского гнева, если чужеземные послы напишут об их поведении своим государям, а эти последние будут писать царю. Турки успокаивали посланников: «Таким де посторонним словам верить им ненадобно, и говорят те послы об них такие слова знатно со злобы и с зависти, что им такого почитания, как им, посланникам, есть, от Порты не чинится, и доличаются де они того для того, чтоб им каким ни есть образом ввесть между царским величеством и салтановым величеством вящую какую к недружбе причину». Потому-то султан и не разрешил допускать их, посланников, к свиданию с иноземными послами. Начинается уже дело «миротворения» и надо иметь осторожность, чтоб «к тому ни от кого нималая какая злая причина не причинилась», поэтому им следует с свиданием обождать. Когда посланники возразили, что «если им с послами не видаться, то они наипаче учнут нарекать и всякие противные слова говорить», а им, посланникам, кажется лучше и пристойнее с послами видеться теперь же, турки ответили: «На что де того лучше и пристойнее, что такое великое дело... учнет договариваться и устанавливаться только через четыре персоны... и больше того к тому делу иных призывать и о чем-либо с ними спрашиваться не доведется, может де господь бог управит то дело и без них, чужеземских послов». Впрочем, они все же будут ходатайствовать у визиря; может быть, он и допустит такие свидания. «А он де, везирь, всех мыслей и намерений свидетель и исполнитель, и великие государственные и градские дела управляются в государстве здешнем чрез него, любо де то дело по их, посланничью, желанию через их, думных людей, ходатайство и учинится».

Был опять подан кофе и шербет. Принесли благовонные курения и окуривали ими посланников и думных людей. Посланники заявили о своем желании побывать для богомолья в двух местах: в монастыре пресвятой богородицы, именуемом Мавромольским, что на устье Черного моря, а потом в другом месте, где прежде, при греческих царях, была церковь Живоносного Источника. Кроме того, они просили вернуть им подлинник полномочной грамоты, представленной визирю. Турецкие уполномоченные обещали обо всем доложить визирю и с своей

стороны просили уведомить, когда посланники пожелают ехать в указанные места. Желание их будет исполнено; им дадут большое судно для поездки в Мавромольский монастырь, «чтоб им для волн морских безопасно было ехать». На этом рейз-эфенди, поклонясь посланникам, вышел из ответной палаты. Оставшись наедине с Маврокордато, посланники просили его, чтобы он «в делах великого государя был радетелем, а прежняя его служба, которую он оказывал в таких же делах государю Федору Алексеевичу. . . , забвенна не будет». Затем посланники с обычным церемониалом провожания отправились к себе на посольский двор [1].

IX. ВСТУПИТЕЛЬНЫЕ И ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ БЕСЕДЫ НА КОНФЕРЕНЦИЯХ МЕЖДУ ПОСЛАННИКАМИ И ТУРЕЦКИМИ УПОЛНОМОЧЕННЫМИ

Слишком утомительно было бы с такою же подробностью описывать дальнейшие конференции, тем более, что число их было довольно значительно (23 конференции) [2]. Внешние формы ритуала, по которому происходили конференции, были неизменны. В них принимали участие оба посланника, кроме XV—XX конференций, с 25 марта по 24 апреля, когда второй посланник, дьяк Иван Чередеев, серьезно болел и переговоры вел один Е. И. Украинцев. С турецкой стороны все время были оба уполномоченные: рейз-эфенди и Александр Маврокордато, за исключением XX конференции 24 апреля, на которую Маврокордато не явился, «заболев ногами», и переговоры с Е. И. Украинцевым, приехавшим также без товарища, вел один рейз-эфенди. Конференции происходили в том же месте — в доме умершего кубе-визиря Кара-Мустафы. Звать посланников «на разговор» приезжали визирские ближние люди, с ними состоящий при посланниках пристав, чурбачей и 2—5 чаушей. Явившись к посланникам, присланный их звать капычи-баша поздравляет посланников и от имени турецких уполномоченных спрашивает их о здоровье. Посланники благодарствуют и по благодарствовании в сопровождении тех же самых чинов, которые являлись их звать, большим отрядом двигаются в путь. Посланники едут верхом на своих лошадях, которыми они обзавелись в Константинополе, часть свиты на лошадях, присылавшихся Александром Маврокордато, остальная часть свиты пешком, весь отряд под охраной пеших янычар. При въезде во

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 269 об. — 290 об.

[2] А именно: 4 ноября 1699 г., 19 ноября, 2 декабря, 9 декабря, 16 декабря, 23 декабря, 30 декабря, 20 января 1700 г., 27 января, 12 февраля, 24 февраля, 2 марта, 16 марта, 20 марта, 25 марта, 3 апреля, 10 апреля, 13 апреля, 15 апреля, 24 апреля, 27 апреля, 12 июня, 16 июня.

двор дома, где происходили конференции, на крыльце встречают посланников визирские люди, иногда тут же встречает их племянник Маврокордато Дмитрий Мецевит, который для почести, «приняв посланника под левую руку», ведет его до «прихожей» палаты, где посланники, приезжая обыкновенно первыми, ожидают приезда уполномоченных. Сюда же являлся занимать их разговором сын Маврокордато Николай, с которым посланники познакомились на VI конференции (он исполнял должность переводчика во время переговоров). Ожидая, посланники обнаруживают иногда нетерпение, заявляя кому-либо из находившихся при них турецких чинов, что «время уже им видеться с думными людьми», а раз, на XVI конференции 3 апреля, Украинцев, прождав турок около получаса, вышел из себя, вспылил и сделал резкое заявление: «И посланник, — читаем в статейном списке, — посидев с четверть часа, посылал толмача Полуекта Кучумова говорить приставу и присланному копычею, для чего они приездом его, посланничьим, поспешили и велели ему на тот разговор ехать немедленно, а салтанова величества думных людей в приезде нет и по се время. И пристав сказал, что о приезде его, посланничьем, послали они к ним, думным людем, с ведомостью давно, и будут они вскоре. И ожидал он, посланник, думных людей на разговор с другую с четверть часа... И посланник говорил тому Александрову сыну (Николаю): если де впредь ему, посланнику, от них, думных людей, будет такое ж поведение и многая во ожидании их приезду мешкота — и им де, посланником, не для чего впредь и на разговоры ездить, потому что они, думные люди, поступают не по обычаю посольскому, зело высоко и гордо. И, изговоря, пошел посланник в ответную палату». На конференции он, видимо, был мрачен, сидел насупившись. Маврокордато, заметив это, сказал: «видят они его, посланника, печальна и нерадостна и поступает он с ними невесело. А в таких великих государственных делех таким невеселым намерением поступать не належит. И буде ему, посланнику, о чем печально или имеет какое изнеможение и нездравие», они могут переговоры отложить. Украинцев ответил, что «печаль ему от их непочитания», от того, что они заставили его прождать более часу. Турки извинились; рейз-эфенди сказал, что они задержаны были не по своей воле: были дела у султана. Тогда Украинцев смягчился, сказав, что если они были задержаны делами, а не своим «вымыслом», то он на то не досадует[1]. Через несколько дней после XVI конференции Александр Маврокордато вернулся к этому эпизоду с опозданием турецкой стороны и дал такое разъяснение: посланники не должны видеть никакого себе бесчестья, если придется подождать приезда турецких уполномоченных на конференцию, и не должны чувствовать по

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 647—649.

этому поводу никакой злобы или «раздражения доброхотных сердец». Дом, назначенный для переговоров, предоставлен в распоряжение как турецким уполномоченным, так и им, посланникам. Как для той, так и для другой стороны устроено порознь по приезжей палате, а для встреч назначена третья палата, общая, расположенная на равном расстоянии от каждой из приезжих. Посланникам вольно в свою приезжую палату приезжать рано или поздно, как им угодно, и поэтому им, посланникам, не следует вменять ранний приезд в свою палату и ожидание в ней себе в бесчестье[1]. Случай опоздания турок на XVI конференцию был, впрочем, единственный. Обыкновенно, немного «помешкав» в прихожей палате, посланники приглашались в ответную палату, где у дверей встречали их родные Александра Маврокордато: племянник Дмитрий Мецевит или сын Николай, а посреди палаты сам Александр. По большей части рейз-эфенди приходил в ответную палату некоторое время спустя.

После взаимных поздравлений уполномоченные и посланники садились по местам, и, прежде чем перейти к переговорам, завязывалась обыкновенная беседа о тех или иных предметах. Такие же беседы происходили в конце конференций, когда переговоры заканчивались, перед разъездом, и эти предварительные и заключительные разговоры могут быть интересны как образец салонных бесед между русскими и турецкими дипломатами той эпохи. Очень часто разговор начинался с погоды. Много места в этих беседах занимали суждения о константинопольском климате в сравнении с климатом Московского государства. 9 декабря на IV конференции Маврокордато начал разговор, заметив: «Является де ныне у них здесь в Царьграде зима, и приходит время студеное. А на Москве де, чает он, в сих числех есть великие морозы и снеги. И здешнюю де зиму и холод мочно им, посланником, перед своею московскою зимою вменить вместо первых осенних дней, и все ли де у них, посланников, на посольском дворе для нынешнего приходящего зимнего времени по указу салтанова величества сделано и починено?» Посланники отвечали, что «в Российском государстве и в самом царствующем граде Москве снеги выпадают и морозы бывают великие, и всегда зима устанавливается с нынешних же чисел, как и ныне в Цареграде. А больше зима настает, и реки и озера замерзают с Николаева дни. И к стужам де они, посланники, привыкли. А на посольском де их дворе для нынешнего приходящего зимнего времени для теплоты не токмо что сделано и починено, но еще и окончины не все в житьях вставлены, и житье их нужное. И Александр говорил: здешняя де зима против их, московской, отменная, и таких морозов и хладу у них не бывает, какие морозы и стужи бывают в Московском государ-

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 666.

стве. А на дворе де у них, посланников, велено все починить. И спрашивали его, Александра, посланники: как он, Александр, был в Венгерской земле на съездах Карловицких, и тогда какова там была зима, против здешней царегородской зимы или студенее? И Александр сказал, что морозы и снеги были тогда там немалые». Когда появился в ответной палате рейз-эфенди, разговор опять перешел к сравнению климатов. Рейз говорил: «О нынешнем де зимнем приходящем времени, какая здесь в Цареграде бывает стужа и зима, говорить ему с ними, посланники, не для чего, потому что им о том ведомо, и здешняя де зима, чаять, им не дивна, потому что на Москве временем бывают также росы студеные, как их здешняя зима. Только де и в государстве салтанова величества, а именно в Иерусалиме, в некоторое время бывает зима с такими же великими морозами и снегами, как и на Москве». Посланники по поводу этого последнего замечания рейз-эфенди выразили удивление. «И посланники говорили, что они о великих морозах и о снегах и чтоб такой зиме, как на Москве, быть во Иерусалиме, не чаяли, потому что тот город Иерусалим в теплых странах и слышат они впервые».

Вероятно, по связи с атмосферическими явлениями разговор перешел на солнечные затмения. «И рейз говорил: как де в нынешнем в 208 году сентября в 13 день перед полуднем было солнечное затмение, которое и здесь, в Цареграде, де видеть случилось, и в тот де день в порубежном их городе Изруме (Эрзерум), который близко персидской земли, выпал великой снег на 3 чети аршина и больше, чего там никогда не бывало, потому что страна тамошняя теплая ж. И то затмение в том городе и в иных странах было видимо ж. И чают де они, думные люди, что и на Москве то затемнение было видно ж». Посланники, щеголяя своими сведениями в космографии, говорили, что «и на Москве такие солнечные затемнения, когда прилучатся, видимы бывают же. Только математики о таких солнечных затемнениях пишут, что бывают они видимы иногда не во всех государствах для того: буде то затемнение прилучится на оризонте того государства, и оно видимо бывает, а буде явится не на оризонте того государства, и то затемнение видимо не бывает. И рейз-эфенди говорил, что то правда и математики пишут о том именно, и землемерные описания о том у себя он имеет. И, видя их, посланничье, к тому искусство, даст господь бог по совершении сих дел покажет им атляс и иные мапы (карты) и о том подлиннее по-приятельски с ними разговорится. А теперво будут они говорить о делех, для которых ныне съехались. И посланники за объявление таких землемерных описаний и что хочет он, рейз, в свое время их им, посланником, объявить, благодарствовали» [1].

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 301—304 об.

В разговоре, которым закончилась V конференция 16 декабря, турки обнаружили интерес к русскому государственному строю и расспрашивали о нем посланников. По окончании официальных переговоров уполномоченные велели подать шербету. «И говорили: теперво де по многих трудех надобно им их, посланников, повеселить. И тот шербет они, думные люди, сами пили и посланником пить подносили ж и окуривали их благовонием». Посланники выразили благодарность: «За такие де их ласковые и учтивые слова и за приветство они благодарствуют». При этом они заметили, что «трудов их, думных людей, в нынешнем разговоре произошло много, а паче господина рейз-эфенди, что он не токмо с ними, посланники, разговор имел, но и иные многие салтанова величества належащие дела управлял» (рейз-эфенди подписывал принесенные ему на заседание конференции бумаги). В ответ на это замечание посланников Маврокордато сообщил о служебных делах, возложенных на рейз-эфенди, а в связи с этим разговор перешел на порядки в Русском государстве. «И Александр говорил: по указу де салтанова величества дано ему, рейз-эфенди, во управление во всяких гражданских делах три приказа, да сверх того на нем же положены и государственные все посольские дела. И спрашивали они, думные люди, посланников: Московского де государства дела и право, примером которому из чужеземских государств подобно?» Посланники ответили, что строй Московского государства ближе всего к турецкому. «И посланники говорили, что у великого государя в государствах его дела и права содержатся не против иных западных государств, но подобно здешнему государству: кому повеление императорское о чем какое произыдет, так и чинит, или кому куды повелит великий государь итить, тот туды и идет» [1].

Встречая посланников при приезде их на VI конференцию 23 декабря, Маврокордато «объявлял» им, т. е. представил, своего сына Николая «и говорил, что де он у блистательной Порты генеральным переводчиком, и вручены ему те ж дела, которые он, Александр, наперед сего управлял». Посланники любезно отнеслись к молодому человеку, спросили отца об его образовании и просили его приказать сыну быть так же «радетельным» к интересам Московского государства, как «радетелен» был и сам он, Александр. «И посланники сына его поздравили, а говорили, что они желают ему, Александру, видети сыны сынов своих, и спрашивали: тот сын его по-словенски учился ли. И Александр по взаимном благоприветствовании говорил, что тот сын его по-словенски отчасти знает. И посланники говорили: зело де то добро, что тот сын его последует во учении и во управлении тех дел, которые напред сего он, Александр, отправлял. И чтоб он, Александр, приказал тому сыну

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 349 об.—350 об.

Рис. 14. Николай Маврокордато.
Берлинская гравюра 1721 г.

своему в делех великого государя быть радетельну тако ж, как и он, Александр, многие свои труды напредь сего полагал и ныне полагает, и к ним бы, посланником, был приятен. И Александр говорил, что в делех царского величества тот сын его будет так же чинить и любви их, посланничьи, искать, яко же и он, Александр».

Посланники сделали далее несколько замечаний о близости расстояния Царьграда от границ Московского государства, они

раньше считали это расстояние более значительным; а эта близость сказывается в малой разнице климатов обеих стран. «А потом посланники говорили: напред де сего от здешних жителей был такой слух, будто Царьград от государств царского величества и от северных стран в самом дальнем расстоянии, и зима бывает здесь легкая самая и теплая, а не такая, как ныне есть. А по видению их от государств царского величества Царьград не само в дальнем расстоянии и от северных стран в близости, и для того мразом и стужам быть здесь кажется мочно, потому что междо государствы только одно определение, Черное море, которым ныне они, посланники, приехали при благополучной погоде в Царьград в малое время, и потому кажется им, что Царьград от государств царского величества не в дальнем расстоянии. И Александр говорил: только де здесь в Цареграде в близь прошедшие два года зима была теплая, а по иные годы такие ж зимы бывали, какая ныне. А что де они, посланники, говорят о близости царского величества государств или рубежей и северных стран к Царюграду, и о том он ведает же». От близости географического расстояния Маврокордато искусно перешел к близости между государствами, создаваемой, даже при отдаленности расстояний, взаимной дружбой и любовью между монархами, и тогда зимняя стужа умеряется «теплым растворением» монаршеских сердец. «А хотя б де какая и отдаленость междо государствы имела быть, но, по милости божией, может учиниться и в близости, когда междо такими преславными и великими монархами... обновится и утвердится древняя дружба и любовь, чего они, думные люди, неотменно желают и господа бога молят и просят, дабы изволил сердца их монаршеские к тому склонить и привесть на утишения той стужи с растворением теплым и со окончанием всякого доброго и полезного дела» [1].

Этому примирению государей и их дружбе мешают те элементы, которые являются причиной ссор; и в заключение VI конференции, оставшись с посланниками один после того, как рейз-эфенди, простясь, вышел из ответной палаты, Маврокордато в связи с происходившими переговорами высказал свои мысли о крымских татарах, причем не обнаружил к ним расположения. «Ведают де они все, — говорил он, — что причина всякая в войне чинится от хана крымского с татары, и совершенно де пора их от такого разбою унять и к послушанию привесть. И если де с царским величеством салтан ныне мир учинить изволит, то о татарех в том договоре написано будет с великим утверждением, что за одного христианина повинен сам салтан татарский смертную казнь восприять, понеже де и сам его салтаново величество, и великий везирь, и муфтии, и иные ближние его, салтанские, люди, не обинуясь, явно о нем, хане, и о татарех

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 357—358 об.

говорят, что, конечно, их Порте к повиновению и ко всякому послушанию привести пора». Если у царя с султаном состоится договор, татары будут обязаны ему подчиняться. «А ежели де они того договору в чем преслушают и повиноватися не будут, и тогда де, — Маврокордато выразился решительно, — пусть они, татары, и с ханом все пропадут и исчезнут, а стоять за них он, салтан, не будет!» Посланники со своей стороны говорили, что «от татар многие вражды и ссоры происходят, потому что, не хотя они за сохою и за иною полевою работою ходить, всегда упражняются разбоями и войною. А мочно де было им кормиться и без того, что всякого скота у них много и земли у них хлебородные, а податей с них никаких салтанову величеству нет; и совершенно доведется их от того своевольства унять».

Расставаясь с посланниками, Маврокордато поздравил их с наступающим праздником рождества христова — конференция происходила 23 декабря. Посланники, вспоминая обычаи родины, заметили: «Обычай де в Московском государстве издревле, что царского величества весь сигклит тем праздником поздравляют ему, великому государю, и святейшему патриарху завтра в навечерии того праздника. Однакож и они, посланники, его, Александра, взаимно тем же праздником поздравляют ныне сами, а завтра поздравить к нему пришлют же» [1].

Наступивший праздник рождества христова и приближающийся день нового года, праздновавшийся у греков 1 января, подали повод посланникам и Маврокордато ко взаимным поздравлениям и добрым пожеланиям. Перед началом VII конференции, 30 декабря, Маврокордато, встретив посланников, говорил: «Ныне де сам очевидно (т. е. лично) поздравляет он их, посланников, прошедшим общим православного христианства праздником рождеством христовым и желает им всякого счастливого поведения», на что посланники ответили, что «и они взаимно тем же праздником рождества христова поздравляют же и всяких счастливостей ему желают». Маврокордато говорил далее, что в наступающий понедельник, «генваря в 1 день, хотя и не по церковному уставу, однакож у греков начнется новый год. И он паки их, посланников, с тем новым годом поздравляет же». Посланники благодарили и, не зная еще о перемене, происшедшей в праздновании нового года в Москве, распространились об исторических основаниях московского празднования нового года 1 сентября, обнаруживая сведения в истории и указывая на происхождение московского обычая от древнего Рима. «И посланники за то ему благодарствовали и тем новым годом его поздравляли ж и говорили, что в царствующем граде Москве и во всех государствах, и царствах, и градех, под державою великого государя обретающихся, новой год начинается сентября с 1-го числа, понеже и в Риме при Августе цесаре, единона-

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 372 об.—374.

чальствующем на земли, в том же месяце сентябре новый год начинался, и всякие доходы привозили к нему изо всех государств в тот месяц. И тем подобием и в Российском царствии с того ж месяца новый год начинается», на что Маврокордато заметил, что «читал он о том в крониках или во описаниях, что в Риме при Августе цесаре начинался год с того месяца». Беседа об этом предмете была прервана приходом рейз-эфенди, который заговорил о наступившей оттепели от южного ветра и поинтересовался узнать, какое влияние оказывает южный ветер на московскую зиму. «А потом пришел в ответную палату рейз-эфенди и, поздравя посланников, а посланники, поздравя его, рейза, сели в прежних местех. И рейз-эфенди говорил: ныне де на дворе растворение теплое и ветр происходит полуденной теплой же. А в Московском де государстве, когда веет тот же полуденной ветр, и в то время каково бывает, тепло ль или студено и нет ли им, посланником, от того полуденного ветру какого повреждения?» Посланники отвечали, что «о сих временах в Московском государстве бывают стужи большие с великими морозами, и хотя когда и полуденной ветр бывает, однако ж таким стужам и морозам отмены мало является. А здесь де им, посланником, от того полуденного ветру за божиею помощью по се время вреду никакого нет»[1].

Когда переговоры на VII конференции окончились, посланники обратились к уполномоченным с вопросом, нет ли у них каких известий из русских порубежных городов. Маврокордато сказал, что у него никаких известий нет, но что он спросит рейз-эфенди. «И по вопросу его, Александрову, говорил рейз-эфенди: есть де у них такие ведомости, что после их, посланничья, с Москвы выезду были многие на Москве пожары, а домы их, посланничьи, в целости. Да и о том де им есть ведомость, что многие корабли у Архангельского города, также и на Белом море со всякими товары погибли, и чает де он, рейз-эфенди, что и им, посланником, о том ведомо». Посланники, однако, этого не знали и вообще никаких вестей с родины не имели. Московские пожары были тогда предметом разговоров в Западной Европе, и оттуда сообщения о них заходили и в Турцию[2].

Вопрос рейз-эфенди о «повреждении» посланникам от южного ветра оказался не напрасным. Е. И. Украинцев после VII конференции заболел, и этим, вероятно, объясняется довольно значительный перерыв между этой конференцией и следующей VIII, состоявшейся только через три недели, 20 января. И рейз-эфенди и Маврокордато присылали в посольство выразить Украинцеву соболезнование и справиться о здоровье; присылали ему также какое-то угощение — «сахары». 15 января приходил к посланникам от рейз-эфенди его кегая (адъютант) «и спра-

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 393 об. — 394 об.
[2] Там же, л. 406.

шивал именем его, рейз-эфенди, их, посланников, о здравии и объявил присылку сахаров. И посланники за то его поздравление и за присылку сахаров благодарствовали. Потом кегая говорил, что господин рейз-эфенди не по малу от приключившейся его, чрезвычайного посланника, скорби соболезнует, от которой желает ему облегчения и доброго здравия. А отчего та ему скорбь приключилась, о том хощет ведать. И чрезвычайной посланник и паки за то сожаление о скорби его благодарствовал и говорил, что та скорбь или немощь припала ему от здешнего воздуха, а наипаче от печали, что не видит по се время в деле никакого окончания. И кегая говорил, что о той его, чрезвычайного посланника, немощи и господин рейз-эфенди також рассуждает, что приключилась ему от здешнего воздуха и, может быть, что и от печали. Только де велел он ему, чрезвычайному посланнику, сказать, что он, рейз-эфенди, в делех царского величества им, посланником, чинит всякое вспоможение и впредь чинить обещается. И чтоб он, чрезвычайной посланник, о медленном окончании дела не печалился потому, что такие превеликие государственные дела, в которых они, посланники, к Порте присланы, многого требуют рассуждения и размышления, а в скором времени совершитися не могут. И посланники за то его, рейз-эфенди, в мирном деле радение и обещание благодарствовали ж и говорили, что и в совершении того дела имеют они надежду на него, потому что такие государственные дела в сем государстве належат на нем. И приказав к нему, рейз-эфенди, взаимное поздравление, подаря его, кегаю, отпустили» [1].

Когда Украинцев появился на VIII конференции 20 января, естественно было начать разговор с нового выражения благодарности за внимание во время болезни. «И седчи по местам, благодарствовал ему, Александру, чрезвычайной посланник, думной советник о сожалении болезни его и о вспоможении в том советом его, Александровым, чрез доктора». Посланники спрашивали далее, нет ли у Маврокордато каких-либо известий из украинных русских городов. Александр ответил отрицательно, и отсутствие известий объяснено было небывалой зимней стужей и выпавшими в Молдавской земле обильными снегами. «А потом он же, Александр, говорил, что первой товарищ его, рейз-эфенди, поехал было с ним, Александром (на конференцию), вместе и с дороги по нарочной присылке возвратился к великому везирю, для того что прислан к нему, везирю, салтанова величества некоторой указ, по которому належит ответ учинить ему, рейз-эфенди. Только де он у везиря долго не забавится и, отправя то свое дело, будет к ним вскоре». Посланники сетовали на то, что их делу еще не видно конца, а у них постоянно в мысли то, «чтоб господь бог изволил таких великих

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 417—418.

и преславных государей сердца склонить к прежней дружбе, а подданным их обоих государств покой даровал и тишину». Замечание Маврокордато, что им были довольны все прежние русские послы, бывшие в Царьграде, подало повод Украинцеву и Чередееву высказать ему комплименты; они воздают ему честь по двум причинам: во-первых, потому, что он одной с ними христианской веры, во-вторых, по занимаемому им в Порте высокому положению, «что он у блистательной Порты человек знатной и в делех государственных потребной и поверенной». Маврокордато не отрицал своих достоинств: он не знает, как и благодарить создателя за такое божие милосердие, что он к такому великому делу допущен, что ему дано понимание обстановки, в которой ему, христианину, приходится действовать. «Сверх того даровал ему господь бог разум знать и разуметь себя и как пребывати в душевном христианстве, а плотию верно служить государю своему». Думает он, что допущен к таким великим делам благодаря именно этой верности. Если он что-либо говорил или будет говорить посланникам неугодное, просил на него за это не досадовать, потому что по верности своей султану и «по совести души своей» иначе он делать не должен. Посланники ответили: «У них де и в мысли того нет, чтоб на него в чем досадовать, ведают де они то подлинно, что он у салтанова величества содержится во всякой верности, и ничего они у него, чтоб в чем им совершенно открылся, не вымогают, и зело то добро, что он тайну государя своего хранит и в такой твердости живет».

Вошедший в этот момент рейз-эфенди выразил удовольствие, что видится с посланниками и находит их в добром здоровье. «Есть де такая на свете пословица: когда кто с кем хочет иметь дружбу, и он желает с тем человеком видеться охотно, а когда увидится, и тогда от радости или от желательства не может что говорить. Подобно де тому учинил и он, рейз-эфенди, что покамест их, посланников, он не видал, все о том помышлял, как бы с ними увидеться и о чем належит разговор совершенной учинить. И хвала де господу богу, что получил он с ними теперво видеться и обретает их в добром здравии». В конце конференции, когда Украинцев поблагодарил рейз-эфенди за присылку к нему кегая во время болезни, рейз заметил, что «он и сам часто такою ж немощию немоществует, а приключается она человеку от многомыслия, а он де, рейз-эфенди, ему, чрезвычайному посланнику, ото всего сердца своего желает всегдашнего здравия» [1].

Наступление великого поста давало повод к разговорам, кроме разных других предметов, также и о посте. На X конференции 12 февраля «говорил Александр, что рейз-эфенди и он, Александр, сегодня с постом», на что посланники ответили, что

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 431 об. — 434, 448.

«у них, посланников, сегодня начался великой пост, которой случился быть вместе с их, босурманским, рамазаном». Такое совпадение христианского поста с мусульманским давало им основание высказать пожелание, чтоб скорее последовало мирное соглашение между государями: «По такому приключившемуся случаю, чтоб господь бог дело нынешнее настоящее междо великими монархами изволил привесть в соединение и в согласие безо всякого дальнего затруднения». Турецкие уполномоченные ответили, что и они того же желают и о том молят и просят господа бога непрестанно [1]. На XI конференции 24 февраля Маврокордато спрашивал посланников: «Все ли у них, милостию божиею, здраво и какую пищу в нынешнюю четыредесятницу употребляют, понеже здесь многие постные ествы сыскатись могут? И посланники говорили, что, по милости божией, еще по се время они, посланники, живы и здравы... А потом пришел рейз-эфенди... и говорил: видит де он лицо их, посланничье, здраво, образно, на что он смотря, желает и впредь им, посланником, здравия и счастливого в делех поведения и совершения». Редкая для Константинополя зимняя стужа этого года прекратилась, наступила весенняя погода, пробивалась трава и начинали цвести деревья. Конференция происходила в ясный, «светлосияющий» день. «И думные люди говорили, что, по изволению божию, настает ныне весна изрядная и светлосияющая, како же и день нынешней значит то, лучами солнечными сияющей, то есть изъявлением из земли трав и древес, при котором благоначеншемся вешнем времени они желают того, дабы по его же, всемилостивого господа бога, неизреченной милости на нынешнюю постную четыредесятницу препроводить им, посланником, в посте и в молитвах и дождаться самого светлого христова воскресения во всякой радости и во здравии, а потом и в деле настоящем получить благое и желательное совершение. А они же, думные люди, нынешним их, посланничьим, приездом зело веселятся». Турки выразили далее сожаление, что посланники, занятые такими большими трудами, не находили времени для прогулок — «для забавы от таких многих трудов нигде по се число не гуливали», и предлагали им для прогулок свои «загородные дворы» — виллы под Константинополем на берегу пролива. «А если де они, посланники, с нынешнего времени похотят для скуки своей выехать куды погулять, и они, думные люди, за их к себе благоприветствование и за любовь просят, чтоб они, посланники, поехали когда в подобное время в их, думных людей, загородные дворы и там погуляли. А те де их дворы от Царяграда в близости в Черноморском гирле по берегам подле самые воды, где всякой является воздух легкой и благополучной. А тем де их, посланничьим, бытием у них будут они, думные люди, благодарны. И когда им

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 494—495.

желание к той езде явится, и они б, посланники, дали им о том чрез кого-нибудь ведать заранее». Посланники ответили благодарностью, но считали невозможным ездить на прогулки, не окончив дела. «А когда, по милости божии, то доброначатое дело к совершенству придет, тогда и на загородных их, думных людей, дворех они побывают. А не получа им в настоящем деле окончания, ездить для гуляния непристойно» [1].

На XII конференции 2 марта зашел разговор о том, чем питаются в великий пост в Москве, причем оказалось, что пост в Константинополе строже московского; посланники отметили особенности московской великопостной пищи, заключавшиеся в разрешении есть рыбу в некоторые дни великого поста. На вопрос Маврокордато: «как де они в сию нынешнюю святую четыредесятницу во употреблении здешних постных еств исправляются и на Москве в нынешний великий пост рыбу употребляют ли или иное что?», посланники отвечали: «Мочно де здесь удовольствоваться в постных ествах без нужды. А на Москве в нынешний великий пост в субботы и в воскресные дни употребляют иные и рыбу, а многие рыбы не едят, кроме благовещениева дни и цветоносные недели (вербного воскресенья). А пословица носится, что будто бы благословил рыбу есть в великий пост в субботы и в недели (воскресенья), будучи на Москве, святейший вселенский Иеремия патриарх. А подлинно ль так, и того не ведомо, потому что письменного соборного изложения о том никакого нет. А земляных де розных плодов, какие здесь в Константинополе есть: фиников, смоквей и помoранцев, и лимонов, и бескровных рыб морских, то-есть кракатицы и больших раков, и мидии, и астридии нет. И Александр говорил: о том де вселенского патриарха разрешении в великие посты на Москве на рыбу слыхал и он, и может де быть, что учинил он такое разрешение, смотря по тамошнему состоянию и воздуху, занеже там таких земляных плодов, какие здесь родятся, нет» [2].

Приехав на XIII конференцию 16 марта и дожидаясь думных людей в прихожей палате, посланники спрашивали сидевшего с ними сына Маврокордато, Николая: «Чем он в нынешние святые и постные дни забавляется?» «И он отвещал, что читает книги, а иногда бывает и у дел салтанова величества». Продолжая с ним беседу, посланники заметили: «Ныне де у них к салтанову величеству в приезде изо многих окрестных государств послы и посланники, и, чаять, никогда такого случая не бывало, и может де быть, что ему, такж и отцу его, от тех посольств многодельно, и беспокойство им от того прибыло многое? И Маврокордатов сын говорил: правда де так, что таких посольских вдруг съездов никогда в Цареграде не бывало,

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 521—523.
[2] Там же, л. 541—542.

а прилучилось им такое дело впервые. Однакож господь бог может всех тех послов дела управить благополучно и счастливо». Сам Александр Маврокордато, встретив потом посланников в ответной палате, говорил: «Чает де он, что им, посланником, нынешней великий пост ради постных еств, а наипаче от многой скуки, что живут в одном месте, а никуды не ездят, и прискучил, и все ли у них, милостию божиею, здраво? И посланники говорили, что они, по милости божии, со всеми при них будучими людьми во здравии, и сей нынешней святый и великий пост ничем им, посланником, не надокучил, только прискучило им здешнее многое житие с продолжением неплодным настоящего дела». На этот день приходился праздник похвалы богородицы, о чем Маврокордато упомянул в разговоре, высказав соответствующие пожелания: «Сей де день для многих чудес похвалы пресвятые богородицы не токмо на земли христианом радостный, но и на небеси светлосияющий. И дабы господь бог в сей день благоизволил настоящее дело произвести к доброму началу и совершению». Посланники ответили такими же пожеланиями. Когда в ответной палате появился рейз-эфенди, посланники поздравили его с «их, турским, праздником байрамом и благодарствовали ему за присылку его с поздравлением в то время, как они, посланники, смотрели в самой тот их праздник салтанова выходу в мечеть».

Посланники, действительно, были приглашены 11 марта в день праздника байрама смотреть султанский выезд из дворца в «большую мечеть, где стоят на площади древнего строения два столпа, а меж ими змий треглавный медный», и для этого им был отведен двор умершего прежнего рейз-эфенди. Султанский поезд, как он описан в статейном списке, должен был быть особенно великолепен под южным солнцем Константинополя. По обеим сторонам улиц, по которым проезжал поезд, выстроены были янычары. В составе процессии ехали войска, духовенство, высшие чины государства в ярких живописных одеяниях. Перед султаном шли «пешие салтанские дворовые выборные молодцы человек с 40 или с 50 в золотных коротких кафтанах, подобны древнему римскому одеянию, а под ними рубашки их белые турские, в руках имели копейцы небольшие, шапки на них высокие золоченые. А около их по сторонам шли с 50 человек в саадаках да с 50 человек в кафтанах кармазиновых, опоясаны большими коваными золочеными поясами. А за ними ехал салтан в челме белой с запонами и с перьями в ферезее белой серебряной алтабасной, испод рысей черевей с нашивкою алмазною и с пуговицы большими и с ожерельем большим. А около его шли многие чиновные люди с большими перьями. Аргамак под ним был светлосер под чепраком, низаным жемчугом и каменьем. А за салтаном ехали два человека юношей в кафтанах золотных алтабасных петельчатых в саадаках с золотою оправою и с каменьем, а третий юноша вез на плече его салтанскую

Рис. 15. Торжественный въезд султана Мустафы II в Константинополь после заключения Карловицкого мира.
Гравюра Ламотрея. Перепечатано из книги Брикнера «История Петра Великого», т. II.

саблю в ножнах и с поясом. А за ними ехал арап, казначей комнатной салтанской, и иные ближние начальные люди, валахи и карлы комнатные ж... И ис тех юношей два человека, которые ехали в саадаках, едучи, бросали янычаном и народам мелкие турские деньги, именуемые пары» [1].

Двор, отведенный посланникам, оказался тесен, и рейз-эфенди извинился за эту оплошность, «говорил, чтоб они, посланники, за то на него не подосадывали, что им во время того смотрения салтанова величества выходу двор был отведен непространной и к смотрению, чаять, им был неспособной. А в том де есть неосторожность их, думных людей, и дан де им был такой двор для скорости, для того, что иного двора вскоре очистить было невозможно». Посланники находили эти извинения излишними и отвечали, что «тот двор, хотя и не само пространен, только к смотрению им, посланником, был способен, и тем они благодарны, и досадовать им за то ни на кого не за что, потому что двор дан им был на время, а не для житья» [2].

От весеннего ли воздуха или от непривычной постной пищи персонал посольства стал болеть. На XIV конференции 20 мар-

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 576 об.—578, 570—574.
[2] Там же, л. 578 об.

та плохо выглядел сам глава посольства Е. И. Украинцев. Об этом и начался разговор на конференции. «И Александр Маврокордат говорил: признавается де он, Александр, в персоне его, чрезвычайного посланника, что знатно ему есть некакая печаль или болезнь, понеже в лице своем перед прежним изменился, или де то ему случилось от многого поста и для неспособных постных здешних еств. И чрезвычайной посланник говорил, что, милостию божиею, он здрав, только люди их, посланничьи, многие заболели лихорадкою, которая припала им от здешнего воздуха и ветра, потому что здешний воздух им, посланником, и людем их вредителен. И Александр говорил, что, конечно, здешней воздух и морской ветр человеческому здравию вредителен и неспособен, и сколько де от того воздуха и ветра случается людем болезнь, а наипаче и от неспособных постных ядей. А их де, посланничьи, люди к здешним ествам постным еще не привыкли, и для того и болезнь такая им приключается. И тех де больных людей присланной к ним, посланником, дохтур надзирает ли и в болезнях их отраду и вспоможение им чинит ли и им, посланником, тот дохтур угоден ли? И посланники говорили, что бывает у них тот дохтур на посольском дворе почасту и лекарства людем их дает и по достоинству своему им, посланником, услугу свою и во здравии вспоможение лекарствами чинит»[1].

Тяжело заболел второй посланник дьяк Иван Чередеев, так что на XV конференцию 25 марта приехал Украинцев один. Встречая его, Маврокордато говорил: «Слышал де он, что товарищ его, чрезвычайного посланника, дьяк Иван Чередеев, волею божиею, заскорбел и немоществует гораздо, и есть ли ему ныне от той болезни облегчение? И чрезвычайной посланник говорил, что де тот товарищ его занемог третьего дни, припала ему вдруг болезнь жестокая горячка с лихорадкою. И по совету дохтурскому пустил он себе из обоих рук кровь, по котором кровопущании, милосердием божием, ставится ему от той болезни полегче. А до того де кровопущания было ему зело тяжко, и бессонница была великая, потому что человек он мокротной, и жар в нем вселился было превеликой. А тем кровопущанием тот жар поутолился. И Александр говорил: то де зело добро, что он дохтуров послушал и кровь себе от такие лютые болезни, не продолжая, отворил и пустил, в чем он, Александр, признавает и надеется, что господь бог подаст ему облегчение и здравие вскоре, понеже нынешние вешние фебры[2] хотя и тяжки, только не таковы, каковы у них здесь бывают осенние. А те де осенние зело жестоки и смертоносны человеком являются и бывают». Чередеев хворал долго, пропустил шесть конференций (XV—XX), и с тех пор на каждой

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 599—599а об.
[2] На полях статейного списка: «лихорадки».

из этих конференций разговор начинался с вопросов о состоянии его здоровья.

XV конференция происходила в благовещеньев день, и это подало повод посланникам и Маврокордато ко взаимным поздравлениям с праздником и к пожеланиям встретить в радости приближающийся праздник пасхи. Маврокордато прибавил при этом, что если б Украинцев захотел по наступлении этого великого праздника видеться с святейшими патриархами царьградским и иерусалимским, то ему предоставлена будет к этому его, Александровым, ходатайством возможность. Сами святейшие патриархи видеться с ним, посланником, давно желают; царьградский патриарх говорил о том Александру не раз. Однако Украинцев заявил, что им будет с патриархом видеться «способнее и радостнее» уже по окончании дела.

Осведомившись, нет ли у Маврокордато каких-нибудь вестей с Московской Украины, и получив отрицательный ответ, посланник заговорил об отпуске находившегося в Константинополе московского гонца Жерлова, прибывшего в Царьград еще в феврале. Турецкое правительство дало уже разрешение на его отъезд в Россию и обещало предоставить ему необходимое число подвод, но Украинцев колебался его отпустить до окончания мирных переговоров; не лучше ли его отпустить «по совершении дела, чтобы ему великого государя пресветлые очи видеть с добрым и веселым делом», т. е. явиться в Москву с известием о заключении мира. Вчера как раз он, гонец, будучи в городских торговых рядах, слышал там разговоры с выражением надежд на скорое заключение мира. Для такого «народного слова» посланники задержали его в Константинополе, но Украинцев все же спрашивал Маврокордато, как они, думные люди, смотрят на задержку Жерлова, угодна ли она им и если неугодна, то он отпустит гонца тотчас же. Маврокордато предоставлял посланникам свободу действовать по усмотрению; однако, сославшись на «глас народный и глас божий», все-таки советовал гонца задержать до окончания дела. Они, думные люди, признают, что гонец прислан от «пресветлого лица» самого государя, чтобы через него получить какую-либо радостную весть, и, если его отпустить ни с чем, какое удовольствие будет царскому величеству? Будет «пристойно и порядочно» отпустить его, когда уже начавшееся между государствами полезное дело станет приводиться или уже и приведется к «согласию и соединению». Посланники могут отправить в Москву кого-либо из своих сродников или из дворян — «в том никакие худобы не будет». Они, думные люди, поступали так, будучи на Карловицком съезде. Когда вступили с послами союзников в мирное соглашение, присылали к султану с известиями многих своих родственников и чужеродцев, чем снискали себе большую милость султана. Украинцев ответил, что он «такого его, Александрова, разумного и дельного рассуждения послу-

шает и того гонца, не восприяв в деле настоящем подлинного и полезного определения, не отпустит» [1].

XV конференция, происходившая в благовещеньев день 25 марта, совпала с понедельником страстной недели. Заканчивая ее, Украинцев говорил, что рад бы дело кончить сегодня и готов сидеть с думными людьми хотя бы до самой ночи, «понеже в иной день на нынешней неделе съезжаться ему с ними, думными людьми, некогда: близко праздник светлого христова воскресенья, и наступила ныне неделя у христиан постная, христовых страстей, о чем ведает подлинно и сам он, Александр. И хотелось ему, посланнику, в те нынешние святые и постные дни воздать благодарение господу богу, якоже у христиан ведется, постом и молением, а потом и покаянием ко очищению всякого греха». Это заявление Украинцева дало повод Маврокордато сказать о благосклонном отношении рейз-эфенди к православной вере. «И Александр говорил, что де товарищ его рейз-эфенди, хотя мусульманского закона, однакож благочестие любит и веру христианскую зело похваляет против римского папежского закона отменно. И про то де он ведает, что у православных христиан нынешняя страстная неделя содержится в великом почитании и в посте и что близко праздник светлое христово воскресение, он, рейз, знает же и для того де откладывает он, рейз, в съезде с ним, посланником, до святые недели. А на той де неделе учинят они, думные люди, с ним, посланником, такой же счастливой съезд в среду, то-есть апреля в 3-й день» [2]. На праздник пасхи Маврокордато прислал посланникам в подарок «баранов молодых», и на XVI конференции 3 апреля, в среду на пасхе, Украинцев приносил ему за эту присылку благодарность, на что Маврокордато заметил: «А что он... прислал к нему такую малую присылку баранов, и в том бы он, посланник, его не осудил» [3].

На пасхе среди проживавших на посольском дворе русских пленников, которые должны были отправиться на русском корабле на родину, появилась какая-то подозрительная болезнь. Занимая Украинцева разговором перед XVII конференцией 10 апреля в ожидании прибытия думных людей, сын Маврокордато Николай спрашивал: «Все ли у них, посланников, милостию божиею, поводится благо и пребывающие при них люди в добром ли здравии?», на что Украинцев отвечал, что «по се время, милосердием божиим, при них будучие люди все живы, только де два человека невольников померли, один на святой неделе в пятницу, а другой сего числа». Николай дал предостерегающий совет: «Зело де им, посланником, надобно опасаться и впредь от тех полоняников, потому что они

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 628—631 об.
[2] Там же, л. 636—636 об.
[3] Там же, л. 659 об. — 660.

сволочь[1] из розных мест, и опасно, чтоб не нанесли какого вреду или поветрия, и спрашивал, сколько дней они в болезни лежали». На заявление посланника, что «первой де полоняник немоществовал многие дни, а другой умер, поскорбев немного», Николай сказал: «Довлеет де того последнего умершего осмотреть дохтуром, нет ли на теле его каких заповетренных язв, потому что де и отца его, Николаева, недавно человек умер также скорою смертию и на нем де осмотрели некоторые недобрые признаки, и затем де отец его на том своем дворе ныне не живет, а переехал на иной двор»[2].

Турки прислали доктора для осмотра всех пленников, проживавших на посольском дворе, и на следующей XVIII конференции 13 апреля предложили Украинцеву переселиться на другой двор. Украинцев «благодарствовал ему, Александру, за присылку себе лекарств и для осмотру полоняников и на них моровых язв дохтура и сказал ему, что по досмотру дохтурскому на тех полоняниках никаких моровых язв не явилось, и все они ныне в добром здравии пребывают. А до того досмотру он, посланник, в немалой был опасности, потому что два человека полоняников померли на одной неделе». Появившийся затем рейз-эфенди говорил, что «имели они немалое соболезнование, чтоб не заповетрились люди их, посольские, от приходящих из разных мест полоняников, о чем де известно и великому везирю. И везирь де ходатайством их, думных людей, велел для нынешнего приходящего (наступающего) вешнего и летнего времени и легкого воздуха отвесть им, посланникам, иной двор на берегу проливы Черноморской, понеже тот их, посланничей, двор, где ныне стоят, в глухом месте, не на большой улице, к Белому морю, и с Белого моря бывают у них ветры нездравые, и в летнее время от того воздуха будет он им нездрав». Турки предлагали также всех полоняников, живших на посольском дворе, перевести на другой двор. Посланники были очень недовольны занимаемым ими помещением в глухом узком переулке, откуда не было никакого вида ни на море, ни на поле, однако Украинцев говорил, что им «на иной двор переезжать зело не хочется, а желают, как бы им получить скорой себе отъезд с того двора», и переезд на другой двор откладывал[3]. На XIX конференции 15 апреля Маврокордато говорил, что, «милосердием божиим, нынешней день благоугодной и теплой является, и приходит время изрядное и веселое. И если де ему, посланнику, угодно для легкого воздуха с прежнего двора переехать жить на иной двор, которой им по милости салтанова величества также и великого везиря назначен на берегу Черноморского гирла, и они б переезжали на тот двор

[1] В XVII в. этим словом обозначалось все, что было собрано, стащено, «приволочено» из разных мест в одно.

[2] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 675—675 об.

[3] Там же, л. 686 об.—689.

хотя ныне». Украинцев не находил, однако, наступившее время достаточно теплым, а кроме того опять повторил, что желал бы, окончив мирные переговоры, выехать из Константинополя с того же двора, на котором они стояли: «Зело де ему хотелось того, дабы, начатое свое дело соверша, выехать отсюду из Царягорода из того ж двора, на которой он, посланник, сперва приехал, не переезжая на иные дворы. И чаял он тому делу совершения до приходящего нынешнего вешнего и летнего времени. И того де нового двора пожелал он, посланник, не для себя, токмо для будущих при нем посланных с ним людей, чтоб в нынешнее приходящее вешнее и в летнее время от неспособного воздуха и от тесноты в прежнем дворе какого вреду им не учинилось и были б здравы и живы. И на тот де новый двор переедет он, посланник, разве тогда, когда вящая теплота наступит, а ныне время еще холодно и ветер настоит с северу, а не с полудня»[1].

На XX конференцию 24 апреля Маврокордато не приехал. Встречая Украинцева, явившегося также без товарища, Николай объявил ему: «Рейз де эфенди будет с ним, посланником, в ответе один, а отец его, Александр, не будет для того, что де болезнию одержим ножною и из двора своего никуды не выезжает. И чрезвычайной посланник говорил, что де он о той отца его болезни слышал и зело ему, посланнику, не радостно, что отца его с ними сего числа на разговорех не будет. И спрашивал он, посланник, у него, Николая, какая у отца его в ногах болезнь случилась и прежде у него такая болезнь бывала ль? И Николай отвещал, что у отца его болезнь в ногах подагра и болезнует он ею почасту». Посланник пожелал отцу его скорейшего выздоровления: «Желает де он отцу его здравия и от болезни его скорого облегчения, понеже человек он надобной и дела на нем положены великие государственные и до сего времени в настоящих обоих государств делех трудов его было много». Рейз-эфенди, приехав на конференцию, начал с Украинцевым разговор также о болезни обоих их товарищей, выразив надежду, что господь бог может привести дело к окончанию трудами их двоих совершенно так же, как если бы оно совершалось «всеми четырьмя персонами», потому что «мысль у всех у них не разная, но во всем согласная». Украинцев заметил: «Такой де случай — событие их нынешнее без товарищей — прилучился по воле божии. И хотя такой случай им не полезен, однако ж господь бог милосердием своим может все учинить и исполнить и их увеселить», во-первых, счастливым окончанием начатого между обоими государствами дела и, во-вторых, тем, что пошлет выздоровление их товарищам, — «и та печаль может в них утолиться». Рейз-эфенди сообщил, что товарищу его, Александру, хотя и малое, однако ж

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 703 об.—704.

есть облегчение и выразил пожелание, чтобы и товарищу Украинцева быть здоровым и чтоб на будущем съезде видеться им всем в добром здравии[1].

В конце XX конференции рейз-эфенди откровенно распространился о том подозрении и недоверии, с которыми относятся к столь затянувшимся переговорам турецкие правящие круги, народ и иностранные послы, а также о тех упреках, нареканиях и пересудах, которые им пришлось по этому поводу принять и выслушать. «И объявляет он, рейз, ему, посланнику, ныне по правде, что до сего времени многое они, думные люди, приняли ото всех своих верховных подозрение, а наипаче от чужеземских послов, а от черни своей многое и нарекание и переговоры такие: для чего де они, думные люди, московских посланников при дворе салтанова величества держат многое время и почто так многие с ними чинят съезды, мочно б де их отправить в малое время, потому что, если в миру (т. е. в мирных переговорах) стоят они упорно, и им де мочно в том и отказать для того, что с одним Московским государством война Порте не страшна, стояла де Порта силами своими и против четырех христианских государств, а против одного государства ныне и гораздо стоять ей возможно. А все де говорили они то, не ведая настоящего дела. А иные творили такое разглашение и чинили переговоры с зависти, не желая междо государствы всякого доброго дела и покоя». Украинцев ответил, что положение турецких уполномоченных все же лучше: хотя здесь такие разговоры и есть, но вреда они думным людям принести не могут, потому что все это происходит у них дома, и у них «расправа и всякое рассуждение и расположение близко». А вот они, посланники, заехали далеко, в чужое государство, а ведь в Московском государстве также, надо думать, идет о них немалая «переговорка», что «живут они здесь давно, а никакой от них полезной ведомости до сего времени нет», а у простого народа во многих местах пронеслась о них такая молва, что они, посланники, арестованы и посланы в заточение в Мисир. Не считая все-таки возможным оставить без возражения переданные рейз-эфенди разговоры о том, что туркам война с одним Московским государством не страшна, Украинцев заметил, что если б здешние «переговорщики и нежелатели добра» обоим государствам сказали бы это самим посланникам, то они ответили бы, что и царю, хотя бы одному, война с турками не страшна, потому он и отстал от своих союзников, не боясь такой войны. На слова Украинцева о пересудах, идущих о них в Московском государстве, рейз-эфенди сказал, что тем словам он верит, и утешил его, приведя собственный пример: когда они с Маврокордато были на Карловицком съезде, тогда «от нежелающих добра и от ненавистников была и об

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 740—741.

них здесь такая ж недобрая слава и проносили многие небыльные слова», в особенности о товарище его Маврокордато. А когда они заключили мир и вернулись, тогда все те их злодеи и ненавистники, «яко прах земный, не токмо со злыми своими словами, но и с недоброю своею мыслию исчезли». Речь свою рейз-эфенди закончил выражением надежды, что, даст бог, на следующем съезде они приведут мирное дело к концу и затем, «лобызався междо собою радостным и веселым сердцем, будет оное дело объявлено и во весь народ», и тогда все «худые» посторонние замыслы и разговоры и ненависть также обратятся в прах. Пусть у них, посланников, не будет по этому поводу беспокойства; о войне же и о «недружбе», что она кому и от кого была страшна, теперь уже им с обеих сторон говорить не следует. И Украинцев с своей стороны выразил пожелание, чтобы мирные переговоры пришли вскоре к окончанию «и тем бы всякие противности и лишние переговоры и непристойные разглашения могли угаснуть и исчезнуть» [1]. Когда на XXI конференцию 27 апреля съехались все четверо уполномоченных, разговор начался с взаимных выражений радости, что собрались все вместе в добром здоровье, и в частности долго болевший дьяк Иван Чередеев принес благодарность Маврокордато за присылку к нему во время болезни докторов и «за благоразумные его, Александровы, в той его скорби советы и поведения» [2].

Таковы были вступительные беседы перед конференциями или иногда заключительные после окончания переговоров. Всего чаще, как можно заметить, говорили о погоде, о различии константинопольского и московского климатов, о состоянии здоровья участников конференций, о наступавших православных и мусульманских постах и праздниках. В заключение беседы подавались кофе и шербет, на XVI конференции были поданы конфеты и кофе; иногда это угощение предлагалось среди беседы. Иногда кофе и шербет подавались и во время самой конференции или в конце ее, причем подача их сопровождалась омовением рук пахучей водой, окуриванием благовониями. На X конференции 12 февраля турецкие уполномоченные, заявив, что они «сегодня с постом», отказались сами от кофе, но спросили: «А они де, посланники, поволят ли подать себе кагве?». Повидимому, и посланники отказались по случаю поста от напитка, и о подаче кофе нет упоминания на нескольких следующих конференциях, происходивших в течение поста. Но на XV конференции 25 марта, может быть ввиду праздника благовещения, кофе был подан [3].

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 750 об.—752.
[2] Там же, л. 758 об.
[3] Там же, л. 406 об., 494 об., 629.

После таких предварительных, вводных разговоров, «по совершении тех речей», — как выражается статейный список, — обе стороны: и думные люди и посланники, приказывали находившимся при них лицам из свиты удалиться и оставляли при себе: турецкие уполномоченные — сына Маврокордато Николая, исполнявшего обязанности переводчика, а посланники — переводчика Семена Лаврецкого и двух подьячих «для записи речей», Лаврентья Протопопова и Бориса Карцева[1]. После того как «лишние люди» удалялись («уступали в другие палаты», по выражению статейного списка) начиналась официальная часть заседания — переговоры.

X. ЗАПИСЬ ПЕРЕГОВОРОВ НА КОНФЕРЕНЦИЯХ ПОДЬЯЧИМИ ПРОТОПОПОВЫМ И КАРЦЕВЫМ

Запись переговоров, делавшаяся подьячими Лаврентием Протопоповым и Борисом Карцевым, не была, разумеется, стенограммой. Во-первых, не всегда все сказанное в нее попадало. Иногда статейный список отмечает, например, что посланники говорили что-нибудь, «выводя пространно»; и самый наказ, им данный, предписывал им о некоторых пунктах говорить «пространными разговоры, как их бог вразумит»[2]. В статейном списке такое пространное изложение целиком не приводится. Однако вообще запись переговоров очень подробна, и несомненно, что все существенное нашло в ней место. Во-вторых, как уже это ясно из многочисленных приведенных выше выдержек из статейного списка, слова сторон передаются в нем не в прямой речи, не так, как они подлинно были сказаны, а излагаются в стройной и синтаксически замечательно правильной — за редчайшими исключениями — косвенной речи. Первоначальные записи подьячих проходили затем некоторую редакционную обработку, которая прежде всего сгладила всякие индивидуальные различия между их авторами, Протопоповым и Карцевым, и слила их в единое, необыкновенно плавно текущее изложение. Равным образом надо думать, что та же редакционная обработка уничтожила индивидуальные особенности в речах отдельных лиц, участвовавших в переговорах с той и с другой стороны, в тех местах записи, где эти речи приведены не от имени каждого из говоривших, а под общими обозначениями: «и посланники говорили», «и думные люди говорили». В этих местах не различишь, что́ говорил Украинцев и что́ Чередеев; точно так же не проведешь черты между тем, что́ принадлежит рейз-эфенди и что́ Маврокордато. Индивидуальные выступления Маврокордато отмечены, впрочем, гораздо чаще, и из

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 689, 741 об.
[2] Там же, Дела турецкие 1699 г., № 4, л. 78, статья 33.

этого видно, что он на своей стороне играл более активную роль, чем его старший коллега или, как он обозначался в статейном списке, «большой товарищ» — рейз-эфенди. Можно отсюда заключить, что и под общим обозначением «думные люди» в большинстве случаев разумеется Маврокордато, а не рейз-эфенди. Это тем более вероятно еще и потому, что, помимо более активных качеств своего характера, Маврокордато должен был выступать чаще, ведя разговор на латинском языке, тогда как рейз-эфенди говорил только на своем родном турецком языке. Турецкая речь рейз-эфенди переводилась сначала на латинский язык тем же Маврокордато, а затем переводчик Семен Лаврецкий с латинского переводил ее на русский, единственный понятный для посланников. Таким образом, речь рейз-эфенди должна была выдержать два перевода, а речь Маврокордато — один и поэтому доходила до посланников скорее. Естественно, что Маврокордато по этой причине приходилось выступать чаще.

Но редакционная обработка записи переговоров касалась только формы передачи речей; существа дела она не затрагивала. На точность списка мы смело можем положиться и тексту его должны вполне доверять. Передана не только самая суть переговоров, предметы, о которых стороны спорили и соглашались, но отмечаются и разные эпизоды, происходившие во время переговоров, и это делается с той же наблюдательностью и точностью, с какими вообще теми же подьячими заносилось в статейный список все виденное посольством в Константинополе. Не опускаются и самые мелкие черты и детали, помогающие теперь конкретнее представлять себе внешнюю картину конференции. Наблюдательный подьячий, ведущий запись, упомянет, например, что турецкие уполномоченные вынули поданное им посланниками письменное предложение «из мешка своего», — из портфеля, — и перед нами бытовая наглядная подробность обстановки того времени [1]. Чтобы выяснить расстояние от Перекопа до Очакова и от Очакова до Казыкерменя, о чем зашла речь во время переговоров, турки показывают имевшийся у них «чертеж» днепровских городков [2]. Когда представилась необходимость, турки наводили справки по имевшемуся при них «статейному списку» Карловицких переговоров: «И велел рейз-эфенди Александрову сыну принесть из другой палаты Карловицкого посольства статейный список» [3]. Рейз-эфенди иногда приносили в ответную палату бумаги для подписи, чем он и занимался, не прерывая переговоров: «И в то ж время принесли в тое ответную палату к рейз-эфенди для подписи многие готовленые грамоты или письма. И для того он, рейз, из прежнего места вышел на

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 609 об. (XIV конференция).

[2] Там же, л. 603 об.—604 (XIV конференция).

[3] Там же, л. 441 (VIII конференция).

другое место *ближе к комину* и к тем письмам приписывал имя свое, и той приписки было у него с полчаса»[1]. На XVI конференции 3 апреля такое подписание происходило во время завтрака. Рейз-эфенди «перешел на другое место будто для подписки иных приказных всяких дел и подписывал их часа с два. И во время той подписки принесли к нему в миске ценинной еству мясную с поливкою и хлеб, и тарелку с ложкою серебреною, и он тое еству ел, а поедчи, учал попрежнему подписывать листы и иные письма закреплять»[2]. Переговоры вел в это время один Маврокордато. Иногда рейз-эфенди, как истый правоверный и твердый в законе мусульманин, во время переговоров вставал и выходил из ответной палаты на молитву в положенные у мусульман для молитвы часы[3].

Запись речей той и другой стороны во время переговоров, несмотря на форму косвенной речи и несмотря на обобщение речей с устранением индивидуальных особенностей, не только не суха и не бесцветна, но так же, как запись приведенных выше предварительных или заключительных разговоров о посторонних сюжетах, полна жизненности и отображает всю живость беседы, так что при чтении ее получается впечатление разговора живых людей со всем разнообразием его тонов и оттенков. Все яркие черты разговора: его пестрота, одушевление, его теплота, а иногда даже и горячность сквозят через плавную и мерную косвенную речь записи и, читая ее, точно присутствуешь в Константинополе в ответной палате на конференциях, точно слышишь живые голоса спорящих посланников и думных людей. Статейный список — не сухой трактат с деловым изложением хода переговоров; он сохраняет все особенности и мелочи, все живые подробности каждого дня переговоров, каждой конференции. Правда, у составителей списка выработалась некоторая эпическая форма изложения со свойственными эпическому стилю повторениями и употреблением в одинаковых случаях одних и тех же одинаковых выражений; но этот эпический стиль не мертвит дыхания жизни в том, что он передает. Надо, впрочем, сказать, что вообще люди того времени сами были эпичнее и говорили и даже свои чувства выражали гораздо однообразнее и с бо́льшими повторениями, чем это делается в наши времена.

В живой беседе с обилием приводились общие положения, сентенции, афоризмы, долженствовавшие служить аргументами в споре. Они сохранены в статейном списке со всем их ароматом. Так, например, советуя посланникам быть уступчивее при выработке письменного текста договора, Маврокордато так обозначил этот процесс: «Писать бы одну, и другую, и третью

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 346 об., V; л. 696, XVIII; л. 764, XXI: «подписывал с час».
[2] Там же, л. 655 об.
[3] Там же, л. 503 об. — 504, X; л. 610 об., XIV; л. 683 об., XVII.

статьи вчерне, коликими словами мочно дело описать, и потом бы их рассуждать, и по рассуждении либо что похочется убавить или прибавить, и то бы предлагать другой стороне любовно и приятно, а не с жестокостию сердечною» и при этом высказал сентенцию, не особенно удачно переведенную в статейном списке с латинского языка, на котором он говорил: «потому что любовью дело имеет свой лутчей поступок, а в пристойных местех предложение ласковое всегда место имеет и у противников своих»[1]. Побуждая посланников к уступке днепровских городков, турецкие уполномоченные проводили ту мысль, что этим будет укреплена дружба между государями: «А если бы де взятое, кому хотя и держать, и в том мало дружбы бывает»[2]. Для того чтобы ускорить разрешение этого вопроса, они привели следующее рассуждение: «Когда де кто едет дорогою, то он тщание имеет, чтоб час от часу далее ему быть, а нигде не стоять. А если где похочет постоять, то от товарищей своих останется»[3]. Происходящий между турецкой и русской сторонами спор турки резюмировали так: «Один просит, другой уступить не хочет, и такой де спор надобно разнимать снисходительными сердцами и уступкою»[4]. К такой уступке они старались склонить посланников, ссылаясь, между прочим, на закон божий и заповеди. «Какое приятство или доброхотство, — говорили они, — с стороны царского величества салтанову величеству чинится, когда царь желает себе всякого распространения, как в славе, так и во владении многих земель, а другу своему того не желает... и уступить ничего не хочет? А по закону де и по божиим заповедям довлеет чинить что себе, то и другу своему»[5]. Посланники бросили туркам упрек в умышленном замедлении и проволочке в переговорах; турки отклонили упрек сентенцией, что государственные дела всегда делаются медленно и делать их надо осмотрительно. «И такое де на них, думных людей, нарекание в замедлении того дела происходит и вымышленную проволоку выговаривают они, посланники, на их сторону напрасно, потому что о великих государственных делех всегда договоры совершаются не вскоре; а надобно об них мыслить и говорить и делать с великим рассмотрением и истинным склонением»[6]. Указывая на необходимость установить точные границы между территориями обоих государств, Маврокордато говорил: «А если де рубежам не быть, и то де какой будет и мир?» — и в подтверждение сказанного привел сентенцию: «То де и крепость миру, что рубежи»[7].

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 667.
[2] Там же, л. 313 об., IV.
[3] Там же, л. 335, V.
[4] Там же, л. 339, V.
[5] Там же, л. 592, XIII.
[6] Там же, л. 434—435, VIII.
[7] Там же, л. 458 об., IX.

Благодаря стремлению точнее и короче формулировать то или иное положение, в разговоре появляются краткие живые выражения или отдельные оригинальные крылатые слова. «И такие де трудности видя, — говорили думные люди, — надобно им на обе стороны учинить по самой истинной правде, *чтоб средина была на половине или половина на средине»,* т. е. надобно найти среднее компромиссное решение или, как статейный список иногда называет такое решение, «средок», удовлетворяющий обе стороны [1]. Днепровские городки следует разорить так, «чтоб камень на камени не остался» [2]. Вопрос об уступке этих городков посланники называли «камнем претыкания» в переговорах [3]. Постоянно в живой речи мелькают метафоры, образные сравнения, изобразительные примеры. Днепровскими городками крымские, очаковские и буджакские татары и запорожские казаки будут удерживаться так твердо, «что конь в узде» [4]. Резкий отказ посланников согласиться на устройство поселения на месте разоренных городков турецкие уполномоченные назвали «укусными словами» [5]. XX конференцию, в которой принимали участие Украинцев и рейз-эфенди только вдвоем, рейз-эфенди открыл словами, что вот они только что говорили о болезни своих товарищей, и может бог подать им исцеление. Но еще есть некоторая внутренняя болезнь в самом их деле — это те трудности, которые мешают соглашению, и эту болезнь «надобно им также загасить всяким добрым поведением и исцелить добрым согласием» [6]. Сделанное Украинцевым предложение об уступке земель к Азову «не токмо у них, думных людей, мысль, но и сердце разожгло» [7]. Сравнения бывают иногда в грубоватой, свойственной тем временам форме. Убеждая посланников не отказывать крымскому хану в посылке ему время от времени со стороны московского правительства «некоторой дачи», от которой московское правительство решительно хотело отказаться, Маврокордато привел такой аргумент: «Но и псов кормят же, чтоб были сыти и голодом не издыхали» [8], а в другой раз при разговоре о том же предмете он уговаривал посланников упомянуть в трактате о возможности иногда послать кое-что хану «по соседству». Это обещание, говорил он, напишется не для «действительной дачи», а потому, что обещанием «учинится татарам повеселение», а до реального его исполнения дело не дойдет: «якобы что по воздуху летало в вид, а ухватить его

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 339 об., V; 512. 705—706.
[2] Там же, л. 525 об., X.
[3] Там же, л. 529, XI.
[4] Там же, л. 529 об.
[5] Там же, л. 591.
[6] Там же, л. 741 об., XX.
[7] Там же, л. 745 об., XX.
[8] Там же, л. 779 об.

не мочно» [1]. Будучи несогласен с предложенной посланниками редакцией статьи о возвращении султану днепровских городков, где было написано: «возвратится и земля, с которою они взяты», Маврокордато заметил, что слова «с которою взяты» будут весьма неприятны султану «подобно тому, как бы кто кого дубиною в голову зашиб» [2]. Далее, не советуя посланникам слишком уже твердо настаивать на своем и не доводить до конца терпение Порты, он высказал опасение, «чтоб, тянув нитку до самой последней тонкости, не разорвать бы ее, а потом у Порты Оттоманской в двери хотя многими тысячами толкаться станут и тогда двери будут затворены» [3]. На X конференции Маврокордато, уговаривая посланников уступить султану днепровские городки, доказывал, что султан за такие «малые места», как днепровские городки, поступается царю «великими и знатными завоеванными крепостьми», т. е. Азовом, и при этом привел сравнение: «А как он, Александр, дознавается и рассуждением своим располагает, что всякому за свое как не стоять? И сказывает он, например, что если б кто с кого содрал два кафтана и так, ободравши и обругав, похотел бы тот борец с тем грабленым человеком искать попрежнему миру и между собою дружбы и то дело как они, посланники, чают? Чем бы мочно его привесть к исполнению дружелюбия? А он де, Александр, мыслит так, что лутче в том учинить такое расположение: доброй кафтан или лутчей тому насилующему оставить при себе, а другой кафтан, хотя и хуже, для любви возвратить попрежнему тому, у кого он взят. А у салтанова де величества с царским величеством нынешнее настоящее мирное дело не тем же ли подобием происходит?». По этому примеру, приведенному Маврокордато, выходило, что Петр содрал с султана два кафтана, лучший — Азов и худший — днепровские городки, и теперь, восстанавливая дружбу, должен хотя бы худший кафтан — днепровские городки — султану, как «грабленому человеку», вернуть [4].

Соглашаясь на уступку России Азова, турки упорно не хотели поименно обозначать в трактате выстроенные в окрестностях Азова крепости: Таганрог, Павловск и Миус, и написать, что Азов уступается с этими городками. Чтобы их урезонить, Украинцев привел два примера: во-первых (может быть, под впечатлением сравнения с кафтанами в речи Маврокордато), он нашел отказ турок упомянуть об отдаче приазовских городков подобным тому, «как кто кому отдает кафтан, а рукава того кафтана оставляет у себя, и то платно (платье) стало ни тому, ни другому» [5];

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 920 об.—921.
[2] Там же, л. 870 об.
[3] Там же, л. 959 об. Ср. л. 650—650 об., XVI: «чтоб показанная междо обоими государствы мирного дела *нитка* вдруг чем не перервалась».
[4] Там же, л. 504 об., X.
[5] Там же, л. 658, XVI.

во-вторых, указывая на то, что султан фактически согласился на уступку Азова с городками и что дело идет лишь о том, чтоб эту уступку оформить и закрепить письменно, он сослался на пример составления гражданских письменных актов: «А им де, посланником, доведется ту его, салтанову, уступку в мирных договорех крепить так твердо, как на свете обыкновенно бывает в народех во уступках меж гражданскими людьми таким прикладом: когда кто кому вотчину или иное какое недвижимое имение продает или по дружбе безденежно поступится, и тот продавец в написании на то крепостей никакой препоны или отговорки купцу чинить не может и из воли его не выступает и велит ему то крепить, как ему угодно». Если же городки уступаются, переходят в русское владение, зачем ставить препятствия в написании соответствующего крепостного на них акта, каким является договор? Турки, однако, нашли пример из области гражданского права не подходящим, заявив, что «вотчинные или иные всенародные в чем сходства к сему государственному делу неприличны и причитать их не доведется»[1]. Рейз-эфенди, бывалый, много видевший на своем веку и умудренный опытом старый турок, любил вставить в свою речь пословицу или поговорку, как, например, он это сделал на VIII конференции[2]. Это, вероятно, он и на XIII конференции рассказал посланникам старую турецкую сказку, записанную в статейном списке так: «И думные люди говорили... скажут де им, посланником, они ныне древнюю свою турскую пословицу, которая и доныне у них есть. Некогда де бывал спор у малой бороды с большою. И меньшая де одолела было большую и ухватилась за нее. Потом, одумався, большая сказала ей, что она ее, малую, и забыла было. А когда она сама задор учинила, то мочно ей, большой бороде, с малою бородкою управиться. Так же де и Казыкермень: хотя он ныне к Крыму и близок, авось либо во свое время может быти и далеко». Под большою бородою в этой притче разумелся Крым, под малою — днепровский городок Казыкермень. Посланники указывали, что для царя Казыкермень важен в том отношении, что оттуда можно сдерживать набеги татар. Притча была рассказана турками с той целью, чтобы доказать, что Крыму не страшна такая близость и что он управится с Казыкерменем, как большая борода управится с малою, начавшею спор[3].

Переговоры не были обыкновенною беседою с спокойным высказыванием суждений сторон, это был спор, притом спор не академический, в котором стороны высказывают положения и приводят аргументы, долженствующие доказывать истинность их суждений, а спор дипломатический, где стороны предъявляют требования, выдвигаемые реальными интересами дого-

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 653 об., XVI.
[2] См. выше, стр. 92.
[3] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 587 об.—588, XIII.

варивающихся государств. Если и в академическом споре нередко спокойствие тона нарушается, тон повышается и обсуждение становится горячее, то тем более это имеет место в дипломатическом, где требование может не только подкрепляться аргументами, но и поддерживаться угрозами. Здесь постоянно выступает затронутое и возбужденное чувство. Каждая сторона может проявить упорство в отказе или настойчивость в требованиях, что может вызывать в противоположной стороне раздражение. На конференциях 1699—1700 гг. и русские и турки говорили комплименты друг другу, выхваляли взаимные качества, увещевали друг друга содействовать делу мира и указывали на то, как надо вести переговоры. Посланники называли турецких уполномоченных миротворителями, «сведателями мысли салтанской и везирской». Турки платили тем же. На IX конференции рейз-эфенди, тонко льстя посланникам, говорил о высоком мнении, которое сложилось о них у великого визиря. «А он де, везирь, — говорил рейз-эфенди, — об них, посланниках, слышал и ведает подлинно, что они у великого государя пребывают во всякой милости и в верности. И во время бытности их, посланничьей, у него, везиря, зело они, посланники, ему понравились благоразумным и искусным своим поведением и поступком, будто они в посольских церемониях породились... и показалось ему, что они в том богоугодном миролюбивом деле будут склонны безо всяких отговоров. И тот их поступок выхвалял он, везирь, и салтанскому величеству и рассуждал, что то начатое дело (т. е. мирные переговоры) могут они с ними, думными людьми, привести к совершенству»[1].

В виде вступления к переговорам на конференциях произносились хорошие слова и высказывались добрые пожелания и надежды на успех. Открывая XVII конференцию 10 апреля, Маврокордато говорил: «Видит де он очима, да и сердце де его слышит, что нынешний их съезд милосердием божиим имеет быть благоугодной и намерению и мысли обоих великих государей желательной и растворительной», и высказал затем мысль, что если у обоих государей есть намерение к мирному согласию, то посланникам надлежит поступать с думными людьми «самою откровенною душою и истинным и чистым намерением и совестью безо всякого скрытия»[2]. На XVIII конференции 13 апреля уполномоченным был представлен приехавший в Константинополь к посланникам из Москвы с письмом от царя гонец Чернышенко. Турецкие уполномоченные отнеслись к нему внимательно и любезно: «Поздравя того гонца, спрашивали его о дорожном пути, все ли он благополучно ехал. И гонец говорил, что он, милосердием божиим, тот свой путь препроводил здраво и благополучно. И сказав и поклонясь

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 461 об.—462, IX.
[2] Там же, л. 677—677 об.

думным людям, из ответной палаты вышел». По поводу прибытия гонца турки, открывая переговоры, высказали: «Паче де всех съездов нынешний съезд им есть радостен, слыша от него, посланника, о здравии великого государя, его царского величества. И о такой радостной ведомости донесут они, думные люди, великому везирю, а везирь салтанову величеству. И услышав де салтаново величество и он, везирь, о добром здравии царского величества, также будут радоватись». Украинцев в ответ принес благодарность [1].

Но в ходе переговоров бывали случаи, когда в пылу спора представители обеих сторон под влиянием раздражения, досады и недовольства обменивались взаимными упреками и угрозами, выражавшимися если не в грубых, то все же в недружелюбных и жестких словах. Когда посланники на XII конференции 2 марта объявили, что никакой уступки относительно разорения днепровских городков не будет, «за что они не токмо какую тесноту, но хотя в Едикуле (тюрьма в Константинополе) заточение терпеть готовы», Маврокордато выразил удивление такому их «зело упорному и жестокому сопротивлению» [2]. По поводу нежелания турецких уполномоченных вести переговоры о дальнейших статьях, не договорясь о первой, посланники сказали: «Знатно де по всему, что у них, думных людей, к мирному делу склонности нет, а чинят они некакую вымышленную проволоку, и лучше де им, посланникам, живучи здесь, в печалех своих принять смерть, нежели не по обыкновению и не по пристойности, как ведется, в дела вступать и их делать» [3]. На XVI конференции 3 апреля Украинцев бросил турецким уполномоченным упрек в том, что «хочется им, думным людем, в том деле какой ни есть учинить вымысл или обман, понеже то обыкновение у них издавна ведется» [4]. Когда на той же конференции рейз-эфенди отошел в сторону подписывать дела и завтракать, Украинцев, ведя переговоры с Маврокордато о приазовских городках, представил ему «образцовое письмо» — проект второй статьи будущего трактата. Маврокордато показал письмо рейз-эфенди и затем передал Украинцеву его отзыв: «Рейз де эфенди говорит такие слова: знатно де он, посланник, приехал к ним с своим уставом; только де за таким междо ими несогласием едва ль что может у них учиниться доброе. Да и поступает де он, посланник, с ними зело несклонно и сердито» [5]. В споре об уступке Турции днепровских городков по разорении их уполномоченные высказали недовольство в следующих словах: «Какая де то уступка... что городки разорить... то де не уступка, но некакое насилие и посмеяние».

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 689—690.
[2] Там же, л. 554, XII.
[3] Там же, л. 612, XIV.
[4] Там же, л. 652 об., XVI.
[5] Там же, л. 657—658, XVI.

Посланники возражали, что это, напротив, очень значительная уступка, что для царя важно иметь эти крепости поблизости к Крыму, потому что они держат крымских татар в страхе, из крепостей удобно русским войскам предпринимать походы на Крым: «Та уступка великая, понеже те городки устроены великими крепостьми и от Перекопи крымской только во осми часах езды и всегда от них может быть татаром великой страх и от нахождений царского величества ратных людей утеснение и разорение». Эти слова посланников очень задели рейз-эфенди. «И рейз-эфенди говорил с *великим сердцем:* такие де их, посланничьи, слова и угрозы слышать им зело досадно, что будто те городки от крымской Перекопи во осми часах и будто может быть от них салтанова величества подданным татаром страх и утеснение. А государь их, салтаново величество, на свете никого не боится, и не токмо чьи угрозы, но и война ничья им не страшна, и всегда они ради иметь войну, а не мир, на то де их бог создал, что со всеми творить войну и побеждать мечем». На такую воинственную реплику посланники вразумительно заметили, что «хвалиться им тем, что они миру не желают, а желают войны и что на то будто их бог и создал, что иметь со всеми войну, а не мир, не доведется. И та их гордость и похвальба господу богу не угодна. И всегда господь бог гордым противится... А грозы им его, рейзовы, не страшны и говорить было ему таких похвальных слов, яко миротворителю, не довелось. И впредь бы он таких с угрозами похвальных слов им, посланникам, не говорил» [1]. Обе стороны постоянно протестуют против употребленных противником резких выражений и требуют, чтобы противник таких «непристойных слов впредь... не говорил для того, что такими словами наипаче станет приводиться к несходству начатого их дела и к пущей на обе стороны ссоре» [2].

Резкие слова, как мы бы сказали, берутся назад, выражается раскаяние в сказанном и испрашивается у противника прощение. Открывая XIII конференцию, турецкие уполномоченные говорили, что если что-либо сказанное ими на предыдущих съездах показалось посланникам «противно и досадительно, и в том желают они, думные люди, воспринять от них, посланников, прощение» [3]. Это не мешало, однако, вслед за этим наговорить друг другу самых неприятных вещей, что на XIII конференции как раз и случилось в только что приведенном разговоре о близости днепровских городков к «крымской Перекопи». Успокоившись, рейз-эфенди поручил Маврокордато сказать посланникам, что он, «рейз-эфенди, говорил им не с сердца, но ответ чиня против их, посланничьих, слов», и предложил помириться: «и чтоб тех слов со обоих сторон в досаду не ставить, потому

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 582—583, XIII.
[2] Там же, л. 397, VII; л. 503 об., X; л. 705 об., XVIII.
[3] Там же, л. 579, XIII.

что договариваемся мы с ними о великих государственных спорных делех и в таких де делех и без досадных слов быти не может»[1]. Раздражение достигало иногда высокой степени. Думные люди говорили иногда «сердитуя»[2]. О посланниках статейный список так, разумеется, не выражается, но сами произносимые ими слова свидетельствуют о повышении тона: они, например, заявляют, что никаких угроз турок они не боятся и им те угрозы не страшны, что они не уступят, «хотя бы им и смерть принять», что они прервут переговоры и уедут из Константинополя, что они никакого конца переговорам не видят, хотя и живут здесь долго, и что от безуспешности переговоров «не токмо людей, но и стен им, ездя часто на многие разговоры по улицам, уже стыдно»[3].

Маврокордато характеризовал рейз-эфенди как человека сердитого, но терпеливого, умеющего владеть собою, молчать и не показывать своего раздражения. «Да и большой де его товарищ, рейз-эфенди, — говорил он 7 апреля посланному к нему переводчику Семену Лаврецкому, — человек также сердитой, однакож претерпевает силою, не хотя нимало показать сердца своего сердитого явления, и многожды умалчивает, хотя что и окажется с стороны их, посланников, в разговорех противное и такое в нем скрытое терпение, что и по лицу нималым чем не окажется сердит быть»[4]. Однако можно заметить, что рейз-эфенди во время переговоров иногда раздражался и выходил из себя. После X конференции 12 февраля посланники сетовали, что они на «ономняшном десятом разговоре не по посольскому обычаю озлоблены грубыми словами», о чем и послали сказать Маврокордато. Грубым они сочли брошенный им упрек в лукавстве. Маврокордато ответил, что те слова говорил не он, а рейз-эфенди, и они, думные люди, имеют причину сетовать за то, что посланники предложили, чтобы Казыкермень был во владении у царя шесть или семь лет, а потом бы его разорить. «И то де приличное ль дело? И за то де и рейз-эфенди приосердился и молвил им, посланникам, такое грубое слово»[5]. Недовольный ходом дела на XV конференции, рейз-эфенди встал и пошел из ответной палаты, не простясь с Украинцевым, на что последний заметил оставшемуся с ним Маврокордато: «А рейз-эфенди знатно прихотливой и немиролюбной человек и пошел из палаты, не простясь с ним, посланником»[6]. При переговорах об основании на Днепре между городками, которые будут разорены, и Очаковом особого села для устройства перевоза через Днепр, Украинцев не согла-

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 584, XIII.
[2] Там же, л. 700.
[3] Там же, л. 583.
[4] Там же, л. 667 об.
[5] Там же, л. 509 об., л. 512.
[6] Там же, л. 659 об., XVI.

шался ни на какое укрепление этого села, даже на обнесение его небольшим ровиком и валом для безопасности от зверей, как желали турки, и предложил турецким уполномоченным доложить об этой возникшей трудности визирю и султану. Иначе, заявил Украинцев, он терпеть не станет, будет просить себе отпуска и поедет к царю, не окончив переговоров. «И думные люди, — отмечает статейный список, — говоря междо собою тайно, немалое время задумались, и появились у рейз-эфенди слезы, и с Александром говорил нечто по-турски всквозь слезы, а Александр и плакал и целовал. . . рейза, припадши в руку и в полу с великим унижением и покорностью». Маврокордато объяснил Украинцеву причины волнения рейз-эфенди: «Видит он, посланник, очевидно, и сам безо всяких пересказов, как на него, Александра, большой его товарищ, рейз-эфенди, осердился и озлобился и говорил с ним чуть не плача, выговаривал ему, Александру, что как де он ни над собою и ни над ним, рейзом, не умилится и здравия не остерегает?» Рейз выговаривал Маврокордато за то, что тот втянул его в переговоры, убедив, что посланники охотно склонятся к миру без всяких лишних запросов; ему, рейзу, «терпеть в том деле больше невозможно, для того, что все салтанские ближние люди, а наипаче муфтии и казы-аскери, сиречь законодержатели их, говорят ему, рейзу, непрестанно, что знатно де они, посланники, провидели в них, думных людех, некакую уклонку, что по се число в восемь месяцев ничего междо ими полезного не сотворилось и за большое (т. е. за уступку Азова) малого (перевозного села) не могут выпросить. И такое де подозрение он, рейз, не ведает, как с себя свесть». Дошло уже до того, что он хочет от порученного ему дела отказаться: пусть султан и визирь назначат договариваться с посланниками кого-нибудь другого, «а его де мочи и силы, также и разума больше уже не стало». Он, Александр, услыша такие слова от рейз-эфенди, «не мог утерпеть, заплакал и уговаривал его, облобызая всячески, чтоб он еще потерпел и от того мирного дела прочь не отступался, авось либо де они, посланники, рассудя в том малом деле, поступят с ними склонностью и желанию салтанова величества и великого везиря довольство учинят». В ответ на слова Маврокордато Украинцев заявил, что он видит и слышит, в какое они, думные люди, «пришли сумнение и печаль, как он, Александр, ему сказывал, и если бы ему возможно было чем их повеселить и от печали обрадовать», он бы это сделал. Но «богу известно, что и самому ему, посланнику, это новое затруднение между ними принесло немалую печаль и в сердце его скруху. И без того де есть ему о чем печалиться, потому что заехано в дальнее государство, а ничего доброго междо ими по се время не сделано. И знатно де в том некакое есть его, посланничье, несчастие. И чтоб он,

Александр, те его слова ему, рейзу, сказал»[1]. Так оба главные представителя договаривающихся государств грозили бросить дело. К следующей конференции, однако, они успокоились, и переговоры продолжались.

XXI конференция 27 апреля началась с взаимного выражения удовольствия по тому поводу, что на нее съехались в добром здоровье все четверо уполномоченных, в том числе и Иван Чередеев, который пропустил по болезни несколько конференций, а Маврокордато не был также по болезни на предыдущей. Несмотря на это, конференция прошла с признаками большого раздражения с обеих сторон, была полна протестов, упреков и выражений неудовольствия и закончилась тем, что стороны разъехались даже не простившись. Дело шло об уступке России вместе с Азовом земель в кубанскую сторону: турки после долгих препирательств на предшествующих съездах соглашались на уступку земли на 8 часов езды, посланники требовали на 12 часов и сказали, что «они о тех часах с ними, думными людьми, договариваться со многою охотою ради, но нехотенье к тому идет от думных людей». Им, посланникам, из того, что они объявили, уступить и согласиться на меньшее, чем 12 часов, невозможно. «И всему свету, — иронизировали при этом посланники, — будет известно, что мирные переговоры будут прерваны за 4 часа земли». Турки сказали, чтоб «они, посланники, так жестоко не говорили, а поступали бы с ними во всякой любви». Александр Маврокордато согласился, наконец, на 10 часов, не имея на то, как он говорил, визирского разрешения и приняв эту уступку на свою ответственность. Посланники, однако, упорно требовали 12 часов. «И Александр говорил, — читаем далее в статейном списке, — что уже он больше того и говорить и делать не может и товарищу своему объявлять того их, посланничья, прошения не будет для того: видит он того своего товарища (рейз-эфенди) в лице измененна и за объявление прибавочных двух часов (на которые согласился Маврокордато) лицом и словом к нему неприятна. И если де ему еще говорить о прибавке, и он и наипаче отвратит от него лицо свое и говорить не станет». Турки упрекали далее посланников в том, что они на всех съездах вымогают все себе на пользу, ищут все чужого, а не прямого своего, а им не уступают ничего. Посланники протестовали и требовали, чтоб «впредь думные люди таких слов, будто они просят чужого, а не своего и что с их стороны никакой уступки нет, не говорили. Говорят они о своем, и уступка с их стороны немалая: раньше они просили к Азову много земли, а теперь просят малого — только на 12 часов». Турки нашли, однако, такую уступку (что посланники уступают султану из его же собственной земли) странной. «И то де зело им

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 716—718 об., XIX.

является удивительно и досадно». Маврокордато говорил, что он «изо всех дней не видал такого нерадостного и печального дня, каков ныне им случается... Не токмо благодарения, но и доброго слова от них, посланников, им, думным людям, нет». Рейз-эфенди выражал удивление, почему посланники так упорно стояли за два часа земли. «И он, рейз, не может тому выдивиться, разве де они на тех двух часах в тамошних местех сыскали серебреную руду или иное что?» Посланники в свою очередь заявляли, что им поступки турецких уполномоченных «зело удивительны», что 12 часов они просят потому, что «бывает на свете равноденствие часов», что «стоять думным людям за такое малое дело стыдно» и что поступают они с ними, посланниками, «не по приятски грубо и упорно». В конце концов посланники согласились на предложенные турками 10 часов. Турки сделали примирительное заявление: «А хотя ныне междо ими какие противные слова и были, и в том бы они, посланники, досады на них не имели для того, что всегда при договорех на обе стороны не бес того бывает. И то де они предают забвению»[1]. Однако и после такого заявления произошла вновь вспышка раздражения. Заговорили о том, что такое час езды, какая должна быть езда по степям — тихая или скорая. Посланники говорили, что «нигде того не повелось, чтоб на степях ездить чинно, постоянно и тихо. Пашинская городовая езда к той степной езде не пример». Если они не согласны на скорую гонецкую езду, пусть «по самой последней мере» положат «езду ступистого коня», если и этого не захотят, то лучше всего положить расстояние немецкими милями. Турецкие уполномоченные сказали, что они миль немецких не знают и «на скорую езду не позволяют», и прибавили: «Знатно де сей их нынешней съезд не счастлив и не отложить ли им того дела до иного времени?» Посланники возразили: «Откладывать им то дело не для чего и для малого дела времени продолжать неприлично, разве де у них, думных людей, в мысли есть иное какое противное дело». Турецкие уполномоченные на это ответили, что «ведают де они, что хочется им, посланникам, многое у них захватить... и как им, посланником, не стыдно многого просить?» Посланники говорили: «Знатно де по всему, что у них не мирное дело идет, но некакая вымышленная и учтивая проволока. Только де господь бог обык всякого человека не оставлять в тесноте сущего»[2].

Перешли к статье о торговле между обоими государствами и о возможности русским купцам ходить на кораблях по Черному морю. Еще на XVII конференции, когда Украинцев впервые заговорил об азовском флоте, «которой ныне стоит под Таганом Рогом, а иногда бывает и под Миюсом», и предложил

---

[1] Ср. Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 516—516 об.
[2] Там же, л. 761—768 об.

написать об этом флоте особую статью, то уже самое упоминание об азовском караване вызвало у турок большое раздражение: «И думные люди учали быть зело сердиты и в персонах своих якобы отменились и говорили, что они о морском караване царского величества не ведают и про него не слыхали, а моря тут во владении салтанова величества и кроме его Черным морем и его заливами никто не владеет и впредь владеть не будет» [1]. Упоминание о плавании по Черному морю вызвало у турок новое и еще большее раздражение. Они говорили *«сердитуя:* торговле быть возможно, а быть ей сухим путем. А чтоб на Черное море ходить царским торговым кораблям и иным морским судам, того с их стороны позволено никогда не будет». Посланники затевают это дело напрасно, «знатно своим вымыслом без указу, не желая между государствами мира и покоя», хотят должно быть тем нововымышленным делом «учинить прислугу свою», т. е. прислужиться царскому величеству. «И такое де их намерение не сделается для того, что противно всякой правде. Да и потому статься тому невозможно, что московские корабли и иные суда по Черному морю и наперед сего никогда не хаживали и ныне того не будет». Посланники заявили, что о плавании по Черному морю царского каравана говорят они «по пристойности дела», потому что у царя «изготовлен» морской караван немалый, а раз изготовлен, надо же ему ходить по морю: «И кроме морского плавания деваться ему негде». Раздражение турок дошло до высшего предела. «И думные люди, сердитуя ж, сказали: велик де или мал у царского величества караван морской и для чего сделан, они того не ведают. И больше о том ничего не говоря и *не простясь* с посланниками, пошли вон из ответной палаты» [2].

XI. ПЕРЕГОВОРЫ ОБ ОСНОВАХ МИРНОГО СОГЛАШЕНИЯ. СПОРЫ О ДНЕПРОВСКИХ И ПРИАЗОВСКИХ ГОРОДКАХ

Теперь обратимся к самому существу переговоров на конференциях и, отбрасывая все то, что придает речам блеск и оживляет их, постараемся уловить основную нить переговоров и изложить ее в сухой деловой передаче. Для этого вернемся к III конференции 2 декабря, на которой посланники представили туркам письменный проект будущего трактата в 16 статьях. Из всех этих статей основной и главной была статья 1, которую турки совершенно справедливо характеризовали как «самый фундамент», как «зело трудную пуще всех статей», верно замечая при этом, что если об этой статье договорятся, то в остальных уже затруднения не будет: «Если та статья в

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 684—684 об.
[2] Там же, л. 769—770 об., XXI.

совершенство у них придет, тогда и до последней статьи дойдет добрым же и счастливым порядком»[1]. Припомним текст этой статьи в проекте подлинников:

«Мир вечной или на продолжительные лета перемирье между пресветлейшим и державнейшим великим государем, его царским величеством, и пресветлейшим и державнейшим великим государем, его салтановым величеством. Прежним постановлением да будет утвержден кто чем ныне владеет, тако да владеет. А именно, быть в стороне царского величества московского городом на Дону: Азову со всеми к нему приналежащими со старыми и вновь построенными приморскими городками и землями, каковы они именами и на которых местех ныне имеются и содержатся. А на Днепре Казыкерменю с приналежащими ж к нему городками и месты и землями и ниже в малом, ниже в великом в чем да не будет сей мир поврежден, но всяким охранением в их монаршеской чести и во всякой целости и в правде соблюден будет, и подданные во обоих тех государствах, городах, землях, областях, островах безо всякой обиды и утеснения радоватися будут»[2].

Существенными положениями статьи 1 было: во-первых, основание договора — uti possidetis — «кто чем ныне владеет, тако да владеет»; во-вторых, на этом основании московский государь удерживает за собою свои завоевания — Азов с принадлежащими к нему городками и днепровские городки: Казыкермень, Тавань, Гарсланкермень. Так об удержании этих завоеваний *непременно* предписывал данный посланникам тайный наказ[3]. На этих трех пунктах: об основании трактата, о Казыкермене с городками и об Азове надолго затем сосредоточились переговоры.

Переговоры о самом основании, на котором должно было быть заключено мирное соглашение, заняли IV, V и часть VI конференции. Турки возражали против принципа uti possidetis и просили уступки части завоеванного, не указывая пока, какой именно. В подкрепление своей просьбы они приводили и общее положение: без уступок мира и дружбы не бывает; ссылались на то, что на Карловицком съезде также первоначально было предложено основание uti possidetis, но затем и цесарь, и венеты, и Польша сделали султану значительные уступки в землях[4]. Турки указывали также на то, что Людовик, заключая мир с цесарем, англичанами и Голландскими штатами, уступил им завоеванные земли. Посланники же указывали на незначительность сделанных союзниками туркам уступок: цесарь и венеты отдали туркам ничтожные острожки и пустые места; поляки отдали им всего три городка: Сочаву,

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, 320 об. — 321, 346.
[2] Там же, л. 276.
[3] Там же, Дела турецкие 1699 г., № 4, л. 53, статья 3.
[4] Там же, Книга турецкого двора, № 27, л. 306.

Немец и Сороку; в первых двух было меньше 50 человек гарнизона в каждом и только в Сороке бывало человек по 100 и по 150. В частности французский король возвратил цесарю, английскому королю и Голландским штатам такие города, которые больше ему приносят прибыли, когда находятся в подданстве этих государств, чем если бы были у него в подданстве. У царя же таких мест, которые бы можно уступить султану, нет нигде, и никакой уступки не будет[1].

На VI конференции турки открыли, какой именно уступки с московской стороны они желали. Статья 1 представленного посланниками проекта трактата говорила ясно о двух завоеванных областях: 1) о днепровских городках: Казыкермене и др., 2) об Азове. Оставляя за русскими Азов, турки просили вернуть султану Казыкермень с городками. «Думные люди говорили, — читаем в статейном списке, — открывают де и говорят они... истинным сердцем, что хотя у великого государя их, у его салтанова величества, в державе его разных государств, и земель, и областей много, однако же и малого напрасно уступить жалеет... И того ради желает его салтаново величество, чтоб на Днепре Казыкермень и иные городы с принадлежащими к ним землями и местами были в державе его салтанова величества»[2]. Казыкермень действительно стал «камнем претыкания» в переговорах. Спор о нем занял продолжительное время с VI по XIII конференцию, с 23 декабря по 16 марта; отдельные детали этого требования обсуждались и на дальнейших конференциях. Турки приводили два мотива, поддерживая свое требование. Во-первых, они указывали на то, что днепровские городки нужны султану «для удержания хана крымского и всякого рода татар от своевольства» и для принуждения их к оседлому образу жизни, для того, чтобы заставить их заниматься земледельческим трудом, раз возможность набегов и грабежей будет для них закрыта; в городках султан посадит знатного пашу с войском, который будет удерживать крымского хана и татар от нападений на русские пограничные города и местности. Вторым мотивом в пользу возвращения городков туркам служило указание на то, что именно через них идет путь из одних турецких владений в другие: из Анатолии, с Кавказа и из Крыма в Белгородчину (страну между нижним течением рек Днестра и Буга), в придунайские города, в Мультянскую и Волошскую земли. По взятии городков русскими сообщение между названными владениями стало затруднительным, так как путь этот пресекся[3]. Посланники, твердо продолжая стоять на принципе uti possidetis, категорически отказывали в какой бы то ни было уступке, а против приведенных турками мотивов выдвинули свои совершенно противо-

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 367—367 об., 318.
[2] Там же, л. 363—363 об.
[3] Там же, л. 363—364.

положные соображения. Переход городков к Турции, по их мнению, не только не внес бы спокойствия в отношения между обоими государствами, но вызвал бы еще большую вражду и кровопролитие. Когда днепровских городков не было и в тех местах было пусто, тогда у подданных обоих государств между собою ссор и кровопролития не было, а когда они были построены, началась постоянная вражда, кровопролитие и похищение людей в плен. Помня наставления, содержавшиеся в данном им наказе [1], посланники говорили, что городки построены не так давно, при султане Магомете, отце ныне царствующего султана; с тех пор они не только не сдерживали крымских набегов на русские окраины, но, наоборот, стали служить для этих набегов опорой. Татары нападали на русских «в полях на работе обретающихся, на сенокосах и на жнитвах, и побивали и в полон похищали непрестанно, а домы их и всякие жилища пустошили и разоряли и исправляться им ни в чем не давали. А когда царского величества ратные люди за теми ворами хаживали в погоню и в дороге их хотя где и постигли, и те воры, видя за собой такую погоню, всегда ухаживали в те новопостроенные поднепровские городки» [2]. О таких обидах, о кровопролитии и о захвате пленных, русское правительство многократно писало к прежним султанам, но никакого удовлетворения не получило и «унятия тех татарских набегов не учинено». А царские подданные били челом великому государю о тех своих обидах непрестанно. «И великий государь... видя подданных своих многое в том стенание, и рыдание, и слезное челобитье, изволил посылать на те вышепомянутые городки свои рати и взять их под свою... самодержавную руку, чтоб уже больше того его, царского величества, подданные от всегдашних из тех городков татарских набегов, разорения, и кровопролития, и в плен похищения не имели, а жили б безопасно. И видя такие нестерпимые досады, как царскому величеству теми городками салтанову величеству поступиться, и будет ли то впредь прочно и постоянно? И если отдать, то никогда не может быть, чтобы впредь без ссоры было» [3].

Таким образом, посланники в подкрепление своего отказа приводили тот же мотив, что и турки, но обращали его в противоположную сторону, стремились к той же цели, но другими средствами. Их целью также было удержание своевольства крымского хана и татар, но они доказывали, что городки в русских руках действительно служат для обуздания крымцев и для предупреждения татарских набегов, тогда как в турецких руках они, наоборот, служат для таких набегов опорою. В частности против заявления турок о том, что в городках будет посажен знатный паша с войском, посланники возражали:

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Дела турецкие 1699 г., № 4, л. 59.
[2] Ср. наказ (Арх. мин. ин. дел, Дела турецкие 1699 г., № 4, л. 60).
[3] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 365—366.

пашу крымцы будут подкупать, как уже бывали тому примеры. «А на пашу де, — говорили посланники, — о унятии их, татар, от походов и от набегов воинских надеяться невозможно, понеже для тех набегов станут они у него, паши, докупаться и за отпуск свой в загон учнут ему, паше, давать многие дачи, а салтанову де величеству о том донести будет некому. А примеры де тому уже были многие, а именно, как до взятья Казыкерменского жили в том городе беи, и у них то был и промысл, что загон за загоном отпускали и за то великие себе подарки у татар принимали. А когда те городы будут в державе царского величества, тогда не так дерзновенно и безопасно учнут быть загоны татарские под украинные его царского величества городы». Этот казыкерменский паша станет держать себя так же, как и керченский паша, «которой не токмо загоны посылает, но и сам под украинные царского величества городы ходит». Если султан действительно хочет унять татар от своевольства, то ему следует посадить пашу не в Казыкермене, а в Перекопе, потому что Перекоп для всего Крыма служит воротами, «и иного пути из Крыма нет, и никто тайно и явно пройти не может, и кто и куда и для чего поедет и то будет ведомо». А паша в Казыкермене не будет и знать о предпринимаемых набегах, потому что татары под украинные города ходят не через Казыкермень, «но мимо его многими путями. И тому де паше почему и от кого о том будет сведать, а татаровя сами на себя того сказывать ему не будут» [1].

На тот довод турок, по которому будто бы с захватом Казыкерменя русскими пресекался путь из одних султанских владений в другие: из Анатолии, с Кубани, из Черкес и из Крыма в Белгородчину, в Валахию и Молдавию, посланники возражали, что путь и раньше не лежал через Казыкермень; прямой путь в эти страны лежит морем, а сухим путем — на Кинбурн и затем через днепровское устье на Очаков. «Тот Казыкермень подданным салтанова величества в проездах их... никакого препятия не чинит и от прямого пути стоит в дальнем расстоянии. А когда салтанова величества подданные имеют итить из Анатолии, и из Крыму, и из Черкес, и с Кубани в Белогородчину, и в Волоскую и в Мультянскую земли, и в подунайские городы, и в иные тамошние страны и им прямой путь належит морем, а сухим путем на Кинбурун и чрез Днепровское устье на Очаков; и те пути морем и сухим путем старинные и город Очаков издревле бывал к Волоской земле. А чрез Казыкермень путь туды не належит, и никогда чрез него никакие проезжие люди не хаживали» [2].

Так как посланники и на следующих конференциях категорически отказывали в уступке днепровских городков, то турки

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 371—371 об., 526, 524—524 об.

[2] Там же, л. 366—367, 370.

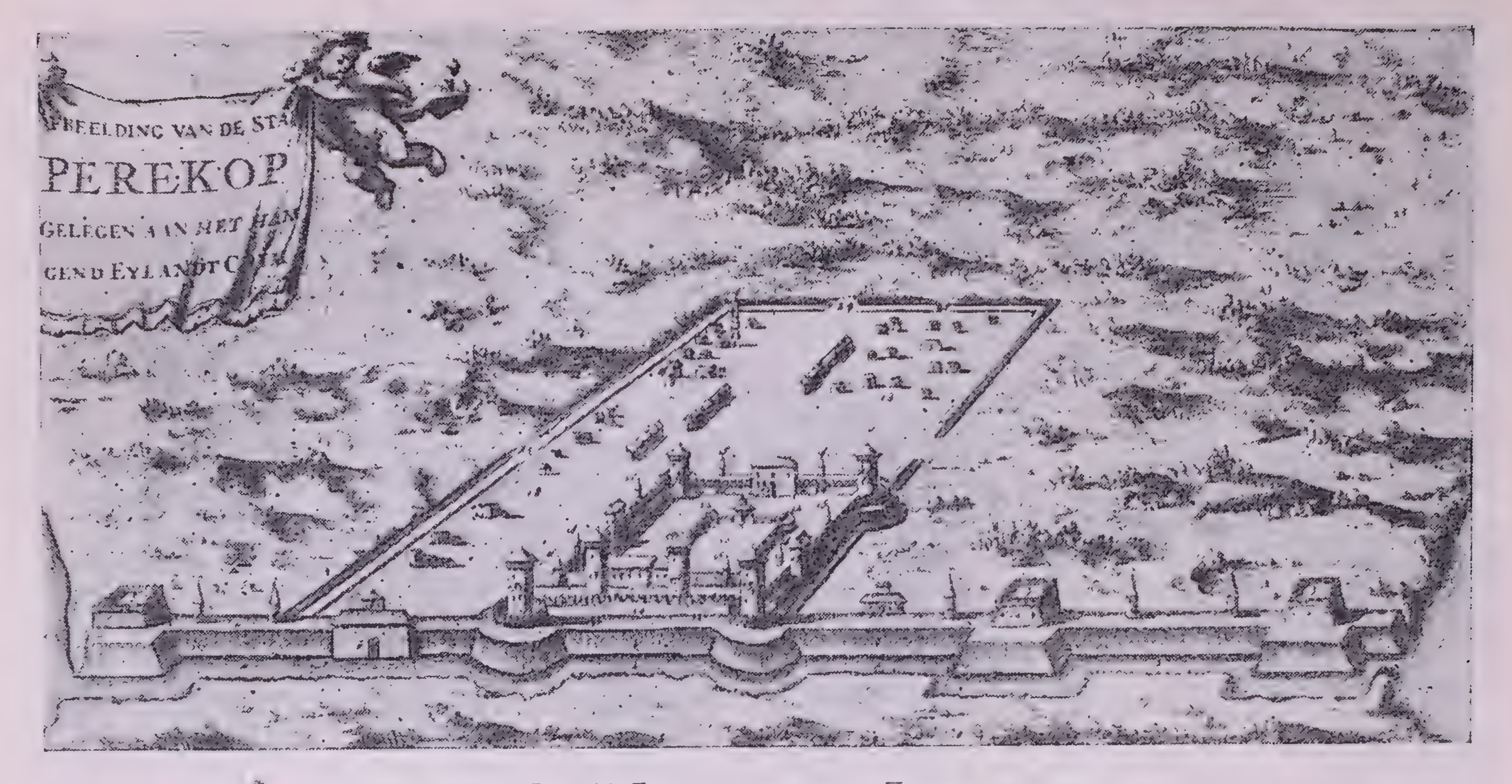

Рис. 16. Турецкая крепость Перекоп.
Гравюра из книги Н. Витсена «Северная и восточная Татария».

стали искать какого-либо среднего решения, «медиума» или «средка». На IX конференции 27 января Александр Маврокордато объявил посланникам, что о положении дела на переговорах они, думные люди, докладывали визирю. «И великий девезирь всячески рассуждал, как бы в том настоящем деле мог изобрести средок. И, окроме той Казыкерменской уступки в сторону салтанова величества, иного средка изобрести не мог». Однако сам он, Александр, выступил с таким предложением: пусть царь уступит султану Казыкермень с другими городками, а сам построит вновь другую крепость, «где пристойно», неподалеку от Казыкерменя на царской земле, «на высоких где местах или у Днепра». Тогда можно будет провести настоящую границу между государствами, которая будет проходить между этими городами, а рубежи — крепость миру. Маврокордато сослался на многие примеры того, «что в ближних местех двух государей городы порубежные междо себя содержатся», как это есть у султана и у цесаря в Венгерской земле, не указав, однако, названий таких городов. И в Казыкермене и в новопостроенной русской крепости будут сидеть воеводы «разумные, постоянные, искусные и честные люди, которые будут жить всегда в тишине и благоденствии, между собою без ссор, удерживать своевольных и успокоивать всякие ссоры и вражды между подданными обоих государств». Это идиллическое предложение Маврокордато натолкнулось попрежнему на твердое сопротивление посланников, заявивших, что «как прежде они говорили. . . , так и ныне говорят, что той Казыкерменской уступки с стороны царского величества в сторону салтанова величества никогда не будет; и в том бы они не надеялись»[1].

Переговоры, казалось, грозили зайти в тупик. 31 января «о полудни» прибыл в Константинополь и явился на посольский двор посланный в декабре 1699 г. из Москвы сержант Преображенского полка Никита Иванов Жерлов в сопровождении батуринского сотника Дмитрия Нестеренко с 13 казаками. Жерлов привез царский «указ и статьи», т. е. инструкции Петра об уступках, с целью ускорить заключение мира. Текст статей, привезенных Жерловым, не сохранился. Из письма Петра к Украинцеву, также привезенного Жерловым, видно, что статьи уполномачивали Украинцева на бóльшие уступки. «Послали мы къ тебѣ сътатьі, по которымъ (естли не хотятъ такъ зъдѣлать, какъ наказано) не мешькоѳъ зъдѣлай, какъ Богъ помочи подастъ. Лутче, чтобъ съколко мочьно сътоять при первой і другой; а естли не мочьно, то по самой нужъдѣ чинить по последней сътатье. Толко зело зело нужно намъ, чьтобъ мы про сие докончание вѣдали въ генваре месецѣ; і сие какъ наіскорее дѣлай»[2]. 1 февраля посланники известили Мавро-

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 450, 457, 456, 450 об. — 451, 453.

[2] П. и Б., т. I, № 286.

кордато о прибытии Жерлова, объяснив цель его приезда так, что он прислан «проведать об них, посланниках, и что у них чинится в его, великого государя, делех и для чего в деле до сего времени чинится такое многое медление». Посланники сообщили далее, что, «восприняв такую ведомость, они в великом страхе и ужасе ныне пребывают», боясь ответственности перед царем за медленность дела, и в заключение прибавили: «А о том ему, Александру, и первому его товарищу рейз-эфенди ведомо, что в настоящем обоих государств деле продолжение чинится не от них, посланников, но с стороны блистательной Порты» [1].

Никите Жерлову с сопровождавшими его казаками был отведен турецким правительством особый двор и даны кормы. Но на просьбу посланников поспешить с конференцией Маврокордато ответил, что 3 февраля, как желали посланники, назначить ее невозможно, потому что на этот день назначена недавно прибывшему цесарскому послу аудиенция у великого визиря, на 6-е назначен прием его у султана [2].

X конференция состоялась только 12 февраля. Сержант Жерлов и сотник Нестеренко были в свите посланников, а Жерлов присутствовал и при самых переговорах, будучи оставлен в ответной палате по удалении из нее всех «лишних людей». Под воздействием привезенных инструкций посланники сошли с занятой ими непримиримой позиции и с своей стороны предложили туркам «средок», о котором, очевидно, говорилось в инструкциях. Сделав оговорки о том, что днепровские городки были взяты царем «за многие татарские неправды» и завоеваны «со многим разлитием крови человеческой», посланники от имени государя сделали, однако, следующее предложение: в течение шести или семи лет эти городки будут находиться во владении царя, а затем должны быть разорены. Посланники, восхваляя такое решение вопроса, называли, употребляя, очевидно, латинизм, предлагаемый ими «средок» «божественным» (medium divinum). Турки, однако, не приняли его, никаких «божественных» свойств в предлагаемом «средке» не усмотрели, выразились, что посланники играют с ними «на лукавстве, аки малые дети», и справедливо находили, что уступка городков царю на шесть лет обратится в вечную: «А чтоб тем городкам быть в стороне царского величества шесть лет, и то де штилетнее держание значит аки сто лет» [3].

Потерпев неудачу с своим «божественным средком», посланники на следующей XI конференции 24 февраля принуждены были пойти на уступку и предложили днепровские городки разорить немедленно же по заключении мира и землю, на которой стояли городки, уступить султану с тем, однако, условием, чтобы на разоренных местах никаких городов не строить и

---

1 Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 474 об. — 475 об.
2 Там же, л. 478.
3 Там же, л. 495, 500 об. — 501 об.

тем местам быть навсегда пустыми. Согласие посланников на уступку, которой турки так долго добивались, было ими встречено с выражением удовольствия; они заявляли, что «то де их, посланничье, предложение является к снисхождению добронача́того дела вначале господу богу, а потом и обоим великим государям и народам благоугодно». О сделанной уступке доложено было великому визирю, который принял это благоприятно и обсуждал ее с приближенными султана. Однако предложенное разорение городков турок не удовлетворяло; они предпочли бы уступку городков не с разорением, а лишь с «испразднением», т. е. в неповрежденном виде, только с выводом русских войск и с увозом орудий и военных припасов. Они высказывали мысль, что дело уладилось бы гораздо лучше, если бы была возможность устроить личное свидание между монархами — «видеться самим междо собою персонне и тогда б нынешнее дело восприняло совершенство одним их, государским, словом». Царь бы сказал, что для возобновления древней дружбы он соизволяет городки разорить и пустую землю отдать султану, а султан бы ему ответил: «Для чего те городы разорять, какая ему, салтану, будет прибыль в пустоте и что это за уступка? Лучше городки испразднить и отдать, нежели разорить. И государь никогда бы в том ему не отказал». Уж если государь ради дружбы с султаном склонился к уступке, то «уступку должен учинить *жилую,* а не пустую». От «жилой» уступки произойдет для султана всенародная слава, а в «пустой» уступке какая ему прибыль? Чем он похвалится перед своим народом и перед чужими? Будет только на него от народа нарекание, потому что те городки были жилые и построены отцом султановым Магметом-султаном с «великими проторями и убытками», а теперь будут отданы султану разоренными и пустыми, и в них будет только «пристанище всяким зверям и птицам, а не человекам» [1].

Турки приводили целый ряд аргументов за то, чтобы городки не разорять, а вернуть султану населенными только с увозом военного снаряжения; между прочим, приводился аргумент богословского характера: визирь велел посланникам объявить, что хотя они, турки, с христианами имеют в вере различие, однако же веруют в единого бога и исповедают бога, сотворившего небо и землю и «вся, яже на ней. И его де божественное повеление и соизволение такое, чтоб землю людьми населять, а не пустошить». Приводилась далее ссылка на историю: «Чаять де слыхали они, посланники, во описаниях исторических, что в прежние времена у многих государей христианских и мусульманских во время мирных дел бывали великие уступки, а не такие, как они, посланники, объявляют». Сле-

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 525—525 об., 527, 542 об. — 543, 550 об., 527 об. — 528.

довал аргумент, основанный на праве собственности: султан просит не чужого, а прямого своего. Наконец, указывалась опасность от запорожских казаков: городки построены для удержания запорожских казаков, которые ходили Днепром на Черное море и причиняли многие убытки и разорение султановым приморским городам. И если эти городки разорить, то казаки, не встречая никакого препятствия, начнут пуще прежнего ходить на Черное море и разорять турецкие приморские города [1].

Посланники возражали и с своей стороны приводили аргументы *за* разорение городков: с разорением городков исчезает причина ссоры и вражды. Так как ссора и война между монархами, по словам посланников, началась из-за Казыкерменя, то следует его разорить и «быть ему пусту». Султану «тем разорением никакого бесчестия и от народа нарекания не будет», не будет и причины для войн. Посланники пояснили свою мысль «прилогом», т. е. примером: «Если б у кого с кем произошла какая ссора за малую вещь и те обе особы, съехавсе персонне», всего лучше эту ссору успокоить могли бы тем, что решили бы эту вещь «отставить». «Тем подобием и великий государь... чинить ныне изволит: за что была ссора и недружба и всчалась война, то изволит разорить и отставить». Опасение перед казаками турки испытывают напрасно. Казыкермень был построен вовсе не для удержания казаков, но по общему согласию гетмана Богдана Хмельницкого с крымским ханом во время польской войны, чтоб татарам было свободно ходить через Днепр войною на Польшу. Запорожские казаки ходили судами «вниз Днепра для отмщения обид своих, когда были в державе польской. А ныне того чинить не будут, так как живут в великом страхе, и дается им великого государя ежегодное жалованье денежное и хлебное. А если им когда царского величества жалованья хотя на один год не дастся, то они без того с голоду помрут и тем вяще будут усмирены. И для таких де причин совершенно они от прежнего своевольства уймутся». Прежде у казаков бывало «непостоянство» вследствие частых у них перемен в гетманах и в кошевых атаманах, «а ныне у них гетманы и кошевые атаманы... правдивые и постоянные и служат великому государю верно, многие годы беспеременно и могут они всяких своевольников от непостоянства усмирять и удерживать» [2].

Наконец, обеими сторонами выдвигалось указание на незначительность тех мест, о которых шел спор. На вопрос турецких уполномоченных на XIII конференции, «в той провинции или стране, где находятся поднепровские городки, быть ли впредь после разорения какому поселению или вовсе тому

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 544. 547—547 об., 528, 543, 547—548.

[2] Там же, л. 526 об., 529—530, 549—549 об., 530—531, 549, 581 об.

месту быть впусте», посланники отвечали, что они *«за провинцию»* этих мест не признают, а «почитают за самое пустое место». Раньше, до возникновения городков, это место называлось Соколья переправа. Турки ухватились за такое указание и пытались обратить его в свою пользу против посланников: «И когда де те места незнатные и пустые и провинциею никогда не именовались, и им де, посланником, за что за то стоять и много спорить. А споры де бывают... не за такие малые и незнатные места... И немочно де то разорение городков и пустую уступку почесть в знатную какую уступку, разве де причесть к некакой малой уступочке.» [1].

По существу вопрос об уступке туркам днепровских городков с разорением их был решен на XIII конференции 16 марта, и решение принято было обеими сторонами; но и на дальнейших конференциях не раз возвращались к этому вопросу. Согласившись на разорение всех четырех крепостей, турки на XIV конференции стали просить уступить им хотя бы один, какой угодно, из днепровских городков в целом, неразрушенном виде. Посланники ответили, что принять им такого предложения «никоторыми мерами невозможно», потому что от этого, как они говорили уже раньше, будет происходить еще большая вражда и ссора между обоими государствами, «и в том им отказали» [2].

Возник вопрос о сроке разорения городков. Турки предложили внести в договор условие о разорении городков через 15 дней по подтверждении мира. Украинцев предложил срок в шесть недель по приезде из Константинополя в Москву гонца с известием о подтверждении мирного договора, которое должно произойти через особое посольство. Турки согласились, что предложенный ими «срок разорению городком, видят они и сами, что мал, потому что расстояние обоих государств меж царственных мест или градов (т. е. между столицами) — немалое» и предложили 30 дней, что было принято и русской стороной [3].

Уже на XIII конференции, когда постановлено было о разорении городков, уполномоченные заговорили о возможности устроить на месте разоренных городков какое-нибудь турецкое поселение. Посланники, конечно, отказали: «Когда уж в тех местех городкам не быть, то и поселению быть непристойно». Если устроить поселение без крепости — опасно, что оно подвергнется нападению со стороны каких-нибудь своевольников, которые урвутся тайным обычаем из России, и оттуда пойдет ссора; а если устроить многолюдное поселение — «учнет чиниться между обоими государствами вящая недружба и война. И того ради, — заключали посланники, — на тех пустых местех ни малому, ни большому поселению быть не доведется» [4]. На сле-

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 586 об.—587.
[2] Там же, л. 600—601 об.
[3] Там же, л. 694—694 об.
[4] Там же, л. 589—589 об.

дующей XIV конференции турки изложили, для чего им такое поселение на Днепре было нужно, именно для устройства перевоза через Днепр. Без такого перевоза, который был в Казыкермене, будет «тягость» турецкому и татарскому народу. Остается только перевоз между Кинбурном и Очаковом, но для всяких проезжих и торговых людей, направляющихся из Крыма в Белгородчину или обратно, этот перевоз неудобен, во-первых, по дальности расстояния его от Крыма, от Перекопа. Турки показывали посланникам на чертеже, и совершенно правильно, что от Перекопа до очаковского перевоза гораздо дальше, чем до Казыкерменя; что будет езды три дня, тогда как до того селения, которое они проектировали между Очаковом и Казыкерменем, езды будет всего один день. Вторым неудобством очаковского перевоза была ширина Днепра в тех местах; переправа происходит медленно, на лимане бывает волнение, в особенности затруднительна переправа во время разлива реки (водополья), когда торговцам и всяким проезжим людям бывает «простой и мешкота» дней десять и более. Вот почему турки и просили об устройстве небольшого поселения на обеих сторонах Днепра между Очаковом и Казыкерменем, где бы был удобен перевоз. Поселение будет обнесено ровиком и острожком «для опасения от своевольников и разбойников и для бережения скота от зверей». Изложив просьбу и приведя доводы, турки уговаривали посланников им в том не отказывать и не упрямиться и «таким малым делом великого мирного дела не останавливать и не разрывать» [1].

Посланники встретили предложение крайне отрицательно, заявив, что на такое предложение согласиться им нельзя, потому что они не имеют на то государева указа, и приводили затем целый ряд аргументов против устройства нового перевоза. Начинается новое и неожиданное дело: для чего туркам понадобился новый перевоз, они не знают, но им кажется, что для какого-нибудь «вымысла» и для переправы ратных людей или для пристанища ратным людям. Новое поселение будет находиться в опасности от разбойников — запорожских казаков, которых не унять от нападений, так как они начнут ходить тайно, украдкой (здесь посланники забыли о том, что раньше при переговорах о разорении городков они же уверяли турок, что городки как защита от запорожцев не нужны, потому что запорожцев царь держит в строгом повиновении и никаких набегов с их стороны быть не может). Однако на такой непримиримой позиции посланники держались недолго и, «видя их, думных людей, в том деле такое прошение и притужание, а к тому и имея у себя о том великого государя указ», как замечено в статейном списке, вопреки только что сделанному открыто заявлению о неимении указа, стали уступать и соглашаться на устройство между Очаковом

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 601 об. — 602.

и Казыкерменем, на одной стороне Днепра, небольшого поселения в 50 человек для содержания перевоза с тем, однако, чтобы никакого укрепления там не строить[1]. Тщетно турки доказывали на этой, XIV, и на нескольких дальнейших конференциях, что речь идет только о «сельском ограждении», только о небольшом «ровике или валике... как у них бывает и делают ровики небольшие около виноградов для безопаства от скота, чтоб, ворвався, какое животное не учинило тому винограду вреда». Тщетно говорили, что у них «и у малых самых деревнишек для скота и всякого безопаства бывает кругом городьба тыном или каким окопом», русская сторона ни о каких даже самых незначительных и чисто деревенских ограждениях и укреплениях не хотела слышать, высказывая опасения, что турки вместо разрушенных городков замышляют постройку новой крепости — «вымышляют еще вновь иной Казыкермень»[2].

Споры шли весьма жаркие. Обе стороны грозили разорвать на этом вопросе переговоры. Украинцев бросил туркам упрек, что должно быть султан и великий визирь «к такому нововымогающемуся селу... наговорены от некакого злого и обоим государствам нежелательного и недоброхотного человека», который достоин суда и в сем веке и в будущем. Турки говорили, что если им не позволено будет устроить перевозного села, то они потребуют разорения не только днепровских, но и приазовских городков, на что Украинцев заметил, что ему в ответ на такие слова остается молчать и терпеть, что он, «слыша такие их противные слова и толкования, молчанию и терпению себя предает». С рейз-эфенди сделалась уже описанная выше истерика, он грозил бросить все дело[3].

22 апреля посланники через посыльного объявили Маврокордато крайнее предложение: в договоре упомянуть о селе для перевоза, в нем — 50 человек жителей, но чтобы около этого села никакой городовой и оборонной крепости не было, «а обвесть его плетнем для бережения скота от зверя и чтоб скот в жито не ходил». Маврокордато, однако, не согласился писать в договоре об окружении села плетнем, находя такие подробности слишком мелочными и неуместными в государственном акте, заключаемом между двумя монархами: «А чтоб плетнем огораживать, и такой договор к государственному и к монаршескому лицу не приличен да и говорить о том непристойно. А чтоб тому плетню сделану быть после договору и на письме б об нем ничего воспомянуто не было». На XX конференции

---

[1] При этом посланники сначала требовали, чтобы это поселение находилось от Очакова на расстоянии 5—6 итальянских миль; затем они согласились на немецкие более длинные мили (Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 606 об. — 607 об.).

[2] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 602 об., 604—605 об., 698, 699, 710—711.

[3] Там же, л. 712—713 об., 716—716 об.

Украинцев опять объявил, что на устройство села он согласен, только без всякого ограждения: «а с валиком тому поселению быть поволить им немочно». Рейз-эфенди ссылался на пример такого поселения с ограждением на венгерской границе, что сверх упоминания о валике и рве в договоре будет упомянуто, чтобы в это поселение пушек и другого оружия и воинских припасов не ввозить и там их не держать[1]. Эта оговорка была принята и в окончательном тексте договора. Статьи о разорении городков, об уступке разоренных мест Турции и о перевозном селе были формулированы так:

«Дабы путешествующих и торговых людей проходу и переезду и к пригону перевозных судов водяных место было на одной коей ни есть стороне из дву берегов Днепровых, на середке меж Очаковым и разоренными Казыкерменскими городками, и от Оттоманской империи село да построится, и село приличною ямою и окружением да обведено будет; однако никакая крепость да не сотворится, ниже во образ городка и твердыни да приведется, и ни пушки, ни воинские приуготовления, к воинским ограждениям надлежащие, и ни воинский полк в нем да не поставятся, и морские воинские корабли и каторги к тому селу приведены да не будут»[2].

Разорение днепровских городков с возвращением их территории туркам было тяжелой для России уступкой, чем и объясняется упорная борьба русских посланников за эти городки. Приходилось отказаться от значительной доли успехов, с немалым трудом достигнутых в турецкую войну.

На завоевание днепровских городков, которое произошло одновременно с завоеванием Азова, в нашей исторической литературе обращалось сравнительно мало внимания и понятно почему: все внимание направлялось к Азову, где действовал сам Петр. Его личность привлекала к себе взгляды историков. То, что сделано было на Днепре без него, хотя по его же инициативе, оставалось в тени; а между тем эти результаты были не менее важны, чем те, которые были достигнуты приобретением Азова. Можно сказать, что это были одинаково существенные части одного и того же дела. С завоеванием Азова Россия подходила к Азовскому морю и через него к Черному с восточной стороны от Крыма. С завоеванием днепровских городков, расположенных у самого устья Днепра, Россия подходила к тому же Черному морю с западной стороны. Крым, это вековое гнездо хищников, в течение целых столетий державшее в тревоге население русской равнины, оказывался под контролем с двух сторон. Крымской тревоге наступал конец. Сдавленные с обеих сторон крымцы должны были прекратить свои разрушительные набеги на южнорусские пространства.

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 731 об., 734, 749—749 об.

[2] П. и Б., т. I, № 318, ст. III.

Теперь с отказом от днепровских завоеваний приходилось лишиться опорного пункта против Крыма с запада, отойти от подступа к Черному морю с этой стороны. Эта жертва приносилась во имя надежд на будущее, для новых перспектив, открывавшихся на севере. Тем крепче русская сторона должна была держаться за Азов. Переговоры об Азове начались на XIV конференции 20 марта и продолжались до XXI конференции 27 апреля, заняв, таким образом, 8 конференций. Переговоры сосредоточивались около двух вопросов: о приазовских городках и об уступке к Азову земель в сторону Кубани. Как известно, в окрестностях Азова устроено было несколько небольших крепостей, составлявших с ним общую систему; таковы были Таганрог, Павловский, Миус. В проекте мирного договора, представленном посланниками еще на III конференции, статья об Азове была формулирована так: «Быть в стороне царского величества Московского городом на Дону: Азову со всеми к нему приналежащими старыми и вновь построенными приморскими городками и землями, каковы они именами и на которых местех ныне имеются и содержатся»[1]. На XV конференции 25 марта турки предложили свою редакцию статьи, переданную в статейном списке так: «Азов город с городками, понеже во владении царском суть, сызнова мирно да пребудут в его ж державе». Украинцев возразил, что он такой *«неимянной»* статьи об Азове не примет, и требовал, чтобы турецкие уполномоченные непременно упомянули названия приазовских городков, чтобы написали Азов город «со всеми старыми и новыми городками, *назнача их именами»*, на что турки ответили, что «они имян тех городков не знают и не ведают и писать того на бесчестье государству своему не будут». Тогда Украинцев, заметив, что если им городки писать «именами» трудно, предложил упомянуть о них в общей формуле: «Азову городу и к нему приналежащим старым и новым городкам и крепостям донским и приморским, каковы они именами ни есть и на которых местех ныне имеются и содержатся с землями и водами, быть в державе его царского величества»[2].

Вопрос, следовательно, шел не о существе дела, а только о форме. Турки уступали Азов с городками, но не хотели перечислять городков или вообще оговаривать их подробнее. Украинцев требовал если уже не именного перечисления, то такой оговорки. Украинцев объяснял, что он желает перечисления городков потому, что городки находятся в разных местах и город от города расстоянием миль по десяти и больше. Если б городки были в одном месте, он бы о том не говорил, а согласился бы на редакцию, предложенную турками[3]. Он желал точности, боясь, очевидно, как бы впоследствии не возникло спора о том,

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 276—276 об.
[2] Там же, л. 634 об. — 635.
[3] Там же, л. 651.

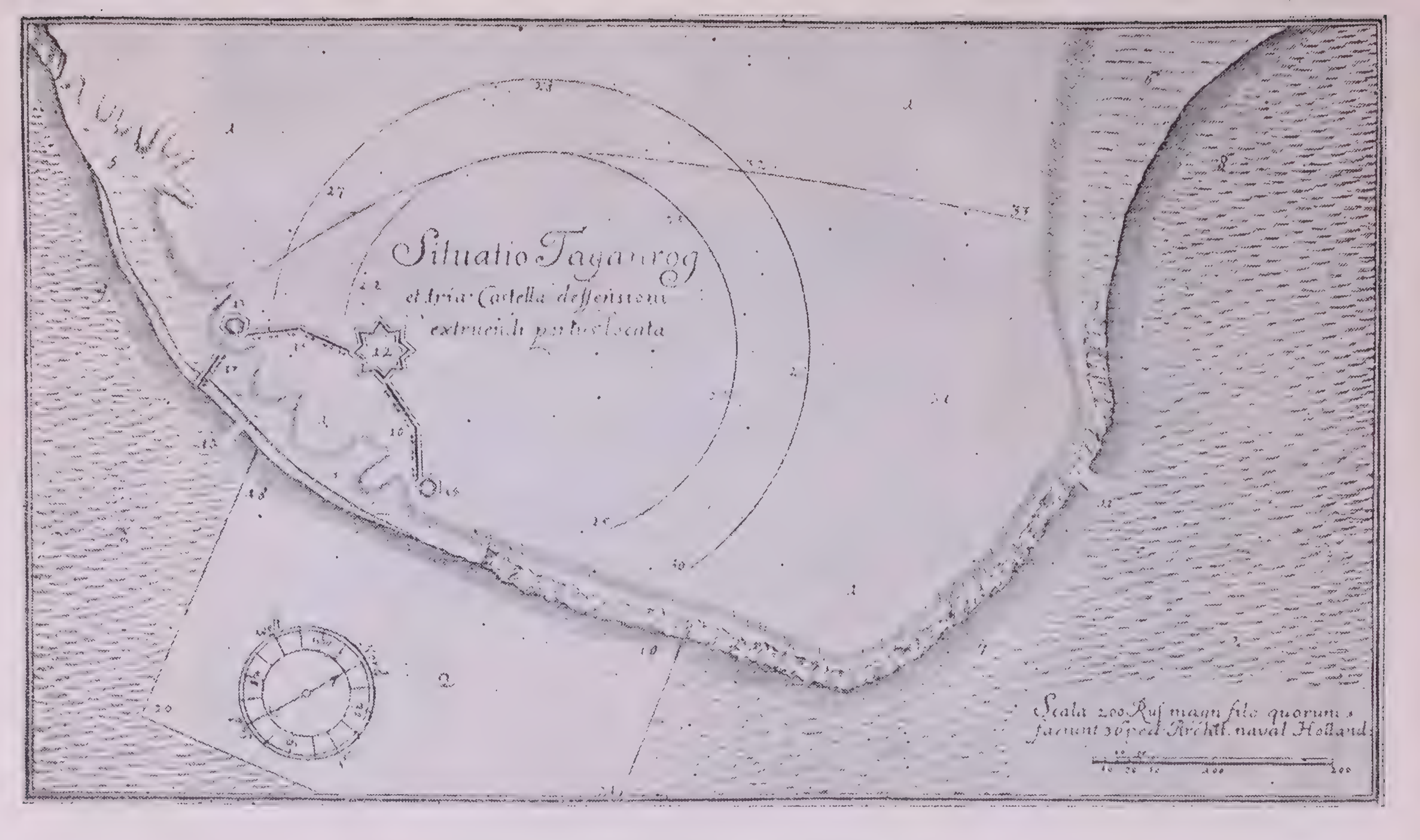

Рис. 17. Таганрог с тремя прилегающими к нему крепостями.
Чертеж из «Дневника» Корба 1699 г.

какие городки уступлены с Азовом и какие нет. Турки не желали перечислять городки, видя в этом бесчестье своему государству, опасаясь молвы, «людского переговору и подозрения». Маврокордато пытался было сослаться на происходившие будто бы раньше между сторонами и занесенные в запись его сына разговоры о том, чтобы от Азова до Керчи [1] «никакому городовому строению и поселению не быть, а быть той всей азовской степи впусте». Украинцев категорически опроверг эту запись. Речь шла о пространстве от реки Миуса до Перекопа —это пространство должно быть незаселенным, но по другую сторону реки Миуса (к Азову) городки, крепости и другие поселения со всем, к ним относящимся, остаются в прежнем состоянии, а не «впусте» [2]. На XVII конференции 10 апреля обе стороны выступили со своими редакциями статьи об Азове. Была принята редакция Маврокордато: «Азов город и ныне к нему належащие все старые и новые городки и меж теми городками лежащая земля и вода, понеже во владении царского величества российского суть, паки тем же образом мирно да пребудут в державе его ж величества». Украинцев на статью согласился, и ее велено было написать в черновую запись договора [3]. В окончательной редакции договора статья 4 была сформулирована следующим образом:

«Азов город и ныне к нему належащие все старые и новые городки и меж теми городками лежащие или земля или вода, понеже во владении царского величества суть, паки тем же образом всемерно его ж царского величества в державе да пребудут» [4].

Когда с вопросом о городках было покончено и, таким образом, граница приазовских земель с крымской стороны была определена (река Миус), перешли на той же XVII конференции к другому вопросу о землях, которые должны были быть отведены к Азову с другой (кубанской) стороны. «А потом, — читаем в статейном списке, — чрезвычайной посланник говорил думным людям, что де в той статье написано о землях и о водах и о городах только с одну сторону, а о другой де азовской стороне, что по Кубани к Темрюку и к Тамани, ничего у них, думных людей, в той статье не написано, и с ним, посланником, в словах по се время у них еще о том не было». Сделав такое заявление, Украинцев пригласил турок договориться с ним о землях и в кубанскую сторону «и учинить бы тем землям также определение и рубеж» [5]. Переговоры по этому вопросу начались на следующей XVIII конференции 13 апреля.

---

[1] «от самых азовских ям даже до ям керченских».
[2] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 654 об. — 655.
[3] Там же, л. 680.
[4] П. и Б., т. I, № 318, стр. 371.
[5] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 680 об.

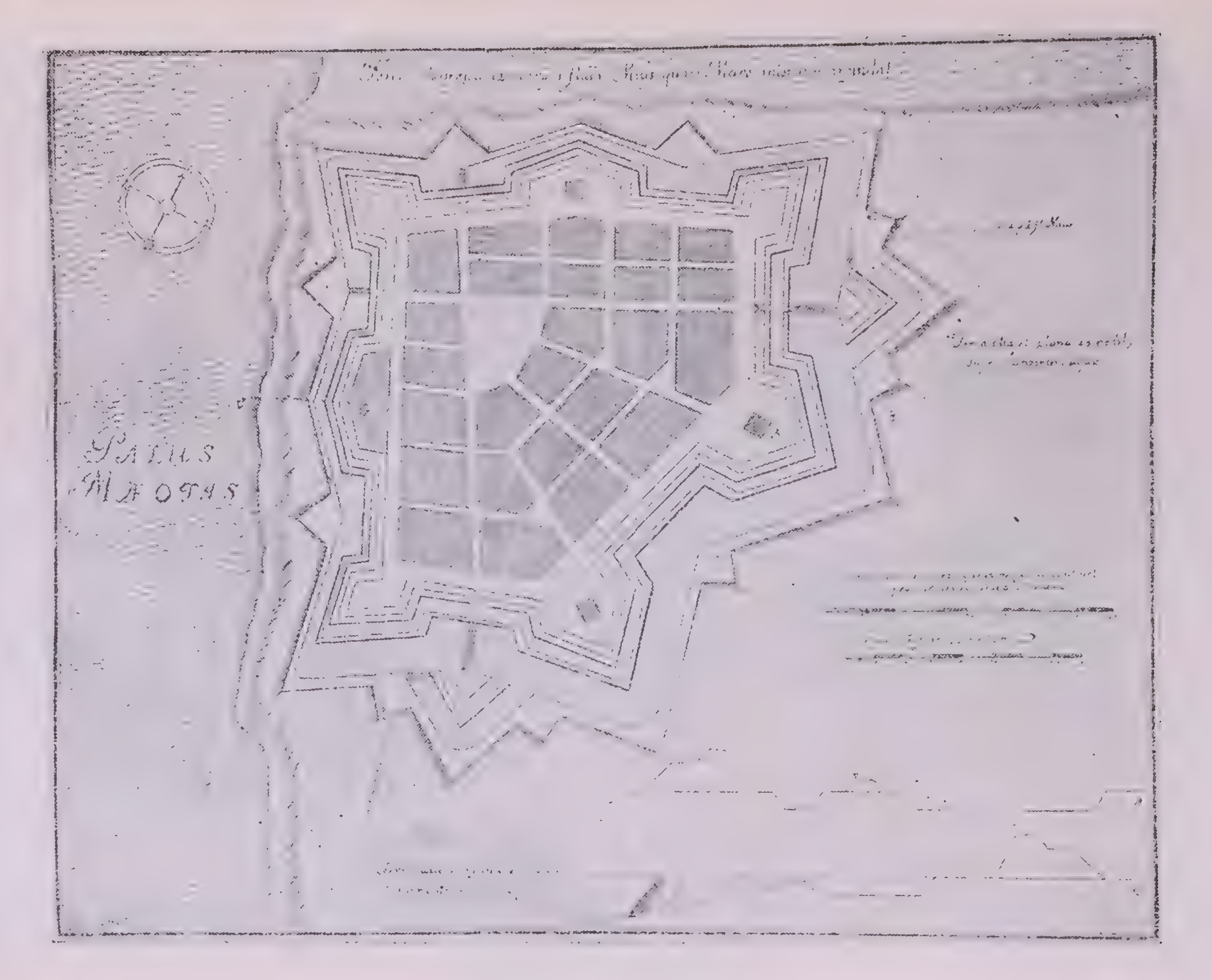

Рис. 18. Крепость Миус.
Чертеж из «Дневника» Корба 1699 г.

Между XVII и XVIII конференциями 12 апреля прибыл в Константинополь и явился на посольский двор «гетманской войсковой канцелярист батуринской житель» Иван Черныш, или Чернышенко, с пятью казаками, посланный из Москвы Мазепою 20 февраля с письмом к Украинцеву от царя, написанным Петром перед отъездом в Воронеж, и с инструкцией от Ф. А. Головина.

Петр, торопя Украинцева с заключением мира, уполномочивал его, если будет необходимо, на дальнейшие уступки сравнительно с теми, на которые он шел в письме, привезенном сержантом Жерловым. Украинцев мог уступить днепровские городки, не разоряя их, в целом виде, разрушив только «прибавочную работу», произведенную русскими после завоевания городков, т. е. уничтожив те дополнения и усовершенствования в крепостных сооружениях, которые были сделаны инженерами по распоряжению Петра[1]. Письмо с такими полномочиями, как видим, запоздало. Вопрос о днепровских городках был ко времени приезда Черныша уже разрешен и разрешен гораздо более выгодно для России. Украинцев уступал городки не в целом, а в разоренном виде.

Ф. А. Головин писал Украинцеву следующее: «Емельян Игнатьевич. Наперед сего послан к тебе Преображенского полка сержант Никита Жерлов с письмами и ты чини по тем к тебе посланным указам немедленно, давай ведать, что у тебя делается. А ныне послано к тебе сие письмо чрез гетмана и по восприятии сего, естли у тебя в докончание за помощию божиею договоры идут, немедленно совершай; дай, дай боже благополучно и чтоб совершити по тем указам. А будет турки токмо время продолжают, чтоб к сроку мирных договоров подвести и объявить трудные статьи, на чем с нашее стороны поставити невозможно, то изволь немедленно попроситься в ответ и объявить, совершенно поставя срок, что ты имеешь такой указ чрез сего гонца, что тебе дале сего сроку жить тамо не велено, понеже мы уже не надеемся миру за таким великим продолжением и для того выпроси ответу: мир ли хотят делать или войну и противу сего учинили б отповедь немедленно и больше того не живи»[2].

Черныш сопровождал посланников на XVIII конференцию и был представлен турецким уполномоченным. Когда при начале конференции вся свита из ответной палаты вышла, Украинцев сказал, что «вчерашнего де дня приехал к ним с Москвы от царского величества гонец с его царского величества грамотою, чрез которого восприяли они, посланники, радостную и веселую ведомость, что он, великий государь его царское величество, на своих великих и преславных престолех Российского царствия

---

[1] П. и Б., т. I, № 294. Ср. т. IV настоящего издания, стр. 166, 355.
[2] Арх. мин. ин. дел, Дела турецкие 1699 г., № 4.

со всем своим, государским, сигклитом пребывает в добром здравии. А с Москвы де тот гонец отпущен февраля 20 числа. И того гонца он, посланник, им, думным людям, объявил. И думные люди, поздравя того гонца, спрашивали его о дорожном пути, все ли он благополучно ехал. И гонец говорил, что он, милосердием божиим, тот свой путь препроводил здраво и благополучно. И сказав и поклонясь думным людям, из ответной палаты вышел».

Турецкие уполномоченные начали переговоры на XVIII конференции с любезного выражения радости по поводу привезенных гонцом вестей о здоровье Московского государя [1]. Предметом переговоров была уступка земли к Азову с кубанской стороны, и этот спор занял четыре конференции: XVIII—XXI. На вопрос Украинцева, сколько будет уступлено земли к Азову в сторону Кубани, турки сказали, что так как к Азову уступлено много земли с крымской стороны, то чтобы он не домогался того же с кубанской стороны. Тогда Украинцев потребовал отвести землю к Азову по самую реку Кубань, заметив, что «опричь той реки определение рубежей на обе стороны учинить будет нечем». Кубань была бы наилучшей границей. Турки пришли в негодование. Это было, действительно, огромное пространство. «И думные люди говорили сердитуя, чтоб он, посланник, таких слов впредь не говорил и реки Кубани не поминал никогда . . .замерено у него, посланника, по ту реку Кубань много, чего никогда не бывало, и захватил, почитай, весь восток. А восточной де государь — его салтаново величество, а иного государя нет. И у салтанова де величества на востоке живут многие его подданные: черкесы, нагайцы и иные народы и ему де, салтану, у тех своих подданных землю отнять и к Азову отдать неприлично и стыдно». Они и сами понимают, что Азову без земли быть невозможно, и потому предлагают уступить к нему земли в кубанскую сторону на *один пушечный выстрел*. Украинцев в ответ доказывал, «выводя пространно», что азовские и кубанские степи велики, «протязаются на многие мили, где в иных местах никогда еще никто из нагайцев или ис черкес и ис кубанцев и не бывал». Все эти народы живут за рекою Кубанью, а по сю сторону Кубани к Азову никогда не кочевали и ныне не кочуют; «та азовская степь по самую реку Кубань впусте; владели ею наперед сего азовские же жители и им, думным людям, стоять тут не за что». Когда будет установлен рубеж по Кубани, между обоими государствами утвердятся любовь и дружба, потому что всякие ссоры бывают из-за ближних рубежей, а такой отдаленный рубеж, как Кубань, не будет поводом к ссорам. Предлагая земли на пушечный выстрел, они не знают прежнего владения азовских жителей. Не оставил, конечно, Украинцев без возражения и то положение турок, что султан —

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 689—690.

единый восточный государь. «А что они, думные люди, говорят, что на востоке владеет землями один государь — их салтаново величество, и то они говорят, не справясь, есть на востоке и у великого государя, у его царского величества, в державе многие городы и земли, и сердитовать. . . и унимать им его, посланника, непристойно» [1].

Итак, Украинцев требовал территорию по Кубань, а турки предлагали пространство на один пушечный выстрел, что при свойствах тогдашней артиллерии было не особенно много, едва ли тогда самые дальнобойные орудия били далее версты. С этих крайних пунктов стороны на следующих конференциях, много споря и препираясь, пошли, однако, навстречу друг другу. Украинцев на XIX конференции доказывал, что к Азову и прежде принадлежала земля на многие мили, а теперь ее пространство следует увеличить, потому что теперь в Азове «и жителей устроено множество и ратных людей перед прежним гораздо больше». К тому же часто приходят все новые ратные люди с Дона «и из иных мест, которые в городе не живут, а стоят за городом и в степях. И тем ратным людям и азовским жителям довольствоваться такою малою землею для пастбищ невозможно» и пашни завести негде. Что касается значительных будто бы земель с крымской стороны, то «он, посланник, рассуждает и объявляет самую правду», что в ближайших окрестностях Азова (миль на двадцать) — это неугожие места, тростники и болота, и заливает их вода, а пашенных земель и сенокосных мест нет, не только что «огороды и пашни заводить и сено косить, но и скота выпустить за водами и болотами невозможно». Вот почему он, посланник, и просит земли с кубанской стороны и «лишней земли не просит, а говорит о том, без чего пробыть тому городу невозможно». Если султан уступил землю к Азову с крымской стороны, то следует уступить и с другой стороны: а земель с той, кубанской, стороны у султана много, уступить и поделиться есть чем. Если не удовольствовать азовских жителей достаточной землею, то будет всегда вражда между подданными обоих государств, потому что ссоры и всякие вражды происходят тогда, когда «одна сторона в землях не удовольствуется, а другая будет довольна чрез меру в лишек, и неудовольствованная сторона будет въезжать в чужое владение». Близость рубежа к Азову будет грозить опасностью набегов со стороны нагайцев и иных народов, которые станут подъезжать к Азову «воровскими чамбулами» и будут хватать на жнитве и на сенокосе и на рыбных ловлях азовских жителей в полон [2].

Турки, возражая на аргументы Украинцева, говорили, что «ему, посланнику, хвататься за многое непристойно и ненадобно». За многие уступки, сделанные султаном, надо и с русской

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 699—701.
[2] Там же, л. 705 об.—707, 743—744.

стороны сделать султанову величеству какое-нибудь «повеселение», хотя бы тем, чтобы не домогаться многих земель к Азову с кубанской стороны. На указание посланника о многолюдстве в Азове ратных людей и жителей, которым нужны многие земли и угодья, турки заметили, что это не причина: с заключением мира держать в Азове так много ратных людей не следует. Если держать в Азове много ратных людей, то они «будут разъезжать в дальние тамошние места за добычей и будут сталкиваться с салтанскими подданными и чинить всякое неприятельство». На опасение Украинцева, что нагайцы будут нападать «воровскими чамбулами», турки возражали, что «о тех воровских чамбулах и подъездах будет им заказано накрепко». Если приазовские земли с крымской стороны «водяны и худы, и беспашенны», то пусть русские уступят эти худые земли султану, а султан в обмен даст столько же земли с кубанской стороны. «Напрасно он, посланник, много говорит и толкует о пространстве чужих земель. Всякому государю от господа бога дано. А хотя у кого и много государств и земель, и того даром и напрасно отдать жаль и непристойно. И у царского величества много есть в державе государств и земель, однако он в державу свою прибавляет, а не убавляет. И чтоб он, посланник, ведал подлинно, что у салтана, и у великого везиря, и у всей думы оттоманской постановлено с кубанской стороны дать к Азову земли разве малое что, а большого пространства в землях с кубанской стороны никогда не дастся» [1].

Украинцев по поводу турецких возражений заметил, что «ни о каких иных землях он не говорит и у салтанова величества государств и земель много ль или мало тому не завиствует, а говорит с ними о той земле, без чего Азову городу пробыть невозможно»; малой земли он не примет, а должны азовские жители владеть землею и всякими угодьями так, как исстари бывало. Турки привели историческую справку: предки великого государя держать Азова в своем государстве не пожелали, а уступили его султану, потому что им были от этого города великие убытки. Да и султан держал его с такими же великими убытками и ратным людям ежегодно должен был присылать денежное и хлебное жалованье, а своей пашней они никогда не довольствовались и пашенной земли имели всего только на один пушечный перестрел, да и той сполна не владели, опасаясь набегов царских ратных людей [2].

Когда с русской стороны все аргументы за отвод больших земель в кубанскую сторону (и необходимость для азовских жителей иметь земельные угодья в кубанскую сторону, так как земли в крымскую сторону плохи, и многолюдство в Азове ратных людей, и условия безопасности, и предотвращение

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 706, 742 об., 744, 707 об. — 708.

[2] Там же, л. 708 об.—709.

столкновений между подданными обоих государств, и обилие кубанских земель, так что можно ими поделиться) были исчерпаны, а со стороны турок все возражения против такого отвода были высказаны, начался в настоящем смысле слова торг между сторонами.

На XX конференции рейз-эфенди пошел на уступку и вместо предложенного раньше расстояния на пушечный выстрел предложил расстояние на два часа езды. Украинцев с своей стороны также начал сдаваться и уже вместо всего пространства до Кубани попросил поделить это пространство пополам; предложение это не успокоило турок, наоборот, по заявлению рейз-эфенди, у них «не только мысль, но и сердце разожгло». Видя неуспех своего домогательства, Украинцев пошел дальше и, заметив, что, хотя он на то полномочия и не имеет, но берет дело на свою ответственность, объявил «последнее намерение» — расстояние на один летний большой день езды, прибавив при этом, что у султана для нагайцев и других народов останется Кубанской земли еще дней на десять и больше езды. Рейз-эфенди возражал: от Азова до Кубани столько земли, как указывает посланник, не будет, будет только на четыре дня езды, считая в день пять часов езды. Но с своей стороны он надбавил еще час, уступая от Азова в кубанскую сторону расстояние на три часа езды. Украинцев ссылался на показание одного азовского полоняника, попавшего в плен к нагайцам, присланного на посольский двор Маврокордато, что нагайцы от Азова ехали до Кубани скорою ездою 8 дней, и предложил, если туркам не нравится писать в договоре день езды, написать 15 часов езды, на что ему рейз-эфенди заметил, что у турецких вельмож обычай такой, что больше 5 часов в день никогда не ездят, и что, таким образом, он запрашивает расстояние в три дня езды. Согласились проект статьи об уступке к Азову земли написать, а для обозначения расстояния оставить пока в строке пустое место [1].

Вопрос продвигался затем далее в «пересылках» между сторонами, происшедших между XX и XXI конференциями. Отправив к рейз-эфенди 26 апреля переводчика Семена Лаврецкого и толмача Полуекта Кучумова, посланники, между прочим, просили рейза согласиться на 15 часов езды и взамен пообещали быть более уступчивыми по вопросу о перевозном селе между Очаковом и Казыкерменем. На это рейз отвечал, что о предложении посланников он докладывал визирю и визирь, «много думав, молвил, что . . .столько земли уступить невозможно, однакож хотел еще помыслить о прибавке». И потому он, рейз, думает, что хотя небольшая, но все же будет прибавка. Те же лица в тот же день были у Маврокордато, который объяснил, что день у них считается «в 5 часов салтанского похода, когда бывает в воинских походах, а в тех пяти часах бывает пять не-

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 745—748.

мецких миль; в договоре же будут считаться часы торговых людей, как они ездят»[1].

Действительно, на XXI конференции 27 апреля рейз-эфенди согласился на 8 часов езды, о чем было у султана постановлено и «всею думою в диване приговорено». Посланники также пошли навстречу и согласились на 12 часов, говоря, что при такой уступке у султана в державе останется кубанской земли 7/8, а царю отойдет только 1/8. Начались взаимные перекоры, турки пришли в большое раздражение. Особенно их раздражало, что посланники, согласившись на 12 часов вместо 15, говорили о своей уступке султану, уступая султану его же, находящуюся у него во владении, землю. Маврокордато заявил, что и к 8 часам, объявленным в начале конференции, сам от себя прибавляет еще 2 часа — всего на 10 часов, беря эту уступку на свою ответственность, не имея на то визирского указа и рискуя подвергнуться визирскому гневу за такую дерзость.

Посланники долго еще настаивали на 12 часах; наконец, заявив с своей стороны, что хотя они и понесут за то царский гнев, выразили согласие на 10 часов. Таким образом, вопрос о кубанской земле был в основных чертах разрешен. Турки уступили земли к Азову с кубанской стороны на 10 часов езды[2].

В дальнейшем оставалось урегулировать детали. Уже здесь, на XXI конференции, возник спор о том, что считать часом езды. Маврокордато, прочитав проект соответствующей статьи договора, говорил, что «в тех часех доведется быть езде умеренной, а не скорой и не гонецкой. И скорой гонецкой езды они в той статье не напишут. А умеренная де езда то есть городовая дворянская и пашинская». Посланники с своей стороны заявляли, что «они такой умеренной езды часом не знают и нигде того не повелось, чтобы на степях ездить чинно и постоянно и тихо. А пашинская городовая езда к той степной езде не пример. А когда они, думные люди, ни на скорую, ни на гонецкую езду не позволяют, тогда б по самой последней мере положить езду *ступистого коня*». А лучше всего написать расстояние немецкими милями. Турки возразили, что «миль немецких они не знают и на скорую езду не позволяют»[3].

Эта статья в окончательном тексте договора была средактирована следующим образом:

«Понеже также Азовскому городу и с другой стороны приличным образом земли владение надобно есть, дается от кубанской стороны уезд, считая расстояние его от Азова к Кубани даже до кончания десяти часов ездою конною обыкновенным считать обычаем во всех народах так, дабы комиссары никоими мерами ссориться не могли; но по силе сего постановления обоеи страны земли добро да отделят, и положением явных

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 754—756 об.
[2] Там же, л. 760—767.
[3] Там же, л. 767 об. — 768.

знаков да разделят, и никому никогда не дан бы был разности случай, от содержимых меж определенного расстояния земель десяти часов, да и с равным числом людьми со обоих сторон назначенные разумные и благоволительные комиссары, постановя меж собою время, сие дело как скорее да учинят. А достальные земли, как по сю пору от государства Оттоманского владены были, паки тем же образом в государстве и во владении его же да пребудут. Нагайцам и черкесам и иным, покоренным Турскому государству, и их же животным, на тех же местах проходящим, от москвитян, и от казаков, и от иных подданных царского величества никакой убыток да не наносится. Татаровя, заровно и нагайцы, и черкесы, и крымские и иные на землях, Азову назначенных, проходящим подданным его ж царского величества и их животным никакого убытка да не наносят, но соседство да хранят; а естьли которые противно что дерзнут, прежестоко да накажутся. Также в тех странах обоюду вновь что или крепость, или городок, или село строено да не будет, но, как ныне стоят, да оставятся, и никакое впредь покою противное деяние и расположение обоюду да не является»[1].

XII. ПЕРЕГОВОРЫ О ВТОРОСТЕПЕННЫХ СТАТЬЯХ ДОГОВОРА

С окончанием переговоров об отводе к Азову земли в кубанскую сторону все главные пункты договора были улажены; оставались второстепенные статьи. Они обсуждались уже не на общих съездах уполномоченных, а в трех беседах посланников с одним только Маврокордато, который для этой цели приезжал на посольский двор 29 апреля, 2 мая и 22 мая.

Для начала беседы 29 апреля Маврокордато сказал посланникам, что его прислал великий визирь «спросить их о здоровье и объявить им, что для нынешнего летнего времени велел он им отвесть загородной двор волошского господаря в Черноморском гирле на Галатской стороне на берегу и чтоб они, посланники, о том ведали и на тот двор переезжали, когда похотят». Посланники выразили благодарность, но ответили, что они бы предпочли, счастливо закончив мирное дело, «отъехать к Москве с сего двора, не переезжая на другой двор», на что Маврокордато заметил, что «в том им, посланником, принуждения от везиря нет, и если им на тот новой двор переезжать за чем не похочется и то как им угодно, им то дается на волю. А дан им тот двор в нынешнее летнее время от скуки для забавы и для здорового воздуха». Затем он выразил посланникам свое удовольствие, что находится у них на дворе и видит их в добром здо-

[1] П. и Б., т. I, № 318, статья VII, стр. 372—373.

ровье. Он давно уж имел желание их посетить и воздать им должную свою любовь, но не допустила его болезнь. Посланники благодарствовали за посещение и с своей стороны сказали, что и у них с самого их приезда в Константинополь есть намерение побывать у него в доме по примеру послов иных христианских государей: цесарского, польского и венецианского, которые в доме у него были «и визиту свою отдали». Однако они, посланники, не смогли пока сделать этого визита, так как у них не окончены общие государственные дела, т. е. мирный договор. Когда договор будет заключен, они обязанность свою исполнят [1].

Затем по удалении из крестовой палаты, где посланники принимали Маврокордато, посольской свиты, за исключением переводчика Семена Лаврецкого и подьячего Лаврентия Протопопова, перешли к делам. Маврокордато объяснил, что великий визирь назначил было на сегодняшний день обычный съезд посланников с турецкими уполномоченными в кубе-визирском доме, где обыкновенно происходили съезды, но затем эту конференцию отменил по двум причинам: во-первых, слишком затянувшиеся переговоры с частыми съездами, привлекавшими внимание толпы торжественностью выездов русского посольства, стали возбуждать недовольство в народе, очевидно, своею безрезультатностью, — «во многих явных съездах чинится всенародное турского бунтового свирепства на них, министров, подозрение», а во-вторых, все главные дела, касающиеся территорий, у них уже приведены к окончанию и остаются только «некоторые недоговоренные не само трудные статьи». Договариваться об этих второстепенных статьях визирь и поручил ему, Александру, дав ему полномочие: на чем с русскими посланниками договорится, то будет принято. Посланники заметили, что им народное подозрение и пересуды «не страшны и не сумнительны»; если же для великого визиря и для думных людей есть какая-либо от народа опасность, то они, посланники, готовы договариваться, о чем у них еще не договорено, с одним Александром, тем более, что и самим им, посланникам, «та многая на разговоры езда придокучила и является стыдновата» [2]. Маврокордато объявил, что все им сказанное было «преддверием» (предисловием) от великого визиря, а теперь он им объявит свое «преддверие», заключающееся в просьбе отнестись к нему с любовью, оставить упорство и кончать переговоры без замедления. Тогда о заключенном договоре «объявится явно всему их турскому народу, народ возрадуется и обвеселится», и все те подозрения относительно съездов, о которых он говорил, предадутся забвению. Посланники уверили, что они «об окончании дела у бога милости просят, к делу приступают охотно и

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 772—773.
[2] Там же, л. 774.

желательно», «лишь бы не вымышлять в том деле что-либо противное и неугодное, и то не только богу, но и обоих государств народам будет зело неприятно и неугодно»[1].

Коснулись вновь редакции уже принятой на XXI конференции статьи об уступке к Азову земли на 10 часов с кубанской стороны. Маврокордато сообщил, что великий визирь на уступку земли на 10 часов согласился, но изменил выражение, велел написать «с восточной», а не «с кубанской» стороны. Посланники решительно запротестовали, говоря, что восточной стороны в ту статью не напишут, привели следующий аргумент: «Та земля с востока содержится в державе великого государя, а салтанову величеству до той земли с восточной стороны дела нет» и потребовали, чтоб эту землю в уступку к Азову написать от Кубани, как было написано в статье. Маврокордато говорил, что, «когда им то слово неугодно, он может его и оставить и напишет ту азовскую статью ныне вновь иным способом», на что посланники ответили, что «писать они ему той статьи не запрещают, только бы писал он безо всяких лишних и неприличных к делу вмещений». С своей стороны они выразили недовольство тем, что в статье указано только о 10 часах расстояния, а не перечислены вольности (права) азовских жителей «к пашне и к сенокосу и к иным употреблениям» и потребовали упоминания обо всех таких правах на пользование уступаемой землей. Кроме того, они потребовали, чтобы в статье было оговорено, чтобы и на остальной земле, на азовской стороне до Кубани, остающейся в султановом владении, сверх 10 часов расстояния кубанцы своих стад не пасли, потому что и раньше, когда Азов был во владении султана, «животинных никаких стад на азовской стороне не пасывали и не выгоняли никогда», а пасли бы их по ту сторону Кубани во избежание ссор с азовскими жителями. Маврокордато, соглашаясь перечислить права азовских жителей на пользование отведенной им землей, наотрез отказался исполнить желание посланников о лишении кубанцев права пасти стада на азовской стороне: «А чтоб де на достальной земле салтанова величества подданным людем животинных своих стад не пасти и никакого употребления не иметь, и того ему отставить невозможно и нигде де того не повелось, чтобы кому своею землею не владеть». Если и раньше того не было, то и теперь не может быть. Приневоливать кубанцев пасти стада на азовской стороне никто не будет, но если они захотят сами пасти, то могут это делать. Своевольники же и воры, которые станут с обеих сторон чинить кражи, ссоры и вражду, будут подвергаться также с обеих сторон равному наказанию[2].

Продолжительные споры вызвала статья о «даче» крымскому хану, к которой посланники перешли затем. Этот вопрос был

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 773—774 об.
[2] Там же, л. 775—776.

подробно и обстоятельно разработан в данном посланникам наказе, на который они при переговорах о даче и ссылались[1]. Вопрос этот был затронут еще в предварительных докладных пунктах Украинцева, послуживших основой для наказа, причем Украинцев вычислил для справки даже сумму, невыплаченную хану с 192 по 208 гг., т. е. с 1684 по 1699 гг., всего 237 020 рублей. На докладной пункт последовала резолюция Петра, помеченная Ф. А. Головиным: «Выговаривать примерами, что и они преж сего не таковы были и мы и многие бывали не таковы»[2]. Эта мысль была подробно развита в наказе. В статье 4 наказа решительно говорилось: «А о годовой даче хану крымскому, что ему напредь сего от царского величества давано, буде везирь или ближние люди учнут говорить, и ему, посланнику, в том им отказать». Рукою Ф. А. Головина к этому было еще добавлено: «А говорить по нижеписанной (статье 8) как о той даче написано, выводя пространными разговоры». То же предписание было повторено и в статье 11 наказа: «А если с турской стороны учнут говорить о даче с стороны царского величества казны хану на прошлые годы и чтоб и впредь по вся годы давана была казна по договору сполна... и посланнику говорить и отказать в том с пространными доводы, как о том написано выше сего в 8-й статье». Статья 8 заключала в себе обильный запас аргументов, из которого должен был черпать их Украинцев для предписанных ему «пространных» доводов против дани. Здесь говорилось, между прочим, что мир между государствами нарушен из-за набегов крымских татар, что на заявления великого государя об этих нападениях никакого удовлетворения со стороны крымских ханов не последовало, что в Крыму русские гонцы и посланники были задерживаемы много раз и не только задержаны, но «биты, мучены и обесчещены», причем Ф. А. Головин, вставивший эти строки в наказ, предписывал Украинцеву «выговаривать туркам, выбирая, что пристойно, из прежних посланничьих статейных списков, какое наругательство в Крыму послам и посланникам царского величества бывало». Великий государь, рассмотрев «такую их татарскую несправедливость», а со стороны турецких султанов «неунимание татар», начал войну и послал войска под Азов и под Казыкермень, чтобы взять эти города, служившие опорой крымцам, и, таким образом, прекратить ссоры и «недружбы» между обоими государствами. Дача ханам отменена «за многие их неправды». Она давалась, так развивал наказ краткую резолюцию на вопросный пункт Украинцева, в те времена, когда Московское государство было не в такой силе и «распространении». «А ныне по милости божией государство его царского величества распространилось и в силах умножилось», поэтому война татарская стала не страшна.

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 780.
[2] Там же, Дела турецкие 1699 г., № 4, л. 136 об.

Русские войска узнали пути к Перекопу и «к иным татарским юртам», «и для того и за многие ханов крымских неправды жалованье им отставлено и впредь в даче не будет». И издавна всякие перемены на свете бывали, и таких много есть примеров, что одни народы в воинских своих делах прославляются, а другие ослабевают. И Турецкое государство было прежде не в такой силе и славе, как ныне. Бывали такие времена и случаи, что русские народы морем к Константинополю хаживали и годовую казну с греческих царей брали, а потом это изменилось... «Также и ханы крымские наперед сего такие дачи себе имывали, а ныне им пришло время от того уняться и престать, и жить с христианскими государи в покое, чтоб за свою дерзость, как они обыкли самовольством своим чинить грабежи, не навели они на себя и на жилища свои какого и вящего воинского нахождения и разорения. И чтоб салтаново величество хану крымскому приказал с подкреплением, чтоб он впредь достаточно от того престал и ссор и задоров между государствы не чинил». В заключение посланнику еще раз предписывалось «говорить пространно с подлинными доводы, что впредь той даче быть невозможно и не для чего» [1].

В соответствии с такими требованиями наказа статья 6 представленного посланниками проекта мирного договора была редактирована так: «Что напред сего была от великого государя от его царского величества, ханом и начальным крымским дача и тое дачу за многие их неправды изволил великий государь его царское величество отставить и впредь им той дачи не будет» [2].

В ответ на приглашение Маврокордато, что «пришло ему теперво говорить с ними о даче с Московского государства хану крымскому и всему крымскому государству и о удержании своевольства татарского», посланники говорили, что у них «о недаче хану и татарам и о унятии своевольства татарского» написана особая статья (6-я), что они велят ее перевести на латинский язык и пришлют ее латинский текст к нему завтра, на что Маврокордато возразил, что великий визирь приказал ему о всех делах договориться с ними сегодня, и он готов с ними «хотя до ночи и всю ночь сидеть и делать». Пусть посланники теперь же скажут ему об этой ханской даче на словах, а письменный текст статьи пришлют завтра, и он, «выразумев» то их словесное и письменное предложение, напишет свою статью, которая, конечно, будет им, посланникам, угодна. Посланники ответили, что они трудиться о делах обоих государств не «отрекаются», и сейчас же по существу вопроса сказали, что «у великого государя такое изволение, что крымскому хану и татарам никакой дачи

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Дела турецкие 1699 г., № 4, л. 53—77, статьи 4, 11, 8. Ср. т. IV настоящего издания, стр. 67—68.

[2] Там же, Книга турецкого двора, № 27, л. 278—278 об.

из царской казны ныне и никогда не будет». Маврокордато, уговаривая посланников, заявлял, что «таких упорных противностей говорить им, посланником, не доведется. Та с Московского государства Крыму дача была исстари». Однако, сказать правду, «в той старой статье о ханской даче есть иное пристойное, а иное непристойное; и то, что непристойное, можно ныне отменить». Посланники категорически заявили, что «и вся та статья непристойная и давно уже она отставлена; однакож вопросили его, Александра, какая в том есть непристойность».

Маврокордато объяснил, что «непристойность» той древней статьи заключалась в назначении срока дани, а если дань не присылалась в срок, то бывала война. «А теперь того писать и царскому величеству себя обязывать не довлеет и неприлично. И салтан указал те противности отставить, а написать бы ту статью с повышением чести» для государя таким образом, что царское величество для соседства с ханом и Крымским государством не отказывается жаловать хана и татар своим жалованьем, как бывало исстари. Никакого срока не будет написано, и если дача когда и не пришлется, то татары никакой войны и ссоры «вчинать» на Московское государство и угрожать ему не будут и договоров нарушать не посмеют. «А жалованье хану указал бы государь давать для того, что он, хан, живет от порубежных царских городов в самой близости и может успокаивать всякие порубежные ссоры».

Посланники и на эти слова резко заявили, что той дачи никогда хану и татарам не будет и никаким даже и «вежливым способом» — т. е. ни в какой самой вежливой форме — «о той даче в сих мирных договорех писать они не будут». Всякие возникающие порубежные споры можно разрешать и помимо крымского хана, через сношения порубежных должностных людей, а именно: ссоры керченских, кубанских или перекопских жителей с азовскими жителями и с донскими казаками могут быть улажены посредством сношений беев и пашей тех городов с азовскими боярами и воеводами, а ссоры очаковских, белгородских и волошских жителей с запорожскими казаками и иными царскими подданными могут быть улажены сношениями очаковского бея, белгородского или буджакского султана и волошского господаря с царскими боярами и воеводами и с гетманом войск запорожских. «А с ханом крымским о тех ссорах царскому величеству пересылаться непристойно и не для чего. В милости своей государь хана не оставит, жалованье свое ему, когда доведется, посылать изволит; когда будут какие посольства или гонецкие посылки от царя к салтану, то государь уведомлять о том и хана укажет же. И прежде дача крымским ханам бывала небольшая, всего давано было всякою мягкою рухлядью тысяч по пяти или по шести на год». (Эти цифры не сходились с цифрами, приведенными Украинцевым для справки при составлении наказа, где за 16 лет московское правительство

должно было уплатить хану 237 020 рублей [1]). Но теперь царское величество «тое непристойную дачу изволил отставить и впредь давать ее не изволяет. И чтоб они в той даче никакой надежды не имели».

Маврокордато говорил, что «никакого указного числа деньгам или золотым» определено не будет, не будет также установлено и срока, когда давать жалованье, и ни то, ни другое в договорных статьях не напишется. Напишется только, что эта посылка будет «по милости царского величества и по изволению его, государскому, когда ему будет угодно и потребно», а когда будет непотребно, то также за то пенять и нарушать мира не будут. Он говорит о такой «честной» (почетной) даче по указу султана и великого визиря, чтоб отказом хана и татар не привести в совершенное отчаяние и чтобы «двери милости его царского величества им затворены не были». Для царя в этой даче не будет никакого обязательства. Ему кажется, что милость и призрение, оказанные соседу, ведут «ко всякой доброй славе и благодарению» и не вызывают никакого подозрения. Маврокордато прибег далее к приведенному уже нами выше сравнению: «И не токмо де милость людем творится, но и псов кормят же, чтобы были сыти и голодом не издыхали». Великий визирь, муфтий и иные султанские ближние люди хотели было написать статью о даче попрежнему; это он, Александр, уговорил их «положить дачу на волю царского величества». Он как христианин, желая всякого добра царскому величеству и государству его, говорит им, посланникам, что дачу давать надобно, что крымский хан сосед царскому величеству ближний. «Моря и великие реки не разлили, а орды бусурманские расплодились многие».

Посланники одобрили «предложение и рассуждение» Маврокордато, однако же заявили, что согласиться на них им невозможно, потому что это будет против данного им наказа. В милости и «призрении» царь крымскому хану и татарам и впредь не откажет, в этом посланники его, Александра, обнадеживают. Когда из Крыма в Москву будут от него, хана, послы, посланники или гонцы, им будет выдаваемо жалованье «на приезде» и «на отпуске» и поденные кормы, также будет посылаться жалованье и хану «по милостивому призрению, рассмотрению и изволению государя». Но писать об этом в мирных статьях *не для чего*. Послы твердо оставались на занятой позиции. Маврокордато предложил посланникам предоставить ему составить проект статьи, обещая написать ее так, что она будет «на обе стороны угодна, не противна и зело прилична» и в ней не будет никакого обязательства для государя. Посланники изъявили согласие с тем только, чтобы статья была написана так, как они уговорились, без всякого упоминания о какой-либо даче хану и татарам, «и то б все было отставлено». Затем Маврокордато

[1] Арх. мин. ин. дел, Дела турецкие 1699 г., № 4, л. 136 об.

кордато вместе с переводчиком Семеном Лаврецким написал статью и, написав, говорил, что «по той статье все трудности для царской стороны отринуты, и ханская дача предана на соизволение и на рассмотрение царскому величеству». Посланники, прочитав статью, остались ею недовольны «для того, что написал он, Александр, ее не так, как у них, посланников, говорено» [1].

Перешли к статье о полоняниках (по проекту, предложенному на III конференции, статья 7). В наказе посланникам предписывалось заявить о царском согласии на размен пленных при условии, что этот размен будет произведен только по заключении мира или перемирия [2]. Статья 7 мирного договора, представленного посланниками на III конференции, гласила: «Полон весь, которой во обоих странах обретается, да свободится на уреченном месте по обсылкам розменою» [3]. На приглашения Маврокордато высказаться по этой статье посланники говорили, что государь согласен на общий размен пленных. Что касается тех полоняников, которые смогут частным образом выкупиться, «окупом», то такой выкуп должен быть разрешен с тем, чтобы господа, держащие у себя пленников, не запрашивали бы лишнего выкупа. В тех случаях, когда господа, желая держать у себя полоняников в неволе вечно, стали бы запрашивать слишком высокий выкуп, дело должно передаваться на рассмотрение «начальных обоих государств правителей», т. е. смешанных комиссий из должностных лиц от обеих договаривающихся сторон. Маврокордато заявил, что «то все в той статье напишется безо всякого спору». Статья была принята [4].

Большие споры возбудила предложенная по инициативе посланников статья о торговле между обоими государствами, о которой договориться было им предписано наказом. В наказ эта статья вошла из докладных вопросных пунктов Украинцева, который писал: «Буде учнут говорить, что торговля была туркам вольная Днепром, и Доном, и сухим путем в те городы, которые у них завоеваны (т. е. от них отошли к России: Казыкермень с городками и Азов), а русским людем приезжать бы в Царьград морем на кораблях и в Крым, и в Очаков, и в Белгород, и в Килию?» Украинцев, таким образом, предусматривал в возбуждении этого вопроса инициативу турок. Помета, положенная Ф. А. Головиным на этот вопрос и гласившая: «О торговле на всее воле с платежом пошлин во все места, куды кому случай», давала полную возможность торговать, где кому угодно, только с платежом установленных пошлин [5]. В наказе вопрос Украинцева

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 776 об.—781.
[2] Там же, Дела турецкие 1699 г., № 4, л. 53—77, статьи 23, 5, 10.
[3] Там же, Книга турецкого двора, № 27, л. 278 об.
[4] Там же, л. 781—781 об.
[5] Там же, Дела турецкие 1699 г., № 4, л. 137.

получил обработку, также предусматривающую инициативу со стороны турок: «Если везирь же и ближние люди учнут говорить, чтоб торговля была туркам и татаром вольная и сухим и водяным путем во все городы во владения его царского величества, а русским людем во владения его салтанова величества...» В ответ на этот вопрос наказ предписывал посланнику, развивая резолюцию Головина, говорить: «Буде мир учинится, и той вольной на обе стороны торговле великий государь его царское величество быть поволил со всякими товары и платежом во обоих сторонах звычайных на указных местех пошлин без всякой обиды, и тем торговым людем с товарами своими вольно будет ездить в те городы и места, в которые кому будет способнее, свободно сухим и водяным путем и в договор о том написать по сей статье». К этому тексту, где предполагалось, что разговор начнут турки, Головин сделал дополнение, предусматривающее тот случай, если турки сами вопроса о торговле не поднимут: «А буде при постановлении мира от турков о торговле умолчано будет, и посланнику самому говорить, и всчать, и постановить по сей вышеписанной статье» [1].

Турки, действительно, на конференциях вопроса о торговле не поднимали, и поднять его должны были сами посланники. В представленном ими на III конференции проекте мирного договора статья о торговле (8-я) сформулирована была так: «На обе стороны купцам со всякими товары сухим путем возами, вьюками, а морем на кораблях и иных судах до государств обоих великих государей до порубежных и до царствующих градов и до Крыму вольно и безопасно ездить, и ходить, и торговать, и в пристанища для воды, и хлеба, и иных живностей приставать без осматривания товаров их и без всякого убытку и отягчения и доброю верою мирную и непрепинательную торговлю иметь. А пошлина обоих государств торговым людем платить по древнему извычаю обоих государств там, где они товары свои продавать будут» [2]. На сухопутную торговлю и на плавание русских кораблей из Архангельска в Средиземное море к турецким берегам турки вполне соглашались, но о Черном море не хотели и слышать, и на предыдущих конференциях, XVII и XXI, слова посланников о царском морском караване и о плавании этого каравана с торговыми целями по Черному морю [3] встретили с величайшим раздражением и в допуске русских кораблей решительно отказали.

То же отношение к этому вопросу выказал и Маврокордато в разговоре 29 апреля. Когда посланники заговорили о том, чтобы «совершить и торговую статью, чтоб быть между государствами торговле сухим путем и Черным и Белым морем»,

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Дела турецкие 1699 г., № 4, л. 64, статья 13. Ср. там же, л. 71, статью 26.

[2] Там же, Книга турецкого двора, № 27, л. 278 об.—279.

[3] Там же, л. 685, 768 об.—769.

Маврокордато изложил целый ряд соображений: султан желает, чтоб вольная торговля процветала и была обоим государствам с прибылью по сухому пути и по Белому морю, и разрешает приезжать на то море русским торговым людям с своими товарами на кораблях из Архангельска; приезд и отъезд им будет свободный, без обиды, «и в пошлинах никакого утеснения им не будет, как не бывает и в иных государствах». Но по Черному морю русским торговым людям ходить на кораблях султан не позволяет, разве что позволит им только ходить до порубежного города Керчи, где для приезда русских кораблей будет сделана особая московская корабельная пристань, для поклажи всяких русских товаров построятся кладовые амбары и гостиные дворы, а торговым людям дадутся постоялые дворы. Керченский паша по указу султана будет оказывать всегда «всякую должную честь и почитание безо всякой обиды и налоги». Торговым людям вольно будет в городе Керчи иметь свои собственные купленные дворы, лавки и амбары с платежом обыкновенных податей. Им позволено будет также у той московской пристани в пристойном месте построить православную церковь.

Посланники, однако, такой уступкой — разрешением плавать в Керчь — не были довольны. Они развивали широкие планы русской торговли по южным морям: «Керчь — город малый и незнатный, русским торговым людям привозных своих товаров продавать там будет некому» и покупать там турецких и иных заморских товаров будет нельзя, потому что никаких заморских товаров в привозе там не бывает, ниоткуда торговые люди ни с какими товарами к Керчи не приезжают, так как она от Царьграда в дальнем расстоянии. Пусть султан позволит русским торговым людям со всякими товарами ходить от Азова по Черному морю на кораблях «во все свои салтанские знатные места и в Царьград, а из Царяграда они могут ходить и на Белое море, и в Смирну, и в Египет, и в иные места». А взаимно и турецким купцам будет позволено приходить с товарами из Царьграда и из иных мест к Азову и к Таганрогу.

Маврокордато сослался на запрещение доступа в Черное море другим европейским народам. У султана недавно была дума в диване с великим визирем, с муфтием, казы-аскерями, кубе-визирями и с другими ближними людьми, на которой о черноморской торговле было многое «рассуждение», и там постановлено и утверждено, что так как торговым людям других государств: французам, англичанам, голландцам и венецианцам ходить по Черному морю на своих кораблях не дозволено, то и русским торговым людям разрешить ходить по Черному морю на своих кораблях невозможно. Если же русские торговые люди пожелают из Керчи ехать со своими товарами в Трапезунд, в Синоп или в другие города и места, то они могут для этого нанимать турецкие корабли, а царские корабли должны будут стоять, ожидая их возвращения, под Керчью. Посланники в

возражение привели аргумент, на который они ссылались уже и раньше: «У царя состроен великой морской караван, в котором ныне готовых кораблей и каторг до 120, кроме иных мелких морских судов». Флот этот выстроен не для того, чтобы ему стоять на одном месте и «по морю хождения не иметь». Никогда не бывает, чтобы такие морские суда стояли на одном месте, не принося никакой прибыли [1].

Очевидно, у Петра, в связи с прекращением войны с Турцией, когда оказалось, что азовский флот, по крайней мере в ближайшем будущем, для тех военных целей, для которых он был выстроен, не понадобится, явилась мысль приспособить этот флот для торговых операций по Черному морю. Может быть, даже высказывались планы и более дальнего плавания с коммерческими целями: в Средиземное море — в Смирну и Египет. Таким образом, сооруженный флот не только не был бы в убыток государству, но и приносил бы значительную прибыль. Эти мысли Петра о плавании военных кораблей с торговыми целями и о прибыли, которую вследствие этого будет давать военный флот, усвоенные из личных бесед с царем перед отправлением в посольство, Украинцев и приводил теперь в переговорах с турками. Сам он по собственному почину, не имея на то поручения царя, заговорить о таком новом назначении военного флота, разумеется, не мог. Что же касается указанного Маврокордато примера других европейских государств, которым доступ в Черное море «возбранен», то посланники заявили, что «те государства царским подданным торговым людям не пример, потому что из тех государств торговым людям приходить в Черное море на кораблях далеко и неспособно», поэтому они и ведут свои торги на Белом море и в Царьграде, а русским торговым людям по Черному морю от Азова в Трапезунд, в Синоп и в Царьград «ходить способно и сручно».

Тогда Маврокордато резче выдвинул свой главный довод против просимого посланниками разрешения. Черное море находится всецело во владении султана: оно — внутреннее турецкое море, «тем Черным морем и кругом его всеми берегами владеет один салтан, а иного государя к тому морю никакого владения, ни места нигде не бывало и ныне нет. И того ради и ныне и никогда плавания по Черному морю московским кораблям и никаким судам для торговли поволено не будет, понеже от веков никто из иных народов при владении турском не имел на том море плавания». «С великим прилежанием» исстари много раз просили и теперь еще просят французы, англичане, голландцы и венецианцы о разрешении плавания в Европе по Черному морю, а в Аравии по Чермному «ради купечества»; но в том им Порта издревле отказывала и теперь отказывает, «говоря,

[1] «И никогда де такие морские суды на одном месте стоять без прибыли не обыкли и не ведется».

чтобы они никакой в том надежды не имели». Никогда им того позволено не будет. Для усиления аргументации Маврокордато прибег к метафорам. Оттоманское государство имеет эти моря, «яко чистую и непорочную девицу, и не токмо иметь на них кому плавание, но и прикоснуться никого никогда не допустит». Такое твердое намерение у Порты «никогда и ни для чего не отменится». Султан скорее пустит кого-нибудь в свои внутренности, чем даст позволение иным народам плавать по этим морям. Англичане и особенно голландцы добивались этого позволения в вознаграждение за посредничество в Карловицах, но «в том им Порта отказала и прошение их отставила».

Посланники, видя, что их домогательство в целом успеха иметь не будет, попробовали добиться частичного успеха и заговорили о пропуске от Керчи к Царьграду если не всего флота, которого, впрочем, в мирное время опасаться нечего, то по крайней мере «указному», т. е. определенному по соглашению числу кораблей. Маврокордато в ответ категорически заявил, что решению Порты, постановленному и утвержденному в диване, никогда перемены не будет. Может быть, эта резкость вызвала столь же резкое замечание посланников. Повторив, что царь строил караван не для того, чтоб ему стоять на одном месте, а «для морского хождения», посланники сказали, что если бы теперь не велось мирных переговоров, а продолжалась бы еще война, то царь и не просил бы у султана разрешения плавать своим кораблям по Черному морю: «Мог бы тот его царского величества караван при милости божии и сам себе свободной путь сыскать и очистить». В этих словах звучало раздражение и что-то вроде угрозы. Маврокордато заметил, что раз уже заключается мирный договор, то вспоминать о войне и говорить таких слов не для чего. Но в заключение все же, прибегая опять к метафоре, высказал, что «по Черному морю иных государств кораблям ходить будет свободно тогда, когда Турское государство падет и вверх ногами обратится». Статья была отложена [1].

Перешли к следующим статьям. Маврокордато выразил согласие на принятие статей представленного посланниками проекта: 9-й — о разрешении запорожским казакам плавать вниз по Днепру до впадения его в море и по днепровским притокам для рыбной ловли и для добывания соли, а также о разрешении им ходить в степь для ловли всякого зверя; 10-й — о том, чтобы крымскому хану в мирное время не нападать на русские порубежные места; 11-й — об улаживании во время мира всяких порубежных ссор между Московским государством, с одной стороны, и Турцией и Крымом, с другой, через послов, не начиная из-за них войны; 12-й — о свободе русским паломникам ходить в Иерусалим; 15-й — о сроке перемирия на 30 лет и 16-й — о подтверждении мирного договора через посольства.

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 781 об.—785 об.

Статья 13 о гробе господне и 14 — о свободе вероисповедания для православных подданных султана[1] вызвали со стороны Маврокордато возражения. Султан этих статей в договор писать не велел. Святые места находятся во владении султана, а православные греки — его подданные. Кто может ему указывать в этих делах? Всякий в своем силен и волен. Маврокордато дал совет посланникам, не настаивая на этих статьях (13 и 14) действовать иным путем. Когда мирный договор будет заключен, тогда пусть государь напишет султану «просительную грамоту» о святых местах и о правах православных подданных. Сам он, Александр, обещает свое полное содействие по этому делу у великого визиря. Патриархи цареградский и иерусалимский также выражают желание, чтобы святые места были отданы православным, и «говорят единогласно: лучше всем православным христианом помереть, нежели гроб господень и святые места держать французом». Да и сами турки между собою говорят часто, что «напрасно они подданных своих отнятием святых мест оскорбили». Имея в виду такое доброжелательное отношение турок, патриархи могут, собравшись всем освященным собором, обратиться с челобитьем в диван и бить челом султану. Он, Александр, надеется, что в ответ на такое челобитье святые места будут взяты у французов и отданы попрежнему грекам; он не только в том деле «ходатайство учинит», но и половину имения своего за то готов отдать и не пожалеет и просит посланников положиться на него и поверить ему как православному христианину. Посланники указывали, что государь святых мест не для себя просит, а просит за султанских же православных подданных, имея о них попечение и видя, что эти православные подданные обижены и святые места у них отняты и отданы людям чужого государства, французам. Впрочем, они заявляют, что во всем полагаются на Маврокордато, ему верят и на статьях 13 и 14 настаивать не будут. Если он упросит султана и визиря о возвращении святых мест грекам, то не только получит за то себе вечную славу от всех христиан на сем свете, но сподобится и царствия небесного. Их словами о том, что великий государь имеет «попечение свое государское» о православных подданных султана, определено было отношение московского царя к православному населению Турции, отношение, которое установится затем на два столетия. Турки поэтому и не желали допускать статей о святых местах и о правах православных в мирном договоре; включение таких статей в договор, имевший для султана характер обязательственного акта, было для них неприемлемой формой вмешательства. В самом деле, выходило бы, что султан давал обязательство чужеземному государю установить со своими православными подданными та-

[1] Поднять эти вопросы предписывала статья 25 наказа (Арх. мин. ин. дел, Дела турецкие 1699 г., № 4, л. 70—71.) О них говорил еще Возницын на Карловицком конгрессе. См. т. III настоящего издания, стр. 393.

кие отношения, которых требовал этот государь, и, таким образом, был бы связан и ограничен в своих суверенных правах относительно своих подданных. Единственной приемлемой тогда для турок формой вмешательства была «просительная грамота» от государя, на что посланники и принуждены были согласиться.

Попечение о православных султанских подданных было проявлено ими в ходатайстве, с которым они обратились к Маврокордато тотчас же после разговора о статьях 13 и 14 по делу сербской церкви, патриарх которой выгнан безвинно и проживает в Вене, а церковь патриаршеская ограблена и опустошена, и многие православные сербы и болгары разбрелись в разные государства, между прочим, в Далмацию и цесарское подданство, и там по собственной воле и по принуждению принимают католическую веру. Посланники просили Маврокордато ходатайствовать перед визирем, если прежний патриарх кажется турецкому правительству почему-либо неугоден, поставить нового патриарха, и тогда сербы и болгары вновь вернутся на родину из других стран, от чего Турецкому государству будет большая прибыль. Маврокордато согласился, что «церковь у сербов и у болгар совершенно от турок утеснена и разграблена и пособить тому стало трудно... Патриарх отставлен за то, что жил не как духовного чина человек и, оставя церковное, вступался во многие гражданские дела непотребно»; однако туда уже послан на его место другой патриарх. Во всяком случае Маврокордато обещал «стараться» о сербской церкви [1].

Таким образом, в результате беседы Маврокордато с посланниками 29 апреля состоялось соглашение по всем статьям договора, кроме двух: о даче крымскому хану, на которой настаивали турки, и о торговле по Черному морю, включения которой требовали посланники. Эти же вопросы были основным предметом второй беседы, происшедшей 2 мая, когда Маврокордато опять приехал на посольский двор. Приводились вновь те же аргументы, и с обеих сторон обнаруживались та же неуступчивость и то же упорство. Выразив одобрение латинскому переводу статей (по которым уже состоялось соглашение), присланному посланниками после разговора 29 апреля, и заметив, что, прежде чем писать эти статьи набело, придется еще раз обсудить каждую, Маврокордато перешел к двум спорным статьям, оставшимся несогласованными, прежде всего о ханской даче: «Теперво де доведется ему с ними, посланниками, на мере поставить спорную статью о даче крымскому хану и татаром и чтоб они, посланники, ту дачу написали так, как о том говорено на прошлой конференции, что в той даче полагается салтаново величество на *соизволение* царского величества. А чтоб давать на срок или указным числом, и того ничего написано в той статье у них не будет». И затем неоднократно в течение

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 786—789.

разговора Маврокордато повторял и развивал этот довод: дача хану предоставляется на усмотрение царя, никакого обязательства давать дачу не будет, никакого срока и никакого определенного размера («указного числа») установлено не будет. Приведено было затем обстоятельное толкование слову «произволение». Это означает, во-первых, отмену прежнего обязательства давать дачу в установленный срок и в определенном размере, а во-вторых, предоставление полной свободы царю. Когда ему будет угодно, он, не будучи связан никаким обязательством, «для своей, государской, превысокой чести своим, государским, жалованьем тех ханов и татар пожалует, как ему, великому государю, господь бог по сердцу известит». А если и ничего не даст, то ханы и татары и просить не посмеют, и о том, чтобы не просили, от султана им будет «заказано накрепко». Маврокордато предлагал даже написать статью о «ханской даче» в виде диалога между царем и султаном: «Якобы они, великие государи, сами персонами своими, государскими, друг ко другу говорили сими словесами»: царь требует у султана, чтобы «крымскую дачу отставить и впредь ей не быть», а султан на эти слова отвечает, что он о даче в договоре не написал, но предал все то на царское соизволение. Таким образом, все следы когда-то бывшей обязательной дани крымским татарам стирались, и она превращалась в пожалование по свободному усмотрению государя.

Однако посланники оставались тверды и непреклонны. На первое же предложение Маврокордато переговорить о статье они ответили, что у них говорено о том много, и написать, кроме того, что хану и татарам никакой дачи не давать, они ничего не могут. Вероятно, в параллель тому, как Маврокордато в отказе на торговое плавание по Черному морю ссылался на твердое и неизменное постановление султанского дивана, и посланники сослались на то, что об отмене ханской дачи «у его царского величества постановлено со всем его государским сигклитом. Им, посланникам, «имянно», т. е. самим государем, приказано и в наказе написано, что та крымская дача, конечно, была отставлена, потому что хотя та дача была и небольшая, только показалась она ему, великому государю, зело неугодна и непотребна». Наказ, действительно, как мы уже видели [1], содержал в себе самое категорическое предписание посланникам добиться отмены дачи, которая не соответствовала уже достоинству московского государя. На предложение Маврокордато еще раз подумать о принятии статьи в той смягченной форме, которую он предлагает, посланники отвечали, что больше им о том думать не о чем. Предложение и аргументы Маврокордато они одобряли: «Рассуждение его, Александрово, является разумное», и желание великого визиря, на которое ссылался

[1] См. выше, стр. 145—146.

Александр, они удовлетворить были бы рады, однако не могут дерзнуть поступить вопреки воле великого государя. Твердость посланников в этом пункте вызвала раздражение у Маврокордато: «Поступает он с ними не так, как они с ним, во всем творит он им многую склонность и уступку, а от них, посланников, никакого склонения и уступки он не видит», на что посланники заметили: «Никакие большие противности в настоящих делех от них, посланников, не чинится, а за правду и за свое всякому стоять вольно и мочно». Соглашение по статье не состоялось [1].

Столь же безрезультатными были переговоры и относительно другой спорной статьи — о морском плавании, к которой затем перешли. Здесь посланники были, так сказать, нападающей или добивающейся стороной, а Маврокордато оборонялся со столь же непоколебимым упорством. Он вновь и неоднократно повторял, что для русских исключения сделано не будет, что плавание по Черному морю воспрещено не для одних русских, но для всех народов, несмотря на их домогательства (такое запрещение было сделано еще тогда, «когда в Московском государстве тех кораблей и в зачине не бывало и Азов город был во владении салтанова величества»), что русские могут торговать на Средиземном море, приезжая на кораблях из Архангельска, что султану в его государстве указывать никто не может, «и кого в которые вороты изволит пустить, в те и пускает по своей воле», что постановление о закрытии Черного моря «утверждено накрепко» и Черное море откроется для христианских государств «разве только тогда, когда Оттоманское государство переменится». Торговать по Черному морю русские могут на наемных турецких кораблях. Тщетны были все доводы посланников, развивавших уже ранее высказанные соображения и приводивших новые. Посланники высказывали мнение, что турки хорошо сделали, закрыв другим народам (англичанам, голландцам и венецианцам) доступ в Черное море, потому что от их торговли не было бы прибыли Оттоманскому государству, а разве только убытки; в каких государствах эти народы ни торгуют, прибыли от них бывает мало. Поэтому и в Московском государстве торговля им дозволена не во всех местах, но только у одной морской пристани, у города Архангельского, хотя они и домогались торговых вольностей. Притом же на Черное море им плавать неудобно и далеко. А царским подданным торговым людям ездить по тому морю от Азова удобно и близко, и от такой ближней торговли обоим государствам может быть великая прибыль, больше, чем от иных дальних западных стран. Царь не просит Черного моря себе во владение, не отнимает его у султана и в титлах своих «тем морем описывать себя не будет», а желает только на том море вольного проезда своим кораблям, чтоб им не стоять на одном месте. Как они, посланники, слыхали

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 814 об.—818.

«и в гисториях читали», никогда Турецкое государство ни от кого страха не имело и никого не боялось; чего же теперь бояться? Царю в постройке флота пришлось понести великие расходы и убытки и без дела оставить флот нельзя. «Нигде не ведется и не слыхано, чтобы те места, где бывали торговым людем промыслы и прибыли, предавать в запустение»; от запрещения плавать по Черному морю торговым людям будут убытки, потому что и прежде была разрешена приезжим людям из Царьграда и из других мест торговля в Азове; азовские жители имели торги свои в Царьграде и по всем крупным городам на Черном море. Сухопутная торговля и всегда затруднительна, а из Азова торговым людям ездить сухим путем в Царьград через Крым, Буджаки, Волошскую и Мультянскую землю неудобно и далеко. Относительно предложения вести морскую торговлю на наемных турецких судах, от чего туркам будет прибыль, посланники высказали опасение, что турки в наймах кораблей будут запрашивать чрезмерные цены, на что Маврокордато тотчас же возразил, что об этом напишется специально в договоре, цена установится обыкновенная и лишнего запрашивать никогда не будут.

Не будучи в состоянии убедить Маврокордато, посланники, не скрыв от него своего недовольства и высказав ему упрек, что поступает он с ними «упорно», ни в чем им ни малого «повеселения» не чинит, к полякам на Карловицком съезде был он гораздо благосклоннее, решили на торговой статье более не настаивать, в договор ее не включать и отложить до будущего великого посольства, которое явится в Константинополь для подтверждения мирного договора, буде он ныне совершится, — написать же, как замечает статейный список, что царским кораблям «от Азова и от Таганрога плавание иметь только до Керчи, без указа не смели, потому что и без того постановления царским кораблям плавание до Керчи и до Тамани Меотийским морем было свободно». На последовавшее затем замечание Маврокордато, что хотя статья и отложится, однако и впредь «перемены тому делу никакой не будет» и царским кораблям по Черному морю далее Керчи ходить никогда не позволится, ибо так постановлено и утверждено всем диваном, посланники ответили упреками: «Выговаривали ему, Александру, что зело слышать им такие от него, Александра, слова досадно: называется он православным христианином и с ними единоверным, а говорит не по христиански». Что он говорит о постановлении дивана и «что перемены будто не будет — и то его, Александрова, неправда». Они, посланники, знают точно, что тот султанский диван был только о том, чтобы царского каравана не пропускать на Черное море всего сразу [1].

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 819—824 об.

Разговор перешел на другие предметы. Маврокордато вновь просил посланников не настаивать на включении в договор статей 13 и 14 о гробе господнем и о вероисповедных правах греков, чтобы не раздражать султана, потому что это было бы вмешательством во внутренние турецкие дела: греки живут в подданстве султана, «и никогда иной государь в другом государстве иному государю в делах не указывает, и всякой де государь над подданными своими волен». Он опять рекомендовал им действовать по этому вопросу другим путем: подать просьбу со стороны царя и челобитье иерусалимского и константинопольского патриархов, причем обещал содействие со своей стороны. Посланники вновь заявили о своем согласии, сказав, что полагаются на него, Александра, заметив, однако, что, если в договоре о вольностях для православных не напишется — «в том будет православным христианом великая печаль и от католиков стыд», потому что по Карловицким договорам выговорены католикам всякие вольности, не только позволено им свою веру распространять, но и костелы вновь создавать и старые чинить во многих местах и, между прочим, на острове Хиосе.

Маврокордато опровергал эти сообщения: пусть посланники верят ему, а не посторонним словам. На Хиосе не только не позволено вновь строить какие-либо костелы, но и старые римские костелы там разорены до основания, и теперь там нет ни одного костела. И вообще католикам нет никаких вольностей. В доказательство Маврокордато привел два случая отказа цесарскому послу на его просьбы по делам католической веры, прибавив, что «и зело де у них, турков, католицкую веру остерегают, чтоб ее к распространению не допустить».

Если посланникам кажется неудобно и перед католиками «зазорно» не упомянуть в договоре о вольностях православным христианам греческого исповедания, то он о таких вольностях напишет в 15-й статье. «И написал о том при них, посланниках. И посланники велели то его, Александрово, письмо перевесть переводчику Семену Лаврецкому. А по переводу в той статье написано, что российским и московским духовным и церквам их противно законам божиим никакое насилие в Турском государстве да не наносится». Посланники, прочтя написанное, объявили, что «берут сие себе на рассуждение», т. е. согласились на включение в договор предложенных слов; при этом спрашивали у Маврокордато совета, можно ли им обратиться к визирю с прошением о постройке грекам в Царьграде двух церквей «на славу и на похвалу имени божии» и будут ли даны прихожанам этих церквей хатшеривы, т. е. жалованные грамоты, на что он ответил, что если в тех местах церкви и прежде были, то, думает он, по прошению посланников и вновь там позволят строить, но о строении на новых местах будет отказано [1].

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 825 об.—827.

Маврокордато сделал замечание, касающееся статьи 16 посольского проекта, где говорилось о присылке с обеих сторон особых посольств для подтверждения мирного договора; султан, кроме одного цесаря, ни к кому послов никогда не посылал и не посылает и такое равенство соблюдает только по отношению к цесарю, потому что «цесарь римской у всех христианских государей именуется начало и глава». Никого другого из окрестных государей султан «в пример» себе не ставит. Вследствие этого Маврокордато требовал, чтобы посланники слова о присылке к государю турецкого посла из договора устранили. Посланники, разумеется, возражали: «То де дело не образцовое»; султан посылал раньше послов в Польшу и в Персию. Возобновляя московские реминисценции XV в., они привели основания, по которым московский государь имеет даже преимущественное право титуловаться цесарем: подлинное христианство и наследие от греческой империи. «А по подлинному де христианству довлеет цесарем христианским писаться великому государю, его царскому величеству, а не иному кому, потому что та честь и христианское цесарское достоинство перешло с востока от греков в Российское царствие умножительнейшему (августейшему) нашему великому государю, его царскому величеству». Маврокордато заявлял, что «и сам он знает, что все христианство сущее ныне содержится в одном государстве Московском, и за такое славное дело господь бог может царю во всем учинить распространение» и дать цесарство в его руки. Однако ныне посланникам домогаться о присылке султанского посольства к Москве не надобно. При этом он разъяснил, что в Персию посольство от султана было послано по исключительному случаю: шах без такого посольства отказывался вернуть взятый у турок город Бастру; в Польшу посылался не посол, а простой чауш, и было с ним всего 10 человек. Сами же посланники видят, что для подтверждения Карловицкого договора поляки прислали к султану от себя посла, а от султана к ним никакого посольства нет и впредь не будет.

Посланники, раз речь зашла о подтверждении договора, задали Маврокордато вопрос о форме подтверждения: «Спрашивали его, Александра: салтаново величество, каким поведением мирные договоры подтверждает»; если договор состоится, подтвердит ли его султан при них, посланниках, и пошлется ли с ними к царю султанская грамота о заключении договора? Маврокордато ответил, что договор будет утвержден рукою визиря и разменяется текстами договора он же, визирь. Им будет дан также список договора по-латыни. Султан своею рукою таких мирных договоров никогда не подписывает. Грамота к царю будет с ними послана, и в ней будет сказано об их приезде и отпуске, о заключении договора и о том, что султан тот мир с своей стороны будет держать «непорушимо». Подтверждающая султанская грамота будет вручена великому посольству, которое

должно прибыть в Константинополь, и «у той подтверждающей грамоты руки салтанской не будет же, а будет только его печать». Если посланники желают дождаться здесь приезда этого великого посла из Москвы, то это будет им разрешено. Послы ответили, что дожидаться им здесь царской подтверждающей грамоты невозможно, потому что такая грамота будет составлена с текста договора, который они сами должны отвезти к царю. Посланники одобрили заявление Маврокордато, что им будет вручен, кроме турецкого текста договора, еще список его по-латыни, потому что при них переводчика турецкого языка нет, но потребовали, чтобы список был сходен с турецким текстом во всем от слова до слова и чтобы рейз-эфенди и он, Александр, закрепили его своими руками, иначе они принять латинского перевода не могут.

Маврокордато сказал в ответ, что латинский перевод подпишет он один, а товарищу его, рейзу-эфенди, перевода своей рукой подписывать нечего, потому что он, рейз, по-латыни читать и писать не умеет. Может быть, он подпишет подлинный турецкий текст вместе с визирем. Впрочем, он доложит великому визирю, как чему быть. Посланники высказали было требование, чтобы мирные договоры с каждой стороны были написаны в двух экземплярах: один на языке стороны, а другой на латинском, и чтоб эти латинские тексты имели значение не переводов, а подлинных текстов. Маврокордато отказал: «Никогда де того в Турском государстве не повелось, чтоб об одном деле давать крепости на розных языках: всегда у них такие государственные крепости пишутся на природном турском языке», а с турецкого языка дается перевод по-латыни. Так было и в Карловицах. Точно так же и посланники должны с своей стороны написать подлинный текст на славянском языке, а перевод с него по-латыни. «Опасаться им в том нечего, потому что латинский перевод с турским инструментом во всем будет сходен и подкрепится его, Александровой, рукою».

Спросив еще Маврокордато о времени возвращения турецкого посла из Вены, посланники сделали предложение, оговорившись, впрочем, что не имеют о том царского указа, «однако в запас ему, Александру, предлагают», чтоб по заключении мира при турецком дворе жить русскому резиденту, как при этом дворе живут иных государей резиденты. Маврокордато встретил предложение сочувственно. Султан резидентам жить при своем дворе разрешит «и зело де то добро, что здесь царского величества резидент будет жить для того, что когда прилучатся какие порубежные ссоры, и те всякие ссоры могут успокоиваться и отправляться чрез того резидента. А для малых дел присылать нарочное посольство на обе стороны напрасный убыток будет»[1].

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 827 об. — 831.

Беседа все же закончилась скандалом. В заключение разговора Маврокордато заметил, что «на нынешней конференции по милости божии общих обоих государств дел междо ими договорено не мало, почитай, что все статьи; не сговорились только о двух статьях: о торговле на царских кораблях по Черному морю и о ханской даче, и он вернулся к этой последней статье. Если посланникам статья о ханской даче показалась в том виде, как он ее предложил, неприемлема, то он напишет ее сызнова в ином виде и надеется, что она посланникам будет «угодна». Посланники сказали, что писать ему той статьи не запрещают, только бы писал он ее так, как они с ним договорились. Когда Маврокордато статью написал, посланники остались опять недовольны и говорили, что статья написана у него попрежнему, «стороне великого государя противна и неугодна». Надо, чтоб он написал ее так, что *«никакой дачи ханом крымским и татаром не давать,* а не так, как у него написано, что великий государь и его наследники той дачи давать не обяжутся». Посланникам казалось совершенно недопустимым слово «обяжутся». «То де обязание, — поясняли они, — мочно толковать на многие образцы», и из такого толкования выйдет попрежнему, что хан будет просить у царского величества себе дачи. А надо, чтоб было написано, стояли на своем посланники, «что никакой дачи ханом крымским и татаром ныне и впредь не давать».

Маврокордато начинал терять терпение: «Видит он, что они, посланники, здешним Турским государством гнушаются и ставят его ни во что, чего было им чинить отнюдь не довелось». Без условия о ханской даче и «поминках» мир не может состояться. Султан не оставит без защиты хана в бесчестии, причиненном ему отказом в даче. Если они об этом будут много спорить, как бы от этого не «уросло» какое зло и не вышло бы делу мирного договора вреда! «Статья у него написана — не противна, обязательство — речь не грубая», т. е. слово «обязательство» не заключает в себе ничего одиозного и приведено только к тому, чтобы дачи не давать. Написал он его для того, чтобы султану в противном случае, если бы он о том не упомянул, не было бы от хана и татар «прошения и докуки», а от турецкого народа какого-либо нарекания и стыда. Да и в Карловицком договоре с поляками написано о ханской даче именно в таких выражениях, что польские короли крымскому хану и татарам никакой дачи давать впредь не обязуются.

На последнее соображение посланники по обыкновению ответили, что «великому государю его царскому величеству иные государства не пример и кто что разумел, так и сделал», но решительно протестовали против слова «обязан»: «А то де слово, что обязание его царскому величеству зело неугодно и превысокой его, государской, чести непотребно, и с таким словом той статьи они, посланники, в мирной договор не примут и не напи-

шут». Далее статейный список замечает: «И о той даче, которая напред сего давана и что ныне и впредь давана не будет, говорили посланники многими и пространными разговоры, и по многим разговорам и спорам в той даче хану и татаром имянно ему, Александру, отказали».

Эти «пространные» разговоры и споры с посланниками довели Маврокордато до сильного раздражения. «Поистине, — восклицал он, — они, посланники, здешним государством гнушаются и ни во что ставят!» Недаром его старший товарищ, рейз-эфенди, от этого дела, т. е. от ведения переговоров, отстранился. Он, Александр, взял все дело на себя, надеясь, что сможет привести его к окончанию. «Но, видя их, посланничьи, многие в том деле упорства и несклонность», принужден будет и он также то дело бросить. «И осердясь, — продолжает статейный список, — с места своего встал и стоя говорил со многим сердцем, что будет ли у них, посланников, тому делу конец или нет?» Посланники говорили, что «они тому делу окончания желают давно», сердиться ему, Александру, не на кого, никто его не боится. «И чтоб он то слово «обязание» отставил для того, что то слово не к чести его царского величества превысокому имени! Кроме де господа бога его царское величество обязывать иному некому». И вновь посланники, уже неизвестно в который раз, повторили, чтоб Маврокордато написал по их словам, что «никакой дачи ханом крымским и татаром ныне и впредь и за прошлые годы... не давать». «И Александр говорил, что перемены у него тому слову никакой не будет. И больше де он им, посланником, говорить о том не станет. *И не простясь, из палаты пошел.* Провожали его дворяне, и переводчики, и подьячие на крыльцо и до лошади» [1].

XIII. ПРИГОТОВЛЕНИЕ ПОСОЛЬСКОГО КОРАБЛЯ К ОБРАТНОМУ ПУТИ. ВОПРОС О ВОЗВРАЩАЮЩИХСЯ В РОССИЮ ПОЛОНЯНИКАХ

В половине мая 1700 г. был отправлен в Россию корабль «Крепость», на котором посольство прибыло в Константинополь. Пребывание в константинопольских водах русского корабля под командой такого беспокойного капитана, как Памбург, постоянно подавало повод к разного рода недоразумениям; наконец, и отплытие корабля не обошлось без осложнений. Еще 4 марта посланники спрашивали у присланного к ним по делам племянника Маврокордато Дмитрия Мецевита, когда начинается корабельное хождение по Черному морю, на что Мецевит сказал, что «по Черному морю начинают корабли ходить с половины

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 831 об. — 833 об.

месяца марта; а преже того корабельного хождения не бывает, потому что до того времени бывают по Черному морю великие бури и жестокие ветры с морозами, и то де Черное море бывает свирепее Белого моря, а Белое море бывает тишей его» [1].

На следующий день, 5 марта, посланники отдали приказ капитану Памбургу готовиться к отплытию. Капитан заявил, что «надобно у корабля осмотреть днище и худые места выконопатить накрепко, а, не осмотря и не починя, грузить его невозможно». Для такого осмотра и починки нужны большой деревянный плот и соответствующие припасы, да для погрузки корабля нужны камни, а прежнего балласта в корабле мало. По распоряжению визиря велено было турецкому адмиралу Медзоморту отпустить плот и необходимые припасы, а камни для балласта разрешено было брать на берегу. Посланники приказывали капитану Памбургу, «чтобы он корабль починивал солдатами, а не турскими работными людьми»; приведена была и причина такого приказа: «Чтоб от них (работных людей) в той корабельной починке не было какого в чем подозрения и не осмотрели бы каких худых и неспособных мест, и впредь не было б от них, бусурман, в том посмеяния». Украинцев был, как показывает его откровенное донесение царю тотчас же по приезде в Константинополь [2], невысокого мнения о постройке корабля, на котором приехал, указывал на его недостатки и боялся насмешливой критики со стороны турецких корабельных мастеров. За плотом и припасами на Терсанскую пристань ездили подьячий Юдин и штурман Христиан Отто в сопровождении посольского пристава капычи-баши. Однако тогда плота и припасов не взяли, так как штурман сказал, что будут корабль чинить позже, когда воздух будет теплее, «а ныне де еще холодно и починивать корабля невозможно» [3]. 17 марта корабль стоял еще на воде.

В этот день Дмитрий Мецевит заезжал к послам сказать, что сего числа султан будет у великого визиря на загородном дворе, а от визиря будет возвращаться морем на галере мимо царского корабля; чтоб посланники приказали для почести султану произвести пушечную пальбу. На корабль были посланы посольские дворяне с Гуром Украинцевым во главе, которые затем посланникам доносили, что капитан, получив их, посланничий, приказ, велел на корме, на носу и на райнах корабля распустить флаги и свесить с корабля сукна. «И как салтан возвращался от везиря и шел мимо корабля, и тогда они, дворяне, и все корабельные люди, ему, салтану, поклонились, и из пушек и из мелкого ружья была стрельба». Выстрелив, солдаты взбежали на мачты и на райны и прокричали султану виват три-

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 564—564 об.
[2] См. выше, стр. 14.
[3] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 566 об. — 568 об.

жды. «А шел он, салтан, на галере, на которой играла музыка изрядная тихими гласы. Да за тою же галерою плыли многие каюки»[1].

24 марта чуть было не произошло столкновение между русским кораблем и двумя турецкими кораблями, которые турки выводили из Терсанской пристани проливом мимо русского корабля. Турки, чтобы убрать русский корабль с дороги, хотели обрубить у него якоря, а капитан Памбург, не желавший двинуться с места, грозил стрелять по турецким кораблям из пушек. Об этом эпизоде был разговор на XV конференции 25 марта между Украинцевым и Маврокордато.

Украинцев «говорил ему, Александру, что приходил де к нему, посланнику, капитан корабельной Петр Памбурх и говорил: вчерашнего де дня из Терсанской пристани выведены каторгами (т. е. галерами) в Черноморскую проливу два турские, их, корабли, и один де корабль веден близко царского величества корабля, на котором пришли они, посланники. И с того де их, турского, корабля кричали с великим шумом, чтоб тот царского величества корабль свесть в иное место и им дать дорогу. И капитан де в том им не уступил для того, что корабль их, посланничей, стоял на якоре, а обойтить было им мимо того корабля мочно и пространство в пути было великое. И за такую де неуступку хотели с того их, турского, корабля у царского величества корабля отрубить якорь и вынимали топоры. А капитан де за то грозился по них стрелять из пушек. И тот де корабль стоит и ныне близко того их, посланничья, корабля, и во время погоды опасно, чтоб междо ими не починилось какого вреду. И чтоб он, Александр, о том сказал товарищу своему большому, рейз-эфенди, и тот бы выведеной из Терсанской пристани корабль поставлен был где в ином месте поодаль царского величества от корабля, и впредь бы так чинить и обиду ему, капитану, творить с стороны их, турской, велели они, думные люди, салтанова величества указом заказать». Маврокордато обещал сообщить обо всем этом рейз-эфенди и сказал, что «тот их, турской, корабль от царского корабля будет вскоре отведен, потому что тот их корабль идет в путное шествие на Белое (Средиземное) море, и впредь такие обиды царскому корабельному капитану чинить они, думные люди, салтанова величества указом закажут накрепко».

Но раз речь зашла о капитане Памбурге, Маврокордато не мог удержаться, чтобы не высказать посланникам самого отрицательного взгляда на его поведение, дал ему самую нелестную характеристику и требовал его унять. «Только де, как они, думные люди, слышат, что и сам тот корабельной капитан Петр Памбурх живет здесь не смирно и чинит многие задоры и драки напрасно. А к тому де больше всего, что он, капитан, непо-

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 596—597.

стоянничает и живет не так, как подобает честным и карабельным людем пребывать и жить; ходит де он, капитан, на Галату с ... в курени по ночам многолюдством и с ружьем, и с фонарями и, напиваяся до пьяна, чинит многую непристойную из того ружья стрельбу и мимо ходящих людей задирает и велит солдатам своим бить их безвинно. И от того де опасно, чтоб какого смертного убивства не учинилось. А здесь де, в Цареграде, многолюдство, и за такое де бесчинство и непостоянство убьют его, капитана, до смерти не из чего, и пропадет даром. И чтоб де они, посланники, тому своему капитану впредь так делать и творить заказали и в таком его деле поостерегли». Украинцев ответил, что «приказано де ему, капитану, от них, посланников, имянно, дабы он здесь житие свое имел чинно и честно и никому ни в чем не досаждал. И он де обещался им, посланником, до отпуску своего быть здесь во всяком добром и искусном поведении. А ныне де ево, капитана, по словам его, Александровым, они, посланники, в том его непостоянстве истяжут и от того впредь велят ему воздержаться» [1].

В течение апреля корабль ремонтировался и грузился балластом [2]. На XVIII конференции 13 апреля Украинцев говорил турецким уполномоченным, что ему «непрестанно докучает капитан Памбурх, что ему надобно нагрузить корабль камнем и песком, а тот камень и песок без указа салтана и великого везиря по берегам ему брать возбранено». Турецкие уполномоченные обещали доложить визирю и выхлопотать соответствующий указ без замедления. Нагрузка была произведена наемными турецкими работными людьми, привезено было балласту восемь «мавней или стружков», за что заплачено 48 левков [3]. Корабль надлежало снабдить в дорогу продовольствием, и 9 апреля, посылая к Маврокордато для переговоров переводчика Семена Лаврецкого, посланники, между прочим, поручили ему спросить: «Дадутся ли по милости везирской сухари в дорогу на корабль на 126 человек солдат и на 50 человек полоняников?» Турецкое правительство согласилось взять на себя снабжение корабля на месяц сухарями, потребовав список экипажа, доставило сухарей 200 контарей, что равнялось 660 русским пудам [4].

Больше всего хлопот доставила посланникам перевозка выкупившихся на свободу или отпущенных их господами русских пленных, которых корабль должен был доставить в Россию. Из

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 631 об. — 633.

[2] На присланном от Маврокордато плоту «был осматриван и конопачен» (Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 568 об.).

[3] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 701 об. — 702, 795 об.

[4] Контарь также называется «камнем», «200 контарей по 44 ока в контаре, а в оке по 3 фунта московских, итого 660 пуд.». — Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 796 об., 670—673 об. — 9 апр.; 727 об., 733, 753 — 21 апр. — 24 апр.

переговоров о продовольствии видно, что первоначально посланники предполагали отправить в Россию всего 50 вольноотпущенных полоняников. Но на самом деле число их выросло более чем втрое. На посольский двор постоянно приходили пленные с отпускными от своих господ, «которых полоняников человеколюбия ради благоговейные люди османские веры отпустили на волю». Состоявший при послах пристав Магмет-ага и заведывавший полицейской охраной двора чурбачей таких полоняников не пропускали и приказывали янычарам от посольского двора их отгонять, на что посланники жаловались Маврокордато, удостоверяя, что без «вольных листов», т. е. без отпускных, они и сами полоняников к себе на двор не пускают и за таких стоять не будут. Маврокордато обещал удовлетворить просьбу, потребовав только, чтобы посланники не принимали к себе полоняников, перешедших в турецкую веру [1]. В конце концов всего таких вольноотпущенных пленных набралось 171 человек. В письме в Гаагу к А. А. Матвееву Украинцев давал цифру полоняников в 200 человек: «Майя в 17-м числе отпустил я отсюду великого государя корабль к Азову, а на нем с 200 человек полоняников народа русского мужеского и женского полу. А при отпуске его хотели было турки полоняников на нем осматривать и претили нам остановкою его, и мы осматривать на корабль их не допустили, а полоняников для осмотру возили с корабля на берег, и они похитили у нас из них напрасно 37 человек, а сказали, что бутто они некогда приняли веру их и в листах в вольных написаны их басурманскими имянами» [2].

К концу апреля работы по конопачению корабля, нагрузке его балластом и по доставке продовольствия были закончены, и капитан доложил посланникам, что корабль «к ходу совсем в готовности». 30 апреля, как читаем в статейном списке, «посланники отпустили из Константинополя царского величества воинской корабль попрежнему к Азову с капитаном с Петром Памбурхом. А на том корабле корабельных иноземцев и матросов 24 человека, да Преображенского и Семеновского полков урядников, и солдат, и русских матросов 111 человек, да полоняников русских людей и черкас, которые явились им, посланником, в Цареграде с вольными листами и которые во время двулетнего нынешнего карловицкого перемирья взяты, всего 171 человек». Для отпуска корабля на него ездили в каюках Украинцев со свитой и в сопровождении пристава, чурбачеев и янычар. Находясь на корабле, посланник приказал пересмотреть по спискам солдат и полоняников, и те и другие «пересматриваны» при приставе и чурбачее, причем «сверх именных списков лишних полоняников никого не явилось». Капитану вручена

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 795 об., 730 об. — 733 об., 22 апреля; 754 об. — 755 об., 26 апреля через Семена Лаврецкого.
[2] Арх. мин. ин. дел, Дела голландские 1700 г., № 4, л. 54.

была отписка от посланников на царское имя с предписанием подать ее «в приказе воинских морских дел ближнему боярину и славного чина святого апостола Андрея кавалеру, каравана морского генералу адмиралу и наместнику сибирскому Федору Алексеевичу Головину». В отписке посланники извещали о ходе работ по снаряжению корабля в путь, об отпуске на нем полоняников, о снабжении его продовольствием, о выдаче жалованния и одежды (кафтанов и шапок). «И тот корабль с того места, где стоял, отпустил он, чрезвычайной посланник, черноморским гирлом при себе и капитану приказал, чтоб он беглых полоняников отнюдь на корабль не принимал и в пути шел со всяким опасением и бережением. И тот корабль от того места, где стоял, отошел пять верст и стал на якоре для того, что погода пременилась» [1].

Здесь корабль застрял на довольно продолжительное время. На другой день после его отпуска, 1 мая, к посланникам явился их пристав, капычи-баша, с жалобой, что у некоего паши жили два русских полоняника и, не дожив урочных лет, бежали от него на корабль. Пристав просил их с корабля взять и вернуть паше; «для указывания их от паши были присланы два турчанина». Посланники говорили, что не думают, чтобы на корабле были какие-нибудь беглые полоняники; у всех находящихся на корабле полоняников имеются свободные письма. Однако они пошлют на корабль для осмотра заподозренных и, если они действительно окажутся беглыми, прикажут их взять. На корабль были отправлены подьячий Федор Борисов и толмач Михайло Волошенин и с ними двое турок, присланных пашою. Вернувшись, подьячий и толмач доложили, что когда они приехали на корабль и заявили капитану о выдаче тех беглых, «буде они на корабле есть», то капитан им сказал, что никаких беглых полоняников у него на корабле нет и осматривать полоняников он никому не даст, и турок, приехавших с ними, на корабль не пустил [2].

Того же 1 мая перед полуднем пристав явился к посланникам вторично с новым заявлением, что прислали его великий визирь и визирский кегая и велели сказать: великому визирю стало известно, что на царском корабле полоняников более 500 человек и в том числе многие беглые, о возвращении которых бьют челом великому визирю разных чинов люди, больше 100 человек. Если капитан тех беглых полоняников осматривать не даст, корабль будет задержан в гирле. На этот раз на корабль были посланы дворянин Гур Украинцев, сержант Никита Жерлов, подьячие Григорий Юдин и Федор Борисов с приказом капитану вновь пересмотреть всех полоняников; тех, которые окажутся беглыми, прислать на посольский двор и без ведома

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 793 об. — 802 об.
[2] Там же, л. 802 об. — 803.

посланников в дальнейший путь в Черное море не ходить. Капитан ответил, что хотя он без ведома посланников с того места, на котором стоит, не пойдет, однакож полоняников осматривать не даст, потому что беглых на корабле нет. «И на воинских де кораблях никогда полоняникам осмотру не бывает». Если бы посланники все же стали настаивать на осмотре, пусть пришлют ему письменный указ «за своими руками»; тогда он, капитан, получив такой указ, бросит службу, «со всеми корабельными иноземцами с того корабля сойдет на берег и в належащей путь к Азову на том корабле не пойдет». Посылавшиеся на корабль дворяне донесли также посланникам, что когда они были на корабле, подъезжали к кораблю в каюке начальные люди первых двух турецких городков, расположенных в проливе, и говорили, чтобы он, капитан, до тех пор, пока не будут осмотрены полоняники, «мимо тех городков на корабле не ходил. А если пойдет, то они по указу салтанскому станут по тому кораблю стрелять из пушек», на что капитан приезжим туркам говорил, что «он пушечной их стрельбы не боится, и та стрельба ему не страшна. А если де они станут стрелять из пушек, тогда он не токмо что из пушек стрелять будет, но и самые те городки возьмет. И отпустил де он, капитан, их, дворян и подьячих, с того корабля, не дав осмотреть полоняников» [1].

Положение осложнялось; при горячем нраве Памбурга не исключена была возможность вооруженного столкновения между русским кораблем и турецкими крепостцами в проливе. Значительная часть рассмотренной выше второй беседы Маврокордато с посланниками, когда он прибыл к ним на посольский двор 2 мая, посвящена была улаживанию возникшего затруднения. Явившись к посланникам, Маврокордато начал речь с того, что он приехал вести с ними переговоры о мире, но должен это свое намерение отложить и сначала переговорить «о обидах и о своевольных необычных поступках, которые здешнему государству творит, зело непотребные и неугодные, корабельной их, посланничей, капитан Петр Памбурх». Нетрудно представить себе, как должен был ненавидеть капитана Маврокордато, которому столько раз приходилось улаживать вызванные капитаном недоразумения. Маврокордато говорил, что сегодня нарочно вызывал его к себе великий визирь и велел им, посланникам, сказать: «Для чего царский корабль без ведома и без указу пошел в путь от Константинополя? Конечно, их капитан чинит так для того, чтобы провезти тайно многих беглых и побусурманеных полоняников» [2]. Он, визирь, немало удивляется такому своевольству. Приезжающие из всех других государств воинские и торговые корабли «от Царьграда таким тайным обычаем не отходят и нравам их, турским, противно ничто не чинят, а отъ-

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 803 об. — 805 об.

[2] Термином «побасурманенные» статейный список называет полоняников, перешедших в мусульманство.

езжают, явясь у них в канцелярии, и им для свободного проезда даются без всякого задержания салтанские проезжие листы. А, не явясь, отъезжать ни в которых государствах не повелось!». Визирь просил корабль остановить и, пересмотрев полоняников, беглых и побасурманенных, отдать их тем, от кого они бежали, а если корабль посланники не остановят, то он будет остановлен по указу султана и мимо городков в Черноморском гирле пропущен не будет, о чем в городки посланы султанские указы. Посланники сочли нужным прежде всего объяснить уход корабля без проезжей грамоты. «О корабельном поведении, как в иных государствах приезжать и отъезжать кораблям установлено, они знают, но к здешнему поведению, как в государстве салтанова величества творится, примениться до сих пор не могут». Об отпуске корабля с ратными людьми и полоняниками и о проезжей грамоте они говорили рейз-эфенди еще на XX конференции, на что он сказал, что султанское величество и великий визирь «в том корабельном отпуске запрещения не чинят»; на корабль было дано султанское жалованье, дорожный корм — 200 камней сухарей. Проезжей же грамоты «и до сего числа не дано, неведомо для чего». Они, посланники, надеясь на рейзовы слова и полагая, что здесь корабли отъезжают по словесному объявлению и без проезжих грамот, велели капитану отходить «явным обычаем, как во всех государствах ведется», с пушечною стрельбою, и корабль пошел с места своего не тайно с такою обыкновенною пушечною стрельбою. Если бы им, посланникам, было тогда сказано, чтобы корабля в путь без проезжей грамоты не отпускать, они бы так и сделали. Что же до полоняников, то никаких беглых и побасурманенных полоняников на корабле нет, кроме вольных, которые являлись к посланникам с вольными листами, приходили на посольский двор явно, а не тайно, с разрешения турецких властей, и с посольского двора отвезены на корабль также не тайно; об этом знают их пристав, капычи-баша, и чурбачей, который у них на посольском дворе стоит всегда «безотходно» на карауле, а провожали тех полоняников с посольского двора на корабль чауш с янычарами. Может быть, такие беглые и «потурченые» полоняники приняты и живут у иных послов — у цесарского, у польского и у венецианского; у них, по слухам, набраны многие полоняники и без вольных листов, «однако же им запрещения в том нет и никакого осмотра у них не делается! А когда тем послом такого бесчестия здесь не чинится, то и им, посланником, давать осматривать царский корабль невозможно. И того они, посланники, не учинят, потому что ни в котором государстве воинским и посольским кораблям для полоняников осмотру не бывает и не ведется, да и в государстве де салтанова величества французским, аглинским и галанским кораблям для таких полоняников осмотру никогда не бывало ж».

Маврокордато возражал: народ их, турский, «вопиет» о полоняниках на корабле царского величества, а не о полоняниках, живущих у других послов. Визирю сегодня подано до 100 челобитен, в которых написано, что на русском корабле беглых и побасурманенных полоняников, кроме вольных, с 500 человек. И поэтому визирь велел просить посланников, чтобы они «такому всенародному возмущению учинили прекращение», приказали пересмотреть полоняников и беглых побасурманенных отобрать. Для осмотра вместе с лицами, назначенными от посланников, визирь пошлет с своей стороны их посольского пристава, капычибашу, и с ним чаушей. Если невозможно осматривать на корабле, то пусть велят это сделать на посольском дворе или просто спустить полоняников на берег, не водя их на посольский двор. Никакого умаления таким осмотром чести царского величества и им, посланникам, «никакого бесчестия не учинится». После осмотра кораблю будет без всякого промедления выдан проезжий лист. Без такого осмотра обойтись «никоторыми мерами невозможно». Те полоняники, «до которых никакого дела не будет, отпустятся без задержания попрежнему на том же корабле». На указание посланников, что есть полоняники без вольных листов у других чужеземных послов, Маврокордато отвечал, что, когда тем послам будет отсюда отпуск, тогда и у них будет осмотр полоняникам и беглых отберут; об этом посланники и сами услышат, если проживут здесь до того времени.

Посланники продолжали утверждать, что народ турецкий, если действительно есть от него челобитье, указывает на корабль напрасно, «не разведав подлинно». Стольких полоняников, сколько челобитчики в челобитьях пишут, на корабле нет и не бывало; полоняников — малое число, и все они с вольными листами. Пришлось, однако, уступить. «И хотя, — продолжали они, — им, посланником, тех полоняников ко осмотру давать и не довелось, однакож по такому прошению великого везиря они велят их с корабля выслать всех на берег и пересмотреть», только чтобы при осмотре никого из полоняников напрасно не задерживали и до кого из них дела не будет, чтобы попрежнему возвращены были на корабль. Маврокордато удостоверил, что при осмотре, кроме пристава и с ним визирского чауша, из турок никого больше не будет и те полоняники, у которых окажутся вольные листы, будут возвращены на корабль без задержки. Тотчас же при Маврокордато посланники отправили на корабль переводчика Степана Чижинского, поручика Степана Нарушевского, подьячего Григория Юдина и толмача Полуекта Кучумова с приказом капитану, чтоб он всех полоняников, которые находятся на корабле, велел собрать и отпустил для пересмотра на берег; когда они будут пересмотрены и вновь привезены на корабль, велел их принять, чтобы турок для осмотра на корабль к себе пускать отнюдь не велел и в путь без ведома посланников не ходил. Маврокордато выразил одобрение этим

распоряжениям и удовольствие, что дело улажено. Посланники, еще раз удостоверив, что никогда они беглых полоняников не принимали, просили у Маврокордато «исправления и увещевания, если в том деле произошла неосторожность с их, посланничьей, стороны»[1].

Пересмотр полоняников на берегу был произведен в тот же день, 2 мая. Переводчик Степан Чижинский и другие посланные для этой цели, вернувшись, докладывали посланникам, что с корабля при них перевезено было в каюках на берег полоняников мужского полу 109 человек, женского 40 человек. «И как де тех полоняников с корабля на берег вывезли, и их на берегу пересматривал гражданского судьи товарищ, тефтедар, с товарищем своим да пристав, капычи-баша. И из тех полоняников отобрали они с вольными листами мужеска полу 29 человек да женского полу 6 человек и оставили их на берегу и отдали за свой караул, а сказали, что де те полоняники, хотя и с вольными листами, только они в тех листах написаны турскими именами, а не русскими. И без ведома де великого везиря тех отобранных полоняников они не отпустят. А достальные полоняники, 110 человек[2], попрежнему перевезены с берега на корабль»[3]. Запись под турецкими именами давала повод предполагать, что носившие мусульманские имена полоняники приняли мусульманскую веру. На этом основании они и были задержаны. Впоследствии посланники сделали целый ряд попыток добиться освобождения этих задержанных полоняников, доказывая, что турецкие их имена не обозначают принятия ими мусульманской веры, что сами они неграмотны, читать и писать по-турецки не умеют, писаны были турецкими именами потому, что их так называли их господа в домашнем обиходе. О том, что они не принимали мусульманства, свидетельствует то, что они не были подвергнуты обрезанию. Турки ко всем просьбам посланников оставались глухи и наотрез отказывались их удовлетворить. Только тогда, когда посланники (30 мая), повторяя ходатайство, передали Маврокордато челобитную полоняников, где те «со многим рыданием» жаловались, что они помирают голодной смертью, что жены и дети их отправлены на родину, а они с ними разлучены, Маврокордато отнесся мягче и обещал просить визиря[4].

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 807—812.

[2] В подлиннике подсчет сделан неправильно; следует — 114.

[3] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 834—834 об.

[4] Такие просьбы посланников подавались: 8, 12, 14, 18 и 30 мая, 8 июня, 12 июня на XXII конференции. См. л. 848 об., 865 об., 868, 877 об., 938 об.— 939, 969 об. — 970 об., 981 об.; 8 июня посланники, между прочим, приказывали сказать Маврокордато, что одного из задержанных полоняников опознал турчанин, его господин, взял его из заключения и вновь отпустил его, выдав ему новый вольный лист. Маврокордато предложил посланникам обратиться с просьбой к рейз-эфенди на предстоящей конференции, а освободившегося полоняника взялся доставить в Россию через мультянского резидента.

Дело, однако, этим осмотром и отбором не кончилось. На другой день после осмотра, 3 мая, польский посол граф Лещинский присылал к посланникам своего поручика с заявлением, что от него бежали два поляка, которые скрываются на русском корабле, и с просьбой этих беглых людей отдать ему, послу. Посланники отправили на корабль для сыска этих беглых поляков подьячего Григория Юдина с присланным польским поручиком. Однако капитан Памбург производить осмотр им не дал, сказав, что у него таких беглых двух человек поляков на корабле нет и не бывало никогда. Но и турки не хотели успокоиться. Того же 3 мая пришел опять посольский пристав, капычи-баша, с просьбой от визирского кегаи (адъютанта) о сыске на корабле еще 11 человек беглых невольников. Посланники заявили, что «таким беглым полоняником на корабле быть они не чают, потому что вчерашнего дня все полоняники с корабля на берег высыланы и пересматриваны и у которых хотя и свободные листы явились, однакож похищены во вторую неволю и с иными разлучены напрасно». Капычи-баша с своей стороны возражал, что «вчерашнего дня высланы были полоняники с корабля на берег те, у которых были вольные листы, а беглые ухоронены. А что они, посланники, говорят о похищении и о разлучении некоторых полоняников, и те полоняники разлучены для того, что в свободных их листах написаны турские имена, а не русские, и потому де чают они, что они обасурманены или бусурманиться хотели». Посланники доказывали, что беглых на корабле нет и что именование полоняников турецким именем не обозначает еще мусульманской веры; напрасно они так говорят, будто вчерашнего дня полоняники высланы были с корабля на берег только те, у которых «явились свободные письма, а иные ухоронены. Ухоронки никому не было, да и хоронить не для чего». И сам он, капычи-баша, знает, что они, посланники, беглых полоняников к себе на посольский двор не принимали, принимали только приходивших с свободными листами, «да и тех объявляли им, капычи-баше и чурбачею; капитану же накрепко приказывали, чтоб он отнюдь беглых к себе не принимал». Задержанные полоняники, носящие турецкие имена, мусульманской веры не принимали и принимать не обещались. Господа, у которых они служили, освободили их на волю и дали им вольные листы, а в листах тех назвали их именами, которыми они по своему обычаю в домах своих называли. Если бы эти полоняники были обасурманены или обещались бы принять мусульманскую веру, то господа их бы не отпустили. Капычи-баша подтвердил, что «они, турки, подлинно ведают, что посланники беглых полоняников на посольский двор не принимали и с посольского двора на корабль не посылали. А что де капитан на корабле делает, и о том им по чему ведать?» И потому он настаивал, чтобы посланники непременно велели сыскать на корабле 11 беглых полоняников.

Это же требование он повторил и на следующий день, 4 мая, прибавив, что есть свидетели тому, что беглые действительно находятся на корабле. Если корабельный капитан не даст их разыскивать и «учинится им, посланником, в том непослушен, и они б так и сказали. А Порта де с ним управится» [1].

Посланники отправили подьячего Григория Юдина за капитаном. Произошел горячий разговор. Изложив ему дело и передав слова капычи-баши, что в случае его непослушания, если он отыскивать беглых полоняников на корабле не даст, Порта с ним «управится», они обратились к нему с вопросом: «И они, посланники, хотят от него, капитана, ведать, как им в том поступить и какой ответ везирю учинить?» Капитан сказал, что «тех гроз турских он не боится. А для осмотру и сыску беглых полоняников на корабль турок пустить ему нельзя, потому что кораблю будет в том учинено немалое бесчестие». На французских, английских и голландских воинских кораблях никаких осмотров никогда не бывает. Если турки все же будут домогаться войти на корабль для осмотра и сыска, то «лучше ему принять смерть», нежели пустить их на корабль и позволить осматривать полоняников. Посланники увещевали капитана: «Велено ему во всем их слушать, и чтоб он во всем их и слушался, а противности не чинил и пустил бы на корабль для осмотра беглых полоняников четырех человек турок, а больше бы не пускал. Кораблю царского величества никакого в том бесчестия не будет. Иных государей воинские корабли царскому воинскому кораблю не в пример, потому что у тех государей учинены о том с Портою договоры, а у великого государя с салтаном никакого договора не токмо о кораблях, но и о мире договора нет. И чтоб он учинил так, как они ему приказывают». На замечание Памбурга, что если ему турок для осмотра и сыска на корабль пустить, то ему от французов, англичан и голландцев, живущих здесь, «великое будет бесчестие и укоризна», посланники говорили: «Напрасно он в том упрямится и их не слушает», так как корабль и на нем все люди вручены им, посланникам, а не ему, капитану, и что они приказывают, то он должен так и делать, а не своевольничать. Своим упрямством и непослушанием «чинит он, капитан, в деле великого государя препону и остановку. А и то бы он, капитан, ведал, что они имеют великого государя указ не только что ему приказать, но, по вине смотря, его и наказать. А французов и прочих иноземцев слушать ему не доведется, потому что они царскому величеству недоброхоты» и нарочно ссорят его, капитана, с турками.

Памбург, выслушав эти слова, говорил, что без совета всех корабельных людей иноземцев (штурманов и матросов) допустить осмотра невозможно ввиду грозящей ему ответственно-

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 834 об. — 837.

сти, и привел пример: было здесь такое же «осмотрение» на венецианском корабле, и тот венецианский капитан приехал в Венецию и за то, что он пустил турок на корабль осматривать полоняников, был казнен смертью. И лучше ему здесь смерть принять, чем быть казнену где-либо по возвращении. Если они, посланники, непременно ему велят пустить турок на корабль для осмотра, пусть они велят ему и матросам на это время сойти с корабля. Посланникам следует обратиться к медиаторам, т. е. к послам, бывшим посредниками на Карловицком конгрессе, чтобы турки отменили осмотр. Осмотр, если он будет позволен, станет образцом на будущее время, и турки и впредь захотят так же поступать. «Знатно, турки о том к ним, посланникам, приступают, давая знак к зачатию войны. И, конечно, надобно о сем медиаторам говорить, чтоб тот осмотр был оставлен».

Посланники возражали, что о том деле «медиаторам говорить не доведется потому: знают они, посланники, какие медиаторы царскому величеству доброхоты». Предложенный капитаном корабельный совет они решительно отвергли. «С штирманами и с матросами им спрашиваться не надлежит, потому что до того им дела нет, а подручны они в морском плавании ему, капитану. Также и иные государства им не пример. Всякое государство имеет свое право, а с иными в том не спрашивается. По указу великого государя присланы они, посланники, к Порте для договора о мире, а не для войны, и, будучи здесь, надобно поступать со всякою учтивостию, как и иных государей послы и посланники чинят, а противности никакой чинить не доведется... Отпуску ему, капитану, и иным корабельным людям с корабля на время осмотра не будет... Давно уже он им грозит своим отпуском, и то они предают ныне до времени терпению. Знатно, что к такому противенству и непослушанию наговаривает его некакой враг и нежелатель добра царскому величеству. И чтоб он непременно турок на корабль для осмотра полоняников пустил. Никакого бесчестия кораблю и унижения перед другими воинскими кораблями от осмотра не будет... Если великому государю в том осмотре покажется какое сумнительство, в том учинят ответ они, посланники»; он, капитан, может отговориться их приказом. Если же он ослушается и турок для осмотра не пустит, тогда они, посланники, от него, капитана, вовсе отступятся.

Капитан просил, если уже без осмотра на корабле обойтись невозможно, чтобы посланники дали ему о том письменный приказ «за своими руками». Тогда он этот их приказ исполнит: в их контрактах, как они наняты на службу, написано, что «всякие дела им чинить по письменным указом, а наняты они в службу на три года». Посланники сказали, что письменного указа о том к нему, капитану, не пошлют, и вновь подтвердили, чтобы он исполнял то, что ему приказывают, и словам их верил;

если что случится, «они в тех своих словах не запрутся». Если он, капитан, нанят на службу на время, то «по должности своей надобно ему быть во всем послушну, а не противну. Они приказывают ему о том великого государя указом, а не собою».

На этих словах посланников разговор кончился, потому что Памбург, не особенно почтительно расставшись с посланниками, ушел. «И капитан, не учиня им, посланником, подлинного против того ответу, вышел от них, посланников, из палаты вон и пошел с посольского двора» [1].

Вызвав пристава, посланники передали ему слова капитана, что на корабле никаких беглых нет, и повторили вновь, что полоняники третьего дня все были пересмотрены на берегу; ему, приставу, известно, что на посольском дворе беглых не принимали и на корабль не отправляли; челобитчики о своих беглых, будто они находятся на корабле, султану и визирю бьют челом ложно и напрасно, бесчестя их, посланников, тем напрасно. И потому «осмотру на корабле быть не доведется». Говоря теперь совершенно противоположное тому, что только что высказывали, уговаривая капитана, посланники заявляли приставу, что на других иностранных кораблях — французских, английских, голландских и венецианских — таких осмотров не бывает, и если такому осмотру быть на царском корабле, то тем «учинено будет им, посланникам, великое бесчестие. И для чего такое принуждение в осмотре тех полоняников чинится, тому они, посланники, выдивиться не могут, разве де есть у блистательной Порты некакое иное намерение, а не к миру склонение!». Приведя все эти возражения и протесты против осмотра, посланники все же шли на уступку: «Видя непрестанные от великого везиря присылки, посылают завтра на корабль дворян для осмотра полоняников и чтоб везирь приказал для того осмотра послать от себя четырех человек турок. Если же таких беглых на корабле не окажется, чтоб челобитчикам за ложное их челобитье и за посланничье бесчестье учинено было жестокое наказание».

На уступку визирь ответил также уступкою. В тот же день, 4 мая вечером, «в отдачу дневных часов» капычи-баша вновь приехал от визиря: «Когда они, посланники, обнадеживают, что никаких беглых полоняников на корабле нет, то он, везирь, тому обнадеживанию верит, осмотр отставил и велел им сказать, чтоб корабль с того места, где он стоит, свесть завтра хотя каторгами (гребными судами) под Новое село, где они, посланники, стояли по приезде в Царьград, чтоб де больше уже о том ему, великому везирю, от челобитчиков докуки не было». С ним же, капычи-башой, визирь прислал и проезжую грамоту кораблю. Поблагодарив визиря за присылку грамоты, посланники сказали, что завтра же рано утром прикажут капитану

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 837—841.

итти с того места, где он стоит. «А стоит корабль не для своей прихоти, но за противным ветром. А когда даст господь бог погоду добрую, и он тотчас пойдет в путь свой на море». Пристав настаивал, однако, на скорейшем уходе корабля, «говорил везирским именем с прошением, чтоб, убегая от челобитчиков и от докуки их», велели посланники провести корабль по проливу ввиду противного ветра каторгами и стать ему в устье пролива, чтобы затем, когда наступит благоприятная погода, из устья отправиться ему на море без замедления. А визирь для подъема и провожания корабля прикажет дать каторг сколько угодно. Посланники просили прислать две каторги, обещая, как только они присланы будут, приказать капитану «выпроваживать корабль теми каторгами на устье» [1].

Обстоятельства переменились. Турки, негодовавшие на уход корабля и только что грозившие задержать его силою, теперь стремились как можно скорее выпроводить его в Черное море, чтобы визирю избавиться от докуки, причиняемой челобитчиками, и чтобы успокоить волнение в городе, поднятое молвой об увозе на русском корабле нескольких сот беглых невольников. Но отправить корабль было не так просто. Капитан Памбург воспротивился выводу корабля из пролива при помощи турецких каторг, находя это несовместимым с достоинством корабля. 5 мая посланники отправили на корабль подьячего Григория Юдина и толмача с полученною накануне проезжею грамотою, с объявлением, что осмотра пленников более не будет и с предписанием итти из Черноморского пролива «в належащий свой путь без замотчания». Если же из-за противного ветра на парусах итти нельзя, пусть он идет на гребле, «потому что есть на корабле такие нарочные весла, и места, и окна, где быть той гребле», или велит вести корабль турецкими каторгами, которые будут к нему присланы. Капитану предписывалось спешить с уходом, чтобы опять не произошло какой-нибудь остановки из-за полоняников. «У турок носится поголоска такая», будто от них, турок, все полоняники бегут на царский корабль. «Рухлядь» (имущество) задержанных полоняников посланники приказывали, собрав, отдать им, полоняникам, а с собою не увозить.

Памбург, приняв проезжую грамоту, сказал посланным, что в путь итти готов, только ожидает благополучной погоды, «а турскими де каторгами царского величества корабль вести неприлично. Когда де он и от Керчи до Царяграда на том корабле шел, и тогда его никто не вел же». На собственных веслах греблею вывесть корабль из пролива против такой быстрой воды (в Босфоре идет сильное течение из Черного моря в Мраморное) и противного ветра отнюдь невозможно, и потому он будет дожидаться попутного ветра. Подьячему и толмачу на корабле

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 842—843.

сержант Семен Корякин и некоторые матросы рассказывали, что «вчерашнего числа 4 мая ввечеру капитан, приехав от посланников, велел вывести с корабля на берег в другой раз всех полоняников мужеского и женского пола, и, как их вывели, их вновь пересматривал чурбачей, которой стоит на берегу на карауле у ранее отобранных полоняников; и по тому осмотру чурбачей оставил у себя за караулом еще трех человек: города Валуйки казачьего сына Ивашку Валуйку да двух баб». Да еще в то же время, когда они были на корабле, поймали турки в каюке двух человек полоняников-запорожцев, Ваську Черного с товарищем, которые, сойдя с корабля, шатались в том каюке пьяные. Пойманные были отведены под караулом на визирский двор. 6 мая посланникам пришлось посылать за ними к визирскому кегае; будучи приведены на посольский двор, они при допросе объяснили, что в первый еще раз, когда все полоняники были с корабля свезены на берег и «пересматриваны», они тогда остались на берегу и ходили в деревню для покупки хлеба, и, когда оттуда возвратились, турки, поймав их, отвели на визирский двор. Они были отосланы на корабль попрежнему [1].

Турки продолжали торопить отъезд корабля и стали даже прибегать к угрозам. 7 мая Маврокордато приказывал сказать посланникам, «чтоб царского величества корабль отпустить для самого смущения челобитчиков о полоняниках». При этом он разъяснил, что предложенный вывод корабля каторгами следует рассматривать как особый, оказываемый царскому кораблю, почет. Если бы случилось французскому или другому какому кораблю из-за противного ветра стоять и просить о таком выводе, то турки бы в том отказали и выводить бы корабля каторгами не стали [2].

12 мая визирский кегая прислал капычи-башу спросить посланников от имени визиря, «для чего они по се время царского величества корабля отсюду к Азову не отпускают?» Посланники ответили, что «корабль отпущен отсюду давно и проезжая везирская капитану дана, а стоит он в Черноморском гирле за противною погодою». Присланный капычи-баша говорил: «О том де, что стоит тот корабль за противною погодою, он, везирь, ведает. Только де такое многое царского величества корабля здесь мешкание салтанову величеству и ему, великому везирю, не само радостно и потребно для того, что многие челобитчики к нему, везирю, приходят и бьют челом о полоняниках и о животах своих сносных (т. е. вещах, унесенных беглыми полоняниками) и сказывают, что тот корабль беглыми полоняниками наполнен, чего де ему, везирю, слышать зазорно и не хочется. И того де ради велел салтаново величество тот корабль из того

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 843—845 об.
[2] Там же, л. 847 об. — 848.

царегородского гирла к устью Черного моря весть против быстрой воды каторгами своими. И те де каторги у них в готовности. А каторгами де указал салтаново величество вывесть тот корабль на устье не для иного чего, но токмо для того, чтоб от всенародного подозрения ему, салтану, и везирю поосвободиться».

Посланники ответили, что если султану и визирю «показалось так угодно, чтобы корабль с прежнего места для всенародного подозрения отошел ближе к устью Черного моря, и они, посланники, то учинят и к капитану своему корабельному для того пошлют». Однако, зная нрав своего капитана, сделали оговорку: только бы визирь до тех пор, пока они с капитаном снесутся, не велел каторгам подходить к кораблю, «чтобы от того у него, капитана, с теми каторжными начальными людьми не учинилась какая ссора». Капычи-баша говорил, чтобы «они, посланники, в том, конечно, не отговаривались и учинили против прошения великого везиря без замедления, потому что он, везирь, до иного дня в том деле отложения не требует и откладывать не велел. А корабельному де их капитану не послушать их, посланников, невозможно. А если де он, капитан, не послушает и каторгами того корабля вести не даст, и везирь де велел им, посланником, сказать, что те каторги управятся с тем капитаном и без них, посланников, и что от того дела впредь учинится, и они б, посланники, после на него, везиря, в том досады не имели» [1]. Еще 2 мая турки грозили задержать корабль силою; 12 мая они уже грозили силою его выпроводить, если он не уйдет сам. Корабль продолжал, однако, стоять на месте.

XIV. ЦЕРЕМОНИЯ «ПОДЪЕМА» ТУРЕЦКОГО ФЛОТА. ПРОВОДЫ КОРАБЛЯ «КРЕПОСТЬ»

На 11 мая посланники были приглашены смотреть церемонию «подъема» турецкого флота и выхода его в Мраморное море, для чего им был отведен на Галатском берегу особый двор. Церемония эта ярко и точно описана в статейном списке. «В четвертом часу дня (т. е. в четвертом часу по восходе солнца) выстрелено в Терсане из трех больших пушек. И по тех выстрелах рушился караван из Терсаны к берегу и к набережным палатам салтанским, которые стоят у большого ево двора, салтанского, за городовою стеною на морском берегу. И на первой баштарне или болшой галере, подъехав за двести сажен до берега и поставя баштарню на якорях, ездил с той баштарни капитан-паша со всеми начальными людьми морского каравана в каюках на берег к салтану в те набережные палаты.

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 856 об. — 858.

И при салтане дана ему шуба, а прочим начальным людем кафтаны, и указано ему попрежнему ехать на ту капитанею или баштарню. А каторги все в то время стояли рядом за тою баштарнею, роспустя все свои знаки и знамена. А на баштарне играла в то время многая турская музыка. И как капитан-паша на баштарню приехал, и за ним приехал к нему на ту ж баштарню великий везирь, да с ним два кази-аскеря, сиречь судии анатолейской и урумской, и иные паши и министры государства Оттоманского для провожания ево, капитана-паши. И в то же время учинена с той баштарни и со всего каравана изо всех пушек и из мелкого ружья стрельба. И выстрелили одиножды. И поплыла та баштарня на гребле мимо того места, где посланники смотрели, с игранием всей музыки. А за нею плыли по обычаю 21 каторга по черноморскому гирлу мимо Галаты к селу Бесикташу, которое стоит в пяти верстах от Костянтинополя на той помянутой черноморской проливе.»

«А та капитанская баштарня о штидесят веслах и о двух маштах. И те весла по концам вызолочены, а машты и райны выкрашены зеленою краскою, и на райнах и на маштах роспущены три вымпля (sic) больших, долгие и широкие шолковые по красной земле золотные. А на корме и на носу развернуто было 9 знамен красных больших. А междо кормою и носом по сторонам на той баштарне поставлено было кругом по сту копей на стороне с долгими цветными прапорцами. Да междо веслами по 8 пушек небольших на стороне. Да на носу 6 пушек больших медных. И было на той баштарне всякого чина людей и с гребцами больше осмисот человек. А около той баштарни по обеим сторонам, тако же и за нею, ехали в малых каюках смотрельщики турки, и греки, и иные народы, которых было с пятьсот каюков. Да за тою ж баштарнею междо малыми каюками шел большой каюк везирской, на котором над кормою покрыто сукном зеленым наподобие балдехина. А на том каюке гребцов 24 человека, все в белых кисейных рубашках, а на головах у них тафейки красные суконные. А на достальных катаргах было по 12 и по 14, а на иных и по 16 пушек. И машты и райны крашеные ж зеленою и красною красками, на которых такоже распущены были вымпли и знамена розных цветов. Да на тех же катаргах по 25, и по 26, и по 28 весел на стороне, а на всяком весле по 5 и по 6 человек гребцов, все в бострагах суконных красных. А на иных катаргах гребцы в рубашках в белых, а на головах у них тафейки суконные красные. И все катарги и весла крашеные ж, а наипаче баштарня, изрядного мастерства и все письмами розными красками и с золотом зело преукрашены.»

«Да под то же село Бесикташ за три дня до того капитана-паши походу выведены ис Терсаны пять караблей воинских, на которых было по 50, а на иных и по 60 пушек, да шестой карабль небольшой. И недошед того села, поставил капитан-паша

караван на море по обычаю не тесно, а сам с начальными людьми съехал в каюках на берег на загородной двор мисирского паши. А везирь, и кази-аскери, и иные министры были у него, капитана-паши, на том же дворе на обеде. И по обеде возвратились паки в Констянтинополь. А капитан-паша со всем караваном остался на море под тем селом»[1].

В тот же день, 11 мая, на посольский двор «приходила к посланником с Галаты шинкарка француженка с жалобою на капитана Петра Памбурха, что он, капитан, приходя к ней в дом в розные времена, напил и наел 12 левков и тех левков за тот харч и за питье ей не заплатил. И чтоб они, посланники, велели ему те левки ей заплатить и для того послали б с нею к нему от себя кого нарочно, а она одна к нему ехать опасается». Почтенная француженка, содержательница французского ресторана в Константинополе, имела основательное опасение наедине видеться с Памбургом. «И посланники, — продолжает статейный список, — посылали с нею на корабль к капитану подьячего Григорья Юдина и велели ему говорить, чтоб он те левки, буде у него не плачены, той шинкарке отдал. И подъячей, быв у него, капитана, на корабле и пришед, посланником сказал, что капитан тех левков той шинкарке не заплатил и бранил ее матерны и говорил, что он ни в чем ей невинен. А которые де ее деньги за харч и за питье на нем были, и в том во всем он с нею счелся и розделку учинил. И сказал де он, капитан, той шинкарке, чтоб она с корабля уехала поскорее, покаместа от него не убита. А они де, посланники, в такие дела вступаются напрасно»[2].

Следом за француженкой потянулись на посольский двор другие кредиторы — ее соотечественники. В тот же день, 11 мая, явились два француза не то содержатели питейных заведений, не то портные, а, может быть, то и другое, Габерт и Добейнот, присланные от французского посла с жалобой на Памбурга, что он «бываючи на Галате у них, французов, — у Габерта и Добейнота, — в домех их напил шарапу и иного питья на 38 левков и тех левков им не платит. И чтоб они, посланники, для его, послова, прошения велели ему, капитану, за вышепомянутое питье им, французам, те деньги заплатить». Посланники отвечали, что им неизвестно о том, должен ли капитан Петр Памбург кому или нет. Однакоже для «прошения» французского посла отправили на корабль с пришедшими французами подьячего Федора Борисова сказать капитану, чтобы с французами, если что им должен, «учинил счет и разделку, а бесславия такого на себя не наводил и, не счетчися с ними, из Констянтинополя не уезжал».

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 849—851 об.
[2] Там же, л. 852—852 об.

Отправившийся с французами подьячий капитана на корабле не застал, а нашел его на дворе голландского посла на Галатском берегу против того места, где стоял корабль. Выслушав жалобу, капитан сказал, что, «когда он на Галате у кого ни бывал и какое питье где пивал, и тем людям деньги он платил». Французы бьют за него челом напрасно и ложно и тем его, капитана, бесчестят. Когда он, капитан, бывал в домах у этих французов, то также деньги платил им. Может быть, кто-нибудь другой с корабля у них пил и денег не платил, «и они бы денег за питье на тех людях и спрашивали, а его бы, капитана, тем не клепали и не бесчестили. И тех французов, — докладывал посланникам, вернувшись с корабля, подьячий, — бил по щекам и солдатом велел их бить и топтать и, бив их, говорил, что он им ничем не должен и тем де его, капитана, бесчестят они напрасно. А если де они, французы, приедут впредь к нему на корабль и его, капитана, станут чем клепать, и он велит их за то повесить на средней райне» [1].

На другой день французский посол прислал переводчика с жалобой на эту расправу: «Есть де, — приказывал сказать посол, — здесь в приезде с ними, посланники, на корабле капитан, породою галанец, и тот де капитан, живучи в Цареграде, учинил королевского величества французского подданным, которые живут здесь на Галате, многую обиду в денежной нерасплате за харчевые запасы и за питье, такж и за работу мастеровым людем. И приходят де к нему, оратору (послу), те люди на того капитана со многим челобитьем. Да и к ним, посланником, вчерашнего дня приходили их же, французских, два человека портных мастеров, которые на него, капитана, и на челядь его делали немецкое платье, бить челом в работных своих деньгах, потому что де он, капитан, за дело того платья ничего им не дал... и он де, капитан, не токмо с ними какую расплату учинил, но еще в прибавку побил их, французов, до полусмерти. И бьючи де их по его приказу, челядь его, также и солдаты выхватили у одного француженина из кармана четыре золотых червонных да одиннадцать левков и сорвали с них накладные волосы (парики). И то де он, капитан, чинит зело непристойно и царскому величеству не к чести».

Посланники отправили на корабль к Памбургу старшего подьячего Лаврентия Протопопова с толмачем и с солдатом Преображенского полка Прокофьем Дубровой со строжайшим выговором по целому ряду пунктов. Отпуск ему давно дан и с ним посланы отписки к царю и другие нужные письма, а он, капитан, «за упрямством своим и по се число в належащей свой путь не пошел; тем своим стоянием чинит он им, посланником, бесчестье», потому что постоянно присылает к ним великий визирь по султанскому указу со многими выговорами, «для чего

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 853—854 об.

он, капитан, в путь свой от Царяграда нейдет? Или ему хочется тот корабль наполнить беглыми и побасурманенными полоняниками?» И сегодня присылал визирь знатного человека, капычи-башу, с тем, чтобы посланники приказали капитану выйти сегодня же или завтра хотя бы до устья Черного моря и на прежнем месте не стоять «для того, что приходят к нему, везирю, турки и иных народов люди со многим челобитьем о беглых своих полоняниках и о сносных животах, а указывают все, что ушли у них полоняники на тот царского величества корабль». А до устья Черного моря корабль выведут «против быстрой воды и против погоды салтанские каторги, две или четыре, как возможно». Если же он сегодня или в крайнем случае завтра к устью Черного моря не отойдет, «каторгами выводить корабля не даст и учинится салтанскому указу противен, то салтаново величество укажет с ним управиться и без посланников. В том излишнем простое чинятся у солдат, и у матросов, и полоняников на корабле во всяких запасах убытки и оскудение». Он же, капитан, без ведома их, посланников, вывез всех полоняников на берег во второй раз для осмотра «и оставил их на берегу неведомо для чего, и тех полоняников турки перехватали и разобрали по себе в неволю. И те души христианские паки предались в руки бусурманские от него, капитана. А чинить было ему того без ведома их, посланничья, не довелось. И зело он то учинил дерзновенно и не опасно. И от такой де его, капитанской, страсти, как велел он полоняников в другой ряд вести с корабля на берег, из тех полоняников два человека бросились в море и потонули безвинно. И такие неповинные христианские души взыщет господь бог на нем же, капитане, потому что те люди погибли от него». Наконец, приходят к ним, посланникам, многие иноземцы-французы с Галаты с жалобами на капитана, что он им должен за питье и за всякие съестные припасы, а также и за работу, и двум французам, посланным к нему с подьячим, он не только «никакого довольства не учинил», но обесчестил и бил до полусмерти. «И те битые французы приходили к ним, посланникам, с жалобами в другой раз»; присылал также и французский посол. «И чтоб он, капитан, — должен был сказать ему подьячий Лаврентий Протопопов в заключение, — впредь так не делал и от такой шатости престал, а поступал бы честно и учтиво, и, конечно, бы сего числа или завтра, как те салтанские каторги присланы будут, на том царского величества корабле с прежнего места пошел к устью Черного моря и стал там где в пристойном месте и, дождався благополучной погоды, пустился в належащей свой путь. А с тех бы присланных салтанских каторг турков никого на корабль к себе он, капитан, пускать, также и по близку тем каторгам к кораблю приходить не велел, а велел для помочи, как бы из Черноморского гирла вытить безвредно и немедленно, подать с того корабля на те каторги

канат, какой пристойно». Если же он, капитан, начнет о тех каторгах попрежнему спорить, что он каторгами вести корабля на канате не даст, потому что от того нанесется кораблю и его экипажу бесчестье, то посланники велели ему говорить, что в том никакого бесчестья не будет, «потому что о том корабле, каков он в ходу скор, не токмо туркам, но и всему свету известно. И всякой ныне может видеть и рассудить, что такое вспоможение кораблю чинится для двух причин: 1) для противной погоды и 2) для водяные в том цaрегородском гирле быстрости, что никоторыми мерами без такого вспоможения того корабля против воды взвесть невозможно... И, конечно, бы он, капитан, в том не отговаривался и учинил бы так, как они, посланники, к нему приказывают, безо всякого прекословия, и то все перенимают», т. е. всю ответственность берут они, посланники, на себя. «Если же по тому их приказу он не учинит, с занятого места вскоре не отойдет, в путь к Азову не пойдет и с присланными салтанскими каторгами какой учинит задор — и они, посланники, за него, капитана, впредь стоять больше не будут... и что́ над ним учинится, и он бы на них, посланников, не пенял».

Капитан, выслушав, сказал, что «противиться не будет, учинит по их, посланничью, приказу безо всякого спору и каторгам канат с корабля для помочи против быстрой воды к выходу подать велит». При этом Памбург счел нужным оправдаться и против других пунктов, о которых «выговаривал» ему от имени посланников подьячий Лаврентий Протопопов. Полоняников он велел во второй раз свозить на берег тех, у которых вольных листов не было (припомним, что раньше он неоднократно утверждал, что на корабле полоняников без вольных листов нет). Полоняники с вольными листами у него на корабле все в целости. Французов он бил за то, что они били на него челом посланникам ложно; да и сами они еще виноваты тем, что «многое у него платье, взяв делать, перепортили и сделали не так, как он им приказывал, и у кроения платья покрали у него несколько аршин сукна и иных материй. Никому ни в чем здешним жителям за питье и за харчевые припасы он не должен, у кого что имел питьем и ествами, за то за все заплатил. Разве де кто на него написал, что в лишек или его именем брал кто что иной на иных посторонних людей — только де ему за всех оплачивать будет трудно. Золотыми и левками те французы поклепали его и людей его и солдат напрасно» [1].

Получив ответ капитана о готовности его итти в путь, посланники обратились к визирскому кегае с просьбой о присылке каторг и на этот раз с предусмотрительной оговоркой, выдававшей предмет их опасения: «Однакож бы тех каторг начальные люди с вышереченным капитаном поступали учтиво и веж-

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 858 об. — 865.

ливо и ему, капитану, были послушны, а противного б собою ничего не чинили». Кегая, выразив удовольствие по поводу ухода корабля, ответил, что каторги — две или четыре или сколько будет надобно — присланы будут завтра, 13 мая, «а сего де числа послать не успеть, потому что поздно». 13 мая утром к кораблю подошли четыре каторги. Как говорил капитан посланному к нему в этот день опять с предписанием уходить подьячему Григорию Юдину, «он, капитан, хотел было с корабля на те каторги подать канат, и те де каторги того каната для противной великой погоды и быстрой воды принять и корабля вести отнюдь не могли и едва сами не потонули. А после де того теми же каторгами и берегом людьми пятью стами человеки тот корабль тем же канатом нудились вести, однакоже никоторыми мерами повесть его не могли же, потому что вода в том месте, где корабль стоит, гирлом ис Черного моря в Белое море идет зело сильно и быстро. А когда де противная погода утихнет, и он, капитан, тогда против быстрой воды о походе своем промышлять будет» [1].

13, 14 и 15 мая корабль продолжал стоять на месте. 16 мая на корабль отправился подьячий Григорий Юдин с предписанием сказать капитану, что «противная погода утихла, и корабль каторгами в Черноморское устье вывесть мочно, и чтоб он шел в путь свой без замедления», так как «многим его стоянием их, посланничьи, отписки к великому государю замедлились многими числами». Капитан вновь отказался вести корабль каторгами, считая этот прием против быстрого течения невозможным и утверждая, что и начальные люди каторг выводить корабль каторгами отказываются, а применил для вывода корабля свой способ, который он описал так: «Завезен де у них теперво вверх против воды якорь и приняты от того якоря на корабль три каната, и будут они возводить корабль во́ротом и в помочь грести корабельными веслами».

«И сказав о том, — продолжает статейный список, — велел он, капитан, корабль с места поднимать тем во́ротом и греблею. И против быстрой воды пошел корабль тем во́ротом и греблею без замедления. А потом учинилась того же часа тому кораблю благополучная ветреная погода, и пошел он парусами, и, поверстався против первых от Царяграда городков, велел капитан выстрелить из пяти пушек, а из городков, из одного из двух, а из другого из одной пушки выстрелили. И прошед все четыре турские городки, которые стоят на Черноморском гирле, стал корабль в самом Черноморском устье на якоре. А турские 6 каторг провожали тот корабль до Нового села и под тем селом остановились. А из того Черноморского устья царского величества корабль пошел на Черное море в путь свой майя против 17-го числа в ночи» [2].

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 865 об. — 867 об.
[2] Там же, л. 875—875 об.

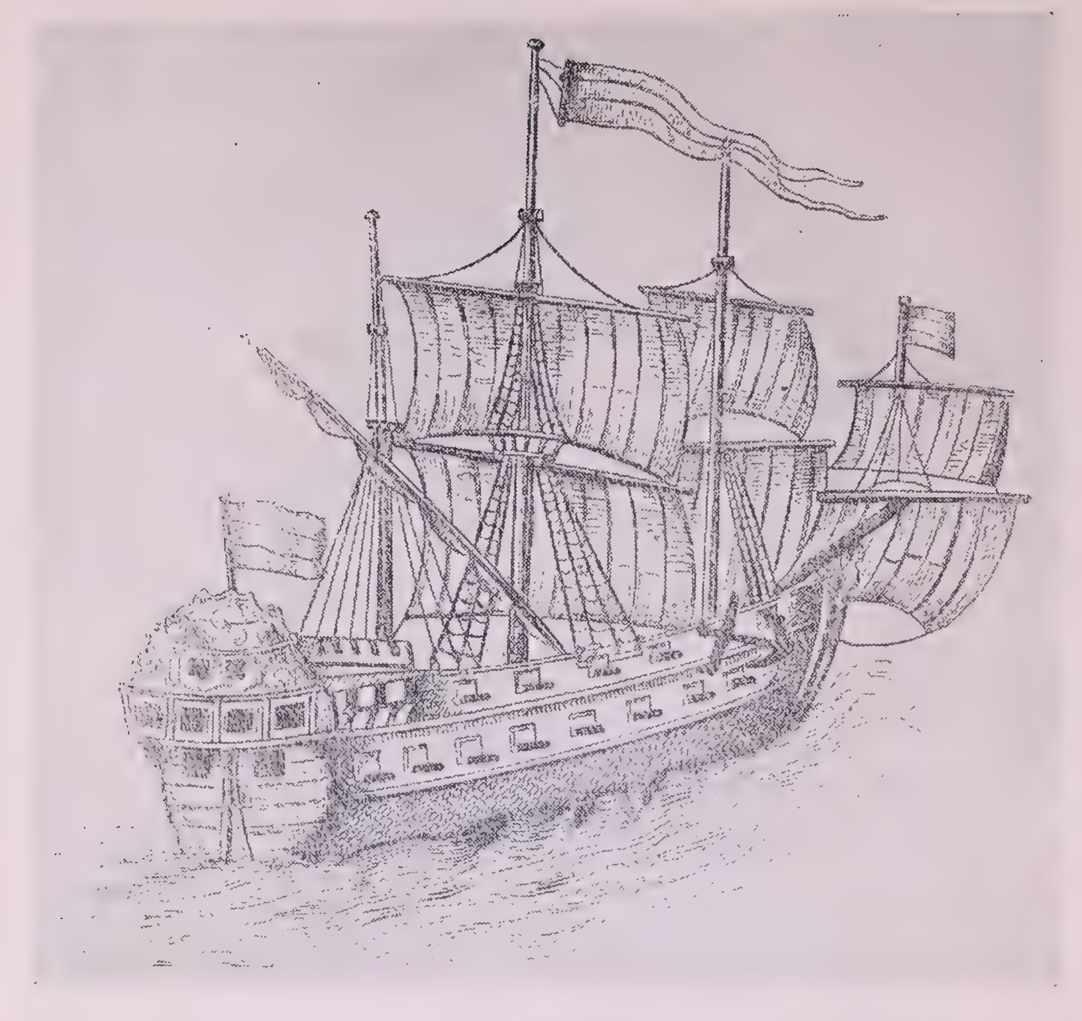

Рис. 19. Корабль «Крепость».

Изображение, помещенное на рукописной карте с наброском северо-восточной части Азовского моря, Керченского пролива и Босфора, составленной штурманом этого корабля Христианом Отто. Подлинник хранится в библиотеке Академии наук СССР.

Ненавистный туркам корабль с его неспокойным капитаном ушел, наконец, из Константинополя. Памбург выдержал характер, так и не дал вести корабль турецкими каторгами, что, по его мнению, было бы бесчестьем кораблю. Посланники вспоминали о корабле в разговоре с Александром Маврокордато, когда тот приехал 22 мая на посольский двор. Маврокордато для начала беседы спросил посланников, почему они не переезжают на отведенный им загородный двор: «Время приходит самое теплое и в здешнем дворе жить им в такое теплое время будет в здравии их вредительно». Посланники ответили, что не переезжают, потому что от него, Александра, будет далеко и сообщаться с ним будет труднее. Маврокордато объяснил, что можно им будет тогда «пересылаться» и самим ездить водным

путем в каюках. «И хотя и подалеку, однакож в здравии их будет безопасно. А стоит де тот двор в Черноморском гирле в том месте, где корабль царского величества, пошед отсюду в путь свой к Азову, стоял за противными ветры». Посланники по этому поводу вспомнили о корабле: «Чают они, что царского величества корабль в сих числех уже на уреченное свое место к Азову или к Тагану-Рогу пришел, потому что погода настояла, хотя не само великая, только ему была благополучная. Александр говорил: может де быть, что тот царского величества корабль в назначенное свое место пришел в целости. Дай боже и им, посланником, настоящие свои дела совершить счастливо» [1].

Разговоры о корабле и о Памбурге прекратились не сразу: капитан произвел яркое впечатление и оставил воспоминания. 25 мая соотечественник его голландский посол Кольер, которого капитан посещал, закончил свой разговор с присланным к нему от посланников подьячим Лаврентием Протопоповым словами, так переданными в статейном списке: «А потом говорил он, посол, о капитане о Петре Памбурхе: чаять, де они, посланники, от его, капитанского, непостоянства много лишних слов на себя от турков приняли и претерпели. И хотя де он, капитан, обучением своим к морскому хождению и к воинскому употреблению искусен и добр, только нрав и поступки имел не против здешнего обычая. И много де он, посол, в том его, капитана, истязал и увещевал для того, что от малые искры великой огнь бывает. Однако ж он, капитан, в том ни в чем совету его не послушал и естли б де такие его, капитанские, поступки и суровости были здесь в прежние времена, то б де не без диковинки у них, посланников, с турками было» [2].

И выйдя в открытое море, Памбург не оставил турок в покое. 1 июня посланники посылали подьячих Лаврентия Протопопова и Григория Юдина к цесарскому послу графу Оттингену. Посол, между прочим, передал дошедший до него слух: «Слышал де он, что корабль царского величества, на котором они, посланники, к Царюграду пришли, был остановлен в Черноморском гирле и стояли около его здешние турские корабли и каторги», и затем спросил: «И тот де корабль где ныне обретается, есть ли им, посланником, о том ведомость?» Протопопов счел необходимым опровергнуть обидный слух о задержании корабля: «О задержании де того царского величества корабля некто сказывал ему, послу, ложно, потому что никакой остановки здесь от турков тому кораблю не было, а стоял он в том Черноморском гирле за противною погодою. А каторги хотя около того корабля и были, только не для иного какого дела, но присланы были для вспоможения тому кораблю, как бы ему во время той противной погоды и быстро текущей из Черного

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 902 об. — 903.
[2] Там же, л. 927 об.

в Белое море воды из гирла вытить на море. Однакож милосердием божиим тот корабль из того гирла на Черное море вышел парусами собою и без помочи тех каторг турских и в путь свой пошел Черным морем к Азову маия против 17 числа, и ныне тот корабль под Азовом или под Таганом-Рогом».

Посол возразил и, сообщив известия о поступках капитана по выходе в открытое море, говорил, что де «о сих числех тот царского величества корабль, чает, на уреченное свое место еще не пришел, потому что четвертого дня объехали турские суды тот корабль недалеко, почитай, на половине пути. И творят де турки жалобу того корабля на капитана, что он дорогою едет не смирно, многим турским мелким морским судам починил шкоду». Протопопов и эти известия опровергал и приводил другие: «Что де после выходу того корабля из гирла видели его турские корабельные люди на другой день от Царяграда милях в семидесяти, а жалоб никаких от них на капитана не было. И признавают де они, посланники, что уж тот корабль до сего времени под Керчь или на уреченное свое место давно пришел, потому что по многие дни была погода, хотя не само большая, только ему благополучная. А в морском де плавании тот корабль зело поспешен» [1].

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 947 об. — 948. Корабль «Крепость» благополучно прибыл в Таганрог в начале июня 1700 г., а 31 того же месяца был приведен в Азов. В отписке, посланной Петру 28 апреля из Константинополя, Украинцев писал, что «приказал капитану, плывучи отсюда, заехать в пристанища крымских городков под Балаклаву и под Кафу и осмотреть, каковы к ним с моря пристанища». Был ли произведен этот осмотр, неизвестно, так как никаких материалов об этом не сохранилось. Но зато до нас дошел черновой очерк южного берега Крыма, от теперешнего Севастополя до Керченского пролива, с указанием глубин моря на этом протяжении. Очерк был составлен штурманом корабля поручиком Христианом Отто и вошел впоследствии в атлас течения реки Дона, составленный Крюйсом. Таким образом, появление первого русского корабля в Черном море имело последствия не только военные и дипломатические, но и научные.

Когда в 1702 г. Петр решил переделывать суда Азовского флота для исправления имевшихся в них недочетов, он распорядился оставить «Крепость» в прежнем виде, сохранив его на память как первый русский корабль, совершивший переход через Черное море в Константинополь. В 1704 г. корабль «Крепость» был введен в элинг для починки и в 1710 г. пришел в полную негодность. «Сгнил, стоит на берегу и в починку негоден», — доносил о нем капитан-командор Бекгам.

Капитан Памбург был назначен в 1702 г. командовать выстроенным на Вавчужской верфи фрегатом «Святой Дух» и плавал на нем в эскадре Крюйса к Соловецкому монастырю и до Нюхчи. Но пробыл он на севере недолго. В том же 1702 г. беспокойный капитан окончил свою жизнь на поединке с инженерным генералом Ламбером. 10 сентября Петр писал Ф. М. Апраксину, что «господин Памбурх на пристани Нюхчи от генерала инженера Ламберта заколот до смерти, которой (т. е. своей смерти) он сам был виною, о чем, чаю, вам не безъизвестно». (П. и Б., т. II, № 434, 443, 453; Общий морской список, ч. 1, Спб. 1885, стр. 298—299; *Елагин,* История русского флота, стр. 141, 267 и прилож. IV, № 30 и 44; его же, Список судов азовского флота, стр. 19.)

Хорошо запомнив визит в Константинополь русского корабля, привезшего посольство Украинцева, турки потом и слышать не хотели о приезде великого посольства для подтверждения мира морем и требовали включения в мирный договор особого условия, что это посольство прибудет непременно сухим путем, предупреждая, что оно «морем пропущено не будет». На возражение посланников, «для чего их тем нудить, что от царского величества посольству быть сухим путем, то де будет на произволение его царского величества, сухим ли путем или морем то посольство отпустить», Маврокордато решительно повторил: «Морем никако же не будет пропущено, и чтоб они, посланники, в том много не трудились и не мыслили. А у Порты что уже постановлено, то инако пременено отнюдь не будет» [1].

XV. РЕДАКЦИОННАЯ ОБРАБОТКА ТЕКСТА СТАТЕЙ МИРНОГО ДОГОВОРА И ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ ВОПРОСОВ ПО СУЩЕСТВУ

Вернемся к прерванному изложению работ посольства.

Договаривающиеся стороны много спорили по вопросу о самой технике выработки трактата. Как припомним, в самом начале переговоров, на III конференции, посланники представили туркам письменный проект текста договора в 16 статьях и затем на следующих двух конференциях, IV и V, и на «пересылках» с уполномоченными вне конференций настойчиво требовали от турок письменного же ответа на этот проект, отказываясь без такого письменного ответа вести дальнейшие переговоры. «А не восприяв на письменное свое предложение письменного ж ответу, ныне говорить им ни о чем невозможно». Турки отказывались дать такой письменный ответ. Для них камнем преткновения была тогда статья 1 первого проекта, заключавшая в себе формулировку основания, uti possidetis, и отдававшая России Азов и днепровские городки, тогда как турки требовали уступки последних. Без предварительного разрешения вопроса об уступке днепровских городков турки отказывались вести переговоры по другим вопросам и предлагали устный метод ведения переговоров: «То де дело немалое, что им, посланником, против статей своих ответ восприять от них на письме. А надобно де прежде о всем говорить и как чему быть, постановить словесно, а потом и на письме дать». Это предложение вызвало резкую отповедь Украинцева, ссылавшегося на свой возраст и знание дипломатических порядков: «Им, посланникам, не видев на предложения свои письменного ответу, ничего чинить и говорить с ними ныне немочно и нечего. А что де он, Александр, говорит

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 922—922 об.

им, чтоб им, не восприяв того ответу, вступать о том же деле на словах, и тому они не помалу удивляются, и бог де ведает, кто из них старее, он ли, Александр, или он, чрезвычайной посланник. А ведется де и бывает во всех окрестных государствах при дворех государских и на комиссиях у послов и у посланников: когда одна сторона другой о каких делех на письме дает, то и взаимно и ответ письменной же восприимает». Турки отказывались сразу давать письменный ответ еще и потому, что по их обычаям такие письменные ответы даются при окончании дела с ведома визиря и султана, и тогда уже менять что-нибудь в тексте бывает невозможно [1]. В своем отказе они были упорны; посланники письменного ответа не получили.

Предварительный обмен письменными проектами текста трактата, по мнению посланников, должен был установить как бы некоторые рамки тем требованиям, с которыми стороны подходили друг к другу. В своем проекте они обозначили «свое рассуждение», а в письменном ответе турок «учинится другое рассуждение», и тогда «на обе стороны всякое дело означится лучше и всяк из них познает, что кому противно или полезно», — говорили посланники [2]. Когда такие предварительные пределы взаимных требований были бы установлены, тогда можно начать и устные переговоры. Устно стороны должны были договариваться о каждой из статей, намеченных в предварительных проектах, и «ставить ее на мере», т. е. достигать по ней соглашения в общих и основных ее чертах, а затем, договорясь обо всех статьях и «постановив их на мере», перейти к изложению их письменно в виде артикулов трактата и сначала писать эти статьи у себя в канцелярии начерно, а затем, согласившись путем пересылок через секретарей относительно единой окончательной редакции, переписывать договор набело. И в этом случае турки разошлись с посланниками.

Маврокордато опасался, что такое предварительное словесное обсуждение всех статей вызовет беспорядок. «А все вдруг статьи, — говорил он, — шагом невозможно перескочить, чтоб такое великое дело в смятение не привесть». Поэтому турки предлагали договориться последовательно по статьям русского проекта, начиная с 1-й, которая после уступки днепровских городков не представляла уже прежних затруднений, и, договорясь о 1-й статье, ее изложить письменно на самой конференции и затем поступать так же с остальными последующими статьями. Это предложение вызвало резкое возражение с русской стороны на XIV конференции 20 марта. «И посланники говорили: для чего они, думные люди, в том мудрствуют, чего ни в которых государствах не повелось, чтоб, не договорясь прежде на словах о миру или о перемирье, да становить бы на письме

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 319, 323, 334 об. — 336 об., 340, 344—345, 347.
[2] Там же, л. 347 об.

статьи, и чтоб они с ними прежде договорились..., а потом бы и писали, а не договорясь о всех (статьях) и не поставя их на мере, одной первой статьи писать им, посланником, никоторыми мерами невозможно»[1].

Как видим, по мере развития переговоров, роли как будто несколько переменились: теперь посланники настаивали на словесном методе, а турки оказались сторонниками письменного. И в этом случае посланники ссылались на дипломатические приемы во всех государствах и так обозначали желательную для них технику переговоров: «И на съездех у послов, на комиссиях и при дворех государских на конференциях никогда записей и никаких государственных крепостей, не договорясь подлинно о делех, не пишут... А бывает так, что прежде о всех статьях говорят обе договаривающиеся страны приятными разговоры и рассуждениями и становят их на мере, как им быть, а договорясь об них и поставя на мере словесно, поволивают теми мирные статьи с словесных своих разговоров и постановления и писать с одной или с другой договаривающейся страны. И написав, чрез секретарев своих любительно пересылаются и те статьи чтут и ставят согласно, как им быть доведется, и поставя их на мере и написав по противням, съехався обоим странам на конференцию, доведется им прочесть. И, прочетчи и поставя согласно, поволят их с обоих сторон писать начисто. И, написав, по обсылкам паки съехаться б на конференцию и те статьи обои прочесть и справить, чтоб были во всем согласны от слова до слова. И как будут согласны, и тогда, во имя божие, подписав их при всех предстоящих лицах, любительно ими розменитися»[2]. Не соглашаясь со взглядом на технику переговоров, излагаемую посланиками, Маврокордато замечал: «И учить они, посланники, их, думных людей, не могут», оговариваясь, впрочем, что «такж и им, думным людем, их, посланников, учить не доведется ж»[3].

Настаивая на словесном ведении дела, посланники считали возможным записывать статьи каждой стороне только у себя «в домех или в канцеляриях»[4], а турки желали составлять запись при переговорах на самих конференциях, по мере того как статьи будут приниматься. Посланники боялись таких записей на конференциях потому, что такая запись, хотя бы и черновая, хотя бы и с возможностью дальнейших изменений, «прибавок и убавок», что гарантировали турки, но составляемая в присутствии обеих договаривающихся сторон, все же казалась им «крепостью», которая закрепит изложенные в ней условия и будет, раз она написана, для посланников обязательной. Маврокордато предлагал «в написании статей положиться на

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 615 об., 611.
[2] Там же, л. 616—617.
[3] Там же, л. 614 об.
[4] Там же, л. 611.

него», т. е. доверять ему, и убеждал посланников, что «те статьи, хотя и написаны будут вчерне, *силы никакой имети не будут* и даны будут на рассуждение их, посланников, такж и их, думных людей, для убавки и прибавки со обоих сторон и для общего согласия» [1].

Но посланники все же относились к предложению недоверчиво. Вот почему они и восклицали, что «того нигде не ведется, чтобы, не договорясь и не постановя всех статей на мере, да писати одну статью. Да и то еще на конференции в съезжей и разговорной палате!» [2]. При составлении записей на конференциях они боялись со стороны турок «великой хитрости и обману», о чем и заявили уполномоченным [3].

7 апреля посылавшийся к Маврокордато переводчик Лаврецкий передал посланникам совет Маврокордато, чтобы к написанию статей были «посклоннее», имея в виду, что по написании статей начерно можно еще их обсуждать и при обсуждении делать поправки, чтоб такие предложения о поправках делали «любовно и приятно, а не жестокостью сердечною», потому что, как выразился при этом Маврокордато, «любовью дело имеет свой лутчей поступок, а в пристойных местех предложение ласковое всегда место имеет и у противников своих». Посланники, как замечает статейный список (единственный раз только в этом случае записывая разговор между самими посланниками у них дома), «тот его, Александров, вышеписанной совет и разговор его с переводчиком и прежней их общей разговор толковали и рассуждали и усмотрили в том разговоре и в совете злохитрой и прелукавой их, турской, поступок. . .» Турки стараются склонить посланников к тому, чтобы писать с ними черновые мирные статьи в разговорной палате «по статье и по две и по три на разговоре», чтоб чем-нибудь их, посланников, «на письме обмануть и уловить». Заявлениям турок о возможности дальнейших поправок верить нельзя, они будут стоять на том, что записано, и посланников уличать, что они, написав в статьях, потом от слов своих отказываются. «Однакож они, посланники, — заключает статейный список, протоколируя состоявшееся на совещании посланников решение, — прося у господа бога милости, а у пресвятые богородицы помощи и заступления, хотя и видя в том их, турское, такое лукавство, к мирным договорам приступали желательно и *статьи черные* усоветовали меж себя писать с ними со осторожностью и в разговорной палате» [4]. Следовательно, посланники согласились допустить записывание статей на конференциях, как предлагали турки, и это вошло в практику при дальнейших переговорах [5]. Но в общем выработка

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 673 об.
[2] Там же, л. 616 об.
[3] Там же, л. 611 об.
[4] Там же, л. 667—669.
[5] См., например, там же, л. 679 об., 682, 693 об. — 694, 696 об.

текста договора происходила предложенным посланниками методом по первоначально представленному ими на III конференции проекту. На общих конференциях, кончая XXI, договорились о статьях, касавшихся важнейших предметов: Азова и днепровских городков, и «эти статьи были постановлены на мере», т. е. по ним состоялось соглашение. Затем на двух разговорах с Александром Маврокордато, 29 апреля и 2 мая, договорились об остальных статьях, кроме двух: о «крымской даче» и о торговле по Черному морю. Теперь предстояло предварительный текст в письменной форме подвергнуть редакционной обработке. Этой обработкой посольство и было занято весь май и первые числа июня, до XXII конференции, происходившей 12 июня. Переговоры относительно редакционных изменений в тексте договора с турецкой стороны поручены были Александру Маврокордато и велись между ним и посланниками через «пересылки» второстепенного дипломатического персонала, а также один раз на личном свидании посланников с ним на посольском дворе, куда он явился 22 мая и имел с посланниками третью беседу [1].

Войдем в некоторые подробности этого процесса редакционной обработки.

Изготовив письменный проект текста на латинском языке, подразделенный на 20 статей, посланники отправили этот латинский текст 7 мая с переводчиком Семеном Лаврецким к Маврокордато, поручив переводчику спросить его, «для чего он, Александр, их, посланников, оставил и ни о каких делех после бывших у них, посланников, в дому разговоров (29 апреля и 2 мая) не отзывается к ним долгое время?» Приняв статьи и просматривая их, Маврокордато сделал несколько беглых замечаний: дойдя до статьи о новом перевозном селе, возразил против того, что написано слово «ровику», а не «рву», которым может быть обнесено село, находя слово «ровик» несовместимым с честью султана и заметив: «Турки де почитают честь паче всех прибылей, и лучше им потерять город или провинцию, нежели чести и имени равенство». Он заметил далее, что лучше не указывать в договоре числа людей в перевозном селе, а прочитав статью о «ханской даче», не согласился с решительной и резкой редакцией посланников, сказав, что о даче ханской не надобно писать так жестоко, что «не будет давана», «а написать то слово как инако, чтоб турком большого бесчестия не было»[2].

---

[1] К Александру Маврокордато посылались с русской стороны: переводчик Семен Лаврецкий — 7, 12, 21 мая, 2, 3, 4 июня; он же и старший подьячий посольства Лаврентий Протопопов, ведший запись речей на конференциях — 14, 19, 20, 29, 30 мая, 5, 6, 8 июня; один раз, 30 мая, Л. Протопопов был послан с переводчиком Ботвинкиным и один раз, 31 мая, были отправлены все трое: Лаврецкий, Ботвинкин и Протопопов. От Маврокордато посылался к посланникам его племянник Дмитрий Мецевит 3 и 6 июня.

[2] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 846—847.

12 мая тому же переводчику Семену Лаврецкому, присланному от посланников с просьбой передать их благодарность великому визирю за доставленную им возможность посмотреть с отведенного им двора церемонию выхода турецкого флота в море под командою адмирала Медзоморта [1], Маврокордато сказал, что присланные от посланников на латинском языке статьи он переводил дня четыре на турецкий язык; теперь статьи переведены, прочитаны вместе с рейз-эфенди и исправлены; доложить их визирю вчера из-за вчерашней морской церемонии не удалось, постараются доложить сегодня, но надобно еще исправленную турецкую редакцию «для лучшего согласия речей» вновь перевести на латинский язык; на это нужно еще дня два-три; при этом Маврокордато так определил задачу предстоящей совместной редакционной работы: по существу относительно принятых речей стороны согласны, надлежит только согласиться относительно отдельных выражений: «В делех де, милостию божиею, они, думные люди, с ними, посланники, не разнятся, и противности никакой междо ими нет. Только де в речах малая рознь является, или доведется где сверху на низ и снизу вверх какую речь перевесть». Для этой работы он, когда перевод у него будет готов, просил посланников прислать его же, Семена Лаврецкого, с подьячим, «которой записывает речи на конференциях» [2].

Семен Лаврецкий с подьячим Лаврентьем Протопоповым являлись к Александру 14, 19 и 20 мая. На первой из этих «присылок» Маврокордато объявил им, что они, думные люди, прежде всего переработали текст посланников с внешней стороны, изменили число статей, не касаясь, однако, ничуть содержания текста. Именно из 20 статей, на которые подразделили текст посланники, составили 14, «а достальные шесть статей в те ж статьи вместили». Затем Маврокордато возражал против отдельных эпитетов в царском титуле и против некоторых выражений в статьях о днепровских городках, о землях между Перекопом и Миусом, о ханской даче. Вновь весь текст договора был просмотрен 19 и 20 мая. 19-го прочли титул и статьи 1—5; 20-го со статьи 5 до конца.

22 мая по особому приглашению посланников «для развязания заходящих трудностей» Маврокордато приехал на посольский двор и имел продолжительный разговор с посланниками. Он попросил посланников подать ему латинские статьи как в прежней посланничьей редакции, где их было 20, так и в новой, которую составили они с рейз-эфенди, — в 14 статьях. Когда те и другие статьи были ему поданы, он, «смотря в них», вновь сделал оговорку относительно редакций. Выразив похвалу посланничьей редакции в 20 статьях, которые были «добры и

---

[1] См. выше, стр. 179—181.
[2] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 855—855 об.

слагательны», он сказал, что им с рейз-эфенди все же показалось, что их написано слишком много, и поэтому, посоветовавшись между собой, они уместили текст договора, не изменяя его содержания, «все дело без умаления», в 14 статей размерами каждая «попространнее». Эти 14 статей были прочтены визирю и им одобрены. Поэтому в дальнейшем прибавлять к ним чего-нибудь уже невозможно; следует ограничиться только редакционной работой: если в тех статьях *«в речениях»* показались им, посланникам, некоторые трудности, пусть они об этом объявят. Посланники согласились принять текст в 14 статей, сделав только оговорку относительно отдельных выражений, и с своей стороны указали на необходимость редакционной обработки текста: «Того де они не спорят, что из 20 статей написано 14; только де сумнение им есть в некоторых *речениях,* которые написаны неявно. И чтоб те сумнительства по общему совету исправить и написать явственнее» [1].

Текст трактата в процессе переговоров подвергся следующим изменениям. Первоначальный проект посланников, представленный ими на III конференции, был изложен в 16 статьях. Затем уже в мае текст договора состоял из 20 статей. Маврокордато и рейз-эфенди переделали его, не меняя содержания, на 14 статей. Текст в 14 статей был принят после продолжительных редакционных переговоров, стал окончательным текстом, который и был подписан. В дальнейшем, следя за редакционной обработкой договора, мы будем иметь в виду этот, получивший утверждение, текст.

В происшедшей затем беседе Маврокордато с посланниками на посольском дворе по вопросам редакционного характера вновь были просмотрены титул и все 14 статей проекта. Разногласия вызывали титул и первые 8 статей, относительно остальных 6 статей (9—14) Маврокордато заявил, что он «ни в чем не спорит и написаны зело добры». Но и этой продолжительной беседою трудности не были окончательно «развязаны», и «пересылки» для переговоров редакционного же характера продолжались и после 22 мая [2].

Проследим теперь ход этих переговоров по вопросам, касавшимся титула в предисловии и в тексте 14 статей. Что касается царского титула, то турки предоставляли посланникам свободу в русском экземпляре договора писать распространенный титул; сами же в своем экземпляре соглашались написать царский титул только в том виде, в каком он написан был в Карловицком договоре и в котором вообще он в турецких канцеляриях писался исстари [3]. Они протестовали против наименований в

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 904 об. — 905 об.

[2] Там же, л. 867—874 об. (14 мая); 879—891 (19 мая), 891 об.—900 об. (20 мая); 902 об. — 923 (22 мая).

[3] Там же, 908 об.

титуле «пресветлейший», «державнейший», «священное царское величество» и уже ни за что не соглашались, даже и в русском экземпляре, на следующие наименования царя: «августиссимейший» и «император», на которых настаивали посланники. Маврокордато говорил, что императором султан называет только цесаря, потому что он считается первым между христианскими государями. Русские представители горячо возражали. Пресветлейшим, державнейшим и царским величеством называют царя все христианские государи. «Такими титлами не доведется именоваться тем государям, которые не самодержцы, а великий государь на свете из христианских государей самодержавный и преславный, государства в державе его содержатся многие, против цесарского государства гораздо больше». Маврокордато соглашался, что царь из христианских государей «преславный» и государства его самые пространные и по самой правде не только ему следует именоваться такими титулами, но именно ему, а не иному кому следует называться и цесарем, потому что все православные содержатся в его государствах. Однако турки «для застарелой своей гордости того не уступят и никакой прибавки перед Карловицким договором в титлах не учинят». И цесаря султан «августиссимейшим» никогда не называет: этим титулом пользуется только сам султан, и даже цесарь его так именует, что он может доказать, предъявив посланникам цесарские и султанские грамоты. А «священным» турки и цесаря не пишут, потому что это слово у них «самое жестокое, и досадное, и ненавидимое. И хотя б де Турское государство и упало когда, однако бы того слова никому они в титлах не написали... как де христиане гнушаются турками или и всеми бусурманами, тако ж и бусурманы христианами гнушаются ж». Потому турки и не согласятся именовать христианского государя «священным»[1].

Посланники, упрекая Маврокордато в разговоре с ними 22 мая за несговорчивость относительно титула, говорили, что они знают, что отказ Маврокордато называть государя «величеством» вызван нежеланием сравнять его с султаном. «Только де, — прибавили они, — господь бог силен и милостив, может возвысить и прославить его, великого государя, паче всех государей». Маврокордато в ответ заявил, что «какие его труды и радения в том деле он понес, это единому богу известно. Он больше всех желает, чтоб господь бог державу его царского величества на свете прославил и возвысил. По своему желанию он все бы исполнил и приписал, что́ к чести государской надобно. Только его прибавка не будет прочна, потому что блистательная Порта ее принять не похочет». Поэтому прибавлять к титулу надо то, что впредь может в нем остаться, а чего нельзя сделать, о том

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 870, 909, 881 об. — 882 об.

не надобно и говорить [1]. Уговаривая посланников не настаивать на тех названиях в титуле, на которые они претендовали, Маврокордато указывал, что в турецком тексте государь будет назван: «Междо всеми избраннейший и изряднейший, и такое де описание лучше всех титл у турков почитается, понеже избраннейший и изряднейший один он — великий государь». Султан прежде писался «страшнейшим и грознейшим и победительнейшим междо всеми государи», теперь так не пишет «и большими титлами себя не возвышает, а должно ево такими титлами возвышать подданным ево, а не самому государю» [2]. В окончательно утвержденном русском тексте договора Петр наименован «пресветлейший, державнейший» и «священным царским величеством», но от титулов «августиссимейший император» посланники и в русском экземпляре должны были отказаться [3]. В турецком тексте Петр назван «преславнейшим» и «преизбраннейшим» [4].

Предметами редакционной работы и возникавших при ней споров в самых 14 статьях текста были, во-первых, выражения, которыми обозначалось некоторое существенное, реальное содержание, а во-вторых, чисто словесные обороты, не менявшие существа дела, но казавшиеся обеим сторонам неясными, или двусмысленными, или вообще почему-либо считавшиеся тою или другою стороной неподходящими. При этом вновь обсуждались вопросы, уже бывшие предметом неоднократного обсуждения на конференциях, в беседах Маврокордато с посланниками и в прежних «пересылках» между ними; вновь затрагивались вопросы по существу; возникали споры, в которых приводились новые аргументы, иногда в таких спорах вновь проявляются взаимное раздражение и упреки. Такое раздражение заметно в словах Маврокордато, когда он, характеризуя текст договора посланников, не согласившихся на желательные для него изменения, говорил, что «видит де он и сам, что они, посланники, те статьи (первую, вторую и третью) написали во всем согласные своему намерению, а не так, как их, думных людей, есть желание, и везде де у них, посланников, перед прежними его, Александровыми, статьями учинена многая прибавка и в речах переправка», и пятая статья у них, посланников «написана почитай, что вся вновь не по их, думных людей, предложению», посланники «все статьи его превратили по своему хотению и написали вновь свои статьи, которые им зело противны». С своей стороны и уполномоченные посланников, переводчик и подьячий, заметили Маврокордато, что в его редакции в пятой статье было написано «гораздо с затмением и в одном месте знатно была недописка» [5].

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 910—910 об.
[2] Там же, л. 909—909 об.
[3] Там же, л. 870, 872, 880—883, 1052 об. — 1053; П. и Б., т. I, № 318.
[4] Там же, л. 1066.
[5] Там же, л. 887—889 об., 891.

Проследим теперь процесс редакционной обработки статей последовательно, как они рассматривались в переговорах Александра Маврокордато с посылавшимися к нему лицами и с самими посланниками. Предполагаем, что в руках читателя имеется текст договора.

Статья 1, вопреки заявлению переводчика Лаврецкого и подьячего Протопопова о том, что «в договорех мирных ненадобно писать многого красноречия и слагательства и темных закрытых речей»[1] (изложенная, как и весь, впрочем, текст, весьма вкрадчивым, высокопарным, носящим следы перевода с латинского языка, достаточно поэтому невразумительным слогом, совсем не тем простым и ясным русским языком, каким написан статейный список), говорила о прекращении всякого «неприятельства и недружбы», о предании забвению всяких враждебных действий между сторонами, о том, что «никакими мерами меч на отмщение да не вземлется», о соблюдении взаимной дружбы «между царствами и подданными их», которые, между прочим, «взаимно с истинностью да пересылаются», наконец, о возобновлении в дальнейшем перемирия по истечении срока теперь заключенного перемирия или до истечения этого срока. Александр Маврокордато нашел, что статья 1 в общем «написана добро», но отметил в ней лишние выражения, именно: «Междо собою государи пересылаются»; затем выражение, касающееся возобновления перемирия: *«Впредь на тех же статьях,* если обоей стороне полюбится, договорено да будет». Маврокордато находил, что упоминать о «пересылке» между государями здесь излишне, тем более, что в этой же статье говорится о «пересылке» между подданными, «а подданных с великими государи в одной речи примешивать и писать неприлично». Выражение «на тех же статьях» он находил неудобным потому, что оно как бы обязывало стороны в будущем продолжить перемирие именно на этих условиях, тогда как времена, а с ними и условия могли перемениться: «Прежде времени, — говорил он, — обязывать тем себя не для чего. Бог де знает, кому еще впредь в чем какое счастье будет, и тогда по времени смотря и поступок будет». Посланники, слабо защищая свою редакцию, говорили, что великих государей приписали они в эту статью, чтобы «явственно было, что мир заключен у великих государей, а не у подданных», на что Маврокордато возразил, что уже в начале договора в предисловии написано, что мир учинен между великими государями, а не между подданными, «и как подданные могут пересылаться о великих делах, чего нигде не повелось?» Хотя и «по многом споре», посланники, однако, приняли предложение Маврокордато, и указанные им выражения были из статьи 1 устранены[2].

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 896.
[2] Там же, л. 883—884, 910 об.—911 об.

Статья 2 вызвала горячие и надолго затянувшиеся споры. Статья говорила о разорении днепровских городков, о том, чтобы на местах разоренных городков никогда впредь никаких поселений не устраивать; о возвращении разоренных городков с их землями султану; о сроке разорения (через 30 дней после подтверждения мира через великое посольство); о свободном выводе из разоряемых городков царских войск и вывозе военного снаряжения. Условия разорения и возвращения городков были давно приняты, и по ним состоялось полное соглашение. Предметами же спора оказались, во-первых, упоминание в тексте посланников о том, что по возвращении разоряемых городков с землями «достальные земли», т. е. не принадлежавшие разоряемым городкам, «от тех городков вверх по Днепру к Сече Запорожской имеют быть попрежнему в державе царского величества». Маврокордато упоминать в статье о возвращении остальных земель вверх по Днепру «в державу царского величества» решительно отказался, потому что царь уступает султану не свою землю, а его же, султанову; если бы царь уступил султану хоть на одну пядь земли «прямой своей», то можно бы было написать об остальной земле. Посланники возражали, что раз Казыкермень был во владении у царя, то уже это стало «не чужое, а его, государево». Сечь Запорожская заведена была тому больше двухсот лет, а Казыкермень построен тому лет с тридцать. «И как ему, Александру, мнится, была у того города Запорожского земля или не была?» Маврокордато отвечал, что земель, принадлежащих городу Запорожскому, султан себе не просит, «как к которому городу земли было до войны, то так они и будут»; посланникам о том размышлять много нечего, запорожские и казыкерменские земли будут размежованы старожилами и знающими людьми. Султан желает одного, чтобы ему возвращены были попрежнему казыкерменские земли, которые у него останутся впусте[1]. На упоминании о «достальных» землях посланники далее не настаивали, и это в текст окончательного договора включено не было. Но большие разногласия вызвали выражения, обозначающие земли днепровских городков, вместе с которыми разоренные городки возвращались во владение Оттоманского государства. Посланники в своем тексте употребили выражение: *«А земли их,* как до сей войны были паки во владении Оттоманского государства, от его священного царского величества да возвратятся»[2]. Маврокордато для обозначения тех же земель взял выражение: *«С своими землями».*

Посланники утверждали, что слова «а земли их» были предложены самим же Маврокордато, а теперь он начинает «новой неначаемой спор», что «они не по малу дивятся его, Александрову, не только в словах, но и в деле непостоянству».

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 911—912 об.
[2] Там же, л. 1055.

Предлагаемого им выражения «с своими землями» они отнюдь не напишут, да и написать не могут. Они даже опасаются, что «с стороны их, думных людей, завязывается в тех словах некакое лукавство». Маврокордато возражал: «Если посланники разумеют здесь какое лукавство, и они бы о том объявили безо всякого стыда и зазору, а они, думные люди, будут то дело лечить, чтоб на обе стороны было явно и ясно». Слова «с своими землями» предлагает он по приказанию визиря. Когда стали читать эту статью визирю на турецком языке, визирь сказал ему, Александру: «Как ты не смотришь, что в посланничьих словах *«а земли их»* есть великой обман?». На слова Маврокордато, что выражения «а земли их» и «с землями своими» — равнозначущи, визирь пояснил: «В тех де словах лукавство есть такое, что они, посланники, отдают только ту землю, что под городками была, а иной земли, которая кругом городков, пространная ли или не пространная, на 2 ли или на 3 мили, а хотя на аршин или на пядь сверх тех разореных мест есть, то той земли отдать не хотят; и то де их, посланничей, явной обман. И приказал ему, Александру, крепко в том стоять, чтоб написать: «А реченные места с своими землями да возвратятся». Таким образом, всякое сомнение рассеется и перед всем народом явно будет, что никакого обмана здесь нет. В свое время сойдутся с обеих сторон старожилы и знатоки тех мест и отмежуют земли, принадлежавшие к Казыкерменю, как до войны было, прямые старинные рубежи миля или две или аршин, а хотя и пядь земли, только бы она принадлежала к Казыкерменю. «А дальних земель за теми межами им, туркам, спрашивать не для чего» [1]. Подыскивая другое выражение, которое удовлетворило бы посланников, Маврокордато предложил слово «уезды» — «с своими уездами да возвратятся»; но посланники этого термина не приняли и возражали: «К Казыкерменю ни уездов, ни больших земель отнюдь не бывало, выезживали из Казыкерменя жители только для дров насилу на милю или на две по Днепру» [2]. Спор этот шел в начале июня. В конце концов в договоре была принята редакция Маврокордато: «А реченные места *с своими землями,* как до сей войны были, паки во владения Оттоманского государства да возвратятся».

Не обошлось без спора по статье 11 — установление срока разорения днепровских городков. Турки желали, чтобы городки были разорены после присылки в Константинополь из Москвы гонца с царскою «обнадеживательной» грамотой о принятии царем договора. Посланники настаивали на том, чтобы срок разорения городков был назначен после прибытия в Константинополь русского великого посольства с подтвержденною грамотой. Посланники указывали на то, что при заключении мира с дру-

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 954 об.—959.
[2] Там же, л. 958.

гими государствами такой предварительной присылки гонцов не было. Условие о разорении городков после присылки гонца посланники считали одной из тех «противных и несносных» прибавок, сделанных к тексту договора Александром Маврокордато, которые принять они решительно отказывались. Прислать гонца с обнадеживательною грамотою они обещали, но вносить условие об этом в договор не соглашались: в договоре должно быть упомянуто только о великом посольстве через семь (а затем они приняли другой срок — через шесть) месяцев после подписания договора [1]. В этом пункте они одержали верх. Предварительная присылка гонца была отменена; в договоре говорится только о приезде в Константинополь через шесть месяцев по подписании договора великого посольства, и срок разорения городков установлен через 30 дней по подтверждении мира великим посольством.

Во время переговоров о прибытии великого посольства в Царьград Маврокордато сделал замечание, что в проекте посланников не обозначено, как прибудет посольство, сухим путем или морем, и высказал решительное требование, чтобы посольство приехало не иначе, как сухим путем, категорически заявляя, что морем оно пропущено не будет. Для приема посольства пришлется нарочно из Царьграда на рубеж капычи-баша; прием будет «учинен с достойным почитанием». Приготовлены будут кормы и подводы. Посланники возражали: «Для чего их тем нудить, чтобы непременно быть посольству сухим путем? На то будет произволение государя, отпустить ли посольство сухим путем или морем». Но Маврокордато решительно повторил, что морем посольство никоим образом пропущено не будет, «и чтоб они, посланники, в том много не трудились и не мыслили» [2]. Опыт с приездом посольства Украинцева морским путем был для турок достаточно памятен, и повторять его они, видимо, не собирались. Посланники принуждены были уступить и согласиться. В статье 14 трактата говорится о прибытии великого посла сухим путем: «Когда к мусульманским рубежам придет. . . *землею,* к блистательной Порте провожен да будет».

В статье 3 идет речь о постройке на одной стороне Днепра между разоренными городками и Очаковом села для перевоза путешествующих и торговых людей через Днепр. В тексте посланников говорилось, что село это построится на «середке» между Очаковом и разоренными казыкерменскими городками. Маврокордато просил выражение *«на середке* между Очаковом и разоренными городками» заменить выражением «на угодном месте», приводя то соображение, что султану, может быть, полюбится построить село не «на середке» между Очаковом и городками, а «пониже к Очакову», так чтобы это не сочтено было за нару-

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 898, 912—914, 929.
[2] Там же, л. 922.

шение договора. Однако он соглашался на редакцию посланников с тем, чтобы они уступили в этой статье по другому более существенному вопросу, именно не указывали бы числа жителей этого будущего села, которое посланники установили в 50 человек. Маврокордато просил никакого числа жителей не обозначать, находя указание числа в этом случае несовместимым с достоинством государей — «для того, что государю с государем о таком малом деле, чтоб в том селе быть жильцом пятидесят человеком, уговариваться неприлично и непристойно». А затем он развивал то соображение, что установление определенного числа жителей в селе раз навсегда невозможно, потому что установленное число будет увеличиваться путем естественного прироста: «Да и то де должно рассудить, что от пятидесят человек по воле божии в один год родится другие пятьдесят человек, а потом год от году также будут плод приносить. И такого де указного числа определить или постановить никоим образом невозможно, потому что де не по всякую неделю людей считать, чтоб было в том селе 50 человек указное число». Маврокордато упомянул далее, что о числе жителей в перевозном селе не говорили на конференциях, против чего переводчик Лаврецкий и подьячий Протопопов горячо возразили, что в этих словах «стала его неправда». Они знают то подлинно, да и забыть того еще некогда, что на многих конференциях говорил именно он, Александр, через него, переводчика, «чтоб в том селе жить сту человеком, и просил о том у посланников со многим прошением именем великого везиря, а посланники позволивали в том селе жить пятидесят человеком; и на том уговоре стал» [1].

На личном свидании с посланниками 22 мая Маврокордато повторил просьбу не указывать число жителей. К прежним доводам, что «иногда прилучится людей много, а иногда мало, а сверх того люди будут плодиться и множиться», он привел еще уверения, что посланникам опасаться многолюдства в том селе нечего, безопасность будет гарантирована многими другими «укрепительными способами», которые будут включены в договор, а именно условиями, чтобы в селе не было ни городского укрепления, ни пушек, ни иных «воинских приготовлений», ни ратных людей и чтоб к нему не приводить ни морских военных кораблей, ни каторг. Посланники спорили: «Те де его, Александровы, рацыи кажутся добры, только им вредны». Сам он помнит, что война началась из-за Казыкерменя, где было «пристанище многим своевольным», которые непрестанно кровь христианскую «локтали», и если в том селе «числа людям не назначить», то опасно, чтоб также многим своевольным пристанища в нем не было так же, как в Казыкермене. Александр успокаивал посланников: напрасно они говорят, что село будет другой Ка-

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 885 об.—886 об.

зыкермень. В Казыкермене ратных людей было «многолюдство и всякого воинского приготовления довольно: а в том селе станут жить люди не воинские, и чего им того села опасаться?» В Крыму живет множество людей, с 300 000 человек, «однакож царское величество Крыма не боится и вменяет его ни во что. И о таком малом деле или о числе людей великим государям и говорить кажется неприлично». Посланники с своей стороны заявляли, что «то село — дело не малое и для всякого безопаства должно написать в нем жителей указное число». «И были о том у посланников с ним, Александром, — отмечает статейный список, — многие споры больше трех часов. И видя посланники, что при предложении своем стоит он, Александр, упорно и об остальных статьях говорить не хочет», и не желая затягивать дело, «по многим спорам» согласились числа жителей в селе не указывать[1]. В окончательном тексте договора оно и не было указано.

Статья 4 об уступке города Азова с принадлежащими к нему всеми старыми и новыми городками была «договорена и на мере постановлена» еще на XVII конференции. Теперь вызвали спор некоторые чисто словесные выражения этой статьи. На свидании с присланными к нему Лаврецким и Протопоповым 19 мая Александр Маврокордато выразил неудовольствие тем, что предложенный им текст статей посланники переделали посвоему; указал, между прочим, и на поправку в статье 4. «Да и в четвертой статье, что об Азове с городками, есть переправка немалая ж. А та де статья у них с ними, посланники, договорена и на мере постановлена таким уговором, что меж теми городками лежащая *земля и вода;* а ныне де то переправлено и написано лежащие *земли и воды.* И та де речь располагается многочисленным расположением. И чтоб они, посланники, написали и о том против прежнего без той переправки». Разногласие, следовательно, заключалось в том, что находившееся в тексте Маврокордато выражение в единственном числе — «лежащая между городками *земля и вода*» — посланники переправили на выражение во множественном числе — *земли и воды,* что́ Маврокордато и обозначил словами, что в их тексте «речь располагается многочисленным расположением». Переводчик и подьячий соглашались, что статья еще на конференциях была «договорена и на мере постановлена» в том виде, как она была в тексте Маврокордато, но сослались на то, что «приправливать в речениях со обоих сторон не запрещено», чтобы «впредь никакого сумнительства не было». Поправку «в речениях» посланники сделали потому, что у Азова не один городок, а несколько и потому надо эти городки определить «землями и водами» и выразиться во множественном числе. Слова «земля и вода» в единственном числе прилично было бы написать «к такой речи,

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 914 об. — 917.

еслиб у Азова имел быть какой один городок, а не многие». Если выразиться здесь, как предлагает Маврокордато, «земля и вода», то также следует тогда написать и о городках в статье 2, что они уступаются *с землею,* а не с землями. Воды в статье 4 упоминаются для того, чтоб русским подданным «в водах азовских, таганских, миусских и Меотийского моря иметь вольное употребление в рыбной ловле и в иных потребах без всякого препятия». «И чтоб он, Александр, о той четвертой статье много не спорил и написал ее так, как она ныне написана». Маврокордато разъяснял, что раз султан уступает государю город Азов с городками, землями и водами, то из этого ясно, что земля и вода меж теми городками во владении царя от крайнего азовского городка Миуса до Азова. Султану уже до этой земли и воды дела нет, и подданные его в те места для рыбной ловли и иных надобностей никогда не поедут и ходить не станут, а царским подданным в тех местах в реках и в Меотийском озере заниматься рыбной ловлей и ездить туда можно свободно «без всякого препятия». Изменить выражение «земля и вода» на выражение «земли и воды» он, Александр, не смеет, потому что эта статья уж доложена великому визирю и всему султанскому сенату и постановлено так, как было написано в его тексте. На свидании с посланниками 22 мая, вновь подтвердив, что редакцию посланников он принять не может, потому что статья уже прочитана великому визирю, Маврокордато предложил новую версию: «или земля, или вода», заметив, что «в том на него от везиря не будет подозрительно» и приводил посланникам грамматический довод, что «тот падеж и склонение является також, как и они, посланники, говорят». Посланники согласились и приняли предложенную редакцию [1]. В таком виде статья 4 вошла в окончательный текст [2].

По статье 5, в которой говорилось о том, чтобы некоторые приграничные пространства земель между обоими государствами, как с азовской стороны, так и по Днепру, оставались незаселенными и никаких бы городков на этом пространстве не строилось, возникли большие споры как по вопросам, касавшимся существа дела, так и из-за выражений, имевших чисто словесное значение. По существу спорили о двух пунктах. Во-первых, на азовской стороне о пространстве между Перекопом и рекою Миусом и затем о земле по Днепру между Сечью Запорожской и Очаковом. По первому пункту турки потребовали, чтоб земля на 12 часов езды от Перекопского залива в степь по направлению к реке Миусу была во владении султана, не

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 887—888 об., 917 об.

[2] «Азов город и ныне к нему належащие все старые и новые городки и меж теми городками лежащие или земля или вода, понеже во владении царского величества суть, паки тем же образом всемерно его ж царского величества в державе да пребудут» (П. и Б., т. I, № 318).

обозначая, должна ли она быть заселенной или пустой; остальное пространство степи до реки Миуса должно оставаться незаселенным и находиться в общем пользовании подданных обоих государств[1].

20 мая в разговоре с Лаврецким и Протопоповым «выняв он, Александр, те латинские статьи из мешечка атласного и смотря по тем статьям, говорил о вышеписанной же 5-й статье[2], что совершенно де к Перекопи и к заливе морской Перекопской надобно определить земли на 12 часов в ту сторону, что к Миюсу. И по окончании тех двунадцати часов имеет быть земля как до Миюса, так и от Миюса до докончания тех двенадцати часов в общем владении пустая без поселения. А на тех де вышереченных часах земле быть пустой ли или жилой, и того де в той статье именно писать он, Александр, не станет. А если де им, посланником, то противно покажется, и они б вместо того написали, что от городка Миюса до той морской заливы Перекопской и от рубежа, которой на 12-ти часах учинится, быть земле пустой в общем владении». Сомнения русской стороны, чтобы за выделом пространства на 12 часов от Перекопского залива еще там что-нибудь оставалось для общего пользования, Маврокордато рассеивал, доказывая, что степь между Перекопским заливом и Азовом расстоянием больше, нежели «через весь Крым», и можно той землей обеим сторонам довольствоваться без нужды; или: «А земли де пустой меж Миюсом и двенадцатью часами будет еще на многое число». Русские спорили, указывая, что в предложении Маврокордато «является перед прежними объявлениями многая перемена и прибавка», но в конце концов уступили с тем только условием, чтобы земля и на эти 12 часов расстояния от Перекопского залива оставалась

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 893 об.

[2] Текст статьи 5, переведенный с турецкого языка на латинский, а с латинского на русский и записанный в статейном списке, таков: «А понеже обоеи стороны намерение есть до обоего государства подданные безопасный и крепкий постановив покой почивания и тишины употребляют ни будущего неприятельства и ссор никакой случай своевольником ни зловольным да подается, но от всякого всесовершенно своевольства да удержаны будут взаимным согласием договоренось дабы от Перекопского замка начинающейся заливы Перекопской двенадцати часов расстоянием простирающейся земли от края даже до нового городка Азовского, которой у реки Миюса реченной стоит среди лежащие земли пустые и порожжие и всяких жильцов лишены да пребудут. Также во странах реки Днепра от Сечи горда Запорожского, которой в рубежах Московского государства на вышереченной реки берегу стоит, даже до Очакова среди лежащие ж земли кроме нового села на обоей стороне Днепра равным образом пустые и безо всякого жилища порожние да пребудут. А близ городов со обоих сторон место довольное на винограды и огороды да оставится ниже разоренные городки паки да построятся, но порожжие да пребывают и на местех, которым порожжим пребыть взаимным согласием показалась буде какой городок подобной найдется, тот также со обоих сторон да разорится ни таковы места да состраиваются ни да укрепляются, но как суть порожжи, да оставлены будут» (Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 1069 об.—1070 об.).

«впусте». Посланники сказали, что они, «не хотя в том иметь многих споров, от вышереченной заливы морской Перекопской на 12 часов земли к Миюсу во владение безо всякого поселения салтанову величеству напишут»[1]. В окончательном тексте договора этот пункт статьи 5 изложен не особенно ясно: здесь говорится, что обе стороны, имея намерение, чтобы подданные обоих государств пользовались покоем и тишиною, чтобы не возникало никаких поводов для неудовольствия и ссор от своевольников и чтобы своевольники от своевольства были удержаны, по взаимному согласию договорились, что «от Перекопского замка начинающейся заливы Перекопской двенадцати часов расстоянием простирающейся земли от края даже до нового города Азовского, которой у реки Миюса реченной стоит среди лежащия земли пустые и порожние и всяких жильцов лишены да пребудут». Не особенно ясно, говорится ли здесь о пустоте всей земли от Перекопского залива до реки Миуса или же только о пространстве от «края», т. е. от рубежа двенадцатичасовой отведенной султану земли, до Миуса, о той «среди лежащей» земле, которая должна была (см. статью 6) находиться в общем пользовании.

Разногласие по второму пункту о землях по Днепру между Сечью Запорожской и Очаковом состояло в том, что русская сторона требовала, чтобы оставалось незаселенным и пустым пространство от Сечи Запорожской до Очакова, а турки соглашались, чтобы незаселенным и пустым оставлено было пространство от Сечи только до нового перевозного села: «А что в той же статье, — говорил Маврокордато, — написано, что от Сечи Запорожской до Очакова по обоим сторонам реки Днепра быть землям пустым и в той же пустоте обоих сторон подданным какая будет прибыль? Всегда в городех и в селех жители обыкли иметь и имеют на употребление свое огороды и сады для виноградов и арбузов и иных овощей». Посланники объявили, что такой уступки сделать не могут, напишут так, что землям по обеим сторонам Днепра быть пустым от Сечи до Очакова, кроме одного нового села; а на огороды для виноградов и арбузов и иных овощей, как к Очакову, так и к Сечи, отвести «довольные места»[2]. Победа осталась за посланниками. По окончательному тексту договора земля должна была оставаться пустою от Сечи Запорожской до Очакова.

После того как существенный вопрос о пространстве пустых земель был разрешен, из-за отдельных выражений в статье шли продолжительные споры. Маврокордато находил определение границ русских и турецких земель упоминанием Сечи неточным, ссылаясь на то, что местоположение Сечи туркам неизвестно, и

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 893 об., 857, 918 об.

[2] Там же, л. 918—918 об.

предлагал о Сечи совсем не упоминать. «Сечи Запорожской в той статье не именовать, для того, где оная стоит, о том им неведомо». Посланники не согласились. В дальнейшем разговоре он задал вопрос: «Та Сеча, о которой они, посланники, ему, Александру, объявляют, в московских ли рубежах и сколь давно оная построена?» Он объяснил, что спрашивает об этом для того, чтобы выяснить точно границу русских и турецких владений. «С которого места и по которое будет владение земли царского величества, также и по которое место владеть салтанову величеству». Посланники ответили, что «та Сеча, как заведена и построена, тому с двести лет, да у великого государя в подданстве с шестьдесят лет. А стоит она на берегу реки Днепра от московских жилых мест не в ближнем расстоянии, а от Казыкерменя крайней город». В ответ на это Маврокордато рассказал, что «некогда спрашивал его о той Сече великий везирь, где оная обретается? И он де, Александр, донес ему, везирю, что та Сеча обретается в московских рубежах». В силу этого он и потребовал от посланников, чтобы они определили местоположение Сечи, написав, что она «в московских рубежах». Несмотря на его дальнейшие уверения в безопасности такого выражения, что «противности в том никакой нет и размышлять им о том много не надобно», посланники все-таки заявили, что принять такое выражение им невозможно, а напишут они так, что город Сечь «на берегу реки Днепра, где живут царского величества подданные, запорожские казаки, самый крайней порубежной город». Маврокордато возражал, что «казаков в Сече не надобно поминать, потому что царю вольно держать там казаков или великороссийских ратных людей. А написать бы, что город Сеча, которой на берегу Днепра, в рубежах Московского государства». На вопрос посланников, для чего он принуждает их написать именно это выражение, «что та Сеча в рубежах Московского государства», Маврокордато объяснил, что если Сечь построена вновь на казыкерменских землях, то ее нужно снести, раз эти земли уступаются султану, а если она построена не на казыкерменских землях, то она попрежнему останется в державе царского величества, поэтому он и «твердит, чтобы написать в московских рубежах». Посланники упорствовали, заявляя, что Сечь построена еще «до первого с турской стороны строения казыкерменского за многие годы» (еще задолго до первого строения Казыкерменя), на что Маврокордато ловко заметил, что раз Сечь построена до прежнего казыкерменского строения и до последней войны, то это и значит, что она находится в рубежах Московского государства, «а не на особном где месте». Кажется, все эти доводы были как нельзя более убедительны, но посланники все же не соглашались; они говорили, что напишут так, как хотели раньше. «И были о том многие споры, — замечает статейный

список, — по многих спорех написали, что город Сеча в рубежах Московского государства» [1].

Но сдавшись и приняв определение, предложенное Маврокордато, посланники упорно не хотели отказываться и от своих определений Сечи: «где ныне казаки живут» и «что близ реки Днепра стоит», о которых шел спор при «пересылках» 5, 6 и 8 июня. Маврокордато отказывался принять эти прибавки в статье 5, потому что статья была уже прочтена им великому визирю и им одобрена без таких прибавок. «Чает де он у него, везиря, с тех статей оставлен список; не токмо ему, Александру, такие прибавки вписывать, но и слышать о том не хочется». При этом он раздражительно заметил: «И всегда де у них, посланников, является новое дело, а для чего так от них чинится, и тому де не может он выдивиться». Присланные Лаврецкий и Протопопов ему говорили, что против выражения «где ныне казаки живут» он раньше и сам не спорил, а слова «близ реки Днепра» вместо бывшего ранее «на реке Днепре» написаны потому, что «на словенском языке *на берегу* толкуется почитай, что у самой воды, а *близ* от воды — немного подалей. А Сеча де Запорожская подворками, се есть базами, и огородами на берегу реки Днепра, а людское жилище от того берега будет в полуверсте или больше. И они де, посланники, для того и написали *близ* той реки, чтоб было впредь безо всякого спору». Маврокордато, наоборот, слово «близ» казалось слишком неопределенным, его «мочно толковать разными способами», чему он привел примеры. Его, Александров, двор стоит на самом берегу Терсанской заливы, а *близ* его двора живут святейшие патриархи царегородский и иерусалимский и они, посланники. Но можно сказать, что *близко* от Сечи находится и город Батурин и Адрианополь. «И то де слово *близ* неопределительное, и исчислить его никоторыми меры невозможно, и в мирные договоры такого слова написать отнюдь немочно». Впрочем, Маврокордато хотел доложить об этих выражениях визирю, а визирь, может быть, доложит султану. За последствия, однако, не ручался: «А что де из того уростет, окончание ли дела или еще иные какие вновь толкования, того ему ныне ведать невозможно. А толкования де в тех статьях сыскать мочно много». Этот тон задел переводчика и подьячего, и они заметили: «Зело они такому его, Александрову, поступку удивляются; свои слова он ставит правдивыми и состоятельными, и непременными, подобно евангельским, а посланничьи предложения ставит против себя легко, и в том де является от него, Александра, к ним, посланникам, нелюбовь. А что он говорит о разных толкованиях, и того рассуждать ненадобно для того, что у думных людей будут одни толкования, а посланники не станут молчать, но будут на их толкования располагать свои другие толкования, и в

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 918—920 об.

таком поведении невозможно будет кончить дело. А лучше со обоих сторон ничего не вчинать, а делать одно доброе намерение, как бы наискорее те статьи к совершенству привесть». На это увещание Маврокордато сказал, что «больше де того с ними, переводчиком и с подьячим, говорить он не будет. И потом их отпустил».

Маврокордато находил эти выражения не важными — «не само надобными» и «не само тягостными». Так же думали и посланники, которые готовы были от них отказаться и держались за них единственно с целью заставить турок пойти на взаимные уступки в таких же словесных выражениях статьи 2. «Буде он, Александр, в том по желанию их, посланничью, довольство учинит и в той пятой статье прошение их, посланничье, исправит, и они взаимно и его, Александрово, предложение во второй статье о казыкерменских землях («с своими землями») исправят же, а без такого удовольствования они, посланники, о тех казыкерменских землях переправки не учинят»[1]. В окончательный текст вошли определения Маврокордато: «которой в рубежах Московского государства» и «на берегу Днепра». От своих выражений *«близ»* и «где ныне казаки живут» посланники отказались, удовлетворенные, очевидно, победой, одержанной по статье 5 по существу дела — о «пустоте» земель до Очакова. Текст в договоре сформулирован так: «Также во странах реки Днепра, от Сечи города Запорожского, которой в рубежах Московского государства на вышереченной реки берегу стоит, даже до Очакова среди лежащия ж земли, кроме нового села, на обоей стороне Днепра равным образом пустые и безо всякого жилища порожние да пребудут, а близ городов со обоих сторон место довольное на винограды и огороды да оставится». Статья заканчивается запрещением строить на этой пустой земле какие-либо городки, и если бы какой-либо городок там оказался построенным, его немедленно надлежит разорить.

Статья 6 дает более подробное определение, в чем должно было состоять общее пользование теми землями в Приазовье и по Днепру, которые по статье 5 должны были оставаться незаселенными: вольно с обеих сторон мирным образом дрова сечь, пчельники держать, сено косить, соль вывозить, рыбную ловлю чинить и в лесах ловли звериные творить без взимания каких-либо денежных сборов или пошлин. Особая оговорка сделана о стадах, которые крымцы могут безопасно пасти на пустой земле в Приазовье, как это они делали исстари: «А понеже для тесноты Крымского острова и помянутой заливы Перекопской, скоты и иные животные исстари вне Перекопской заливы выгнанные, пастбищ употребляти обыкли суть, на таком пастбище урон и убыток какой да не наносится, но пастбища употребление обыклым правом спокойно и безмятежно да сотворится».

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 961—963, 967 об.

Статья прошла довольно гладко. Маврокордато пытался ограничить пользование приднепровскими территориями с русской стороны до нового перевозного села. Он говорил, что от «приездов» к Очакову будет на обе стороны лишняя ссора. И как очаковским жителям к Сечи, так и от Сечи к Очакову для рыбной ловли лучше не ездить; запорожским казакам заниматься рыбной ловлей и иными промыслами только до нового села. Торговым людям приезд в Очаков будет свободен. Однако, после возражений со стороны посланников, он на этом не настаивал, и поправка в договор не вошла. Наоборот, в договоре говорится о занятии упомянутыми промыслами «и на местех к Черному морю ближних». В первоначальной русской редакции заключаемый трактат называли «свежими договорами». Это выражение было по желанию Маврокордато устранено. Он говорил, что если заключаемый договор именовать «свежим», то надо именовать так же и Карловицкий договор, которому срок еще не вышел [1].

Статья 7, принятая после столь многих препирательств на конференциях, говорила об отводе к Азову уезда от кубанской стороны на расстоянии 10 часов обыкновенной конной езды, об установлении границ назначенными с обеих сторон комиссарами; остальные кубанские земли остаются во владении султана. Москвитяне и казаки не должны причинять убытков нагайцам, черкесам и иным подвластным Турецкому государству народам и их животным, и с своей стороны эти народы не должны наносить никакого убытка подданным царского величества и их животным, но должны хранить соседство; «которые дерзнут противно, жестоко накажутся». В тех странах никаких новых крепостей, городов или сел строить нельзя; ныне существующие остаются. В разговоре с переводчиком и подьячим 20 мая Маврокордато сказал, что «статья написана добра», и ограничился лишь одной исключительно редакционной поправкой. В тексте посланников было написано «на кубанской стороне», он предложил поправить «с кубанской» или «от кубанской стороны» [2]. Поправка была принята; в окончательном тексте читаем: «от кубанской стороны».

Обширная статья 8 посвящена русско-крымским отношениям. Царские подданные, москвичи и казаки, не должны предпринимать никаких набегов на татарские рубежи «и неспокойные и своевольные казаки с чайками и с суды водяными да не выходят на Черное море... и от своевольств и напусков должны быть жестоко удержаны». Жестокое наказание должно грозить за всякое действие, противное миру и «доброму соседству». Равным образом и от Оттоманского государства «прежестокими» указами будет приказано пограничным губернаторам, крымским

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 894 об. — 896 об.
[2] Там же, л. 895; ср. л. 871.

ханам, калгам, нурадинам, иным султанам и вообще всем татарским народам и ордам повиноваться Оттоманскому государству и не допускать никаких нападений на владения московского государя, полона не брать, скота не отгонять, но «с крепостию и радением соблюдать доброе соседство». Виновные в нападении будут наказаны в зависимости от вины; все пограбленное должно быть возвращено владельцам. «Разорители и мутители», не повинующиеся настоящему договору, будут подвергаться особенно жестоким наказаниям. Во время действия договора всякие неприязненные действия должны быть прекращены и все противное миру с обеих сторон будет запрещено жестокими указами. Мирный договор должен быть как можно скорее опубликован в порубежных местах с обеих сторон. Заключительные строки статьи касаются возбудившего столь много споров вопроса о «крымской даче», в котором русская сторона заняла столь твердую позицию.

Этот вопрос и при редакционных обсуждениях вновь поднялся с прежней остротой. Маврокордато в разговоре с переводчиком и подьячим 20 мая одобрил весь текст статьи: «Также де и осьмая статья о татарех, хотя оная пространно написана, однакож и в договор напишется как она есть». Он только предложил сделать смягчающее добавление к резкой и категорической редакции заключительных строк в тексте посланников, что дача впредь ни в каком случае даваться не будет и татарам о ней не просить. «Только де надобно, конечно, в нее приписать, что о даче ханской соседству пристойное добровольно да будет», или, если такая прибавка покажется посланникам неприемлемой, прибавить что-нибудь иное в том же роде. Этой припиской Маврокордато открывал все же возможность такой дачи по доброй свободной воле московского государя. В подкрепление он повторял старые и приводил новые аргументы. Султану от ханской дачи никакой прибыли нет и «не гораздо того желает, чтоб та дача хану и татарам от царя давана была, но желает уладить с обеих сторон это дело, чтобы впредь было крепко и постоянно» и чтобы хана и татар, а также своевольных людей, не раздразнить и не привести в отчаяние[1]. Они, посланники, с ними, думными людьми, единомышленны, «только в одних словах разность с ними напрасно творят». Турки вовсе не имеют намерения ввести посланников в какой-либо обман. Если бы он, Александр, такой обман видел, «конечно, бы истинным христианским сердцем их, посланников, в том предостерег; и какой бы он был христианин, если бы больше норовил иноверцам, чем своим единоверцам!» В том, что он говорит в предлагаемой поправке о соседственной дружбе, разумеется воля государя «самовольная и свободная, а не принужденная». Посланники «изволили бы в рассуждение принять», что времена меняются; могут

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 895, 899 об.

сложиться такие обстоятельства, когда и татары государю пригодятся, и если хан и татары «ущедрены будут государскою милостью, то и на всякое услужение государю будут готовы. Времена и лета один бог знает, а дружба надобна всякому человеку» для будущего. При этом он привел в пример Турецкое государство. Когда султан поднимался войною на цесаря, ему обещали помощь казной и людьми шах персидский, и индийский царь, и хан абиссинский, и тогда султан им в том отказал, помощи принять не захотел: я де и один сам управлюсь с цесарем! «А на какое ныне время бог привел государство Турское, то они, посланники, сами видят». Теперь турки везде мира ищут и рады бы принять обещанную помощь у тех государей, только те уж ее не дают.

Все эти аргументы, однако, совершенно не действовали на посланников, и они твердо оставались при своем: без всяких оговорок не давать дачи, ссылаясь вновь на данный им наказ. «О хане написано им имянно, чтоб в мирных договорех написать об нем краткоречием, что не давать, а иного ничего прибавливать к тому отнюдь не велено, потому что за многие неправды крымских ханов и татар не токмо соседьми их именовать и в договорех писать, но и имени их царское величество слышать не хочет!» [1].

Посланники одержали победу. Заключительные строки статьи 8 вошли в окончательный текст в категорической редакции посланников без всяких смягчающих прибавок: «А понеже государство Московское самовластное и свободное государство есть, дача, которая по се время погодно давана была крымским ханам и крымским татаром, или прошлая или ныне, впредь да не будет должна от его священного царского величества московского даватись, ни от наследников его; но и крымские ханы, и крымцы, и иные татарские народы впредь ни дачи прошением, ни иною какою причиною или прикрытием противное что миру да сотворят, но покой да соблюдут».

Неожиданно большие и продолжительные споры возбудила статья 9 о пленных, не привлекшая к себе внимания на конференциях и не вызывавшая тогда никаких замечаний или возражений с турецкой стороны. Статья говорила об освобождении пленных, взятых в плен а) до заключения настоящего мира, б) похищенных татарами или черкесами после заключения мира. Первого рода пленные освобождаются двумя путями: или посредством размена или посредством выкупа. Размер выкупа устанавливается по соглашению между выкупающим и хозяином пленника, у которого пленник оказался в неволе. Если соглашение не состоится, вопрос о цене решается свидетельскими показаниями или присягой: «А буде меж странами согласиться невозможно будет, или свидетельствами или клятвами свиде-

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 895, 900—902, 899.

тельствованная цена да заплатится». Пленные второго рода, похищенные татарами или черкесами после заключения мира, освобождаются и возвращаются без размена и выкупа. К этому тексту, который он раньше принимал полностью, Маврокордато потребовал двух прибавок. 14 мая в разговоре с присланным к нему переводчиком и подьячим он заявил, что «в полонянечной де статье приписал он небольшое ж, только то, что которые полоняники побасурманены и веру басурманскую приняли и тех не прельщать», т. е. не прельщать свободой. Эту оговорку о том, чтобы не освобождать пленных, принявших мусульманство, он делал, очевидно, под влиянием происшествий, разыгравшихся в связи с отправкою пленников на русском корабле. Другую оговорку он сделал при свидании с теми же переводчиком и подьячим 29 мая по требованию великого визиря: визирь, по его словам, усмотрел в статье «некоторую одну малую противность», именно: в статье говорится о цене, за которую пленные приобретены в неволю и которая устанавливается свидетельствами или клятвой. Но у татар пленные-невольники не куплены в неволю, а взяты на войне — взяты «кровью, а не ценою», и в этом случае цена не может определяться ни свидетельскими показаниями, ни присягою. Визирь желал, чтоб в этих случаях вопрос об освобождении разрешался вмешательством, тактичным действием и посредничеством местных властей, которые уговорят владельцев пленных и приведут дело к соглашению. «И в том де ему, везирю, — говорил Маврокордато, — показалось противно то, что у татар полоняники взяты кровью, а не ценой, и в той бы статье приписать так: А буде меж странами согласиться будет невозможно, пленников, которых цена есть денежная, по свидетельству и клятве освидетельствованная да заплатится; а которых, понеже яко во время неприятельства и войны взятых, цена есть не денежная, начальники мест владельщиково соизволение да наводят и умирят и всякой спор в таких свобождениях приличною честию и преусердствованием меж странами да розоймут» [1].

Лаврецкий и Протопопов заметили, что статья о полоняниках была раньше принята, «договорена и на мере постановлена», и тогда Маврокордато против нее не возражал, а теперь вносит прибавки неизвестно для чего. Прибавка визиря, однако, была принята без всяких возражений, и этот пункт в окончательном тексте изложен в таком виде: «А буде меж странами согласиться невозможно будет, или свидетельствами или клятвами свидетельствованная цена да заплатится. Или наипаче от тех, которые во время войны взяты суть, вольно буди со владельцем полонениковым окупом или разменою без принуждения уговор чинить и начальники мест все смирить да потщатся и всякой спор в

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 1061, 871, 928—929.

таких свобождениях приличною честностию и преусердствованием меж странами да розоймут».

Первую поправку Маврокордато должен был защищать, так как посланники выдвинули с своей стороны также поправку: не освобождать из Московского государства пленников, принявших христианство. Маврокордато настойчиво возражал против соответствующей поправки с русской стороны, отстаивая, однако, свою. Он говорил, что подобной поправки нет в карловицких договорах с цесарем, с Польшей и с Венецией. Он и сам не басурманин, а истинный христианин; если бы какая-нибудь опасность грозила христианству без оговорки с русской стороны, он бы сам о том посланников предостерег. У христиан пленникам-басурманам принуждения к христианской вере не бывает, басурманепленники принимают христианскую веру добровольно, и такой человек, приняв добровольно христианскую веру, возвратиться в басурманство не захочет. Наоборот, турки пленников-христиан к басурманской вере принуждают насильно, и поэтому если бы в договоре позволить таких пленников освобождать выкупом или разменом, то «ни единая б душа христианская здесь бы не осталась и со многою радостию, покинув бусурманство, обращалась бы попрежнему в христианство и таким бы порядком давно бы Константинополь запустошился». Поэтому в статье о пленных и нужна такая «оберегательная речь». За побасурманенными пленниками здесь зорко наблюдают, «зело стерегут и смотрят», в чем Маврокордато ссылался на царьградского и иерусалимского патриархов. Посланникам, наоборот, нечего опасаться за пленных-мусульман, принявших в Московском государстве христианскую веру. Турки об освобождении своих пленных вовсе не заботятся: «Для своих полоняников ни в которое государство не ездят и об них не воспоминают». Татарам, если бы они когда за пленными в Московское государство и приехали, можно отдавать на размен или на выкуп негодных полоняников, а «надобных», хороших и принявших христианскую веру отдавать не для чего, да и татары принявших христианство своих пленных никогда просить не будут, потому что они таких людей ненавидят и ими гнушаются [1].

Посланники приказывали передать Маврокордато, что им не только досадно, но и печально, что он не хочет принять их прибавки, поддерживая свою, и, таким образом, с султанской стороны оговорка будет, а с русской нет, и равенства сторон не будет. В Московском государстве таких мусульманских полоняников, которые приняли христианскую веру, множество. И с ними, посланниками, здесь есть два человека, бывших ранее мусульманами и принявших христианство по своему желанию, — один татарин, а другой калмык. И хотя они из Московского го-

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 931, 932 об., 934—937.

сударства попрежнему в свою отчизну не пойдут и тем веры христианской «не обругают», однако они, посланники, опасаются, как бы из-за таких пленных не произошло между сторонами какого-нибудь недоразумения. Маврокордато решительно заявлял, что посланникам «опасаться в этом деле нечего». Пусть они донесут своему государю на него, Александра, что это он отговорил их вносить свою поправку. Рейз-эфенди, к которому они хотели обратиться по этому делу, скажет им то же. В его оговорке о побасурманенных пленных уступки не будет, «хотя бы Турское государство подлинно вверх ногами поворотилось». Посланники решили уступить, заявляя, что, «хотя им от своей оговорки отказываться и не довелось, однакож, не желая чинить в деле большого продолжения», они ее отменяют [1]. В окончательный текст статьи 9 внесена была оговорка только о пленниках, принявших мусульманство: «Но понеже полоненики, учинився мусульманами, свободитися никако не могут, презельно стережено будет, чтоб таких никого не прельщали».

Остальные статьи трактата, 10—14, не вызвали никаких споров или поправок при окончательных переговорах. Маврокордато заявил, что «ни в чем против них не спорит, написаны зело добры» [2]. Так как переговоры о морской торговле на конференциях не привели к положительным результатам для русских и решено было постановление о торговле отложить до приезда в Константинополь великого посла, то статья 10 о торговле ограничивалась только общей высокопарной декларацией, что «торговли дела от плодов мира суть и плодоносие и обилие царств рождают». Но так как посланники не имеют полномочия для постановления о торговых делах, то дело отлагается до прибытия торжественного посольства.

В статье 11 говорится, что споры и ссоры между крымцами и казаками, если бы таковые возникли во время мира, разбираются порубежными губернаторами с тем, чтобы отнюдь из-за таких порубежных ссор не начинать войны.

Статья 12 предоставляла «московского народа мирянам и инокам свободу паломничества во святой град Иерусалим и другие достойные посещения места» с тем, что с них не будет взиматься никаких поборов: дани, гарача или пескеша, а также и денег за проезжую грамоту. Русским духовным лицам, проживающим в Оттоманском государстве, не должно причиняться никаких обид.

Статья 13 гарантирует обычные дипломатические преимущества русскому резиденту при Порте, если когда понадобится назначить такового для устройства и движения необходимых дел: он и его толмачи пользуются такими же правами и привилегиями, какими пользуются резиденты и других дружественных

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 938—939 об., 942.
[2] Там же, л. 896.

Порте государей; обещается содействие его переписке с его двором. «Для творения и подвижения надобных дел, буде когда надобно будет резиденту царского величества у блистательной Порты пожить, он и толмачи его свободами и привилегиями да почтутся, какими и иных друзей блистательной Порты принципов резиденты почитаны быти обыкли, и во время мира людям его, с письмами туда и сюда переезжающим, проезжая да дастся и честное всякое вспоможение да творится». Вопрос об оставлении в Константинополе по отъезде посланников особого резидента для отправления необходимых дел по крайней мере впредь до прибытия туда великого посольства был поднят посланниками во время второго разговора их с Маврокордато 2 мая. Впрочем, еще раньше турки спрашивали, не останутся ли посланники по заключении мира в Константинополе до приезда великого посла, отправив царю известие о заключении мира с гонцом; но посланники тогда возразили, что мирный договор они обязаны вручить царю сами. Может быть, этот разговор и навел посланников на мысль об оставлении резидента в Константинополе. В наказе, им данном, о резиденте не говорилось.

2 мая посланники предложили Моврокордато, предварительно сделав оговорку, что действуют от себя, а указа о том не имеют, чтобы, когда мир будет заключен, «поволено было при дворе его, салтанском, жить его царского величества резиденту, потому что и иных государей резиденты здесь при дворе салтанском живут же». Маврокордато отнесся к этому предложению сочувственно, обещал, что султан такому резиденту жить при дворе своем позволит, и сказал, что в мирном договоре напишется об этом особая статья. Он находил пребывание резидента в Константинополе очень удобным для улаживания разных могущих возникнуть порубежных ссор; присылать для малых дел нарочные посольства убыточно для обоих государств: «Салтаново де величество резидентом царского величества в мирное время жить при дворе своем поволит. И та статья у них в договорех мирных напишется ж. И зело де то добро, что здесь царского величества резидент будет жить для того, что, когда прилучатся какие порубежные ссоры, и те всякие ссоры могут успокоиваться и отправляться чрез того резидента. А для малых дел присылать нарочное посольство на обе стороны напрасной убыток будет» [1]. Статья и была действительно написана в виде статьи 13 трактата.

29 мая через присланных к нему Лаврецкого и Протопопова Маврокордато передал посланникам совет, чтобы Украинцев при султанском дворе до приезда великого посла оставил товарища своего дьяка Ивана Чередеева. Не остаться никому из посланников, по мнению его, Александра, невозможно. У царя началась война с шведским королем — в Константинополе распространились об этом преждевременные слухи, задолго опережавшие подлинные события, — и царя надо будет извещать о здешних делах.

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 831—831 об.

При этом он, Александр, окажет Чередееву всякое содействие. Если такой план посланникам угоден, пусть его уведомят, он доложит великому визирю и думает, что и султану и визирю это будет угодно. При дворе к дьяку станут относиться не как к резиденту, но будут почитать его в прежнем чине чрезвычайного посланника, и ему со всеми его людьми будет даваться султанское жалованье — корм по обычаю. У бывшего у него второй раз в этот день подьячего Протопопова Маврокордато спрашивал, донесли ли они посланникам о его предложении остаться кому-нибудь из них в Константинополе до приезда великого посольства. Протопопов ответил, что слова его они посланникам доносили, «и они де, посланники, зело тому подивились, откуду то и для чего произошло, и о том ответ хотели учинить в иное время» [1].

Украинцев 31 мая ответил, что, не имея царского указа, он оставить здесь для общих государственных дел товарища своего не смеет. Но «для общего добра» обоих государств оставляют они здесь двух знатных особ — секретаря и переводчика — впредь до царского указа или до приезда великого посла с просьбой, чтобы тем особам пребывание дано было в Фонарской улице «и чтоб милостию государскою и призрением везирским были они ограждены и в обиду никому не даны и чтоб указано было им чем и сытим быть». Маврокордато сказал, что если младший посланник без указа остаться не смеет, то «блистательная Порта удовольствуется тем, кого они оставят, только чтоб оставили особ разумных и искусных и одежных (т. е. хорошо одетых), которых бы во время случая не стыдно было перед везиря представить. А двор и для караулу янычаня и кормец до приезду посольского даван им будет» [2].

Статья 14 говорила, как сказано было выше, о приезде в Константинополь великого посла с подтверждающей грамотой через 6 месяцев со дня отъезда посланников и о принятии его на турецком рубеже с обычною честью, о сопровождении в Константинополь сухим путем и об отпуске его после вручения ему султанской подтверждающей грамоты.

XVI. ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ И ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ КОНФЕРЕНЦИИ. НОВЫЕ СПОРЫ О ДНЕПРОВСКОМ РУБЕЖЕ И ОБ АЗОВСКИХ ГОРОДКАХ

С концом мая, казалось, подходили к концу и переговоры. 29 мая Александр Маврокордато объявил присланным к нему Семену Лаврецкому и Лаврентию Протопопову о согласии султана и визиря на уступки по трем возбуждавшим споры вопросам. Турецкое правительство шло на отмену требовавшейся им

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 936 об. — 937, 940.
[2] Там же, л. 941—941 об., 967.

раньше предварительной перед приездом великого посольства присылки гонца с подтверждением мира, от чего зависело назначение срока для разорения днепровских городков; далее турецкое правительство согласилось на назначение этого срока в тридцать дней со дня подтверждения мира чрез великое посольство и, наконец, договорились по особенно трудной и возбуждавшей споры статье о «крымской даче»: она принималась в той решительной редакции, которую ей дали посланники. В свою очередь русские посланники 31 мая объявили о своем отказе от прибавки, какую они выдвигали в статье 9 о пленных, перешедших в христианство, в противовес прибавке Маврокордато о «побасурманенных» пленных [1].

Оставались неразрешенными лишь незначительные «не само надобные» редакционные затруднения по отдельным выражениям в статьях 2 и 5.

31 мая посланники задали Маврокордато ряд вопросов, касавшихся предстоявшей церемонии заключения договора. Эти вопросы предлагались ими и ранее, но теперь, видимо, они интересовали их особенно сильно: когда и где будет происходить сверка беловых экземпляров договора, подписание их и размен экземплярами, на какой бумаге писать беловые экземпляры (на александрийской или на писчей), как надо устроить мешки, в которые вложены будут договоры, относительно внешней формы беловых экземпляров. Посланники выразили желание, чтобы экземпляры обеих сторон писались «меж статьями без отставок». Из слов Маврокордато, с которыми он обратился к присланным, видно, что и у него сложилось впечатление, что переговоры близятся к концу. «Теперво де, — говорил он, — милосердием божиим настоящее дело у них, думных людей, с ними, посланники, в совершенство пришло, за что де должно господу богу благодарение воздать». Сказав далее, что он займется переводом на турецкий язык доставленного ему посланниками латинского текста договора, для чего к нему прислан нарочно от визиря «знатный и первый язычей», он дал ответы на вопросы посланников о церемонии заключения договора. Когда и где съехаться для сверки беловых статей — на съезжем ли их дворе или на визирском, — о том они будут уведомлены. Если съезд будет на съезжем дворе, то, сверив тексты, они их вложат в приготовленные мешочки и мешочки эти запечатают: посланники — экземпляр турецких уполномоченных, турки — экземпляр посланников. В тот же или на другой день мешки эти за печатями принесены будут к великому визирю для подписания, и визирь в присутствии посланников подпишет турецкий текст, а посланники подпишут при визире русский и латинский тексты. Затем, приложа печати, разменяются документами. Если предварительного съезда для сверки на съезжем дворе не будет, то сверка

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 928 об. — 929, 942.

произойдет на визирском дворе непосредственно перед разменом документов. У них «с турской стороны договоры пишутся всегда без расставок на шелковой персидской бумаге и положатся в мешке атласном красном. И они б, посланники, учинили так же». Впрочем, он советует им писать «на бумаге, на какой пристойно по своему обыкновению для того, что у всякого государства поведение и обычай особливой, а соглашаться о том непристойно» [1].

В начале июня, как мы уже знаем, шли еще разговоры о редакционных поправках отдельных чисто формальных «речений» в статьях 2 и 5: «а земли их» или «с своими землями», «близ Днепра» или «где ныне казаки живут». Эти поправки были не таковы, чтобы остановить дело. Действительно, 8 июня Александр объявил, что *последняя* конференция посланников с думными людьми назначена в прежнем кубе-визирском доме на понедельник 10 июня. Там окончательно будет улажен вопрос о поправках. Однако ввиду того, что уполномоченные 10 июня должны были сопровождать великого визиря на банкет к султанскому зятю Осману-паше, конференция была отложена до среды 12 июня, когда она и состоялась [2]. XXII конференция оказалась не последней: за ней последовала еще одна, XXIII, 16 июня. Эти последние конференции принесли посланникам неожиданные сюрпризы.

Приехав с обычным ритуалом на XXII конференцию, посланники поздравляли встретившего их и сидевшего с ними в ожидании уполномоченных сына Маврокордато Николая «с совокуплением законного брака», причем высказали ему пожелание, «чтоб ему видеть сыны сынов своих и дщерей и отца своего во всяком благополучии продолжительной век». Когда затем посланники приглашены были в ответную палату, рейз-эфенди и Маврокордато встретили их там словами: «Давно они друг друга не видали! И нынешний де их, посланничей, приезд благ является, и все ли они, посланники, в добром здравии пребывают, и нет ли в чем им какие нужды?» Посланники ответили, что «милостию божией, также и жалованьем салтанского величества и призрением великого везиря всем они довольны и здравы. А что они, посланники, с ними, думными людьми, не видались давно, и о том и они сетовали не помалу». Поданы были кофе и конфеты. «Думные люди посланником подносили и сами конфекты ели и кагве пили».

Затем по удалении из палаты свит обеих сторон — кроме оставленных для записи речей с турецкой стороны Николая Маврокордато, а с русской двух прежних подьячих Лаврентия Протопопова и Бориса Карцева, — турецкие уполномоченные перешли к предмету конференции, начав как бы с вступительного

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 942—943 об.
[2] Там же, л. 970, 971 об.

слова. Хотя посланники здесь, при дворе султанова величества, «позамешкались долгое время, лишась домов своих и сродников и знакомцев, однакож милостию божиею мирное дело приведено к совершению». Те мирные артикулы, которые у них договорены, постановлены и написаны, слушали султан, великий визирь и вся дума Оттоманского государства и приняли их, кроме одной азовской статьи, о которой поручили им еще раз переговорить. Хотя между государствами заключается и не вечный мир, а только перемирие, но все же на продолжительный срок и притом с обусловленной возможностью дальнейшего его продолжения. Поэтому договор надо заключить так, чтобы «впредь сумнения не было ни о чем никакого, а было бы все светло и ясно». Эту мысль подтвердили и посланники, заметив, что и у них такое же намерение, чтобы «нынешней мир сочинился и утвердился впредь безо всякого опасения и сумнения». После такого вступления турецкие уполномоченные передали те два замечания, которые были сделаны относительно статей договора в «султанской думе». Во-первых, султан пожелал, чтобы точно были обозначены рубежи между владениями обоих государств на Днепре; поэтому они внесли в статью 2, так называемую казыкерменскую, прибавку о том, что «по Днепру меж Сечью и казыкерменскими пустыми месты земли да *розделятся и отделятся»*, т. е. будут размежеваны. Посланники предложили определить рубеж от Сечи вниз по Днепру милями или верстами. Турки, однако, этого предложения не приняли: рубежи определить им сейчас милями или верстами нельзя, потому что подлинных урочищ они как следует не знают, «а разберут то все, даст бог, межевщики с старожилами и с ведомыми людьми. Они свидетельствуются богом, что в этом требовании никакого коварства от них нет и впредь не будет, и много им, посланникам, размышлять о том не для чего». Посланники возразили, что на старожилов полагаться невозможно, потому что они с обеих сторон станут «замеривать» многие лишние чужие земли, на что турки ответили, что «государства российские и турские настолько велики и пространны, что хотя что небольшое из пустых земель перейдет из одной стороны в другую, за это стоять и крепиться нечего». Межевщики исправят захваты старожилов. Посланники против этого предложения более не спорили, а взяли казыкерменскую статью «себе на рассуждение» и впоследствии ее приняли [1]. Однако в окончательный текст слова «да розделятся и отделятся» — не вошли.

Но суть дела была не в этом, а в следующем предложении, с которым выступили турки относительно 4-й, азовской, статьи: «И думные люди говорили, что теперво де они о том днепровском рубеже им, посланником, назначили. А пришло им ныне

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 972 об. — 975 об.; 988 об. — 989.

Рис. 20. Устье р. Дона с крепостями Азовом, Сергиевской, Никоновской, Петровской, Таганрогом, Павловской и Миусом. Чертеж из «Дневника» Корба 1699 г.

говорить против четвертой статьи о другом рубеже, что от Азова». Как бы чувствуя в этом предисловии что-то недоброе, посланники высказали общую предостерегающую сентенцию, «что надобно всякое дело толковать правдою, а не розными мысльми для того, чтоб такими розными мысльми не навесть на обе стороны какого большого спору или вредительства. И жаль де им, посланником, многих своих в том деле положенных трудов!» Тогда турки стали раскрывать свое второе предложение. Вновь оговорившись, что заключаемое перемирие подобно вечному миру и в договоре все должно быть написано так, чтобы впредь не было никакого спора, они указали, что «в азовской статье написано, что Азову городу *с старыми и с новыми* городками быть в державе великого государя». И вот это выражение: *новые городки* — султану, великому визирю и всему дивану «зело показалось неугодно». Писал к султану крымский хан с нарочным своим гонцом, что царь около Азова «строит вновь еще некоторые кастели или городки, а именно на кубанской стороне в четырех часах езды от Азова — и то заносится не к миру», а если и будет заключен мир, то в этих постройках видно намерение к вновь замышляемой войне. Об этом был разговор в «султанской думе» и постановили: если царь желает с султаном истинного мира, то не только не следует вновь строить кастели, но и построенные бы все новые азовские кастели повелел разорить. Поэтому в азовской статье надлежит написать, что Азов уступается только с *старыми* кастелями, с которыми он был до начала войны. А относительно всех вновь построенных городков, как тех новых городков, которые построены ранее на перекопской стороне, именно Таганрог, Павловск и Миус, так и тех, которые построены нынешним летом на кубанской стороне, о которых писали татары, у султана и великого визиря постановлено и всем диваном приговорено потребовать их разорения, и без такого разорения мир заключен быть не может.

Легко понять, как подействовало это требование на посланников. Запись статейного списка отражает следы того волнения, с каким они его выслушали. Они ожидали, что турецкие уполномоченные съехались с ними на конференцию только для того, чтобы в последний раз исправить постановленные и написанные статьи и поздравить друг друга с окончанием дела, а вместо того после столь великих, чуть не годовых трудов по постановлении и по написании согласных с обеих сторон мирных артикулов слышат они такое удивительное и неожиданное предложение и толкование, которое привело их в великое сомнение! «И того им не только делать, но и слышать невозможно», потому что у них с обеих сторон мир договорен и постановлен, и теперь от него отступить и переменять его отнюдь нельзя; никаких перемен ни в азовской ни в иной какой-либо статье, никаких прибавок или убавок они, посланники, не допустят. И то

«немалого удивления достойно», что турки объявили уже о состоявшемся соглашении находящимся здесь чужеземным послам, и те присылали в посольство с поздравлением; да и весь народ в Царьграде уже знает об этом и поздравляет посланничьих людей, встречая их на торгу и в рядах, а теперь сами же они то дело «останавливают такими непристойными запросами»; эти их запросы «зело удивительны и несносны и пред всем светом зазорны. Нигде того не видано и не слыхано, что, договорясь и постановя на мере и написав артикулы, да отступать. Не только в таких великих государственных делех, между такими великими государствами, но и меж простыми людьми, о чем кто с кем договорится и между собою постановят, и то хранят и додерживают и от того не отступают». О постройке нынешним летом новых городков на кубанской стороне крымский хан и татары донесли ложно, возбуждая ссору и не желая между государствами мира, «и таким ложным и ссорным ведомостям верить отнюдь не надобно». «Когда так бывало, что блистательная Порта начинает слушать татарского вымыслу?» Они, посланники, знают подлинно, что татары никогда не желают покоя и благоденствия между государствами, они заинтересованы в набегах и похищении пленных и «разлитии крови христианской». Вот и недавно «тайным обычаем» похитили близ Азова на Дону несколько человек русских людей и сюда привезли, и, может быть, эти пленники, не зная подлинно, сказали, что царские ратные люди делают вновь около Азова городки, а татары эти слова приняли за правду и за подлинные ведомости султану донесли. Если туркам хочется о том ведать подлинно, то они, посланники, объявляют им самую правду, что великий государь ныне «резидует в городе Воронеже (Петр был уже в это время в Москве), которой город лежит положением своим на пути между Москвою и Азовом, и управляет там морской воинский караван». А в Азов присланы ратные люди для починки и обновления города Таганрога и других старых городов, а не для постройки новых. Государь указал «те прежние недостроенные города достроить и в совершенство ко укреплению привесть» в ожидании продолжения войны «для того, что двухлетнего Карловицкого перемирья остается уже малое время, а о заключении нынешнего мира у царя еще ведомости нет. И в той починке и во обновлении Таганрога и иных прежних городов никому возбранить невозможно; вольно и салтанову величеству порубежные свои старые городы починивать». Здесь посланники сделали промах, произнеся слова, от которых им потом пришлось отказываться: «А если при нынешних договорех построены будут с стороны его царского величества около Азова где вдали вновь кастели, и *те могут оставаться и разориться»*. В этих словах все же заключалось обязательство разорить те вновь строящиеся городки, о которых возвещали татары. «А которые кастели, — продолжали посланники, — до сего времени

построены, и тем быть в своем существе безо всякого разорения». Воинские корабли приготовляются также по той причине, что Карловицкое перемирие истекает. Когда царю станет известно о заключении нынешнего мирного договора — «и то корабельное строение отставится». И эти слова также заключали в себе обязывающее и не особенно осторожное обещание. На реплику турок: «Правление здешнего государства рассуждает так: когда между обоими государствы быть дружбе, то никакого неприятельства вмещать не надобно; а те де азовские три городка Таганрог, Павловской и Миюс будут всяким ссорам предначинание; и того ради должно их, конечно, разорить и запустошить и об них никакого воспоминания не чинить», посланники горячо возражали: «То де дело не статочное! Лучше им здесь смерть принять, нежели на такое разорение новых городков поступить! Знатно по всему, что еще не пришла божественная воля, чтобы быть миру! И статочное ль то дело, что царскому величеству, восприяв великие убытки, как в городовом, так и в корабельном строении и в пристанех, да без всякого принуждения то испровергнуть и разорению предать! Еще де такого удивительного предложения никогда нигде они, посланники, не слыхали! Да оно и разуму человеческому зело противно! И чтоб они, думные люди, в разорении тех городов никакие надежды не имели и больше о том не труждались!»

В заключение этой патетической речи посланники в упор поставили туркам вопрос: «Чтоб они, думные люди, учинили подлинной им ответ, совершать ли им на договоренных и постановленных артикулах с ними, посланники, мир или нет?» Турки ответа не дали, обещали донести визирю и ссылались на то, что говорили «не собою, но повелительным указом здешнего правления». Посланники вновь решительно сказали: «То де доношение (великому визирю) да будет на волю их, думных людей. А у них договоренному и постановленному делу никогда никакой ни в чем перемены не будет»[1].

Стороны обменялись еще коротенькими замечаниями о поправках в статьях 2 и 5. Затем турки уже в смягчающем тоне говорили, что видят они и сами, что «пришло у них сегодня такое дело, какого никогда еще не было»; только из-за этого не надо ни той, ни другой стороне от договоренного и постановленного отказываться, и если бы какая-нибудь из сторон стала из-за каких-либо трудностей от мирного дела отставать, то другой стороне надобно ее удерживать, «потому что в том мирном деле с обеих сторон положено много трудов и таких трудов напрасно терять не надобно». Посланники вновь повторили свое ходатайство об освобождении 35 полоняников, снятых с русского корабля и сидящих под арестом; турки обещали об этом деле «радеть». Подан был шербет и благовонное курение. Затем, встав, послан-

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 975 об. — 981.

ники принесли поздравление Маврокордато с бракосочетанием его сына, «чтоб ему видеть у того сына своего сыны сынов его и дщерей и умножение фамилии своей». Отец и сын благодарствовали. На прощание посланники еще раз убеждали турецких уполномоченных приложить старание к заключению мира и «не вчинать» новшеств: «А притом посланники говорили думным людем, чтоб они в том настоящем деле приложили труды свои и радение безо всякого лишнего толмачения, а нового б не вчинали. А когда то дело при помощи божией совершится, и тогда все разные толкования и сумнения истребятся и престанут». Турки ответили, что «они всем сердцем своим то дело ради приводить к совершенству и надежда де в бозе, что тое все благо и счастливо совершится. И простясь, они, думные люди, с посланники остались в ответной палате» [1].

На следующий день, 13 июня, посланники отправили к Маврокордато переводчика Лаврецкого и подьячего Протопопова сказать, что вчерашний съезд их удивил и опечалил, потому что после стольких чуть не годовых трудов по постановлении и написании согласных с обеих сторон артикулов произошло такое неожиданное «по ненависти некоторых злых людей предложение и толкование, которое привело их в великое сомнение!» Посланные должны были повторить Маврокордато вчерашние аргументы против всяких изменений в тексте договора и привести еще один новый: о соглашении и именно по азовской статье посланники писали государю с гонцом, которого отправили 1 мая, и поэтому никакие перемены в этой статье уже недопустимы. Действительно, 1 мая был отпущен в Москву сотник Дмитрий Нестеренко с отпискою, в которой посланники давали отчет о переговорах на XVII—XX конференциях [2]. Посланным поручено было также возобновить поставленный туркам накануне решительный вопрос — будут ли они заключать перемирие на постановленных и написанных артикулах. Для ответа на этот вопрос посланники просили назначить последнюю конференцию на следующий день, в пятницу 14 июня [3].

Маврокордато в ответе соглашался, что мирные статьи у них были договорены, «на мере постановлены» и доложены султану и визирю, однако тогда еще подлинного и прямого султанского указа на те статьи не было. Этот указ теперь состоялся: его-то именно они и передали во вчерашнем своем предложении. Изменения, предложенные вчера с турецкой стороны о трех азовских городках, незначительны, и посланникам сомневаться и печалиться не стоит, потому что мирный договор во всем остальном остается неизменным. Турецкие уполномоченные выступили вчера с своим предложением «по приятству и по любви,

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 981—982.
[2] Там же, л. 806 об.
[3] Там же, л. 983—984.

как бы тому делу учинить учтивое и благоволительное решение», потому что турецкое правительство очень тревожится относительно трех новых азовских городков; а что здешний народ говорит, что договор уже заключен и что иноземные послы присылают с поздравлениями по поводу заключения мира — «и то де самое доброе дело, и от того не отговаривается и он, Александр, что то есть самая правда».

Переводчик и подьячий повторили, что никаких перемен в договоре допущено не будет, у посланников того и в мыслях нет. Хотя Маврокордато «то свое вчерашнее предложение ставит легко», однако для посланников оно тягостно и несносно. Ведь именно из-за тех новых азовских городков царь сделал султану уступку относительно городков на Днепре. Как он, Александр, думает: такая большая уступка султану, как разорение славной крепости Казыкерменя на Днепре с тремя близлежащими городками, — бóльшая еще от какого христианского государя сделана? Им известно, какие малые уступки сделаны были с цесарской и венецианской стороны. «И чтоб они, думные люди, о тех азовских городках больше не упоминали и разорение их из мысли своей отставили и тем их, посланников не труднили, а учинили бы завтра неотложной съезд», на котором объявили бы, будет ли мир или не будет. Больше посланникам ждать невозможно, давно уже они замечают, что «в том деле, кроме проволоки, ничего доброго не является и мочно дознаться всякому, какое куда намерение и к какому поведению идет». Маврокордато поймал посланных на словах о том, что разорение Казыкерменя — большая уступка: «Всегда де на свете таково содержится поведение, что от кого больше в чем кому уступки, то с тем больше и дружбы». Если царь сделал султану такую большую уступку, то за то будет у султана с ним больше и дружбы. Посланникам нечего беспокоиться, «мир учинен и постановлен на тех статьях, каковы они есть». Для большей убедительности Маврокордато прибег к сравнению, что он часто делал в своей речи: «Постановленные статьи пребывают ныне в таком состоянии якобы церковный алтарь новопостроенный совсем украшен и убран, которому и двери растворены, только войтить и благодарение господу богу принесть. Даст бог, то дело примет свое окончание на будущей конференции»; они отыщут такое среднее решение об азовских городках, такой «угодный и невредный обеим сторонам средок», которым все дело будет улажено [1].

14 и 15 июня посылки с просьбой о конференции были повторены. 15 июня рейз-эфенди присланным к нему переводчикам Семену Лаврецкому и толмачу Полуекту Кучумову в ответ на такую просьбу сказал, что 16 июня будет у них заседание дивана, «однакож то их, посланничье, предложение донесет он

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 985—986 об.

великому везирю, и по окончания дивана после полудня мочно будет им съехаться»[1].

Последняя XXIII конференция состоялась действительно 16 июня. Посланникам на этот раз не пришлось ждать в прихожей палате, и они сейчас же по приезде были проведены в ответную, где уже находились турецкие уполномоченные, обратившиеся к ним с приветствием: «Бог да подаст общее здравие служащим обоих государств!» За поданным кофе турки спрашивали посланников, почему они не переезжают на отведенный им для летнего пребывания загородный двор на берегу Черноморского гирла. «А время де такое ныне теплое и в том де дому, где ныне живут, для великих жаров жить опасно». Посланники ответили, «что де им на том дворе по се число никакой большой нужды нет и все при них люди обретаются милостию божиею здравы». Перешли затем к делу. Турки объясняли значение своего предложения, с которым они выступили на прошлой конференции: «предложение их показалось посланникам противно», о чем они, посланники, тогда же заявили и потом после конференции присылали своих «нарочно посланных выговаривать» уполномоченным «бутто с некакою жалобою». А между тем «они, думные люди, говорили тогда по приятски, а не в досаду», так же как будут говорить и теперь. А такого намерения, чтобы нарушить постановленные статьи, у них не было. Статьи эти прочитаны в диване, приняты без спора и «стоят неотменно». Только в диване было такое рассуждение, что «в тех артикулах является опасность от новопостроенных трех азовских кастелей: от Таганрога, Павловского и Миюса». Поэтому и велено им, думным людям, переговорить с посланниками, что от этих городков будет «вящая вражда и ссора»; татары, зная о малолюдстве в тех городках, будут предпринимать на них частые набеги и грабежи, а к Азову таких набегов не будет, потому что этот город многолюдный и стоит «в крепких местах». Вот почему они, думные люди, просят посланников в деле о разорении этих городков поступить с ними «склонно и согласно, без всяких отговорок», чтоб от этого разорения могла возрасти между обоими государствами «наивящая дружба и безопасность». Время договариваться еще не ушло, статьи еще не подписаны и в них не только одно это слово (*новые* городки), но и целую статью можно переменить.

Посланники встретили эту речь ироническим восклицанием: «Та де их проповедь ономняшная ж» — т. е. та же, что и три дня назад. Они, посланники, съехались с ними сегодня, чтобы услыхать от них подлинный ответ, будут они на постановленных артикулах заключать мир или не будут. Об азовских городках свой взгляд они, посланники, высказали в прошлый раз и рассчитывали, что турки уже к этому вопросу не вернутся. Од-

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 987—992 об.

нако они изменяют уже принятое постановление и «по татарским ложным ведомостям и нежелательным советам предлагают, чтобы азовские кастели, эти яко в теле человеческом самые нужнейшие некоторые главные члены и составы, были отъяты и истреблены». О таком разорении ранее не поднималось речи ни в Карловицах, ни здесь в продолжение почти целого года на двадцати одной конференции и на многих пересылках между конференциями. И только теперь, «испустя время», начинают об этом говорить! А им, посланникам, не только приступить к такому делу, но и помыслить о нем невозможно! Оттоманское государство всегда было постоянно, и все прочие народы всегда удивлялись его постоянству и крепости и ставили ему эти свойства в великую похвалу, и не только татарских, но и иных ничьих советов оно не слушало и не принимало. Татары «по своевольству своему и по обычаю никогда не желают покоя между государствами, а желают для своей корысти, чтоб Оттоманское государство было с своими соседями в войнах и в кровопролитии, а им бы, как хищникам, от того полниться и богатеть, потому что живут они в турецких провинциях и городах своевольно, хлебом, скотом, виноградом и похищением пленных забогатели, а *гарачу* (податей) государству Оттоманскому никогда не платят. Если бы они от Порты были обложены гарачем или на них была бы наложена какая-нибудь работа и от них бы такого своевольства и нарушения мира с соседями никогда бы не было». Оттоманское государство «полнилось бы от них тем гарачем и имело бы дружбу и покой с соседями, а они бы также были сыты и довольны трудами своими от пашни, и от скота, и от виноградов, и от всякой торговли своей. И если Оттоманское государство будет всякое их своевольство попускать и воздержания им не учинит, то поистине приведут они его когда-нибудь в великие и нескончаемые вражды и кровопролитие с христианскими государствами». И теперь нарушение договоренного, постановленного и написанного мира «чинится по их, татарской, ненависти и по ложным ведомостям и по непристойному и ссорному мнению и толкованию». Им, посланникам, хорошо известно, да и в Карловицах об этом шли разговоры и «подлинная была ведомость, что блистательная Порта всем государством приговорили и постановили Азов со всеми кастелями уступить царю... А ныне всчаты такие непристойные запросы и учинено неслушное предложение, чтоб кастели новые азовские разорить безо всякого принуждения и крепость азовскую оставить одну безо всякой подпоры и обороны! Такого образца на свете не видано и не слыхано, чтобы прежде времени и еще до какого-либо неприятельского прихода крепости и городовую оборону разорить и ворота и города отворить! И то дело ни по какому образу статися не может, и такого от них, посланников, не токмо договору, но и слова не будет!»

Повторив еще раз, что о состоявшемся соглашении уже послано извещение государю с гонцом 1 мая и изменить его нельзя, посланники привели еще и такие доводы против изменения азовской статьи: «У всех христианских государей будет в подивлении, что блистательная Порта, призвав сюда их, посланников, с великим прошением и обнадеживанием, . . . и продержав целой год, предлагает неслыханные и несносные артикулы» об уничтожении кастелей, лишая Азов всякой обороны. «А те кастели от Азова в ближних местех около Донского устья, а не на пространном расстоянии» и построены только для охраны промыслов азовских жителей. «Токмо для рыбной ловли и сенокосу и для дров за удовольствование азовским жителям, а никому никакого вреда от них никогда не будет». Они только будут препятствием «тайным кражам и похищению татарскому под Азовом, понеже и в нынешнее перемирное время они, татаровя, под Азов и под иные городки подбегают и людей в плен, обнадеженных миром, похищают. И чтоб послан был салтанова величества к хану жестокой указ, дабы он тех. . . похищенных полоняников, конечно, всех отдал в сторону царского величества без окупа и без розмены».

Турки возражали, ссылаясь на приказ свыше: о чем приказано им было договориться, о том они договорились и постановили, а о чем после того еще приказано говорить, «о том они и говорят без зазору, — чтоб посланники в том на них не пеняли». Посланники называют новые три крепости «Азову нужнейшими членами и составами», но турки прежнего ничего у Азова не убавляют и старые члены, т. е. городки, уступаются вместе с Азовом. В Карловицах говорили только о старых городках, а о новых не поминали, потому что про них не знали. «И построены они напрасно: наперед сего Азов и без тех новых городков стоял же и в какой он славе и цене, и то всему свету явно, что и может себя боронить и без тех новых городков». О разорении этих городков говорить и домогаться его велено им от всего здешнего государственного правления, из желания постоянного мира, и они «совершенно надеются, что посланники в том их удовольствуют», на разорение согласятся «и за такое малое дело стоять и из-за него мирного постановления разрывать не будут. . . Здешнее правление вменяет то дело в легкость и ставит им, думным людем, в стыд, что они не умеют у посланников того выпросить и для двух великих государей настоящей дружбы и любви о таких малых трех городках домочься». Поэтому они, думные люди, просят их, посланников, чтобы они «всего здешнего государственного правления прошения не презрили и послушали, за такие малые три городка много не стояли, а поступили склонностью, чтоб настоящему делу не учинить препятствия». Богу известно, каково было радение рейз-эфенди к ним, посланникам! Все их предложения и объявления он здешнему правлению «доносил со многим рассуждением и. . . располагал

и соглашал» те возражения, которые в диване делались. «И ненадобно им, посланникам, за такие малые вещи крепиться!» Рубежи останутся те, которые были поставлены, без прибавок и убавок. И у всех христианских и мусульманских государей никогда на рубежах и близ рубежей городов не строят.

На слова посланников о татарских набегах турки с своей стороны жаловались на набеги казаков. «А что де они, посланники, выговаривают им о татарских набегах, и им де есть ведомость из Крыму противная, что недавно подбегали к Перекопи казаки и там похитили многих людей в полон и животинные стада отогнали. И хан де крымской доносил о том чрез нарочных своих посыльщиков царскому величеству. И по тому де его, ханскому, доношению изволил его царское величество учинить святую справедливость, не только побранный полон и отогнанные стада возвратить, но и самих тех подлинных ссорщиков, то есть казаков, указал прислать в Крым к хану головою, и велено ему над ними чинить, что он хощет. И салтан де и везирь, и все правление Оттоманского государства по тому поступку видят, что он, великий государь, миру совершенно с ним желает и изволяет его держать постоянно». И если посланники договорятся о разорении новых кастелей, «за то он гневу своего на них не положит». Азовский артикул еще можно переменить, потому что договоры еще не подписаны и не разменены. Что до татарских набегов, то в настоящем мирном договоре «к унятию их своевольства положена такая сила и мочь, что им теперь ни к какому злому поступку помыслить отнюдь невозможно». Свою речь турки заключили словами: «И желают де они, думные люди, от них, посланников, слышать, какое они имеют намерение о разорении тех кастелев».

Турецкое многословие, видимо, утомило посланников. Они решительно сказали, что «переменять того азовского артикула и писать в нем о разорении новых кастелей не будут. И те де их многоплодные слова зело им являются трудны и несносны!». Таких слов, что Порта указывает царю об Азове, «как его держать», что «те три новые городка не крепость и построены напрасно, и людей в них малолюдство», чтобы их разорить и держаться бы Азову с одними прежними городками, — «таких слов плодить им, думным людям, не довелось, для того что великий государь в своих городах и землях волен и где что изволит строить или какую крепость вновь учинить, и в том указать ему никто не может». Когда Азов был за султаном, в нем построен был город каменный, а царское величество вместо того каменного указал сделать земляной, и то в воле его ж царского величества. Те новые городки построены не для разорения, но для укрепления и для унятия татарских набегов. С тех пор, как они построены, тому уже четвертый год, а не нынешним летом деланы, «людей в них довольство, также и строение городовое и дворовое и хоромное множественное, учинено оно

великими проторьми и убытками. Безо всякого принуждения разорять их не для чего, и учинить они того, не имея царского указа, не смеют. Если салтанское величество изволит заключить мир на тех статьях, которые договорены и постановлены», они приступить к этому готовы; если же султан не согласен, то пусть прикажет их отпустить к царю, потому что они сюда призваны и продержаны целый год без дела, «бутто для какого вымыслу и обману»; от двухлетнего перемирия остается только с пять месяцев, и если б великий государь такое их намерение и «в деле проволоку» ведал, то не прислал бы их сюда.

Все аргументы с той и с другой стороны были исчерпаны. Чтобы положить конец «проволоке», посланники нашли своевременным предъявить туркам ультиматум: «Имеют они, посланники, и указ его царского величества чрез последнего присланного к ним гонца тому уже два месяца; если в нынешнем мирном деле будет с стороны блистательной Порты многая проволока и мотчание, и им, посланником, велено для совершения того дела объявить им, думным людем, последней месячной срок, что по объявлении того указу совершить бы им, посланником, то дело с ними, министры, с того числа в *месяц*. А буде то дело совершения в месяц не восприимет, и по выхождении того месяца, ни в какие договоры вступать им не велено». До сих пор они этого указа не объявляли, «держали его на своем сердце для того, что мирное дело хотя медленно однако ж шло своим поведением». Они ожидали, что дело «милосердием божиим» приведется к окончанию без всяких излишних запросов. «Ныне же им, слыша такие тяжелости, терпеть и присланного указа не объявить невозможно, потому что в том указе написано к ним со многим гневом, для чего они, посланники, так долго здесь замешкались и ничего не делают и отповеди никакой царскому величеству не чинят. И ныне они о том указе думным людем объявляют, и с сего числа совершения дела будут ждать месяц». Если в течение месяца дело не закончится, то после этого срока они в договоры вступать не станут и делать ничего не будут. «И то нынешнее объявление и число у себя они, посланники, запишут. А хотя им, посланником, отсюда и отпуска не будет, и они готовы здесь и смерть принять».

По поводу последних слов посланников Маврокордато заметил: «Тот де их, посланничей, конец с началом не согласуется» и отказался передавать ультиматум рейз-эфенди. «Того их конца... товарищу своему большому, рейзу-эфенди, сказывать не будет для того, что никакого неприятельства с стороны салтанова величества на сторону царского величества он, Александр, не видит и не признавает; если бы он что противное усмотрел, он бы от посланников не утаил и им сказал. Говорено у них сегодня по приятельски, не к разорванию дела». Он скажет рейз-эфенди только то, что посланникам об азовских городках «учинить ничего невозможно и не смеют, потому что писали

о том царю... никакой перемены учинить не смеют», а указа о разорении городков у них нет — чтоб он, рейз, доложил о том визирю. «А такой де жесточи, чтоб их, посланников, отпустить к Москве без дела, говорить и объявлять ему, рейзу, не надобно, понеже то дело милостию божиею, чаять, что приведется к счастливому совершению и без такого сурового объявления». Посланники ответили Маврокордато, что в его воле, как сказать рейзу, но у них «то самое истинное и последнее объявление», иначе им поступить невозможно и перемены никакой у них не будет.

Маврокордато продолжал восхвалять рейз-эфенди. Какие его в этом деле положены труды, о том известно богу, и «неложно он, Александр, посланникам объявляет, что за сторону царского величества стоятелем и спорником был один рейз, а кроме его никто о стороне царского величества не радеет. Посланники ничего бы ко умалению себе в настоящем деле не мыслили, все де господь бог управит». Друг друга видят они не впервые и до сих пор между ними «творилось всегда доброе. А ныне напоследок должно и паки оказаться между собою любовно ж. И велели они, думные люди, подать пить шарбету и курение благовонное, и тот шарбет посланником подносили и сами пили и благовонием окуривали». Конференция, несмотря на ультиматум посланников, кончилась в самых дружелюбных тонах. Посланники говорили: «За такие деево, рейзовы, добрые намерения, что он желает обоим государствам всякого добра, подаст ему господь бог счастливое во всех делех его поведение и здравие». Турки были преисполнены уверенности в заключении мира. «Рейз-эфенди говорил, что де господь бог силен и нынешние их многие труды впредь не без приношения плодов будут. И простясь, остались они, думные люди, в ответной палате, а посланники поехали к себе на посольской двор» [1].

XVII. ПРИЧИНЫ ЗАТЯГИВАНИЯ ТУРКАМИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ МИРА. ОТКАЗ ТУРЕЦКИХ ДИПЛОМАТОВ ОТ СВОИХ ПОСЛЕДНИХ ДОМОГАТЕЛЬСТВ

Выступая на последних двух конференциях, XXII и XXIII, с своим совершенно неожиданным требованием о разорении азовских городков, турки, видимо, имели намерение по каким-то причинам затягивать заключение мира, от которого на самом деле отказываться не думали. Можно предположить, что желание выиграть время возникло у них в связи с распространившимися тогда и упорно державшимися в Константинополе слу-

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 993—1004.

хами о том, что Петр уже начал войну со Швецией. И в зависимости от оборота, какой примет эта война, турки, выигрывая время, могли рассчитывать на улучшение для себя условий мира. Слухи о войне России со Швецией появились еще в конце апреля. 21 апреля Маврокордато говорил присланному к нему переводчику Семену Лаврецкому, что «вчерашнего дня в вечеру прибежал в Царьград к польскому послу гонец из Польши» с известием, что король Август, начав войну со Швецией, пошел на Ригу, а царь по его просьбе послал ему на помощь 30 000 своих ратных людей, которые одержали над шведами «великую викторию» [1]. 22 мая, будучи у посланников, он, между прочим, сказал: «Здесь де носится такая ведомость, что великий государь изволил по согласию с польским и с датским короли всчать новую войну с свейским королем, и войска де его... уже осадили свейской город Нарву». Переданная молва, как видим, значительно опережала события, верно указывая (в том, что касалось осады Нарвы) их дальнейшее действительное направление. Посланники опровергали сообщение: «Они о том слышат от него, Александра, впервые; только де те вести ложные, потому что о войне с свейским королем ниоткуду к ним, посланником, не писано» [2]. Опровержение это, однако, не разубедило Маврокордато; предлагая оставить в Константинополе резидентом дьяка Ивана Чередеева, он говорил: «А се де ныне великий государь... имеет войну с свейским королем», и ему надобны будут постоянные сообщения о положении дел в Константинополе [3].

Особенно подробные известия о войне сообщили посланникам иностранные послы. Голландский посол спрашивал у присланного к нему 25 мая с поздравлением подьячего Протопопова, «есть ли у них, посланников, ведомости о поведении нынешнего свейского короля с датским и с польским короли?» Протопопов ответил: «Ведает де он, посол, и сам что им, посланником, о том слышать не от кого, и почта отсюды к Москве и с Москвы сюда не ходит». Тогда посол сказал: «У них ведомости есть такие, которые писаны к венецыйскому послу из Венеции и из Вены, что против свейского короля война всчата с трех сторон: с одной стороны — польской король прежним своим курфистрским чином, не имянуя себя королем (т. е. в качестве саксонского курфюрста); к нему в помочь приданы от цесаря розные курфистры со многими войсками; с другую сторону — датской король — сухим путем и морем; а к нему, датскому королю, в помочь посылает морской свой немалой караван французский король. А с третью сторону на того ж свейского короля изволил послать многие войска его царское величество, в котором де войске у него, великого государя, одной пехоты 40 000 человек.

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 728 об. — 729.
[2] Там же, л. 916 об.
[3] Там же, л. 936 об.

И ныне де началась такая великая война, которой мало когда слыхано, и теперво де чуть не весь свет в войне. Только пребывает одно Гишпанское государство в покое!» Далее посол сообщил, что Англия и Голландия окажут помощь шведскому королю своими флотами, которые спешат в Зунд, чтобы попасть туда ранее французов, и в Зунде непременно произойдет битва между флотами. Посол делал далее прогноз, что шведскому королю едва ли устоять против таких внезапно напавших на него сил. Польский король захватил уже некоторые замки, ему готова сдаться и Рига, которой он обещает вольность; датский король взял те земли, из-за которых спорил с голштинским князем. 2 июня голландский посол говорил тому же подьячему, посланному к нему специально за новыми вестями, что «ведомостей никаких к нему вновь нет. А в курантах де апреля от 30 числа пишут, подтверждая прежние ведомости о польском и о датском королях и о войсках царского величества на свейского короля и что город Нарва от войск его царского величества взята»[1].

Те же вести, ссылаясь на куранты, сообщал и цесарский посол: «Пишут де в курантах и в иных ведомостях, что великий государь, согласясь с польским королем, изволил всчать войну с свейским королем и многие крепости от войск его... в свейской земле осаждены, а город Нарва уже и взят. И ныне де его царское величество с войсками пошел к Ревелю или к Колывани»[2].

Подьячий опровергал все эти вести: недавно посланниками получены известия через гонцов, что царь «резидует» со всем двором в Воронеже, занят снаряжением флота, набирает в него ратных людей и отпускает его под Азов; никаких войск на шведского короля он не посылал. «И чтоб он, посол, — говорил Протопопов голландскому послу, — таких неподлинных ведомостей из курантов впредь никому не сказывал». Посол оправдывался, «что де он то говорит, не собою догадываясь, но то, что в курантах писано, а лишнего ничего против тех курантов от себя не вымышляет». Он соглашался, что куранты не всегда заслуживают доверия, готов был верить подлинным русским известиям и опровергать известия курантов. «И ведает де он сам, что таким курантом иногда верят, а иногда и не верят, потому что много пишется в них неправдивых ведомостей. А когда де к ним, посланником... есть письма с Воронежа и тому де надобно больше и верить. И впредь де он тех ведомостей никому сказывать не будет, а где услышит и тем людем станет о том отговаривать, что в тех курантах царского величества о войсках писано несправедливо, потому что де к ним, посланником, писано о том именно с Воронежа»[3]. Русские, опираясь на подлинные известия

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 923 об. — 925, 951.
[2] Там же, л. 947.
[3] Там же, л. 951—951 об.

с родины, опровергали скорее преждевременные, чем совсем уже неверные сообщения курантов; готов был опровергать их и голландский посол, но молва делала свое дело. Известия, в том числе и лживые, тогда были не часты, шли медленно, но зато, не подвергаясь опровержению, держались долго и упорно и, конечно, должны были оказывать свое воздействие на турок, которые, может быть, под их влиянием и затягивали переговоры.

Прошло несколько дней после последней XXIII конференции совершенно без всяких сношений посланников с турками. 21 июня посланники отправили к Маврокордато переводчика Семена Лаврецкого, напомнить о себе и спросить: «Для чего блистательная Порта держит их здесь без дела многое время?» Переводчик должен был передать тревожные предположения посланников относительно намерений турок в связи с возникшими слухами: «Знатно есть некакой вымысл (военный план). Да и подлинно, как они, посланники, слышат, есть вымысл». Когда из Крыма получены были здесь известия, что крымские татары и нагайцы пошли под Азов, отсюда отправлены были к Азову корабли и каторги, и теперь уже должно быть началась там война. В этом великая неправда — не дождавшись срока перемирия, начинать такие дела. Их, посланников, задержали здесь около года, оттягивая время. Поэтому они просят или кончить с ними дело, или их отпустить, потому что они уже ни на какой добрый конец не надеются. Они опасаются за промедление гнева и опалы от великого государя; да и от здешнего народа они «не безопасны», как бы своевольные люди их не побили, потому что здешние жители обнаруживают против них враждебные чувства, «суровые во нравех поговаривают в рядех людем их, посланничьим: долго ли де им здесь жить и по улицам волочиться? Или они не знают того, что мусульманы не любят шептания, а смотрят самого дела!» Благодаря начитанности в хронографах посланники вспоминали исторический прецедент — избиение французов в Сицилии в 1282 г.; посланники выражали опасение, «чтоб им не досталось Сицилийской вечерни». Есть еще и такая опасность, как бы при таком промедлении не пришел к ним царский указ с предписанием бросить все дело и до истечения месячного срока. Маврокордато отвечал целою речью, изобилующей общими сентенциями и афоризмами. Великое государственное дело скоро делаться не может. Напрасно посланников никто не задерживает. «Вымыслов» у Порты, которые они подозревают, никаких нет, не бывало и впредь не будет. Если бы у турок были какие-нибудь враждебные намерения, разве они поступали бы с посланниками таким добронравным обычаем и разве почитали бы их такою честью и довольством? Что касается слуха о походе крымских и нагайских татар к Азову, о кораблях и каторгах, «тому, он, Александр, зело дивится, что они, посланники, — люди разумные и великопочтенные и у блистательной Порты гости любимые, а на такие вести бездельных

людей свое преклонное имеют ухо», а им, думным людям, не верят. Татары обещали Порте быть «во всяком послушании» и твердо держать мир с царем. Никто из крымцев и нагайцев никуда не послан; ни один султанский корабль и ни одна каторга отсюда в Черное море не ходили и впредь не пойдут. Обманывать друг друга даже самому безбожнейшему человеку ненадобно и неприлично, тем более государю нельзя обманывать государя, начиная войну до истечения срока перемирия. Посланники сами видят «поведение и тихость Турского государства, как с ними турки поступают самою тихостию и всякою добротою». Он просит посланников иметь терпение и надеется, что доброе дело примет добрый конец. Положение рейз-эфенди и его самого очень затруднительно, оба они не знают, на которую сторону угодить, «потому что многие есть ненавистники, что его, рейза, называют москвитином, а его, Александра, и за прямого имеют москвитина, потому что они оба доброхотствуют стороне царского величества и в сем мирном договоре труджаются». Опасаться им, посланникам, гнева и опалы от своего государя не следует, «потому что государь премудрый и самовластный, знает, что дело, о котором они, посланники, трактуют, — великое и требует великого расположения и рассмотрения». Здешнего народа опасаться и «Сицилийской вечерни» ожидать им нечего, потому что Оттоманская Порта знает, «как в своем обучении подданных своих держать. И изволили бы они опочивать на оба уха без всякой опаски и во всякой благой тишине». Он, Маврокордато, состояние государства своего знает, и хорошо знает, и если бы заметил что-нибудь враждебное со стороны верхов или простого народа, как христианин, предупредил бы посланников. Прошение же их, посланничье, об отпуске показалось ему «зело жестоким», но он таких жестоких слов никому не донесет, чтобы не раздражить здешнего правительства, в котором есть «много доброхотных и много противных людей». «И приказывая с ним, Семеном, дважды и трижды говорил, чтоб они, посланники, не жесточились словами к здешнему владению и сего его, Александрова, совета послушали и изволили б во всем ласково поступать, потому что ласка творит безопаство, а безопаство дружбу и приятство, а приятство и безопаство творит соединение сердец». Если придет посланникам указ прервать дело, и в том будет воля их государя; но в таком случае и турки к войне готовы [1].

Через три дня, 24 июня, Маврокордато приказывал Семену Лаврецкому передать посланникам, «чтоб они о своем долгом житии были терпеливы: много жили, малое уже время доживать, понеже конец близко, даст бог и доброй будет». В том же смысле обнадеживал посланников и рейз-эфенди [2].

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 1004—1008.
[2] Там же, л. 1008 об.

Неосторожные слова посланников о том, что новейшие городки под Азовом, если такие строятся текущим летом, будут разрушены и флот перестанет строиться, не прошли им даром. 25 июня Маврокордато чрез того же переводчика Лаврецкого передавал посланникам, что на последнем съезде со стороны Порты предложено было разорить три новые азовские городка: Таганрог, Павловск и Миус, и посланники Порте в этом отказали. Но при этом говорили: может быть, кроме тех трех городков государь, отчаявшись в заключении мира, приказал построить еще новые городки; в таком случае они, посланники, могут в мирном договоре написать, чтобы этим городкам быть разоренным; также говорили они, что и корабельное строение в случае заключения мира прекратится, и просили донести о том Порте. «Думные люди те слова их Порте и всему правлению государственному доносили» и получили приказание осведомиться у посланников: «При тех они словах, что тогда говорили, стоят ли?» Посланники пытались увернуться, ссылаясь на то, что в статьях 5 и 7 изготовленного договора говорится: «буде кроме новых городков иные городки найдутся, те с обоих сторон да разорятся». Но Маврокордато возразил, что в статьях 5 и 7 речь идет совсем о другом, а именно о том, чтобы не строить городков на тех землях, которые должны по договору оставаться пустыми, а если какие-либо городки там будут построены, то они должны быть разорены. Вновь пояснив, что турки говорят теперь не о тех трех новых городках: Таганроге, Павловске и Миусе, но о тех городках, которые царь велел вновь строить по обеим сторонам Азова, будто отчаявшись в окончании мирного дела, Маврокордато предложил посланникам такой «средок»: написать письмо с подписями и печатями «обнадеживательное», т. е. с удостоверением, что они, посланники, «на тех словах, которые они говорили на конференции, стоят и в памяти их держат». Посланники принуждены были отступать, говорили, что не знают точно, строятся ли ныне на тех местах какие-нибудь новые крепости, предлагали, несмотря на все свое сопротивление всяким изменениям принятого текста договора в других случаях, внести в статью 4 прибавку: «А вновь, кроме азовских старых и новых городков, иные городки на особых новых местех на рубежах от лета и дня подписания сего священно-святого покоя да не построятся». Но это условие касалось будущего с момента заключения договора, а не тех новых городков, которые уже построены, и не было турками принято. Маврокордато дал им решительную отповедь. Очевидно, посланники о своих словах, сказанных на последней конференции о разорении вновь ныне построенных городков сверх прежних трех, «вспокаялись и возжалелись. А надобно де было им постоянствовать для того, что те слова, хотя они говорили им, думным людям, однако яко бы пред самим лицом и существом императора их. А государьми де не шутят».

Маврокордато предложил далее посланникам написать «приводы и причины» своего отступления, он их переведет на турецкий язык и доложит Порте. «А лутче бы, — давал он им совет, — они, посланники, написали правду, что они на последнем разговоре о разорении и снесении... построенных лишних кроме трех новых городков хотя и говорили, только рассудив и помыслив... на то поволить не смеют». Посланники последовали его совету, изложили письменно резоны, заставлявшие их отступать от своих слов. Прежде всего они не имеют на это указа, затем известили царя о тексте мирного договора и, наконец, по Карловицкому договору строение новых крепостей не было запрещено, построены ли какие крепости, им неизвестно. Может быть царь, дожидаясь так долго заключения мира, пришел в сомнение и в отчаяние и, видя, что Карловицкое перемирие уже истекает, указал городки обновлять и вновь строить «с великим иждивением казны и с немалыми ратных людей трудами». Ввиду всего этого согласиться на разорение этих новых городков они не могут. На словах они велели сказать Маврокордато, что они, получив известие от татар из Керчи, что царь, действительно отчаявшись в заключении мира, сверх старых и новых азовских городков указал «вновь на новых местах строить крепости великими своими государственными силами и великими трудами и работами, также и своей казны с немалыми проторьми», размыслили и раздумали о тех своих словах, говоренных о разорении и опасаются, «чтоб толиким трудам и работам и проторям его, государевой, казны не навесть какого убытка и урону. А всякий слуга повинен лучшего и полезнейшего дела искать и хотеть природному государю своему. И для того они, посланники, не стыдятся тем, что слово свое, на конференции говоренное, переменили» [1].

Турки, однако, не стали настаивать на своих новых предложениях, с которыми они выступили на XXII и XXIII конференциях, о разорении новых азовских городков: Таганрога, Павловска и Миуса, и от этих предложений отказались. 28 июня Александр Маврокордато прислал к посланникам Дмитрия Мецевита прямо с заседания дивана с поздравлением по случаю наступающего праздника апостолов Петра и Павла и тезоименитства московского государя и с объявлением, что по докладу рейз-эфенди и его, Маврокордато, великому визирю, составленному ими в пользу посланников, дело о мирных статьях обсуждалось в диване и «по многим спорам и разговорам, султан и великий везирь указали и вся дума приговорила» оставить мирные статьи в том виде, как они были приняты на первых двадцати одной конференции по 12 июня, а возникшие затруднения о новопостроенных азовских городках, о которых говорено на XXII и XXIII конференциях, велеть отставить. Поэтому Маврокордато просил посланников договоренные и постановленные статьи писать набело на

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 1008 об.—1018 об.

латинском и на славянском языках, а они, турки, будут писать их набело на латинском и турецком языках. Когда статьи будут набело переписаны, назначен будет размен договоров. Присланные к нему в тот же день Лаврецкий и Протопопов сказали, что предисловие у них набело уже написано, а статей еще не писали, потому что надобно еще раз совместно их прочесть, чтобы латинский текст с обеих сторон во всех «речениях» был сходен, и пригласили его на такое чтение. Маврокордато заметил, что в статьях никаких изменений по сравнению с принятым текстом нет, и разница только в некоторых незначительных выражениях, а именно: в статье 2 о землях казыкерменских городков написано было «а земли их», а султан велел написать «с своими землями», затем «учинена небольшая приправочка», для обеих сторон нужная и не вызывающая возражений — в конце статьи 8 включены слова: «да не дерзает творить». В этом месте трактата говорится, что о заключении мира будет возможно скорее объявлено в порубежных местностях, хранение его подкрепится указами и никто под «прежестокими казнями весьма что неприятельское да не дерзает творить» [1]. Наконец, третье отличие латинского текста турок сравнительно с латинским текстом русской стороны заключалось в начале той же статьи 8 и состояло в том, что Маврокордато написал слово *colonis* (подданным): «И подданным их же никаких набегов и неприятельств да не творят», а посланникам рекомендовал написать другое слово *subditis*: «И та речь «подданным» по-латине толкуется и пишется субдитис. А у него де, Александра, написано колонись, и то слово колонись на латинском языке толкуется — поселенники. И они б, посланники, с своей стороны велели написать против прежнего: субдитис, се есть подданные». Ему, Александру, изменить свой текст уже невозможно, потому что он доложен султану и утвержден им. «Только в том никакого опасения они б, посланники, не имели для того, что на турском языке те обе речи «субдитис» и «колонис» единым слогом толкуются и за едино слово называются».

Русские по поводу разноречия в статье 2 подняли было опять старый вопрос о разночтениях в статье 5, о чем много было споров ранее, пытались поставить условие, которое ставили прежде: согласятся на выражение «с своими землями» в статье 2, если турки примут выражения о Сечи Запорожской: «где ныне казаки живут», «близ реки Днепра», «а места их» в статье 5. «А буде он, Александр, вышепомянутых трех вещей в 5-й статье не напишет, то и им, переводчику и подьячему,

---

[1] Латинский текст этой части статьи 8 таков: «А докончанный сей священно святый со обоих сторон мир, как наискоряе обыклом нравом на порубежии да разглашен будет и хранение его даже до конца перемирья указами да подкрепится и отсюду под прежестокими казньми никто весьма что неприятельное да не дерзает творить» (Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 1073 об. — 1074).

ничего во 2-й статье переправливать не велено ж». Маврокордато резко отклонил это условие: «О том де о всем уже говорено и переговорено и больше ныне говорить о том ненадобно». Он готов был бы им и уступить, но это невозможно, потому что его текст закреплен султанскою рукою, в чем он «свидетельствуется господом богом и знаменуется крестным знамением со многою клятвою... Сами б де они, посланники, рассудили и помыслили, что может ли кто учинить то, чего кому указом государским делать или творить не положено». Разница в статье 2 состоит теперь уже только в том, что посланники пишут «а реченные места (т. е. казыкерменские городки) с своими землями», а в тексте Маврокордато сказано просто «с своими землями» и приписать ему слов «а реченные места» в утвержденном султаном тексте невозможно и «того прибавить ему не сметь». Пусть они, посланники, напишут в своем тексте с прибавкой «а реченные места»; он возражать не будет.

После этих переговоров состоялась считка черновых латинских текстов: «И те статьи все от слова до слова они, переводчик и подьячей, с ним, Александром, прочли». Окончательно принять выяснившиеся разночтения без ведома посланников они все же не могли. Маврокордато просил поторопиться с изготовлением беловых текстов к 1 июля, когда произойдет размен. Посланники согласились на установленные разночтения в текстах и на следующий день, 29 июня, уведомили Маврокордато, что «к назначенному дню готовятся и договоры писать велели». Маврокордато просил сообщить о числе людей в свите, с которой посланники будут у визиря при размене договоров, потому что всем этим людям даны будут кафтаны[1]. Посланники подали список в 35 человек[2].

XVIII. РАЗМЕН ТРАКТАТОВ. ОТПРАВЛЕНИЕ ГОНЦОВ В МОСКВУ С ИЗВЕСТИЕМ О ЗАКЛЮЧЕНИИ МИРА

Размен трактатов состоялся не 1 июля, как предполагалось, а 3-го, «в праздник пренесения святых мощей Филиппа, митрополита Московского и всея России чудотворца», как отмечено в статейном списке. Обычным торжественным поездом посланники отправились на двор великого визиря; слезли с лошадей на нижнем рундуке, где стояли визирские «делии» в сербском платье, человек 15. На верхнем крыльце их встречали: чаушский эминь-ага, чаушский казнодар, китяп-ага и Николай Маврокордато. Посланники отведены были в палату, в которой великий визирь слушает доклады и где теперь им с турецкими уполномоченными предстояло заняться окончатель-

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 1018 об. — 1026.
[2] Там же, л. 1026 об.—1027 об.

ной сверкой беловых текстов. Среди палаты встретил их Маврокордато, обратившийся к ним с приветствием: «Да будет приезд их, посланничей, благоприятен и во дни сем преизрядном и светлосияющем да управит господь бог настоящее дело во всяком благом поведении». Посланники ответили, что и они «совершения настоящего дела усердно желают». Затем вошел рейз-эфенди, и после взаимных поздравлений посланники и уполномоченные сели по местам.

Рейз-эфенди говорил: «Прииде час, что приступить им к совершению мирного дела и к прочитанию обоих инструментов, и сей де их, посланничей, приезд великому везирю благоприятен», а потом от имени визиря спросил посланников: написаны ли у них статьи на двух языках: латинском и славянском? С султанской стороны статьи написаны на турецком и на латинском языках безо всякой прибавки и убавки. В заключение он пригласил сверить латинские тексты, «чтоб были на обе стороны согласны и сходны». Посланники ответили, что у них «статьи написаны славянским и латинским письмом; убавки и прибавки в них против согласного постановления нет и справливать и честь те свои статьи с их статьями они, посланники, готовы. И, взяв, они, посланники, у подьячего латинским письмом статьи, отдали думным людем. А они, думные люди, взаимно с своей стороны статьи, писанные латинским письмом, отдали им, посланником. И те латинским письмом статьи чли и справливали с Александром Маврокордато переводчики Семен Лаврецкий да Андрей Ботвинкин». Прочитав статьи, переводчики Лаврецкий и Ботвинкин говорили, что «те статьи со обоих сторон в деле и в речениях сходны», только в предисловии в турецком экземпляре к титлам великого государя не написано «величества» да в статье 1 пропущено слово «исполнену». Посланники потребовали исправления этих двух ошибок. Турецкие уполномоченные сейчас же согласились вставить в статью 1 пропущенное слово «исполнену», это была простая описка, и Маврокордато ее собственноручно исправил, но писать в титлах царя «величество» наотрез отказались, потому что и «салтану во окончании предисловия величества не написано ж». Посланники подняли спор, стали ссылаться на Карловицкую запись, где «величество» написано; турки также ссылались на Карловицкий текст, где, по их утверждению, «величество» не было написано. «И были о том многие споры, — замечает статейный список, — и по многих спорех», турки убеждали посланников, что им, посланникам, «о том здесь много говорить и спорить непристойно, потому что они приехали не на конференцию» и великий визирь дожидается, когда будут прочтены и исправлены статьи. Посланники отвечали, что знают они и сами, что здесь многих разговоров и споров чинить не надлежит; но они приехали, не ожидая в титле царского величества недописки. «И того де

величества у него, великого государя, никто отняти не может, понеже то величество даровал ему господь бог. И по милости божии в государствах своих и в величестве он, великий государь, не меньше иных великих западных христианских государей, то-есть цесаря и королей гишпанского, французского и аглинского». Турки уговаривали: «Не надобно много медлить и спорить, чтоб тем не учинить великому везирю досады». Величество в царском титуле где следует написано так же, как и в Карловицкой записи. Чести государя они не убавляют, «а сверх прежнего обыкновения писать им невозможно». Посланники спорили, лишь поддерживая старые дипломатические традиции, побуждавшие русских дипломатов всячески добиваться возвеличения достоинства своего государя. Они прекрасно знали, что титула величества в соответствующем месте Карловицкого текста действительно нет, о чем и отмечено в статейном списке: «Ведая то, что в Карловицкой записи величества не написано», и, следовательно, делали заведомо неправильную ссылку на этот текст, правдами и неправдами стремясь к поставленной цели, но так как турки оказались не только правы, но и тверды, то достигнуть этой цели посланникам не удалось, пришлось уступить и от внесения лишний раз в текст предисловия слова «величество» отказаться.

Другим предметом спора было предъявленное посланниками требование, чтобы латинский и турецкий экземпляры были так же связаны и сшиты вместе, как и у них, посланников, связаны славянский и латинский экземпляры, и чтоб оба текста — и турецкий и латинский — были подписаны великим визирем. Турки возражали, ссылаясь на разницу обычаев в разных государствах: «Как де в котором государстве обыкновение содержится, так и творится. А связание обоих статей вместе словенских и латинских знатно учинили они, посланники, по обыкновению своего государства. А у них в Турском государстве чинить так не обычай, и никогда они к турскому письму латинских писем не привязывают. Да и в Карловицах де царского величества послу даны статьи турские особно, а латинские особно ж. А великий везирь припишет рукою своею к турскому письму, а к латинским переводам никогда он, везирь, рукою своею не приписывает, а к тому де латинскому переводу руками своими припишут и печати приложат они, думные люди». Посланники не настаивали и уступили. Заметив, что латинский экземпляр турок датирован годом, месяцем и числом «турским обыкновением и числением от пророка их Махомета», посланники просили записать также год, месяц и число по христианскому календарю, на что турки согласились.

Наступил момент подписания договора. «И потом думные люди с своей стороны к латинским статьям приписали руками своими и печати приложили», приглашая и посланников «приложить руки и печати» к их славянскому и латинскому текстам.

Они сказали, что пойдут к великому визирю и о состоявшемся подписании ему объявят, и тогда визирь подпишет турецкий текст и приложит к нему свою печать. Педантически цепляясь решительно за каждую, даже внешнюю мелочь, посланники потребовали, чтобы визирь подписывал турецкий текст в их присутствии; в свою очередь и они, посланники, подпишут славянский и латинский тексты и печати к ним приложат при визире «для того, чтоб на обе стороны было верно, безо всякого сумнения». Турецкие уполномоченные доказывали, что в приписке визирской руки сомневаться им нечего, «рука везирская к мирным договором припишется, конечно, и печать его приложится, и в том бы они, посланники, никакого сумнения не имели». Посланники говорили, что они никакого сомнения не имеют, великому визирю и им, думным людям, верят и договоры подпишут при них, думных людях.

«А как они, посланники, руками своими к тем договорам приписали и печати свои приложили, и думные люди говорили, чтоб они, посланники, посидели на малое время в той палате, а они, думные люди, пойдут к великому везирю и о том ему объявят. И, встав, пошли к везирю и статьи турские понесли с собою. И, немного помешков, пришед в тое палату, чаушской эминь-ага звал посланников к везирю. И посланники велели итить перед собой дворяном, а сами шли за дворянами. А как посланники в везиреву палату вошли, и среди палаты встретил их чауш-баша и спрашивал их, посланников, о здоровье и говорил, чтоб они, посланники, сели на уготованных местех на бархатных стулех, которые поставлены против везирского места. И он де, чауш-баша, пойдет к великому везирю и о приходе их, посланничье, скажет».

«И после того тотчас пришел в тое палату из другой палаты великий везирь, а перед ним шел вышепомянутой чауш-баша да кегая его, везирской, да янычай, на руках держа, нес мирного договору турские статьи в мешке белом отласном покрыты изорбафом красным с травками золотными и серебреными. А за везирем шли: рейз-эфенди да Александр Маврокордато и иные салтанские и ево, везирские, чиновные люди. И пришед, сел везирь в прежнем месте в углу междо двемя подушками на сафе на попонке белой шитой. А посланником велел же близь себя сесть же на уготованных стулех. Платье на нем, везире, верхнее реверенда изуфреная красная, под исподом кафтан отласный белой, челма высокая белая четвероугранная и перевита с левой стороны на правую наискось золотом волоченым наподобие кружива золотного гладкого, в руках были четки жемчужные с каменьи с изумрудами, зерна большие бурмицкие. А около его, везиря, стояли: с правую сторону рейз-эфенди да чауш-баша и копычей, а с левую сторону тефтерьдар и кегая его, везирской, и другой чауш-баша капычейской и иные чиновные люди. И во время пришествия ево,

везирева, только он вышел из сторонние палаты, кричали все турки ему, везирю, виват трижды во весь голос. А потом спрашивал везирь о здравии посланников, и посланники за вопрос здравия их ему, везирю, благодарствовали и взаимно ево, везиря, они, посланники, поздравляли ж. И везирь говорил: доносили де ему, везирю, салтанова величества думные люди, которые с ними, посланники, были на разговорах, о их, посланничье, благоразумии, что они, посланники, во всю свою здесь бытность поступали чинно, и благоразумно, и учтиво. И такими своими добрыми поступками богу поспешествующу, учинили междо обоими великими монархами обновление дружбы и любви, а подданным покой и тишину. И когда по милости божии возвратятся они, посланники, отсюду в царствующий град и увидят пресветлое лице великого государя, его царского величества, и о нынешнем мирном деле донесут и чтоб он, великий государь, его царское величество, те мирные артикулы изволил содержать безо всякого нарушения. А салтаново де величество, смотря на то, також с своей стороны изволит содержать безо всякого ж нарушения».

«Посланники говорили, что как они, возвратясь отсюду, увидят пресветлейшего и державнейшего великого государя, его царского величества, пресветлое лице, и тогда о том о всем его царскому величеству донесут имянно, только чтобы с стороны салтанова величества те мирные артикулы были сдержаны. А с стороны его царского величества то сдержано будет. А что они, посланники, ево, везиревым, призрением были во всякой милости и в почитании, и о том его царскому величеству известно учинят же».

«А потом Александр Маврокордат говорил, чтоб они, посланники, мирной договор словенским и латинским письмом поднесли великому везирю, а взаимно де отдаст везирь турской мирной договор и с него перевод латинский им, посланником. И чрезвычайной посланник, думной советник, взяв у дьяка договорные статьи, поднес великому везирю в отласном красном мешке, оказав ему, везирю, у тех статей подписи рук своих и печати».

«И везирь, приняв те мирные статьи, отдал рейз-эфенди, а он, рейз, положил их на подушке подле везиря. А после того, взяв он, везирь, у рейза турской договор и с того договору перевод латинским письмом, отдал посланником в отласном белом мешке, прикрытом изарбафом золотным красным. И посланники, приняв те договорные статьи, спрашивали Александра Маврокордата: рукою везирскою у тех договорных турских статей приписано ль? И Александр сказал, что рукою везирскою приписано, и, те статьи выняв из мешка, оказывал им руку везирскую и печать при совершении тех статей приложенную» [1].

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 1033 об. — 1042 об.

По совершении размена документов Е. И. Украинцев обратился к великому визирю с речью, о торжественности стиля которой может свидетельствовать уже самое вступительное обращение: «Ясневелеможный, высокий, первый везирь и великий правитель высокого сего Оттоманского государства, силою поволенною и преимуществом императорским достойно лепотствованиями преукрашенный!» Смысл же речи был такой. Воздав благодарение царю небесному за то, что склонил государей к заключению мира, Украинцев приносил поздравление визирю, «мудрым правительством» которого это заключение совершилось. Он, визирь, высоким благоразумием своим усмотрел, что всякая долгая и великая война кончится миром. Мир лучше бесчисленных побед. Кто презирает мир, желая славы, тот губит и мир и славу. Лучше и полезнее надежный мир, чем ненадежная победа; как сказал некто от премудрых: мир в твоих руках, а победа в руках божиих. Еще раз в заключение поздравив визиря, Украинцев пожелал ему и всей фамилии его «векопомной славы во премногие лета». Визирь сказал в ответ: «Поистине де всегда мир лутче больших побед, занеже мир сотворяется чрез миротворителей, а победа дается от рук божественных, кому соизволит». Приветствие посланников «он принимает в любовь и взаимно их благоприветствует добрым сердцем, желая, дабы обще подданные обоих государств, приняв себе за радость, утешались и веселились тем постановленным святым покоем и тишиною». Затем Украинцев выразил пожелание, так как теперь «милосердием божиим земные дела между обоими государствами окончились, то чтобы восприяли свое окончание и духовные дела», и от имени царя обратился к визирю с просьбой содействовать передаче гроба господня в руки султановых подданных греков. В подкрепление этого ходатайства посланники представили визирю письмо на греческом языке — обширную докладную записку, заключающую в себе историю вопроса и изложение оснований, по которым гроб господень и святые места должны были поступить в руки греков, ту самую, какую посланники представляли уже туркам на конференции[1]. Выслушав ходатайство и приняв письмо, визирь говорил, что велит письмо перевести и, обдумав его, даст ответ.

Посланники сообщили визирю об усердной службе состоявшего при них пристава, капычи-баши Магмет-аги, и заведывавшего у них на дворе караулом чурбачея и просили для них наград, для пристава — повышения чином, назначения его из визирских в султанские капычи-баши, а для чурбачея прибавки жалованья денежного и кормового. Визирь ответил, что их капычи-баша пожалован в султанские капычи-баши только что, чтобы они не подосадовали, если ему придется подо-

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 280—283.

ждать соответствующего новому званию жалованья, пока освободится оклад. Теперь пока свободных окладов нет. Будет награжден и чурбачей. «А потом подносили посланником кагве и шербет и окуривали благовонием и надели на них, посланников, и на дворян, и на иных чиновных людей, всего на 22 человека[1], кафтаны золотные. А потом посланники, поклонясь везирю, пошли».

Торжественность момента и сознание важности оконченного дела, видимо, взволновали посланников, вызвали потребность оглянуться на трудность прошлой работы и выразить овладевшие ими чувства. «И отошед немного, — продолжает статейный список, — говорили посланники думным людем, что, когда они, думные люди, с ними, посланники, были в розные времена на многих конференциях, и тогда происходили междо ими в делех государственных некоторые противности и досады. И надобно им междо собою учинить в том прощение. И думные люди говорили, что в таких великих делех, хотя кому что и досадно случилось, досадовать не надобно. И ежели что от них, думных людей, им, посланникам, сотворилось противное или досадное, и в том взаимного просят себе от них прощения. *И друг друга объяв* и прием прощение, пошли к своим местам. Провожали посланников из палаты в сени чауш-баша да Александр Маврокордато, а сын его, Александров, до других сеней. А мирные договорные и разменные статьи, каковы приняли посланники у великого везиря, велели для всенародного объявления везирскими палатами и крыльцом до лошади на руках нести и везирским двором и дорогою до посольского двора явно везти подьячему Лаврентию Протопопову»[2].

Сейчас же после аудиенции у визиря, на которой состоялось заключение мира, посланникам пришлось улаживать происшедший на ней казус. По турецким обычаям при аудиенциях посольств у султана и у великого визиря на самих послов и на лиц их свиты надевались жалуемые им кафтаны. Перед аудиенцией 3 июля турки затребовали список лиц, которые будут с посланниками на аудиенции, и такой список был им представлен. Всего русских, считая и посланников, при заключении мира присутствовало 34 человека, а кафтанов было пожаловано всего 20. 14 кафтанов было недодано. На другой же день, 4 июля, посланники сделали об этом двукратное представление Александру Маврокордато и говорили о том же его сыну Николаю, заявляя, что в том они «оскорбляются», потому что другим посольствам дается кафтанов на 60, на 50 и на 40 человек. Они, посланники, говорят «не для какого себе пожитку», но для чести царского имени и для сравнения в том с цесарским и французским послами. От недодачи кафтанов и между посоль-

[1] Так в подлиннике; следует читать — на 20 человек.
[2] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 1043—1052.

скими дворянами произошла ссора: «Те, которым даны, везирскою любовью хвалятся, а которым не даны, те печалятся»[1]. Маврокордато при первом напоминании обещал доложить великому визирю, но смотрел на дело пессимистически: «Разве де дастся еще в прибавку к прежнему на 6 или на 8 человек; а чтобы на всех на 14 человек, и тем обнадежить он не смеет»[2]. Однако в конце концов состоялся указ о выдаче кафтанов всем 34 человекам, которые были на аудиенции[3].

Итак дело, ради которого русское посольство проживало в Константинополе десять месяцев, было окончено. Мир или, точнее, перемирие было заключено на 30 лет. В эти летние месяцы, когда заканчивались в Константинополе переговоры, Петр в Москве, по свидетельству наблюдавших его в то время иностранных дипломатов Лангена и Гейнса, сгорал от нетерпения получить известия о мире[4]. Украинцеву желание царя как можно скорее помириться с Турцией даже на невыгодных условиях было, конечно, известно; еще в февральском письме к нему царь писал: «Толко конечьно учини миръ: зело, зело нужно», уполномочивая его итти на большие уступки туркам, только бы поскорее добиться мира[5]. Медленность, с какою двигались переговоры, продолжавшиеся 9 месяцев и занявшие 23 конференции, с продолжительными между ними антрактами, в значительной степени зависела от турок, намеренно тянувших дело. Посланники постоянно в течение переговоров упрекали турок в промедлении и жаловались, «что пребывают в немалом сетовании, что сие дело до сего времени бесплодно продолжается, *понеже самодержец дожидается повседневно*», высказывая опасение монаршеского гнева и опалы за промедление[6]. Украинцев справедливо жаловался на турецкую «проволоку» в письме в Голландию к Матвееву от 7 июня: «Мы здесь в настоящем деле великую имеем проволоку, понеже двор здешней в таких делех по обыкновению своему зело осторожно и медленно поступает»[7]. Турки с своей стороны обвиняли посланников и говорили: «В мирном деле такая великая проволока... от кого чинится, изволили б они, посланники, сами рассудить? О чем... договорено бы быти могло в три дни, то продолжено слишком полгода!»[8] Но надо сказать, что упрек уполномоченных имел некоторое основание, так как Украинцев, зная о нетерпении царя, тем не

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 1086, 1089, 1131 об.
[2] Там же, л. 1087 об.
[3] Там же, л. 1132 об. — 1133. В росписи, представленной туркам, обозначено было 35 человек (там же, л. 1026 об. — 1027 об.).
[4] См. т. IV настоящего издания, стр. 464—465.
[5] П. и Б., т. I, № 294.
[6] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 618 об.
[7] Там же, Дела голландские 1700 г., № 4, л. 54.
[8] Там же, Книга турецкого двора, № 27, л. 619—619 об.

менее не спешил с делом. Он хотел, очевидно, заключить договор по всем правилам московского дипломатического искусства. Он стремился всеми силами к достижению реальных и существенных выгод для России: долго и упорно стоял за днепровские городки, эти форпосты против Крыма; уступил их только по специальному приказу из Москвы и уступил все же на условии, от которого уж отказался Петр, именно отдал их в разоренном виде, тогда как Петр готов был отдать их, не разрушая, и в крайнем случае только с уничтожением работы, сделанной русскими; твердо отстоял азовские городки; много положил энергии на отмену дачи крымскому хану — всем этим, конечно, замедлялись переговоры. Но он энергично добивался не только этих существенных и реальных выгод. Как старый дипломат московской школы, действовавший всецело в рамках веками сложившейся традиции, он с таким же упорством отстаивал и всякого рода мелочи, был придирчив к незначительным выражениям, подозрительно опасаясь какого-либо обмана с турецкой стороны, если эти выражения будут не тождественны в текстах или неясны, долго препирался о разного рода формальностях и внешних обрядах и спорами о них, конечно, затягивал дело. В особенности по-старинному и совершенно по-московски он был ревнив к именованиям и титлам московского государя и в спорах о них прибегал к аргументам, которые выдвигались московской дипломатией времени Ивана Грозного, старался написать титул московского государя с «повышением» и с «прибавкою», в чем и успел. От всех этих мелочей легко отказался бы дипломат новой формации, из тех, которых стал выдвигать и которых стал посылать за границу Петр, и сам всегда готовый пожертвовать формальностями и мелочами ради существа дела. Украинцев же, видимо, имея в виду привезти в Москву безупречно выработанный текст договора, невольно затягивал переговоры, в то время, когда Петр с таким нетерпением ожидал заключения мира с Турцией.

Когда договор был, наконец, заключен, надлежало, конечно, как можно скорее отправить курьера в Москву с желанным известием. Вопреки всем ожиданиям Украинцев и с этим не торопился. Еще до заключения договора, 30 июня, посланники уведомили турок, что гонцами в Москву с известием о мире пошлют трех лиц: стольника Гура Родионова Украинцева, сержанта Никиту Жерлова, отпущенного из Москвы 20 декабря 1699 г. и приехавшего в Царьград 31 января [1], и сотника Ивана Чернышенка, отпущенного из Москвы гонцом 2 февраля и приехавшего 12 апреля. С этими тремя гонцами отправлялись: привезенный Жерловым толмач Михайло Волошенин и 10 человек прислуги [2]. Маврокордато через племянника спрашивал

[1] См. Арх. мин. ин. дел, Дела голландские 1700 г., № 4, л. 17.

[2] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 1027 об. — 1028.

посланников, «вскоре ль они, посланники, отпустят гонца своего?», и при этом замечал: «А надобно де им того гонца отпустить наскоро, чтоб царскому величеству о том было известно по их, посланничью, доношению, а не по иному чьему объявлению». Маврокордато предполагал, что посланники отпустят гонца тотчас же в самый день заключения мира и готов был отдать соответствующие распоряжения и предпринять надлежащие шаги. «И если им, посланником, — передавал Дмитрий Мецевит, — тот отпуск потребен будет того дня, которого они будут у великого везиря, то господин Александр так и учинит». Посланники, однако, ответили, что «того дня, которого они, посланники, будут у великого везиря и договорами разменяются, тех гонцов... отпустить им невозможно, понеже те гонцы после той их, посланничьей, у везиря бытности *станут готовиться в путь свой.* А отпустят они после того своего у везиря бытия и по разменении с ним договоров *спустя три дня»* [1].

Действительно, гонцы были отпущены в Москву только 7 июля. С ними отправлены были копии договора и обширная записка, заключающая в себе обзор всего хода дела, как бы конспективное изложение переговоров на всех 23 конференциях. В заключении записки Украинцев сообщал, что с иностранными послами они, посланники, не видались и никакой помощи от них не имели. Послы даже и не обнаруживали желания с ними видеться. В частности послы английский и голландский, как слышно было от верных и знающих людей, во всем держат турецкую сторону и более хотят добра туркам, нежели московскому государю: «Живут здесь давно в чести и богатстве, — прибавлял Украинцев, — и торговля их исстари премногая и пребогатая». Английский и голландский послы поддерживали турок и противодействовали русским, конечно, не только из-за богатой и давно налаженной торговли с Турцией: московской конкуренции в этом отношении эти торговые страны опасаться не могли. Противодействовать заключению мира России с Турцией побуждали Англию и Голландию отношения, складывавшиеся в то время на севере, стремление предотвратить войну против Швеции, так существенно нарушавшую английские и голландские торговые интересы: с руками, связанными в Константинополе, Россия против Швеции действовать не могла. В особых письмах к Ф. А. Головину Украинцев писал о своей неудаче в переговорах о плавании русских кораблей с торговыми целями по Черному морю и сообщал об интригах против России также и со стороны польского посла.

7 июля приходил к посланникам серб Савва Владиславов сын Рагузинский и рассказывал, что польский посол граф Лещинский просил турок от имени всей Речи Посполитой не

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 1028 об. — 1030.

только не заключать мира с государем, но и помочь Речи Посполитой вернуть себе Киев и всю Малороссийскую Украину, а на короля своего жаловался, что он великий друг царю и говорил, что «они его ни в чем слушать не будут и с королевства его скинут». Когда турки его все же не послушали, предложений его не приняли и заключили мир, «он сделался от того печален». Граф Лещинский был в Константинополе послом не от короля Августа, а от Речи Посполитой, которая тогда не сочувствовала и не содействовала королю в его военных планах и предприятиях против Швеции. В этом направлении и вел политику Лещинский. Противодействуя союзу Августа с царем, он старался, как и английский и голландский послы, расстроить мирные переговоры царя с турками [1].

Гонцы с известием о заключении мира выехали из Константинополя 7 июля и, двигаясь быстро, прибыли в Москву ровно через месяц — 8 августа. Их прибытие послужило сигналом к объявлению войны со Швецией. Мы должны были бы теперь, следуя за ними, перенестись в Москву. Но задержимся еще на некоторое время в Константинополе, чтобы привести к концу рассказ о посольстве Украинцева.

XIX. ВЫЕЗДЫ И ВИЗИТЫ ПОСЛАННИКОВ

По заключении мира посланники получили свободу передвижения, которой они были лишены во время переговоров, и воспользовались ею для посещения константинопольских святынь и для личных свиданий с чужеземными послами в Константинополе, чего турки им ранее, несмотря на все просьбы, не разрешали. Еще 30 июня, до подписания трактата, в разговоре с посланным к ним Дмитрием Мецевитом, поинтересовавшимся дальнейшим времяпрепровождением посланников, на вопрос его, что «чаять, они, посланники, после того своего у везиря бытия (для размена трактатами) здесь помедлят?», они ответили, что «медлить им долго здесь не належит; однакож по таком близ годичном времени, не съезжая никуды с двора, аки быв взаперти, похотят они, посланники, быть в Мавромольском монастыре, и у Живоносного источника, и в церкви святой Софии, и у послов у всех чужеземских, которые здесь есть». Дмитрий говорил, что в этом им будет предоставлена свобода [2].

На следующий же день после подписания мирного договора, 4 июня, посланники посылали с извещением о заключении мира к вселенским патриархам и к чужеземным послам. Па-

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 1090—1129 об. Отписка напечатана у Устрялова (т. III, стр. 543—551), письма Украинцева к Головину — там же (стр. 551—552).

[2] Там же, л. 1030 об. — 1031.

триархи выразили радость по поводу этого события. Константинопольский патриарх Калинник заметил при этом, что теперь, раз заключен мир с Турцией, станет возможно и ему самому без всякого подозрения со стороны турок посетить посланников, поздравить их с заключением мира и подать им благословение. Иерусалимский патриарх Досифей, выражая радость, не скрыл и печали по поводу того, что остался неулаженным вопрос о гробе господнем, и настоятельно просил посланников приложить и еще свои труды к этому делу. При этом он не удержался, чтобы не задеть своего собрата и не высказать колкого замечания на его счет, — он спросил у присланных: «У святейшего де вселенского патриарха кир Калинника они были ль?» На утвердительный ответ он заметил, что «уже де ныне и святейший вселенский патриарх кир Калинник будет являться другом и приятелем им, посланникам, зане в благополучное время многие являются друзьями, а в нужное (т. е. тяжелое) ни один». А до сих пор, когда это было сопряжено с величайшею опасностью, радел и промышлял о делах московского государя только один он, иерусалимский патриарх.

Чужеземные послы — цесарский, французский, английский, голландский, венецианский и польский — отозвались на извещение официальным и показным выражением удовольствия. Венецианский посол, которому не удалось еще к тому времени окончить дело подтверждения мира с турками, заметил при сообщенном известии, что как в Карловицах венеты были в последних, так и теперь. Голландский посол, узнав, что условием мира было разорение днепровских городков, сказал, что «то учинено по премногу рассмотрительно, и разумно, и на обе стороны равно, царскому величеству не к упадку, а Порте не к находке». От писаря польского посла, с которым посланные с оповещением к чужеземным послам подьячие Лаврентий Протопопов и Григорий Юдин и толмач Иван Мейснер вступили в продолжительную беседу, они узнали, что из Польши пишут об отступлении короля от Риги без всякого успеха, о том, что Речь Посполитая ему ни в чем не помогает. Прежде сообщали о походе царских войск под Ругодив, а теперь ничего не пишут, а пишут только то, что *«едут с Москвы* чрез Польшу в окрестные государства для науки многие знатные особы» [1]. В ответ на оповещение патриархи и чужеземные послы присылали в русское посольство с поздравлением: патриархи своих архиереев [2], а послы — дворян и секретарей, кроме английского, относившегося вообще к русскому посольству недоброжелательно [3]. Александр Маврокордато присылал с поздравлением по поводу заключения мира сына Николая [4].

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 1079—1084.
[2] Там же, л. 1081—1081 об.
[3] Там же, л. 1084.
[4] Там же, л. 1087 об. — 1089 об.

Турецким министрам, с которыми посланники вели дело заключения мира, были посланы подарки. 8 июля к рейз-эфенди были отправлены подьячий Иван Грамотин и толмач Полуект Кучумов «с визитом того ж учиненного мира, да с ними ж послали к нему за его в том мирном деле труды великого государя жалованья — сорок соболей в 400 рублев. И как они к нему, рейзу, на двор приехали, и их, подьячего и толмача, встретили люди его и привели перед него. И они, подьячей и толмач, его, рейза, от них, посланников, поздравили и сорок соболей ему поднесли. И он де, рейз, те соболи принял у них благоприятно и на милости царского величества бил челом, а за поздравление их, посланничье, благодарствовал и, подчивав кагвою и шербетом, их, подьячего и толмача, отпустил» [1].

К Маврокордато в тот же день был послан переводчик Семен Лаврецкий и передал ему также сорок соболей в 400 рублей. Маврокордато благодарил «довольными словесы», причем скромно сказал, что «хотя и работа его была в добром мирном деле, однакож она общая, как и думных людей, так и их, посланников, и ему вменять того одному не для чего, должность та была служить вообще, всякому своей стороне, своему природному государю. Однакож он, Александр, с великою честию ту великого государя милость и жалованье чрез них, посланников, приемлет».

Семену Лаврецкому поручено было конфиденциально осведомиться у Маврокордато о следующем: «Намеривают они, посланники, послать великого ж государя жалованье для сего ж мирного дела и к великому везирю на шубу два сорока соболей добрых, ценою больше тысячи золотых червонных и то он у них примет ли?» Посланники извинялись при этом, что «больше того им послать к нему ныне нечего, потому что посланы они в сию посылку наскоро и с Москвы высланы в пять дней», и просили сообщить, когда можно прислать визирю подарок. Маврокордато одобрил их намерение, сказав: «Доброе дело то умыслили они, посланники, что подарочек великому везирю в свое время поднесть намерили. И примет он то благодарно; только бы тот поднос до своего у него, везиря, бытия (т. е. до отпускной аудиенции) они к нему послали. А как тому делу быть, о том он доложит прежде великого везиря и учинит ведомо им, посланником». 11 июля Маврокордато уведомил посланников, что он визирю о подарке докладывал и чтобы они присылали его немедленно на двор визиря. «Тот подарок и людей, с ним присланных, объявит он, Александр, и того дожидается. И чрезвычайные посланники посылали к великому везирю с поздравлением переводчика Семена Лаврецкого да подьячего Лаврентья Протопопова, а при том поздра-

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 1133 об.

влении посылали к нему за его, везирские, в нынешнем в мирном деле труды и радения 2 сорока соболей, один в 400, а другой в 450 рублев». Посланные, вернувшись, докладывали, что визирь «велел их, переводчика и подьячего, допустить перед себя тотчас. И были они перед ним в той же палате, где были и они, посланники, на приезде и во время розменения мирных договоров. А чиновных де салтанских людей и государственного канцлера рейза-эфенди и чауш-баши и капычеев и его, везирского, кегаи при нем, везире, не было, а был для объявки их, переводчика и подьячего, и для переводу речей один Александр Маврокордато, да сын его Николай, да его, везирской, дворовой молодежи человек с двадцать. И обвели их, переводчика и подьячего, к нему, везирю, на заднее крыльцо, а не на переднее. И как они его, везиря, от них, посланников, поздравили и о соболях объявили и те де соболи перед ним, везирем, приняли его, везирские, покоевые два человека и, приняв, понесли в другую палату. А потом везирь говорил, что та их, посланничья, собольми обсылка ему, везирю, благоприятна и приемлет с любовию и их, посланников, поздравляет. А больше того он, везирь, ничего не говорил. А сидел в той палате в прежнем месте, в котором сидел во время бытия у него их, посланничья»[1].

Между тем посланники начали свои выезды и визиты. 9 июля они выезжали для поклонения образу богородицы в Мавромольский монастырь, «которой стоит на горах близ Черноморского устья. И после вечерни было молебствование о многолетном здравии великого государя, его царского величества, и сына его государева благоверного государя царевича и великого князя Алексея Петровича. И по совершении молебного пения дали игумену с братиею на милостыню 50 левков. И в том монастыре ночевали и слушали божественной литоргии. И приехали оттуду в Царьград к себе на посольской двор июля в 10 числе»[2].

Визиты к иностранным послам не обошлись без осложнения. 12 июля посланники оповестили послов цесарского и французского о своем намерении их посетить на следующий день после полудня и сначала побывать у цесарского посла, а затем у французского. Послы отвечали, что с охотою будут их ожидать. Однако на следующий день, 13-го, французский посол прислал толмача спросить, действительно ли посланники желают посетить сначала цесарского посла, а затем уже его, французского. Когда посланники подтвердили такое свое намерение, толмач сказал, что если это так, то «тем его превосходительство не довольствуется». Посланники урезонивали

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 1130—1132 об. 1145 об. — 1147.
[2] Там же, л. 1140.

толмача: другое бы дело, если бы немецкий посол был у какого-нибудь короля, а не цесарский, тогда бы они отдали первенство французскому послу; но обойти цесарского посла им невозможно, потому что все государи в Европе цесаря почитают. Толмач со своей стороны приводил аргументы, указывая на то, что государство Французское древнее, и прежде Немецкое государство было под владением французского короля, и эти оба государства в равной чести, а у турок французский посол в бо́льшем почитании, нежели цесарский. Но так как посланники все же стояли на своем: посетить французского посла раньше, чем цесарского, им невозможно, то толмач сказал: «Когда они, посланники, хотят быть прежде у цесарского, то буди в воле их. А французской де посол не будет тем доволен... и чтоб они, посланники, от посла цесарского к нему, французскому, оратору (послу) не заезжали!» Посланники пытались возражать: «Знатно, он, оратор, не хочет их, посланников, иметь в дружбе и для того такие и отговорки чинит». Толмач говорил: «Совершенно оратор видеться с ними желает, только б учинили они так: прежде виделись с ним, а потом с послом цесарским». Когда посланники уже в третий раз повторили, что они поступить так не могут, толмач сказал: «Когда де им учинить так невозможно, то от цесарского б посла к нему, французскому оратору, они не заезжали»[1].

Французский «оратор» был, видимо, человек горячего нрава и весьма требовательный. Его приезд в Константинополь сопровождался рядом инцидентов. Он произвел скандал во дворце, не согласившись снять шпагу на аудиенции у султана. По рассказу голландского посла Кольера, правда, нерасположенного к французу, он, желая показать свою гордость и славу, завел себе в Царьграде какой-то особенный каюк с балдахином, с таким убранством, которое было сочтено турками неуместным, и потому каюк его с балдахином был изломан, а гребцы с этого каюка «взяты и жестоко биты и отданы на каторгу»[2]. Претенциозность в местническом счете, проявленная в требовании первенства перед цесарским послом в визитах, увеличивалась еще вследствие происшедшего у него как раз в то время, в мае 1700 г., столкновения с цесарским послом. Отношения между Францией и Империей тогда (накануне войны за испанское наследство) были уже очень натянуты. Тем легче на этой почве разыгралась ссора между послами. Три француза, служившие солдатами в цесарском войске в Петервардейне, дезертировали оттуда, бежали в Константинополь и нашли убежище во французском посольстве. Цесарскому послу удалось, однако, их захватить и арестовать.

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 1154, 1159 об. — 1161.

[2] Там же; л. 1177 об.

Тогда французский посол, как рассказывал голландский посол, собрав всех своих французов, которые живут на Галате, к себе на двор и, вооружив их, разослал по улицам и велел хватать и приводить к себе на двор людей цесарского посла. Таким образом захвачено было 28 человек. Когда сам цесарский посол проезжал раз по городу, французы захватили у него трех офицеров из его свиты. Турецкие министры, к которым обратился было граф Оттинген с жалобой, отказались вмешиваться в распрю, и в Константинополе готова была начаться или и началась уже в миниатюре та война между французами и цесарцами, которая некоторое время спустя вспыхнула в Европе в грандиозных размерах. По свидетельству голландского посла, «было междо цесарцами и французами великое здесь волнение и замешание и по три дни ходили как цесарцы, так и французы многолюдством с ружьем. И такому де поведению многие с стороны люди дивовались и розголосили, что будто у цесарского посла с французским послом всчалась война, что зело было слышать стыдно и непристойно». Как говорил граф Оттинген, он не имел никакого намерения драться с простыми французскими мужиками, хотя и мог бы приказать, если бы пожелал, у французского посла среди дня ворота выломать и своих людей освободить. Дело было улажено посредничеством других послов; однако отношения между враждующими дипломатами продолжали оставаться натянутыми: «Только де сами они, послы, междо собою еще в той ссоре не прощались и друг с другом не видались»[1]. Тем менее француз желал уступить первенство цесарскому послу в посещении московских дипломатов.

13 июля посланники побывали на Галате у послов цесарского, английского и венецианского. 14-го посетили муфтия и от него проехали к голландскому послу, жившему тогда на загородном дворе, на берегу пролива, неподалеку от муфтия. 16-го были у польского посла. Разговор с послами однообразно начинался с взаимных, украшенных в стиле эпохи комплиментов, изъявлений о давнем желании повидаться друг с другом, которое не могло, однако, осуществиться вследствие запрещения со стороны Порты. Послы поздравляли русских с заключением мира. Английскому и голландскому послам, которые имели от своих правительств указы о посредничестве в русско-турецких переговорах, посланники специально приносили благодарность за их готовность выступить посредниками. Хотя посредничество по нежеланию турок и не состоялось, однако посланники уже самое желание выступить посредниками считали себе за великую помощь. Принесет благодарность их правительствам и сам великий государь. В частности граф Оттинген интересо-

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 944—946 — рассказ цесарского посла; 952 об. — 953 об. — рассказ голландского посла, который себе приписывал улаживание этого дела.

вался условиями мирного договора и просил посланников дать ему список с трактата. Под тем благовидным предлогом, что будет лучше, если цесаря об условиях мира уведомит сам государь посылкою своей грамоты через почту или с особым гонцом, посланники в выдаче графу Оттингену копии с договора отказали, сообщив только, что он состоит из 14 статей и заключен на 30 лет. Посол обиделся: «Знатно де они, посланники, ничего подлинного ему, послу, сказать и списка с договоров дать не хотят по некакому сумнению; а скрываться было им от него, посла, в том и никакого сумнения иметь не довелося». Посланники уверяли, что они не сомневаются и не скрываются, так как знают, что цесарь великому государю «друг, союзник и всякого добра желатель», однако остались при своем взгляде на способ уведомления цесаря. Английский посол лорд Пэджет в разговоре задал, между прочим, посланникам вопрос о Константинополе: «Какова им здешняя государская резиденция кажется?» Посланники ответили, что «такой другой преславной на свете резиденции, кажется им, нет, понеже междо двумя морями стоит», и при этом, желая сказать любезность послу, заметили: «А другая резиденция, чаять, подобна ей — королевского величества аглинского», с чем собеседник их согласился: «Правда де так, что обе те помянутые резиденции стоят при морях и приезд корабельный изо всех стран имеют свободной». На обращенные к послам вопросы, не получены ли ими какие-либо «европские» новости, английский посол сообщил о нападении польского короля на Ригу и о том, что саксонские войска отбиты и отошли от Риги «с великим стыдом». Венецианский посол, кроме таких же вестей об отступлении саксонских войск из-под Риги, сообщил еще, что «у некоторых государей есть помышление о разделении Гишпанского государства на две части». На вопрос посланников: «Разве де королевское величество Гишпанской преставился, что государство его хотят иные государи делить», посол отвечал: «Хотя де тот гишпанской король и жив, да и еще жить хочет, однакож с стороны того не рассуждают и якобы насильно с сего света его гонят и государством его завладеть хотят, потому что наследников у него нет. Только де как еще бог к тому кого допустит». Сообщив посланникам о своем отъезде из Константинополя 20 июля, польский посол граф Лещинский осведомился о времени их отъезда и, когда посланники сказали, что и они ожидают себе немедленного отпуска, «понеже наскучило им здешнее житье близ годичного времени», воскликнул: «Не токмо де близ годичного времени здесь живучи наскучит; ему де и три месяца здешнего житья показались бутто три года! А им де, посланником, как он подлинно ведает, что никакой повольности не было, и жили здесь будто взаперти в самом тесном и непроходимом месте!» Граф Лещинский очень тяготился жизнью в Константинополе.

Как конфиденциально сообщал посланникам его писарь, посол видел в здешнем своем посольстве себе несчастье, приехал, как может быть и преувеличивал писарь, с огромной свитой в 700 человек и имел полторы тысячи лошадей, а содержания получал от турок только по 200 левков на день, так что принужден был к этой сумме прибавлять еще 100 левков из своих средств. На домогательства его об увеличении содержания турки «будто на смех» говорили, чтобы он половину или больше половины людей и лошадей отпустил в Польшу, чего он, однако, не сделал. «И не помалу де, — прибавлял писарь, — он о том потуживает, что деньгами своими издержался»[1]. Визит посланников к нему был непродолжителен. Посланники говорили, что, «не докучая ему многим собеседованием, занеже отъезд его имеет быть отсюду вскоре, отъезжают и они, посланники, от него» и, пожелав ему счастливого пути, с ним простились[2].

С ответными визитами иноземные послы не спешили; как будто даже эти ответные визиты были одно время под сомнением. Самым учтивым оказался и первым явился к посланникам наиболее враждебно настроенный к русским граф Лещинский. В сопровождении целого конного вооруженного отряда в панцырях и в саадаках с саблями он приехал 21 июля перед самым своим выездом из Константинополя. После обмена взаимными любезностями и обычными комплиментами Лещинский обратил внимание на двор, в котором жили посланники, а затем опять распространился о скуке жизни в Константинополе: «Как он видит, что двор их, посланничей, зело тесен и на море и никуды не видно. И, чаять, им, в таком глухом дворе живучи, прискучило. А у него де, посла, здесь был двор и не такой, но на самом веселом месте и пространной. Однакож наскучило ему здешнее худое житие, и многие восприял он здесь турбации или хлопоты. А чего у турок требовал и того ничего по его желанию не сделано и вдругорядь сюды приезжать им, полякам, не для чего, и его охоты к тому нет. Разве де иному кому здешнее житие показалось! А он радуется тому, что скоряе всех отсюда отпущен!» Посланники в связи с этим припомнили, что и прежний польский посол Ян Гнинский (?) также много жаловался на турок и имел с ними «многие великие турбации и споры», да и потерял много людей из свиты, которые здесь умерли. Посол подтвердил эти сведения. Поговорив о пути, которым он будет возвращаться на родину, и о продолжительности предстоящего путешествия, посол извинился, что «он приездом своим их, послан-

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 1083.

[2] Там же, л. 1161 об. — 1165 об. — у цесарского посла; 1165 об. — 1170 — у английского; 1170—1171 об. — у венецианского; 1175—1178 — у голландского; 1182 об. — 1184 — у польского.

ников, утрудил и пора ему ехать в путь свой. И, встав и простясь с посланники, поехал»[1].

В тот же день он торжественным и великолепным поездом с блеском выехал из Константинополя. Впереди двигался его огромный обоз, в котором были вывозимые им из Константинополя пленные, за ним — целые воинские вооруженные отряды, далее — свита посла, «а потом ехал сам посол граф Лещинской на турском аргамаке, которой убран был во всем турском наряде зело изрядно и богато. Кафтан на после был верхней суконной рудожелтой соболей, а под исподом жупан атласной алой, шапка на нем суконная красная с кистью и с запоною с большою с алмазною. Около посла шли, близко лошади, 6 человек скороходов, в том числе один арап, убраны в индейском платье, на головах у них шишаки золоченые, а в руках древки, а на тех древках орлы двоеглавые золоченые, а от орлов вниз до половины древка извиты змеи золоченые ж». Затем шли люди в венгерском желтом платье с саблями, с пищалями и с обухами, за ними 12 человек трубачей, сурначеев и других воинских музыкантов, наконец рота саксонских драгунов с 70 человек. Шествие замыкали турецкие янычары[2]. Состоявший при послах доктор Антоний, прикомандированный к ним турками, сообщал посланникам, что польский посол обращался к турецкому правительству со многими делами, но успеха в них не имел, в чем, впрочем, он и сам, как мы видели выше, признавался посланникам[3].

25 июля присылал дворянина цесарский посол с сообщением, что он имеет желание еще раз повидаться с посланниками, но не мог этого сделать из-за зубной боли. Теперь он от этой болезни освободился и просит посланников к себе обедать, «желает того, чтоб они, посланники, посетили его в сию неделю, то-есть в 28 день июля, и того дня изволили у него обедать». Посланники от обеда уклонились под тем предлогом, что им назначен скорый отпуск, причем выразили желание, чтобы посол посетил их перед отъездом. Может быть, действительной причиной отказа посланников от приглашения на обед было именно то, что посол не сделал им ответного визита[4].

28 июля английский посол прислал секретаря уведомить посланников, что он желает их посетить, а до сего времени этого не исполнил, потому что был болен[5]. Посланники воспользовались случаем, чтобы и цесарского дворянина, и секретаря английского посла расспросить о европейских новостях; и тот и другой сообщали известие о приготовлениях царя к походу против Швеции. Посланники опровергали эти известия: с швед-

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 1197 об. — 1199 об.
[2] Там же, л. 1200—1202 об.
[3] Там же, л. 1203.
[4] Там же, л. 1213 об. — 1215 об.
[5] Там же, л. 1237—1238.

ским королем у государя мир, сам он пребывает в Воронеже, на полпути между Москвою и Азовом, ложные слухи распространяет кто-либо, желая вызвать ссору.

Замедление послов в отдаче визитов, зубную боль цесарского посла и болезнь английского, может быть, можно объяснить в связи с информацией, принесенной посланникам проживавшим тогда в Константинополе Саввой Владиславичем Рагузинским, который оказывал посланникам разные услуги, преимущественно по осведомительной части. Придя к посланникам 29 июля, он передавал, что как раз в этот день «съезжались все послы к цесарскому послу и советовали, ехать ли к ним, посланникам, для посещения их, понеже характер их, посланничей, а не посольской». На совещании было решено к посланникам не ехать. Особенно, по словам Рагузинского, сердиты на посланников послы-посредники за то, что при заключении мира обошлось без их посредничества. И самому миру они не рады, и если бы они были к посредничеству допущены, всячески бы помешали заключению мира. Граф Лещинский, будучи у венецианского посла, «говорил явно, что никогда того он не ждет, чтоб Порта учинила с царем мир», а если будет продолжаться война, то Московское государство в три года разорится [1]. Известие Рагузинского, по всей вероятности, не во всех отношениях точно, по крайней мере в том, что касается принятого будто бы на совещании послов решения. 2 августа, перед самым уже отъездом посланников, у них побывали с пожеланием им счастливого пути все послы, кроме, конечно, французского: цесарский, английский, голландский, венецианский [2]. Но все же слова Рагузинского свидетельствовали о настроениях, замечавшихся в дипломатическом корпусе по отношению к русским, и о тех колебаниях, какие у послов были по вопросу об ответных визитах.

14 июля посланники, по совету Александра Маврокордато, посетили великого муфтия или шейх-уль-ислама, главное духовное лицо Турецкого государства, ездили к нему на его загородный двор, помещавшийся над берегом Черноморского пролива выше Галаты. «А ездили морем в наемных каюках. И приехав к берегу и вышед из каюков, шли на высокую гору двором и садом его пеши». Прием происходил в беседке или павильоне. «И ввели их, посланников, пристав их и чурвачей в чердак и велели сесть на стулех бархатных, нарочно уготованных. А потом вскоре вышел из иных покоев и вшел к посланником в тот же чердак муфтий и сел меж подушками в углу и спросил посланников о здоровье». Посланники, поблагодарив, сказали, что «пребывают во всяком благом поведении и приехали к нему нарочно видеть персону его и посетить и поздравить», и затем поблагода-

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 1238—1238 об.
[2] Там же, л. 1254 об. — 1255.

рили муфтия за его труды и за доброжелательство при заключении мира между такими преславными государствами. Муфтий отвечал, что, правда, «о том мире были и его слова». Блистательная Порта склонилась к тому, что лучше иметь покой, нежели войну. В заключение муфтий выразил пожелание, чтобы мир с обеих сторон был «держан твердо и непорушимо». Посланники перевели затем разговор на усиленно занимавший их вопрос, о котором они хлопотали в Константинополе: об «отдаче святых мест» в Палестине грекам.

Припомним, что первоначально они думали решить этот вопрос особой статьей в договоре [1]. Встретив сопротивление турок и отказавшись от мысли об особой статье в договоре, они при заключении мира подали визирю обширную записку, в которой изложили историю вопроса и свое ходатайство об отобрании «святых мест» у католиков и передаче их подданным султана грекам [2]. Через Маврокордато турецкое правительство дало понять посланникам, что в принципе оно такой передаче сочувствует, но что теперь, в присутствии в Константинополе послов католических стран: цесарского, венецианского, французского и польского, решить вопрос в таком смысле не может, а сделает это впоследствии [3]. Все же Маврокордато дал совет посланникам обратиться с ходатайством к муфтию, что́ они теперь и исполнили.

Изложив вкратце муфтию суть дела и передав ему такую же записку, какая представлена была ими великому визирю, также на греческом языке, посланники просили его, чтобы он, муфтий, «яко государства здешнего святую правду любящий и закон хранящий», по соглашению с великим визирем исходатайствовал передачу святых мест грекам, как то надлежит по многим прежним султанским жалованным грамотам и по приговорам муфтиев и казыаскерей (судей). При этом посланники указали, что у католиков есть намерение под видом перестройки иерусалимской церкви выкрасть гроб спасителя. Муфтий, выслушав просьбу и приняв записку, говорил, что «и у них в книгах есть то написано, что те места належат грекам, и лутче им, туркам, подданных своих иметь в милости и в призрении, нежели иных... У блистательной Порты есть подлинное намерение отдать святые места грекам, и, конечно, то сделается». Только теперь вскоре исполнить этого невозможно, потому что от народа будет на них подозрение, «а от иноземцев причтено им будет то будто в страх или во ужас, что, будто чего боясь или испужався, мир с царевым величеством учинили, да и гроб господень по желанию его грекам отдали». Что католики хотели бы гроб Спасителя украсть, им известно.

---

[1] Статья 13 (Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 280—283).

[2] Там же, л. 1045—1050 об.

[3] Там же, л. 1084—1086 об.

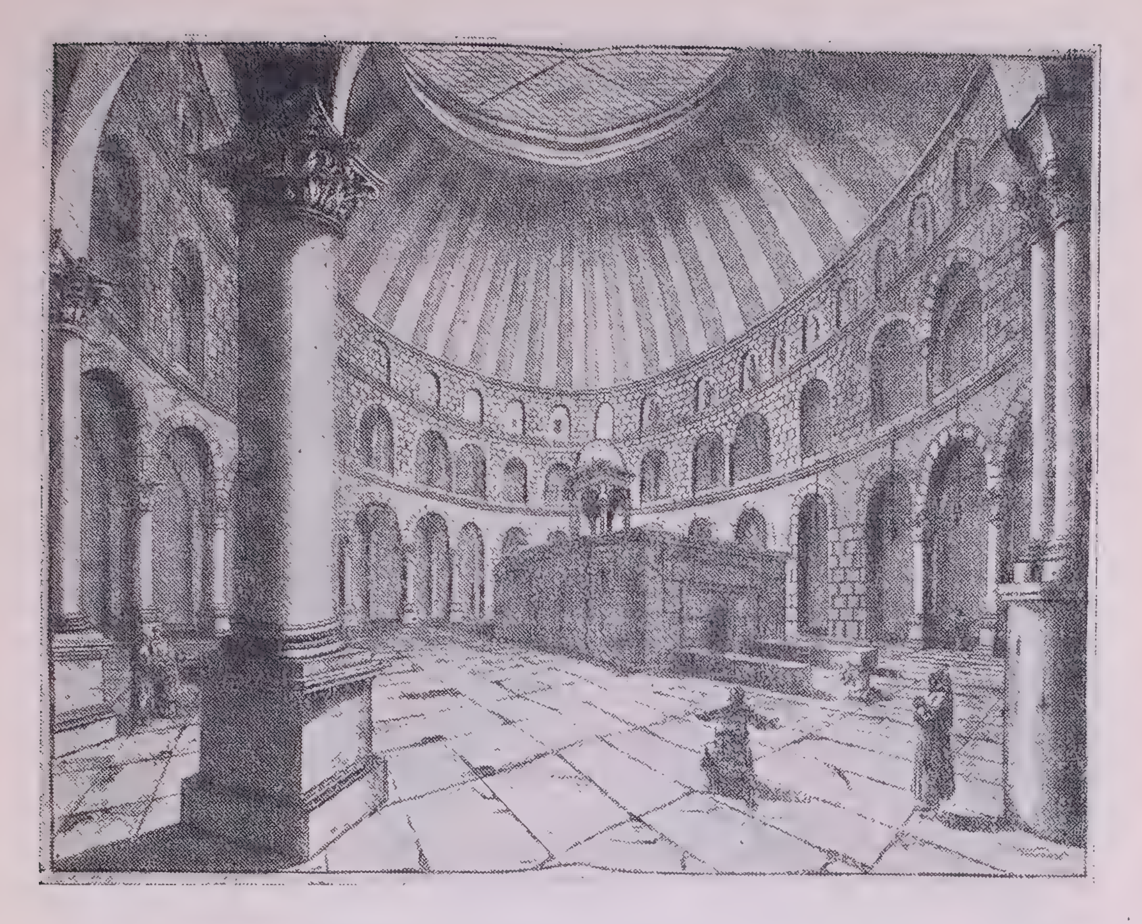

Рис. 21. Внутренний вид иерусалимского храма. Посредине под куполом — храм гроба господня.

Гравюра из книги К. де Бруина «Путешествие в Малую Азию, Сирию, Египет и Палестину», изд. 1698 г.

и против этого приняты меры. На этом разговор закончился. Посланникам подносили кофе и шербет и окуривали благовонием [1].

Муфтий высказался, следовательно, в том же смысле, что и Маврокордато, который на просьбу посланников дать им устный или письменный ответ по этому делу, чтобы им было что донесть царю, вновь уведомил их 22 июля, что вчерашнего числа, 21 июля, он был у муфтия и взял у него поданную ими записку для перевода на турецкий язык. Явившийся от него в тот же день к посланникам племянник его Дмитрий Мецевит на слова посланников, чтобы Маврокордато постарался вернуть гроб от «папежников» грекам, потому что гроб господень — глава всех православных христиан, и если он не будет у них в руках, то и имя православных будет в пренебрежении, — снова говорил, что теперь взять у католиков и отдать святые места грекам нельзя, потому что о том будут

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 1172—1175.

докучать находящиеся здесь «послы-папежники», а когда они уедут, тогда святые места у католиков будут взяты и отданы грекам [1]. На этом обещании переговоры о святых местах пока закончились.

Энергию посланников в деле о святых местах возбуждал и поддерживал иерусалимский патриарх Досифей. По заключении мира сношения с патриархами, теперь уже свободные от подозрений, стали происходить открыто и приняли оживленный характер, в особенности с Досифеем, который и раньше обнаруживал большое расположение к посланникам, старался им услужить в чем мог, тайно передавал им разные вести и тайно переправлял их отписки в Россию через мультянского воеводу, с которым был близок. Его услуги посольству посланники сочли себя обязанными отметить особою статьею на заключительной странице своего статейного списка: «А в делах великого государя его царского величества во время бытия их, посланничья, в Константинополе был им помощник и всякие ведомости подавал святейший иерусалимский Досифей патриарх» [2]. Досифей трижды, 15, 19, 31 июля, приходил к посланникам запросто, пешком, в одной «реверенде» без мантии. Константинопольский патриарх Калинник приходил один раз — 18 июля. Перед самым отъездом, 28 июля, посланники посетили того и другого для принятия благословения в путь.

С Досифеем иерусалимским шли каждый раз беседы о возвращении грекам гроба господня, в чем патриарх был заинтересован и лично. «Какая то честь христианам, — говорил он, — что теми святыми местами владеют папежники? А он сам в изгнании от тех папежников пребывает здесь восьмой год! До сего времени была христианам от римлян честь за то, что у них, христиан, глава в руках была, то-есть спасителя нашего Иисуса Христа гроб. А когда то будут иметь римляне, то уже христиане будут от них в поругании и в посмеянии». Он не раз беседовал об этом деле с Маврокордато, и тот ему говорил, что теперь, во время пребывания католических послов в Константинополе, отобрать святыни у французов и передать их грекам невозможно: отобрание это совершится тогда, когда у французов начнется война за испанское наследство — мысль, которая вызвала замечание посланников: «Тому делу (т. е. разделу испанского наследства) несть ни начала, ни конца, потому что королевское величество гишпанской еще здравствует» [3]. Выслушав сообщение посланников о том, что по поводу возвращения святынь говорили им великий визирь и муфтий, патриарх давал свои советы относительно способов, которыми, по его мнению, можно достигнуть успеха: необходимо зару-

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 1203 об. — 1204 об., 1205—1206.

[2] Там же, л. 1286.

[3] Там же, л. 1230 об.

читься хотя б словесным обещанием, «обнадеживанием», от великого визиря, что гроб господень будет возвращен. Тогда, опираясь и ссылаясь на это обещание, царь должен прислать грамоты с просьбой о таком возвращении к султану, к визирю и к муфтию. На московского царя — единственная надежда в этом деле. Пусть он предпишет настаивать на возвращении святынь великому послу, который должен прибыть для подтверждения мира. Надо непременно добиться того, чтобы возвращение святых мест состоялось во время пребывания этого посла в Константинополе; если при нем оно не состоится, то потом уже никогда святые места возвращены не будут. Тогда он, патриарх, оставит престол свой, выедет отсюда в Мультянскую землю и оттуда к Москве, потому что иного прибежища, кроме того, он не имеет [1].

Досифей для русских посланников служил в чужой стране политическим осведомителем и советчиком [2]. Когда во время его визита, 15 июля, они сказали ему, что накануне, после посещения ими муфтия, они были у голландского посла и что он принял их с честью, только все же, как он, так и английский посланник сетуют, что не были допущены к переговорам в качестве посредников, патриарх предостерегал посланников: «Поистине де те послы, английской и галанской, царскому величеству недоброхоты и надеяться на них никогда ни в чем невозможно. А какие де слова галанской посол говорил про царское величество, будучи в Адрианополе», может сказать посланникам мультянский резидент Енакий. Досифей сообщил далее, что английского и голландского послов при здешнем дворе не любят, потому и не допустили их к переговорам. Польский посол успеха в своих делах здесь не добился. Заговорив о польском после, Досифей выразил желание, чтобы царь начал войну с Польшей, потому что поляки, не исполняя мирных переговоров, обращают православные церкви в унию [3].

Не ограничиваясь политической информацией, патриарх давал посланникам даже и военные советы, как удобнее всего с успехом напасть на Турцию. Если великий государь думает сохранить за собою город Азов с городками, то надобно держать их в боевой готовности, назначать туда разумных воевод и начальных людей, бодрых и смелых ратных людей; тогда неприятель будет их бояться. А если они будут слабы, то неприятель всегда будет помышлять о нападении на них. На мирный договор с турками полагаться нечего, потому что это древний, вероломный и лукавый неприятель христиан. На случай войны с Турцией патриарх предлагал обдуманный и выработанный им

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 1178—1182 об., 1194 об. — 1197 об., 1229 об. — 1232 об.

[2] Ср. *Н. Ф. Каптерев,* Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII столетиях, изд. 2, 1914, стр. 287 и сл.

[3] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 1181 об.

план военных действий, совершенно верно оценивал стратегическое положение неприятеля и открывал перспективы поддержки России со стороны православных балканских народов. «А если когда царское величество изволит всчать с ним войну, и тогда надобно прежде взять Очаков, понеже у неприятеля Очаков левой рог, а правой рог был Таган Рог. А взяв Очаков, то надобно Крым взять, а взявши Крым, то будет дорога на Черное море свободная. И тогда пристанут сербы, и волохи, и мультяны, и болгары. А не взяв Очакова и Крыму, турков на море воевать трудно, понеже татаровя в том чинить будут препону. Да и оные народы, для той же опасности, вспоможения чинить не будут». Патриарх давал советы даже и о составе боевых сил, которые надо пустить в ход в морской войне против турок. «А к тому де воинскому поведению надобны морские мелкие многие суды, которые великой страх могут здесь учинить, нежели корабли. И тех кораблей турки так не боятся, как мелких судов, потому что те мелкие суды могут по всему Черному морю рассеятися и жилищам бусурманским чинить огнем и мечем разорение и пленение». На замечание посланников, что «те мелкие суды на море одержимы бывают страхом от галер», Досифей возразил, что «и у царского величества галеры есть же» [1].

При посещении патриарха 28 июля, посланники просили дать им совет, оставлять ли или нет резидента в Константинополе, о чем говорят им турецкие министры. Досифей ответил, что если есть намерение поддерживать мирные отношения, то следует оставить, а если нет, то не для чего и оставлять. Турецкие министры желают, чтобы резидент был оставлен потому, что такое пребывание резидента в Константинополе будет явным свидетельством для народов, что действительно с Москвою заключен мир. Посланники назвали патриарху лиц, которых они намереваются оставить, Семена Лаврецкого с подьячим и толмачем, и просили его, чтобы он Семена в его нуждах не оставил и был к нему так же милостив, как был и к ним. Патриарх выразил полную готовность во всем помогать Лаврецкому, только бы и «он, Семен, советовал с ним и поступал *по его приказу*» [2]. В наказе, данном Семену Лаврецкому, посланники предписывали ему свои отписки в Москву относить и отдавать тайно патриарху Досифею [3].

При последнем свидании 31 июля патриарх просил посланников передать царю просьбу, чтобы он учредил в городе Азове ради дальнего расстояния от Москвы, для большего распространения христианства и для христианского просвещения епископскую кафедру, с условием, чтобы эта епископия была без всякой пышности и тамошний епископ «ни в какие роскоши не вдавался

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 1194—1197 об.
[2] Там же, л. 1231—1232.
[3] Там же, л. 1252 об. — 1254.

и многих служителей у себя не имел», а подражал бы апостолам и «распростирался своим учением и смиренномудрием»[1]. Эту мысль о необходимости учреждения епископской кафедры в Азове Досифей высказывал в грамоте, адресованной Петру. Царь внял совету и в ответной грамоте Досифею от 10 сентября 1701 г. сообщал ему о своем намерении учредить в Азове митрополию, а к ней несколько епископий и просил прислать кандидатов для занятия этих кафедр, «житием искусных и в свободных науках ученых и в словенском речении знаемых»[2].

Стремясь поддерживать тесные связи с Москвою, на которую он смотрел, как на свое последнее убежище, Досифей, прощаясь с посланниками, вручил им несколько грамот для передачи, а именно: царю, патриарху Адриану, царевичу Алексею, митрополиту киевскому и нескольким виднейшим московским сановникам: царевичу Александру Арчиловичу, Л. К. Нарышкину, Т. Н. Стрешневу, Ф. А. Головину, Г. И. Головкину, гетману И. С. Мазепе, Н. М. Зотову[3].

Константинопольский патриарх Калинник держал себя от посланников гораздо дальше, и беседы с ним не доходили до таких рискованных сюжетов, на какие решался патриарх иерусалимский, и касались или церковных вопросов, или же совсем нейтральных предметов. Прибыв к посланникам 18 июля в сопровождении свиты из трех митрополитов, четырех старцев и двух бельцов, спросив посланников о здоровье, патриарх поздравил их с заключением мира, совершенным их трудами, на что посланники, благодаря, скромно заявили, что «того мирного дела они себе не приписывают, будто то дело совершилось их трудами, а совершилось то дело милостию божиею и великого государя святыми и праведными молитвами и премудрым разумом, также и его, святейшего патриарха, со архиереи, молитвами, а не их, посланничьими, трудами». Патриарх сделал далее несколько замечаний о дворе, в котором живут посланники, видимо, своим невзрачным видом и неудобным местоположением, возбуждавшем внимание посетителей: «Двор де тот, как он видит, зело стоит в низком и в глухом месте, что никуда с него не видно. И чаять де им, посланником, живучи в таком непотребном дворе, прискучило». Посланники не были довольны отведенным им двором, хотя и не пожелали переезжать с него на предлагавшийся им турками загородный двор на берегу моря: «То учинено рассмотрением здешнего турского правления. И поставили их, посланников, на таком дворе, что не токмо на поле или на море видно, но и по улице, на которой тот двор стоит, ничего не видеть, и в самом глухом месте и в переулках тесных, будто в тюрьме, и живут они, посланники,

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 1248—1249 об.
[2] *Каптерев*, ук. соч., стр. 558—559.
[3] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 1249—1250.

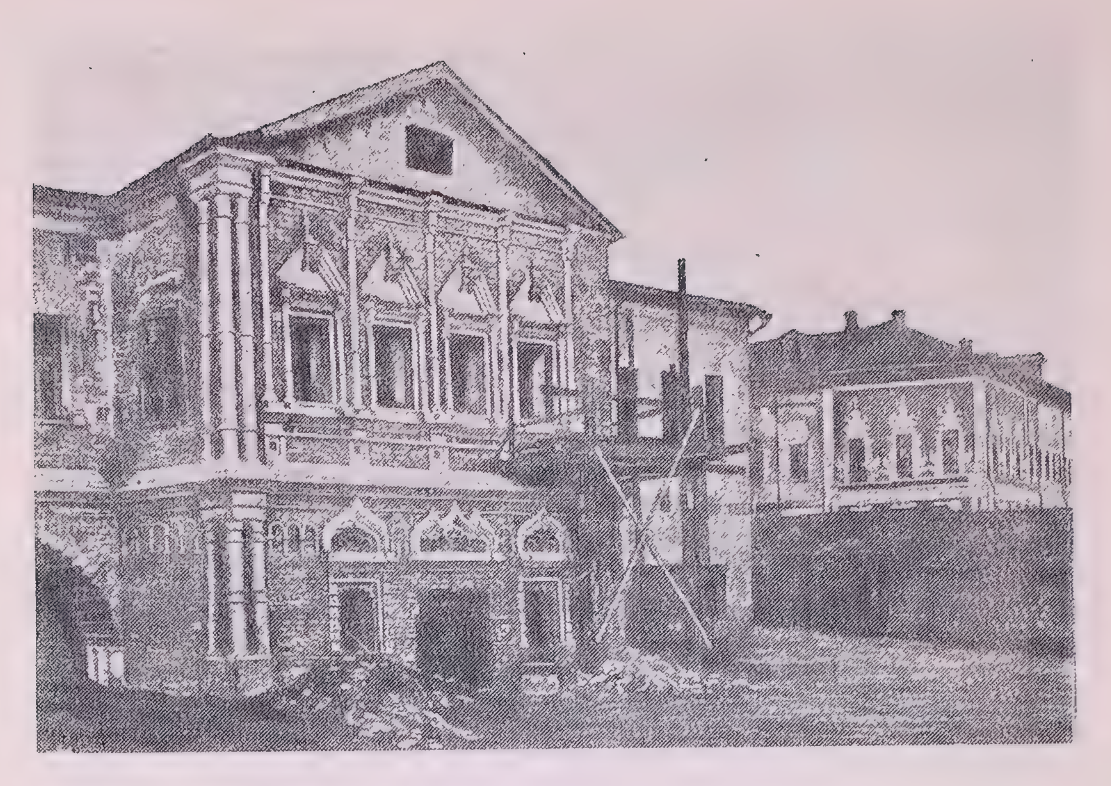

Рис. 22. Каменные дома князей В. В. Голицына и И. Б. Троекурова в Москве в Охотном ряду.
Акварель, сделанная во время их реставрации в 1925 г.

на том дворе мало не целой год. А конного человека в тех переулках, опричь того, что к ним, посланником, кто для чего приезживал, никого не видели, да и пеших людей ходит на мале». От узких улиц и переулков Константинополя разговор перешел к московским улицам, переулкам и домам. Патриарх спрашивал: «В государстве де Московском улицы и переулки пространнее ль здешних или таковы ж, также и домы великие каменные есть ли?» Посланники сказали, что «в государстве Российском, а именно в царствующем граде Москве, каменного строения много и домы великие каменные есть многие ж, а улицы и переулки пространнее здешних».

Беседа перешла далее к теме о константинопольской старине. Патриарх говорил о прежних строениях в Царьграде: «Как де сей Царьград был в державе у благочестивых греческих царей, и в нем де улицы и переулки были пространные же, также и домы каменные у греков были великие. А как де достался в руки агарянские, и с того времени все опровергнуто, и улицы и переулки истеснили и домы почали строить плохие и недолговечные, и того прежнего греческого строения, а именно от царя Константина, в остатке во всем Станбуле только одна палата, которая и доныне цела, близко салтанского двора, в которой учатся турки бить в барабаны и играть в сипоши». Посла́нники

спросили: «Есть ли де что того ж благочестивого царя Костянтина строения городового?», на что патриарх и митрополиты сказали, что «кругом Станбула только основание городовое царя Костянтина, а городовых стен и башен его строения нет, все уже вновь после его перестроено, а инде починено, и в последнее де починивал царь Феофил: а где его починка была, и тому значит на башнях имени его подпись». В свою очередь патриарх спрашивал о московских городовых укреплениях: «Около Москвы каменное городовое строение есть ли?», а затем предложил другой вопрос — об общем впечатлении от Константинополя, «какова им здешняя салтанская резиденция кажется?» Посланники отвечали, что «около Москвы каменное городовое строение есть, а резиденция здешняя славная, понеже стоит междо двумя морями, Черным и Белым. Только де хотя и славна, однакож бедственна и всегда пребывала в смятениях, а именно в пременении веры и в ересях, а потом и в насилие агарянское досталась».

Разговор с этих слов перешел на церковные расколы. «И святейший патриарх и митрополиты говорили, что завидному месту всегда тесно бывает. А от расколов никоторое государство уйтить не может. И, чаять де, не без того и в государстве Московском». Посланники, отводя это замечание и, может быть, несколько искажая русскую действительность конца XVII в., говорили, что «в государстве Российском великих церковных расколов нет, разве когда изредка явится какой старец или поп и то не о большом деле: о скуфье или о платье, как подобает которому чину какую одежду носить, или о крестном знамении. И таким де незнающим и неученым людем за такое раскольное малое дело краткой суд чинится, смотря по вине, чинят наказанье или посылают в монастыри в смиренье. И ныне милостию божиею таких и иных никаких расколов в Российском государстве нет». Патриарх, сделав экскурс в историю расколов в Византии в эпоху вселенских соборов, отрицал существование их в настоящее время в греческой церкви, причем отмечал мягкость мер, к которым греческая церковь прибегает в борьбе с ними: «В здешнем государстве напред сего расколы церковные великие были до седьми соборов, а по седьми соборех всякие ереси и расколы угасли. И так на седьмом соборе утвержено, и укреплено, и постановлено, хотя б ангел с небеси сошел, то в вере пременения не чинить. И ныне де таких церковных расколов здесь междо христианы не слышно ж; а которые и явятся, и такие смиряются у них увещеванием от божественного писания и наказуются правильными винами, кротостию и смирением, а не смертною казнию. Да и у турков де расколы в вере их есть же, только они успокоивают такие расколы тайно, чтоб никто не ведал, и таких возмутителей у них казнят смертию». Может быть, слова о мягкости обращения с раскольниками в греческой церкви и указание на жестокость,

практикующуюся в таких же случаях у турок, были сказаны не без намека на суровое отношение к раскольникам в Московском государстве, о чем могло быть патриарху известно.

Посланники высказали мысль, всецело проникнутую идеей XV в., о Москве — третьем Риме: «И посланники говорили: повидимому, де царство греческое, и вера православная, и благочестие все перенеслось отсюду в Российское государство». Патриарх не опровергал этой идеи, напротив, образным сравнением пояснил те практические выводы, которые вытекали из высказанной посланниками идеи: необходимость молодому и сильному православному Русскому государству оказывать поддержку старой греческой церкви. «И святейший патриарх говорил: он де скажет им, посланником, о том некоторую разумную историческую притчу, чтоб у него того послушали. И о чем он их, посланников, вопросит, о том бы ему сказали. И спрашивал он, святейший патриарх, что в Московском государстве на реках или на озерах птицы, именуемые рыболовы, есть ли? И те птицы на тех реках и озерах зимуют ли или отлетают куда в иные теплые страны? И посланники сказали, что такие птицы рыболовы в Российском государстве на реках и на озерах летом бывают, а к зимнему времени отлетают в теплые страны, а к лету прилетают попрежнему на те ж места. И святейший патриарх говорил, что те птицы, где ни бывают, однакож на старину свою и во отчизну прилетают и в зимнее время держатся всегда в теплых странах, а именно в Индии западной. И имеют де те птицы междо собою такую ревность благоискусную и друг другу помогательную, что которая из них птица остареет или от немощи своей ослабеет и лететь не сможет, то по такую старую птицу прилетают младые птицы и тех старых подымают и помочь им к летанию чинят, а вовсе их не пометывают и не оставливают нигде. Также де подобно тому и здешнее государство! Хотя оно в вере и во благочестии было древнее и старее Московского государства, только стало во изгнании. А Российское царство на свете почало быть славно и сильно, а паче распространилось всякими украшениями, премудростию и разумом пресветлейшего и державнейшего великого государя, его царского величества, которому дарует господь бог над всеми победу и одоление. И ныне они, святейшие патриархи, и все православные христиане помощи и заступления требуют не от иного кого, токмо от его царского величества. И того ради, чтоб изволил его царское величество их, старых, в здешнем государстве не оставливать и помощию своею, государскою, изволил их вспомогать». Молодые и сильные птицы помогают старым, Московское государство должно помочь старому греческому православию, таков вывод, сделанный патриархом из высказанного посланниками утверждения, что Греческое государство и истинная вера перенеслись в Москву. Выслушав рассказ патриарха, посланники сказали: «Та его,

святейшего патриарха, объявленная им притча по премногу разумна. А на свете все дивное и не дивное в руце Божии, что восхощет, то он, создатель наш, и сотворит».

Посланники заговорили далее с патриархом об одном недавнем каноническом казусе. Года два тому назад в Польше на Луцкую православную епископию был избран некто из ученых людей и для поставления приезжал в Киев. Но митрополит киевский, узнав, что он был женат на вдове, писал к московскому патриарху, спрашивая, как в этом случае поступить. Святейший Адриан, хотя и знал, что по правилам апостолов «подобает епископу быть единые жены мужу», однако, по заступлении некоторых великих особ, вероятно, обращался за советом к константинопольскому патриарху. Посланники интересовались, отвечал ли ему Калинник. Патриарх говорил, что от патриарха Адриана к нему грамот об этом деле не было; писал к нему весь клирос церковный Луцкой епархии через волошского господаря; но так как киевская митрополия «и все к ней тамошнее присудствие» уступлено московскому патриарху, то он не вошел в это дело и просимого благословения новоизбранному не дал, однако писал волошскому господарю, что того человека из-за двоебрачия посвятить невозможно, хотя он по разуму для епископства и достаточен, а чтобы посвящен был, хотя неученый человек, только б девственник или «единые жены муж, а того бы разумного и ученого человека он держал при себе». Посланники сообщили: они слышали, что, когда новоизбранный епископ приехал из Киева в Луцк с отказом, там будто посвятил его во епископы некий греческий митрополит или епископ, называясь экзархом константинопольского патриарха. Известно ли ему, патриарху, об этом? Патриарх сказал, что он об этом ничего не знает и никакого экзарха его в тех странах нет. Вероятно, это сделал какой-нибудь «изверженный» архиерейского чина, и по этому поводу патриарх распространился о лицах лишенных архиерейского сана. У них здесь таких много, которых они поставляют в архиереи, а потом, смотря на житие его, от того чина и отлучают, «видя его какое непостоянство». И такие из стыда отсюда выезжают и ездят в Москву, в Польшу, и в Италию, и во Францию и там отлучение свое таят, а называются архиереями и делают, что хотят. Того не жаль, что они делают «у папежников», но жаль, когда они это делают между христианами. Христианин христианина прельщает и обманывает. В удостоверение своего сана они предъявляют ставленые грамоты, и таким грамотам верить не надобно, а надобно требовать у них от константинопольских патриархов заступительных листов об отпуске их для сбора милостыни. Он, патриарх, во избежание нареканий на него, что так творится из-за его неприсмотра и нерадения, просит великого государя не велеть таких лживых архиереев в государство свое пропускать и высылать их за рубеж. Посланники обещали

донести об этом государю, просили и самого патриарха ему писать, но при этом выразили опасение, как бы не было на патриарха жалоб и слез от духовных лиц тех стран, откуда слишком далеко заезжать к нему за заступительными листами. Патриарх возразил, что он о святогорцах, синайских и о других палестинских монастырях не говорит, говорит только о лишенных сана властях и старцах. О них он и будет писать к государю; до сих же пор не писал, потому что между обоими государствами была война и писать было опасно. Посланники удостоверили, что за «изверженными» властями духовными лицами в Москве есть присмотр; когда они появляются, бывает о них указ без замедления. Недавно один такой лишенный сана человек явился на Москву, но был изобличен и послан в монастырь «под начал». Спуску таким лжецам не бывает.

Патриарх стал извиняться, что засиделся: «Чаять де уже он приходом своим им, посланником, надокучил, и спрашивал, скоро ли они отсюду в путь свой поедут?» Посланники отвечали, что они, «яко ангелу божию, тако и приходу его, святейшего патриарха, к себе обрадовались и тем его посещением и благословением будут, приехав, хвалиться пред его царским величеством. А в належащей свой путь поедут тогда, как будут на отпуску у салтанова величества и у наместника его — великого везиря. И святейший патриарх говорил: буди имя господне благословенно от ныне и до века и управи господь бог все по намерению их, посланничью! И видеть бы им в радости пресветлые очи великого государя, также и домы свои! И встав, он, святейший патриарх, и благословив посланников, из палаты пошел. Провожали его, патриарха, посланники до ворот, а дворяне, и переводчики, и подьячие за ворота. А приходил святейший патриарх и митрополиты к посланником пеши и попросту в реверендах, без мантей»[1]. Посланники перед отъездом (28 июля) посетили патриарха, который говорил, что будет писать великому государю и патриарху Адриану, и просил о милостивом приеме как его писаний, так и посланных его и греческих купцов. Затем спрашивал посланников: «Догматы церковные в своем ли существе в Российском государстве пребывают и нет ли в чем пременения и для чего то пременение учинилось?» Когда посланники ответили, что «милостию божиею в Российском государстве догматы церковные содержатся все чинно, по преданию святых апостол и святых отец», патриарх говорил: «Дай боже, чтоб и впредь то непоколебимо было. А государство де Российское славно не тем, что имеет многие провинции, такж и число множественное людей, но самою тою верою православною и истинным и непоколебимым утверждением ее». Затем дал посланникам наставление: «А надобно де иметь опасность от римлян, понеже они всячески тщатся, как

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 1185—1194.

бы в вере нашей и в догматах церковных вкинуть какую ересь и пременение. А если де, от чего боже сохрани, хотя малую какую в вере учинят прелесть, то уже в том исправится будет трудно». Патриарх, указав далее на чистоту веры в греческой церкви, хотя она и находится под турецким игом, предложил царю свои услуги в деле религиозного просвещения России. «А у них де здесь, хотя они и под игом бусурманским обретаются, еще в вере никакого пременения нет. А если де великому государю и святейшему патриарху понадобятся учители церковные, и о том бы де присланы были их к нему грамоты. А он де приложит к тому радение и, сыскав таких учителей, пришлет». На прощанье патриарх говорил, что «великому государю и дому его, государскому, и всему его синклиту посылает архипастырское свое благословение и желает ему, великому государю, от господа бога многолетного здравия и на государствах его счастливого и благополучного государствования и о его, государском, многолетном здравии непрестанно соборне и келейне господа бога молит и впредь молити будет» [1]. Грамоты к царю и патриарху Адриану Калинник прислал к посланникам с своим архидиаконом 1 августа [2].

XX. ПЕРЕГОВОРЫ ОБ «АЛЖИРСКОМ ДЕЛЕ»

Посланники сделали последнюю попытку добиться положительного результата по так называемому «алжирскому делу», переговоры о котором одно время вплетались в переговоры о мире и шли параллельно с ними. Дело это заключалось в следующем. Прибывший в Константинополь 31 января гонец, сержант Никита Жерлов, отпущенный из Москвы 20 декабря, привез посланникам, между прочим, повеление, которое и было сообщено туркам на другой же день, 1 февраля: «У русских торговых людей построены на морской пристани у Архангельского города вновь корабли и нагружены разными товарами», и эти торговые люди раннею весною хотят на тех кораблях с товарами от Архангельского города плыть «в Стратцкие (голландские) городы и в иные места». Царю известно, что между голландцами и султанскими подданными «барбаресами, то-есть алжирцами, тунисцами и трипольцами, есть явная ссора и война», а у него с блистательной Портой заключено двухлетнее перемирие: поэтому государь желает, чтобы, как возможно скорее, от блистательной Порты был послан повелительный указ к алжирцам, тунисцам и трипольцам, чтобы они «преходящим или где плавающим кораблям под знаком (флагом) его царского величества, каков на тех кораблях обретатися будет, до

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 1228—1229 об.
[2] Там же, л. 1250 об.

окончания того двулетнего мира... никакого затруднения и озлобления не чинили и их вольно и свободно пропускали». Желательно, чтобы султан послал к упомянутым народам такой указ немедленно, а другой тождественный экземпляр такого указа посланники просили передать им для немедленной отсылки с тем же гонцом Никитой Жерловым в Россию, так чтобы он еще застал русских торговых людей у Архангельска. Этот экземпляр будет вручен им для предъявления вышеупомянутым «морским охотникам». Царь почтет исполнение этой просьбы немалым знаком дружбы и любви с султаном [1].

Итак, дело шло об издании султанского указа «барбаресам»: алжирцам, тунисцам и триполитанцам, как они тут же называются, «морским охотникам», а затем в другие моменты переговоров уже прямо употреблен термин «алжирским разбойникам» — о том, чтобы они не нападали на русские торговые корабли, которые будут плавать у берегов Европы. Откуда могло возникнуть такое странное домогательство, и о каких русских торговых кораблях, которые выйдут из Архангельска раннею весною 1700 г., шла здесь речь? Некоторые свидетельства, будучи сопоставлены с этим обращением к турецкому правительству, могут пролить свет на вопрос. Когда осенью 1699 г. заключался наступательный союз с Данией и Августом II против Швеции, у Петра возникла мысль еще до начала военных действий, и, может быть, в предвидении их, прекратить торговлю с нею, какая велась на Балтийском море. Он проектировал издать указ, запрещающий русским купцам возить товары в шведские порты: Нарву, Ревель и Ригу. Единственным средоточием русской внешней торговли он предполагал сделать Архангельск, где мечтал строить торговые корабли, на которых русские купцы и стали бы сами возить товары в Европу, обходясь уже без помощи торговых флотов других наций, не терпя убытков, сопряженных неизбежно с таким посредничеством. Прибыль от непосредственного транспорта русских товаров в западноевропейские страны должна была в таком случае итти в карманы русских купцов. Царь предполагал придать этой торговле обширные размеры, заведя торговые компании на манер ост-индских компаний, существовавших в Англии и в Голландии.

О таких замыслах царя доносил своему двору датский посланник Гейнс в феврале 1700 г. «Царь хочет учредить торговые компании в Архангельске на манер ост-индских компаний в Англии и Голландии, и для этой цели его величество опубликует на-днях запрещение всем своим подданным вообще торговать с Нарвой, Ригой или Ревелем и отдал уже приказание не выпускать и не впускать никаких товаров с этой стороны, что́ до крайности тревожит здешних иностранных купцов. Намере-

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 475 об. — 476 об.

ние царя должно быть в том, чтобы сделать архангельскую торговлю более значительною и дать своим подданным возможность получать выгоду от перевозки товаров, которую другие нации извлекают из Архангельска каждый год. Для этой цели царь отдал приказ построить несколько больших торговых кораблей у Архангельска»[1].

Из иностранцев проектируемая мера более всего раздражала, по его свидетельству, голландцев и шведов; для последних чувствительным ударом было, разумеется, запрещение ввозить товары в прибалтийские порты[2]. Но и русским купечеством этот проект о запрещении балтийской торговли, повидимому, встречен был с таким неудовольствием, что его пришлось, как говорит далее тот же Гейнс, отложить на год. «По крайним настояниям, которые сделали здесь купцы, чтобы запрещение торговли с шведскими городами у Нарвы и Риги... было отсрочено, пока они смогут ликвидировать там свои дела, царь сделал им отсрочку еще на год»[3]. Русско-шведская торговля через Балтийское море была тогда довольно значительна; ее размеры вскрылись в момент совершенно неожиданного для Швеции объявления войны и нападения на Нарву. Этим началом войны русские купцы в Швеции были застигнуты врасплох. Донося о том тяжелом положении, в котором они очутились, русский резидент в Стокгольме князь А. Я. Хилков, только что туда прибывший, сообщает любопытную статистику русской торговли в Швеции в момент начала войны. «Плач ныне велик обретается, — пишет он Ф. А. Головину 21 сентября, — в крестьянех, которые в Стекхольном купецкие и работные люди: всем грозят неволею и отбиранием пожитков их, а богатствы великие и людей множество». В другом письме 26 сентября он приводит цифровые данные: «А всех их товаров ныне в Стекхольном тысяч на сто, да человек с полтораста. И из Стекхольна

---

[1] «Le Czaar veut establir des compagnies de commerce à l'Archangel, à la manière des Compagnies des Indes en Angleterre et en Hollande, et pour cette fin S. M. fera publier ces jours-cy des défenses à touts ses sujets generalement de ne faire aucun traficque du costé de Narva, Riga ou Reval ayant mis ordre desjá de ne faire sortir ni rentrer aucune marchandise de ce costé-la, ce qui allarme extrêmement les marchands estrangers icy. Le dessein du Czaar doit estre de rendre par là le commerce d'Archangel plus considérable et de faire gagner à ses sujets le fret des marchandises que les autres nations portent et rapportent de l'Archangel tout les ans. Pour cette fin le Czar a déjà donné ordre de faire bastir plusieurs gros vaisseaux marchands du côsté de l'Archangel» (*Форстен,* Датские дипломаты при московском дворе, «Журнал министерства народного просвещения» № 12, 1904, стр. 344).

[2] *Форстен,* ук. соч. («Журнал министерства народного просвещения» № 12, 1904 г., стр. 344—345).

[3] «Sur les instances extremes que les marchands ont faites icy que la défense du commerce avec les villes de Suède du costé de Narva et de Riga... soit différée jusque à ce qu'ils puissent tirer leurs effets de delà, le Czar leur a accordé encore un an de temps» (там же, стр. 348).

пошло с полтретья ста (250) человек на шестнадцати карбусах; а товаров их тысяч на двести». При этом в виде исторической справки он в том же письме приводил, что «в прошлой войне (со Швецией при царе Алексее в 1656—1661 гг.) задержано было в Стокгольме русских купецких людей человек со сто и уморено русских людей в тюрьмах и на работе»[1]. В следующем письме он дает уже бо̀льшие цифры задержанных купецких людей и их работников и более значительные суммы их товаров: «Всех русских людей в розных городех задержано с четыреста человек, а карбусов их шестнадцать, а товаров их истинно чаю верно, что будет с семьсот тысяч, одних плотов медных (так назывались куски меди с казенными штемпелями, ходившие в Швеции в качестве монеты и вывозимые русскими купцами) тысяч с триста, а всякой плот по двадцати по три алтына по две деньги, кроме других товаров: железа и котельной меди и иных, серебра и жемчугу и золотых, и ефимков»[2]. Если даже признать цифру в 700 000 рублей преувеличенной и остаться при той цифре 300 000, которую он дает несколько раз в письмах, и если при этом припомнить, что весь государственный приходный бюджет 1701 г. составлял всего 3 000 000 рублей, то и сумму 300 000—10% бюджета — нельзя не признать значительной. Отсюда видно, какие значительные капиталы были вложены в шведскую торговлю. Было, следовательно, отчего тревожиться русскому купечеству, когда ему стало известно намерение царя пресечь эту торговлю. Указ о таком пресечении не осуществился, был отложен на год. Но еще до истечения этой отсрочки торговля была пресечена началом войны.

Гейнс говорил в своей февральской депеше, что, запрещая балтийскую торговлю, царь имел намерение сосредоточить русскую «отпускную» торговлю в Архангельске, с тем чтобы ее вели русские купцы на русских торговых кораблях, и что для этой цели он приказал строить у Архангельска торговые суда. Действительно, как раз в 1700 г. в Архангельске заметно оживленное кораблестроение. На казенной Соломбальской верфи по именному указу были заложены в этом году шесть торговых кораблей, которые строились под надзором датчанина Елизария Избрандта. Началось тогда же и частное кораблестроение[3]. Как раз в то время, когда Гейнс писал свою депешу, в феврале 1700 г., была дана жалованная грамота на кораблестроение двум энергичным предпринимателям, поморским черносошным крестьянам по происхождению, тогда уже состоявшим в гостиной сотне, Осипу и Федору Андреевым Бажениным. У Бажениных в их родовой вотчинной деревне Вавчуге в 13 верстах от Холмогор имелась уже водяная лесопильная мельница, с которой

[1] Арх. мин. ин. дел, Дела шведские 1700 г., № 10, л. 91—93, 97—98, 112, 124—125. Ср. Дела шведские 1700 г., № 11, л. 19 — 111 человек.
[2] Там же, Дела шведские 1700 г., № 10, л. 116.
[3] *Веселаго*, Очерк русской морской истории, 519—521.

Рис. 23. Соломбальская верфь на реке Северной Двине близ Архангельска.
Гравюра из книги К. де Бруйна «Путешествие через Московию в Персию и Остиндию», изд. 1714 г.

они возили распиленный тес в Архангельск, где и продавали его иноземным купцам. Задумав расширить дело, Баженины еще в 1696 г. подали челобитье о дозволении им при пильной мельнице устроить корабельную верфь и на ней строить корабли «против заморского образца для отпуску с той нашей пильной мельницы тертых досок за море в иные земли». Ответа тогда на это ходатайство не было. Но когда они в январе (25) 1700 г. возобновили свое челобитье, ответ тотчас же последовал: 2 февраля им уже была дана жалованная грамота. В челобитье они вновь заявляли, что у них есть давнее, «из многих лет», намерение строить из выработанных на их лесопильном заводе досок свои корабли и яхты, возить на них доски и иные русские товары за море. Это намерение шло как раз навстречу мероприятиям Петра, с такой страстью занимавшегося тогда кораблестроением, воодушевленного меркантильными стремлениями того века и объятого желанием положить начало русской морской торговле. Ведя переговоры о мире, русские посланники в Константинополе добивались по его наказу включить в мирный договор статью о свободе русским военным кораблям Азовского флота заниматься торговлей по Черному морю, на что турки не согласились. Понятно, с каким удовольствием должен был встретить Петр предложение Бажениных, и в грамоте отмечалось, что она дается им «за желательное их к нам, великому государю, усердное радение и к корабельному строению тщание». Грамота предоставляла Бажениным право в их вотчине при пильной мельнице строить корабли и яхты, нанимая для постройки вольным наймом мастеров иноземцев и русских людей, и на этих судах возить от города Архангельска за море русские «указные» (т. е. дозволенные к вывозу) товары. На свои суда им предоставлялось право нанимать и свободно держать на своем иждивении шкиперов, штурманов и матросов из иностранцев и русских людей. Архангельским воеводам и бурмистрам предписывалось у них с судов этих людей никуда не брать. На кораблях для охраны от «воровских людей» Баженины получали право держать пушки и порох по примеру торговых иноземных кораблей. Корабельные припасы, которые для оснастки своего флота они выпишут из-за границы, освобождаются от пошлины. Сами Баженины, Осип и Федор, освобождаются от выборов во всякие казенные службы и посылки, которым подлежали люди их круга — гостиная сотня [1]. Предприятие Бажениных пошло в ход. У лесопильной мельницы возникла корабельная верфь, на которой заложены были первые частные коммерческие корабли дальнего плавания. Устроены были собственные парусные заводы для снабжения кораблей оснасткой. Первый торговый корабль с Вавчужской верфи был спущен уже много времени

[1] П. и Б., т. I, № 290.

спустя — в 1703 г. [1] Казенные торговые корабли на Соломбальской верфи были готовы уже в 1701 г., но за границу пошли еще позже баженинских — только в 1704 г. [2]

Но живое воображение Петра опережало ход вещей, рисовало ему русский коммерческий флот бороздящим европейские моря, и уже в 1700 г. он нашел своевременным заручиться для этого флота грамотами на безопасность от великих морских держав. Русскому послу при Голландских штатах А. А. Матвееву в Гаагу, в этот центр, где сплетались нити европейской дипломатии, была из Воронежа от 20 апреля послана инструкция — «исхлопотать» такие грамоты от Голландских штатов, от английского и французского правительств, и Матвеев усердно занимался выполнением этого поручения. В письме от 14 июня он уведомлял Ф. А. Головина, что объявлял об этом деле Голландским штатам, говорил английскому посланнику при Штатах Стангопу и искал приватного свидания с французским послом, с которым он еще не вступил в официальные отношения, сообщив ему, что будет просить дать королевский указ по морскому управлению о том, чтобы русским кораблям, «имеющим выходить на море от Архангельского города, никакого озлобления не чинили» [3]. Ответы держав, к которым Матвеев обратился, были, по крайней мере по внешности, благоприятны, хотя Штатам, как доносил он Петру 20 сентября, «зело неприятно является нынешнее строение у города Архангельского ваших кораблей, из чего своим купечествам чают немалого препятия» [4], и хотя, как достоверно он узнал, им «неугодно было», что турки при мирных переговорах соглашались на позволение русским кораблям торговать в Средиземном море [5], все же они обещали исполнить просьбу царя и выразили готовность на корабли, на все пристани морские, также и «в реки, куды пристанут его царского величества те корабли», разослать указы о помощи русским кораблям. Требовали только уведомить о времени выхода тех кораблей от Архангельска [6]. Действительно, как он сообщал в письме от 5 июля, во все адмиральства был послан указ, чтобы адмиралы напоминали капитанам и корабельщикам, чтоб они, встречая русские корабли и подданных царского величества на море, «всякую дружбу им показали и во всем потребном вспоможение им чинили» [7]. Английский посланник Стангоп при первом же разгово-

---

[1] «Петр Великий на Севере». Сборник статей и указов, относящихся к деятельности Петра I на Севере. Под редакцией А. Ф. Шидловского. Архангельск 1909, стр. 110—119.

[2] *Веселаго,* ук. соч., стр. 519—521.

[3] Арх. мин. ин. дел, Дела голландские 1700 г., № 4, л. 58—59.

[4] Там же, л. 129—131.

[5] Там же, л. 115—117.

[6] Там же, л. 58—59.

[7] Там же, л. 71—72.

ре обещал писать к королю[1]. В письме от 18 июля Матвеев сообщал Ф. А. Головину, что Стангоп уже объявил ему королевский указ о том, чтобы русским кораблям, выходящим от Архангельска, не только «никакого озлобления не чинить, но всегда, как на море, так и на реках и в пристанищах, всяческое тем кораблям вспоможение чинить»[2]. Матвеев переслал Головину копию с соответствующего приказа английского адмиралтейства[3]. Наконец, установились официальные отношения и с французским послом. При первом своем визите и контрвизите посла Матвеев не решился поднять разговор о королевском указе, чтобы не начинать с обращения к французам с просьбой, что имело бы вид заискивания, «понеже, — объяснял он Ф. А. Головину, — известно тебе, государю моему, какие они коварные практики, которою своею хитростью на весь свет блестят»[4]. Просьбу Матвеев передал при одном из следующих свиданий с послом. Посол отнесся любезно, «любительно поступя», расспрашивал о подробностях: такой указ нужен собственным ли царским кораблям или торговым «и в Париж ли им приходить или на одном море тот указ потребен?» В заключение обещал немедленно писать королю и сказал, что не сомневается, что королем все будет любезно исполнено по желанию царя[5]. 11 сентября посол вновь «визитовал» Матвеева и сообщил ему об издании Людовиком XIV просимого указа о свободном пропуске и о всякой помощи русским кораблям. Указ этот уже разослан «во все адмиральства и ко всем компаниям воинским, торговым и компанейским морским начальником»[6].

Итак, европейские морские державы удовлетворили просьбу Петра о свободном пропуске и помощи его кораблям. Вот с такой же просьбой он обращался к Порте, с тою только разницей, что тогда как европейские правительства посылали указ адмиралам и другим «морским начальствам», от турецкого правительства испрашивался указ «к алжирским разбойникам», т. е. к пиратам из племен североафриканского побережья, числившимся подданными султана и бывшими действительными хозяевами в Средиземном море. Просьба, отправленная в Турцию ранее, чем к европейским дворам, была изложена в тех же самых выражениях, в каких она была адресована и к европейским правительствам; в ней говорилось также, чтоб не чинить русским кораблям «озлобления». Отношение турецкой Порты было, однако, иное. Под разными предлогами турки стали затягивать и откладывать дело. 1 февраля 1700 г. Маврокордато ответил, что доложит о просьбе визирю. 2 февраля на вопрос

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Дела голландские 1700 г., № 4, л. 58—59.
[2] Там же, л. 86—87.
[3] Там же, л. 94—96.
[4] Там же, л. 86—87.
[5] Там же, л. 110—111.
[6] Там же, л. 126—127.

посланников он сообщил, что визирь взял ее «на доношение салтанову величеству». Посланники торопили турок с ответом, то и дело осведомлялись «о деле» на конференциях, а между конференциями через посланных к Маврокордато. Ответы были все в одном и том же роде: визирь сказал, что «о пашпорте алжирском указ дан будет в свое удобное время» (7 февраля); «везирь взял себе на размышление на несколько дней» (8 февраля); «ответ учинен будет в иное время» (12 февраля на X конференции); «впредь, даст бог, на будущем ответе (конференции) они, думные люди, учинят им, посланником, ответ» (18 февраля) [1]. На XII конференции 2 марта турецкие уполномоченные объявили посланникам, что «о пашпорте они великому везирю доносили. И великий везирь о том рассуждает так, что если салтанской пашпурт к алжирцам ныне послать, то надобно в нем написать двулетнее Карловицкое перемирье, а оно уже на исходе, и было б от них, алжирцов, за то на него, везиря, нарекание такое: на что де он смотря, такой указ к ним прислал, Карловицкого перемирья осталось малое число. И в том бы ему был стыд немалой». Поэтому турки объявили, что паспорт к алжирцам пошлют *по заключении мира*. При посылке с тем же вопросом на другой день, 3 марта, рейз-эфенди, повторив вчерашний ответ, пояснил, что «перемирного времени остается 9 месяцев. И в такое малое время кораблям царского величества по намерению их ходить на Белом (Средиземном) море некогда. А если де те корабли, от чего избави бог, по морю занесет куды в лиман (залив), а меж тем временем перемирное б время кончилось, то небезопасно б им было из того лиману выйтить и назад возвратиться». 4 марта Александр Маврокордато прислал племянника сказать, что паспорт будет дан после праздника байрама, до которого остается только шесть дней. Подьячему Борису Карцеву и толмачу Полуекту Кучумову, посланным к Маврокордато в тот же день, 4 марта, после полудня за решительным ответом, последний сказал, что ответ будет дан 5 марта. «А сего дня от многих салтанских дел он, Александр, утрудился и ни о чем говорить с ними не может». 5 марта был передан посланникам ответ визиря: «По закону их, мусульманскому, близко праздник их байрам и для того дел никаких делать им ныне не мочно и некогда». По прошествии байрама будет конференция, и на ней можно будет переговорить о паспорте. На состоявшейся после байрама XIII конференции 16 марта турки ответили, что великий визирь «в даче салтанского указу к алжирцом не отрицается, только кажется ему, что того указу посылать неприлично, а се и стыдно для того, что двулетнего перемирья осталось немного, почитай меньше полугода, а в настоящем деле (т. е. в мирных переговорах) никакого еще постановления с ними, посланники,

[1] См. также 24 февраля на XI конференции и 29 февраля.

у них, думных людей, не учинено». Когда заключен будет мир, тогда не только алжирцам, но и во все страны к пашам и к иным начальным людям будут посланы султанские указы «с великим подкреплением», чтобы царским кораблям, по Белому морю плавающим, везде пропуск был свободный [1]. Дело, как видим, затянулось уже более чем на месяц, а затем и совсем заглохло, и вопрос об указе алжирцам более не поднимался до самого заключения мира.

Когда заключение мира состоялось, посланники вновь заговорили о выдаче султанских указов о плавании русским кораблям и на них торговым людям от Архангельска в Средиземное море с тем, чтобы эти указы переслать в Москву с гонцами, которые отправлялись туда с известием о заключении мира. Однако Маврокордато ответил, что ныне с теми гонцами указ султанов не пошлется, потому что надо докладывать о нем султану. «А доклад де бывает салтану о всяких делех временем, а не без времени. А без докладу де учинить того невозможно, и надобно на то время немалое» [2].

Когда посланники напомнили еще раз Маврокордато об этом деле 28 июля перед самым своим отъездом из Константинополя, они получили окончательный ответ: «Алжирское дело отлагается до приезду царского величества торжественного посла» [3].

На этом дело и остановилось. Никакого паспорта к алжирцам турки не дали. Да он и не понадобился. Никаких русских торговых кораблей из Архангельска в Средиземном море не появилось.

XXI. ОТПУСКНЫЕ АУДИЕНЦИИ У СУЛТАНА И У ВЕЛИКОГО ВИЗИРЯ

Предметом долгих переговоров был также вопрос об отпускной аудиенции у султана. Посланники желали непременно перед отъездом иметь личную аудиенцию у самого султана. Однако, поставив этот вопрос перед Александром Маврокордато 8 июля, они получили от него категорический ответ, что им у султана на отпуске не быть «для нижайшего их чина». На отпуске у султана бывают только послы, а посланников отпускает визирь [4]. Ответ Маврокордато привел, повидимому, посланников в сильное волнение, они его не ожидали: «О таком дивном и нечаемом деле зело удивились» и затем в ряде «пе-

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 477—477 об., 478, 485, 493, 495 об., 516 об., 532 об. — 533, 539 об. — 540, 551 об. — 552, 556 об. — 557, 558 об. — 565, 592 об.

[2] Там же, л. 1086, 1087.

[3] Там же, л. 1227, 1236.

[4] Там же, л. 1131—1133.

ресылок» с Маврокордато (9, 11, 12 и 13 июля) выдвинули целый, можно сказать, строй аргументов за то, чтобы отпускная аудиенция была дана им у султана. Отказ был бы неслыханным умалением чести государя. Так как они присланы к государю, то и отпущены должны быть самим же государем, а не его наместником. Если они, посланники, «худы и бесчестны», то для чего было с ними делать такое великое дело, как заключение мира? Надобно было им сказать с самого начала, что «такого великого дела с такими малочиновными людьми делать нельзя: они бы отписали тогда о том государю, и в два месяца им был бы прислан посольский характер». Если бы царю было известно, что посланники у здешнего двора в таком малом почитании бывают, он бы их в таком чине и не посылал. Посланники далее обращали внимание на свое название «чрезвычайные», говоря: «А когда чрезвычайные, то подобны послом». Честь воздается не послу и не посланнику, но самому тому государю, от которого он прислан. Если бы они присланы были к Порте с одними только «комплиментами», то и тогда им бы следовало быть при отпуске на приеме у султана; а тем более, если они присланы не с одними «комплиментами», а с великим делом, которое здесь и совершилось. Будут ли они приняты султаном, это вопрос чести также и для них, турецких министров, которые вели с ними переговоры на 23 конференциях, таких конференций, «как Турское государство началось», никогда еще здесь в Константинополе не бывало! «И какою они, посланники, честью будут почтены, такова и их, думных людей, будет честь». Они, посланники, если не получат аудиенции у султана, подвергнутся в Москве гневу и опале. В Московском государстве посольская канцелярия очень смотрит, был ли посланный к иностранному государю у того государя «на приезде и на отпуске», и их, посланников, тотчас же по возвращении спросят об этом. Там выпишут из книг, что прежний посол Прокофий Возницын на отпуске у султана был. Правда, он имел звание посла, но был даже не в думном, а в простом дьячем чине, как теперь Иван Чередеев. Выдвигая и неоднократно повторяя все эти доводы, посланники сделали также решительное заявление, что не побывав у султана на аудиенции, они из Константинополя не поедут [1].

Маврокордато в начале этих переговоров был довольно упорен, ссылаясь на древний обычай и на специальное постановление дивана, говорил, что правление турецкое — императорское самовластное, древних обычаев не отменяет, припоминая прецеденты. Что он не прибегал к вымыслу, а говорил правду, в этом удостоверил посланников патриарх Досифей, подтвердивший при свидании с ними 15 июля, что у султана

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 1137—1138, 1142—1142 об., 1154—1155 об., 1151—1152, 1137 об.

«посланники никоторых государей, кроме послов, не бывают». В ответ же на заявление посланников, что они из Константинополя не поедут, объявил, что уже состоялся указ, чтобы их отправить отсюда в течение 10 дней [1].

Посланники возражали против указания на обычай, говорили, что султану никто для подобного и полезного обоим государствам дела отступить от обычая запретить не может и приводили сентенцию, что «на милость и на немилость образца не бывает». По меньшей мере они просили хотя бы приватной аудиенции: «А видеть бы лице его, государское, хотя где приватно в шатрах или в саду при обычной оссистенции без церемоний... а добро бы где хотя за морскою проливою». С какой свитой им на аудиенцию явиться, и будет ли султан приказывать с ними что-нибудь к государю или нет, это в его воле.

Под необыкновенно энергичным напором посланников Маврокордато стал уступать и, хотя и возражал, что такие приватные аудиенции совсем при турецком дворе не в обычае, однако обещал доложить визирю. Кончилось тем, что энергия и настойчивость посланников одержали верх над рутиной турецкого двора и они добились своего. 13 июля Маврокордато дал знать, что есть надежда на личный прием: «И чтоб они, посланники, в желании своем о бытии у салтанова величества на отпуске не сумневались и не печалились и были в том надежны» [2]. Действительно, аудиенция посланникам у султана была назначена на 24 июля в загородном летнем дворце султана на Черноморском берегу.

Посланники в сопровождении свиты из 17 человек и турецких чинов под охраной янычар выехали на лошадях около полудня из Песочных ворот. Добравшись до морской пристани, пересели в поданные им каюки, в которых плыли морем «около города и большого салтанского двора». Подъехав к воротам летнего дворца, из каюков вышли. «И у ворот стояли с посохами серебряными чауш-баша да кегая капычейской, а при них Александр Маврокордат и сын его Николай и кегая чаушской эминь-ага и спрашивали посланников о здравии, а посланники взаимно спрашивали их о здравии. И дожидались у ворот на правой стороне в сарае, устланном полстми по обыкновению их с подушками до тех мест, покаместа все люди ис каюков вышли на берег. А как вышли, и на посланников, и на 17 человек дворян, и на переводчиков, и на подьячих надели кафтаны и велели за посланники итить двором салтанским 3 человеком, а дворяном, да переводчику, и толмачу, и прочим всем велели остаться у ворот. И напереди посланников салтанским двором шли чауш-баша и кегая, а Александр Маврокордат и сын его

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 1138 об., 1151 об.
[2] Там же, л. 1155—1159, 1171 об. — 1172.

Николай шли с посланники по левую руку. И на дворе салтанском на правой стороне стояло его, салтанских, 17 лошадей простых в богатом наряде, седла и чепраки были обнизные жемчугом с каменьми. Также муштуки и паперсти были с каменьи ж. Да на тех же лошадях сверх седел привязаны были щиты изрядные с каменьем ж и з жемчугом. А по левую сторону от моря под деревьями стояли и ездили на нарядных же конях, только не в таком наряде, которые были на правой стороне, 12 человек изрядных молодцов. А были те лошади для того, вменяя то, что будто он, салтан, был в том сарае за городом в походе, а не в большом своем настоящем дворе».

«А как посланники пришли к крыльцу, и около того крыльца и в сенях и в палате, где сидел салтан, стояли капычи-баши и дворовые ево, салтанские, многие люди. И, взяв посланников, и дворян, и переводчика, и толмача, и капычи-баши под руки честно, повели перед салтана».

«А как посланники в палату вошли, и салтаново величество сидел на рундуке на скамье на широкой, обитой материею золотною, низоною жемчугом с каменьи меж подушками. А перед ним на обе стороны на том же рундуке стояли только два человека: с правую сторону бастанджи-баша или дворецкой, а с левую сторону кизлар-агасы, которому приказаны все его, салтановы, жены и наложницы. А ниже того рундука, на котором салтан на скамье сидел, в той же палате с приходу от дверей, в которые посланники вошли, и по правую и по левую руку стояли многие лики чиновных людей и капычи-башей и чаушей с великим подобострастием и тихостию, что никто из них никакого слова междо собою не промолвил и к уху не пошептал и не кашленыл и не плюнул».

«А великого везиря, и янчар-агасы, и рейз-эфенди, и тефтердаря в то время при салтане не было».

«А рундук тот, на котором салтан сидел, шириною будет от стены с полторы или з две сажени. А при всходе на него три ступени не само высокие, а к стене сидел салтан не близко, будет от стены с сажень. И за ним от стены во всю стену не было ни единого человека. А на стене на той к морю 5 окошек больших. А за местом салтановым с аршин от него к стене выше головы ево аршина с полтора или с два на золотом шнуре висела кисть длиною будет в аршин на многих прядях низана великим гурмышским жемчугом, а внизу у той кисти висел изумруд с курячье яйцо или больше, зело чист и зелен. А по обе стороны той кисти висели другие такие ж великие жемчужные две кисти ж, только те без изумрудов. А промеж ими было расстояние по сажени или по полуторы сажени. У палаты у той, в которой салтан сидел, свод подписан золотом и розными красками, а стены черепичные ценинные, устроена изрядным мастерством. А рундук послан бархатом золотным. А палата вся послана ж однем великим

шолковым с золотом нарочно на то устроенным по красной земле посланием. Да в той же палате кругом висело 16 паникадил хрустальных».

«И вшед посланники в палату, кланялись салтану в пояс, не снимая шапок, а поклонясь, говорил чрезвычайной посланник салтану речь... И изговоря речь, паки поклонились салтану в пояс же»[1]. На этом аудиенция закончилась.

Через день после приема у султана, 26 июля, состоялась отпускная аудиенция у великого визиря. В визирскую палату вошли посланники со свитой из 23 человек. «А вошед в тое палату, сели на уготованных стулех, бархатом червчатым прикрытых, блиско везирева места. И немного помешкав, вышел из другой палаты от везиря чауш-баша и, поздравя посланников, попрежнему пошел к везирю. А потом пришел великий везирь, а перед ним шли вышеименованной чауш-баша да кегая его, везирской, да Александр Маврокордат. А за везирем шел рейз-эфенди и нес на руках салтанова величества грамоту и ево, везирской, лист во устроенных мешках, салтанская в объяри серебряной, а везирской лист в отласном красном. И пришед, сел везирь в прежнем месте в углу междо двумя подушками, а посланником велел сесть на тех вышереченных устроенных стулех. Платье на нем, везире, ферезея зуфяная темновишневой цвет на горностаях, челма суконная малиновая небольшая, исподней кафтан отласной белой, в руках держал четки жемчужные с изумруды. Подле везиря стояли: с правую сторону рейз-эфенди и держал в руках салтанскую грамоту и везирской лист да Александр Маврокордат с сыном, а с левую сторону кегая везирской да чауш-баша и иные чиновные везирские люди. И было в той палате всех с 60 человек. А как великий везирь и посланники сели, и Александр Маврокордат говорил посланником, буде есть у них, посланников, какое везирю предложение, и они б говорили. И посланники говорили, что иных никаких дел ко объявлению у них нет, а желают они слышать соответствования от великого везиря на прежнее свое письменное предложение о гробе господни и о святых местах иерусалимских». Визирь сказал, что поданную ему ранее записку о возвращении святых мест грекам он «выразумел и ведает подлинно, что те святые места бывали и у греков и у армян во владении, а потом по некакому случаю отданы римлянам». Однакож впредь будет сделано по прошению великого государя, и святые места будут от «латынников» взяты и возвращены попрежнему грекам. Даны им те святые места на время, а не совсем. Он, визирь, будет стараться, чтобы по желанию царя святые места были у греков, а не у других. Таким образом, то «обнадеживание» или обещание возвратить святые места грекам, о котором так много говорил посланникам патриарх

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 1206 об. — 1211.

иерусалимский, было им визирем дано, и будущий великий посол мог на него опираться. Посланники заявили, что донесут о том государю. Затем они подали визирю письмо с ходатайством по нескольким пунктам, касавшимся возвращения пленных и устройства церковных дел православного населения, о возвращении 37 человек полоняников, взятых с русского корабля, об отпуске султаном нескольких человек пленных «московского и казацкого народа», сколько человек султан отпустить изволит, о позволении вывозить в Россию пленных, отпущенных их господами по вольным листам, об освобождении и отпуске на родину старого полоняника Степана Антипова, который 45 лет живет в работе на новом императорском дворе, об отпуске на родину русского священника, служившего в тюремной церкви, об отпуске другого, белорусского, священника, приехавшего в Константинополь выкупать из плена свою попадью с дочерью «малою девочкою», о восстановлении нового сербского патриарха во всех его правах и о возвращении ему сербских церквей, о разрешении грекам построить, ремонтировать и открыть несколько православных храмов в Константинополе и в провинции. Визирь велел принять письмо Маврокордато и, когда тот, приняв его, положил подле визиря на подушку, сказал, что «выразумев письмо», учинит указ. «Потом подносили посланником конфекты, шербет и кагве и на руки подавали гуляфную воду и благовонием окуривали. А сам везирь шербету и кагве не пил».

«А междо тем времянем спрашивал везирь: на которые места, они, посланники, отсюду поедут, на Киев или на Чигирин. И посланники отвещали, что хотят они ехать на Киев, а Чигирин место пустое; и просят они, посланники, ево, великого везиря, чтоб он по указу салтанова величества велел их, посланников, из Волоской земли проводить до Киева для того, что степными местами бес провожатых от разбойников и от иных воровских людей ехать небезопасно. И о том бы к Волоскому господарю и к белгородскому яла-агасы посланы были ево, салтанова величества, указы, понеже, как они, посланники, приняты сюда на рубеже и с рубежа припровожены в Царьград и здесь во всю бытность пребывали по милости салтанова величества и его, везиревым, призрением во всякой чести и бережении, так дабы им и во отпуску было воздано. И везирь говорил, что то потщится он исполнить».

Затем произошел на аудиенции неожиданный инцидент. Александр Маврокордато говорил посланникам, «чтоб они того человека, которого здесь оставливают, объявили теперво великому везирю, дабы он того человека знал». Посланники, однако, не исполнили этого, сказав Маврокордато: «Надобно де им о том человеке, которого они оставят здесь, поговорить прежде с ними, думными людьми, в каком ему здесь быть почитании и для чего ему оставаться». Маврокордато ответил: «Тот де разговор да отложится до иного времени». Надо сказать, что пе-

ред аудиенцией Маврокордато присылал к посланникам сказать, чтобы они велели с собою быть на аудиенции тем людям, кого они оставляют в Константинополе для представления их визирю, на что посланники отвечали: «Чаяли они, что уже то и забыто, понеже о том давно и не вспоминано», и выразили желание предварительно переговорить об оставляемых людях с турецкими министрами. Маврокордато почему-то не принял во внимание этого ответа и на аудиенции очутился в неловком положении, когда предложил посланникам представить великому визирю оставляемых людей, чего те не сделали. После аудиенции он выражал посланникам свое неудовольствие по этому поводу: «Тем его, Александра, ввели в великое недоумение и пред везирем в сумнение, от которого он, Александр, быв во многом размышлении, едва пришел в разум, понеже посольское слово бывает твердо, постоянно и почитается вместо закона или устава, и тем ему учинили пред везирем великий зазор» [1].

Наступил момент вручения султанской грамоты. «А потом надели на посланников, и на сына Александрова, и на дворян, и на переводчиков, и на подьячих, всего на 23 человек, кафтаны золотные. Также и на пристава их, посланничья, и на чурвачея, и на чаушей, которые ехали перед посланники, кафтаны надели ж. А как на всех кафтаны надели, и везирь, встав и приняв у рейз-эфенди салтанова величества грамоту и свой, везирской, лист в вышеупомянутых уготованных мешках, отдал чрезвычайному посланнику, думному советнику и наместнику каргопольскому Емельяну Игнатьевичу, а думной советник, приняв, отдал дьяку, а дьяк отдал подьячему. А при отдании той грамоты и листа говорил везирь, что салтаново величество и он, везирь, посылают с ними, посланники, к царскому величеству любительные свои грамоты». Посланники, приняв грамоту и лист, говорили, что по возвращении в Москву передадут их царю и донесут ему об оказанной им здесь «султанской милости и везиревом призрении». В заключение пожелали визирю «благополучнейшего здравия и счастливого пребывания» и просили прощения, если они в столь долговременную свою здесь бытность «делами или какими иными поведениями ему, везирю, в чем надокучили или что досадное сотворили», на что визирь сказал, что «никакие де досады и докуки от них, посланников, он, везирь, не видал и не слыхал, а все было благополучно».

Аудиенция кончилась: «И посланники встав и поклонясь везирю по обычаю и не снимая шапок, от него, везиря, из палаты пошли. А салтанова величества грамоту и везирской лист велели нести перед собою подьячему Лаврентию Протопопову, а с везирева двора и до посольского двора вез он их явно» [2].

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 1213—1213 об., 1227 об. — 1228.

[2] Там же, л. 1216—1224.

XXII. СБОРЫ ПОСЛАННИКОВ В ДОРОГУ. ОБРАТНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

В последние дни перед отъездом посланники уладили с Маврокордато дело об оставлении в Константинополе переводчика Семена Лаврецкого с подьячим Григорием Юдиным и толмачем Дмитрием Петровым. Лаврецкому дан был наказ, которым ему предписывалось жить в Константинополе на том дворе, который им будет дан, причем с Маврокордато договорились, что двор дан будет на Фонарской улице, неподалеку от двора Маврокордато. Оставленным в Константинополе предписывалось «поступать со всякою осторожностью, с великим бережением и учтивостью. Посланником, резидентом, агентом и консулем себя не именовать и ни в какие дела не вступаться», ни к визирю, ни к министрам, ни к ближним султановым или визирским людям не ходить, ни о каких делах с ними не говорить, никаких писем от них не принимать и самим не давать; точно также не вступать ни в какие сношения ни с чужеземными послами, ни вообще с чужеземцами, никакого совета с ними не иметь и ни о чем с ними не говорить, быть осторожными, чтоб здешние министры или их люди, или греки и всякие иноземцы «лукавою какою подсылкою их в чем не обманули»[1]. Этими предписаниями деятельность Лаврецкого и Юдина была совершенно парализована. Они оставлялись с единственною целью получения информации и сообщения известий в Москву в Посольский приказ тайными посылками через патриарха Досифея. Были улажены также вопросы о направлении пути, о дорожном корме, о провожатых и подводах[2].

Посланники перед отъездом выразили было желание сделать визиты рейз-эфенди и Маврокордато, чтобы поблагодарить за многие их труды. Через посланных они справлялись у Маврокордато: «Когда ему будет к тому свиданию свободный час и о которое время им, посланникам, к нему, Маврокордату, приехать?» Маврокордато, однако, визит отклонил: «Желание его к тому было, — как он говорил, — немалое, чтоб их видеть в дому своем и всяким благоприветствованием и любовью открыться. Только, как он размыслил и обсудил, что тот их приезд к нему будет от здешнего двора не без подозрения. Сами де они, посланники, люди разумные, могут все рассудить, что он с ними веры единые христианские и живет здесь между бусурманами и может на него всяк то свидание и приезд их причесть не к иному чему, токмо ко всякому подозрению. И чтоб де они, посланники, такого себе труда не чинили, такж и его, Александра, из такого подозрения свободили. А он де во всем

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 1247, 1245 об., 1252 об. — 1254 об.

[2] Там же, л. 1246 об. — 1247 об.

им, посланником, заочной верной работник». На недоверчивый вопрос переводчика и подьячего: «Разве де имеет он, Александр, на них, посланников, некакую досаду, что видеться с ними не хочет и приезду их к себе не желает?» Маврокордато вновь уверял, что «воистинну де никакие досады от них, посланников, он, Александр, к себе не видал и не имеет. Только де то свидание отлагается у него для здешнего подозрения. И просит он, Александр, себе от них, посланников, прощения заочно: а он с своей стороны такж истинное и душевное прощение им чинит»[1].

30 июля на посольский двор было прислано 80 лошадей, а для поклажи 75 арб с буйволами и волами. «А по осмотру,— замечено в статейном списке, — те лошади, которых прислал тефтедар, были стары и выбиты и осаднены»[2]. Отъезд назначен был на 2 августа. Перед самым отъездом в этот день посланниками отправлены были с прощальными приветствиями подьячие к рейз-эфенди (Иван Грамотин) и к Маврокордато (Лаврентий Протопопов), которым было велено говорить, что «они, посланники, сего числа отъезжают из Констянтинополя в путь свой, а им, министрам, за любовь их, которую они к ним во время бытности их здесь, в Констянтинополе, оказывали, благодарствуют. И буде от них, посланников, явились к ним, министрам, в делех государственных до постановления мирного какие досады, и в том просят от них любви и прощения». Маврокордато ответил учтивыми приветствиями, пожеланием счастливого пути и возвращения в отечество и выразил сожаление, что посланники не получили никаких наград от турецкого двора. Перед отъездом, как выше было замечено, посланники приняли визиты чужеземных послов, приезжавших проститься и пожелать счастливого пути: цесарского, венецианского, английского и голландского. Разговоры с ними подробно не записаны, очевидно, потому, что вещи посольства были уже уложены, и все было готово к отъезду. «И по отъезде тех чужеземных послов, — читаем в статейном списке, — чрезвычайные посланники и все при них будучие люди, воздав господу богу благодарение и соверша молебное пение, убрався по посольскому обычаю, поехали из Констянтинополя в путь свой»[3].

Путь этот громадный поезд посольства совершал медленно. Только 31 августа посланники прибыли к Дунаю; переправившись через него, остановились в городе Галаце, где были встречены боярами волошского господаря[4]. 8 сентября они достигли Ясс и там пользовались гостеприимством у волошского господаря Иоанна Антона Константина Кантемира. Было затруднение с подводами и с провожатыми. Посланники, ссылаясь на обещание, данное им турецкими министрами, требовали

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 1236—1237.
[2] Там же, л. 1248.
[3] Там же, л. 1254 об. — 1255 об.
[4] Там же, л. 1265—1269.

подвод и провожатых до Киева или по крайней мере до русского рубежа. Господарь соглашался дать и то и другое, только до границы Волошской земли, до польского рубежа и ссылался на данный ему султанский указ; указ этот был предъявлен посланникам. Согласились на том, что подводы и провожатые даны будут до польского города Немирова. В Яссах, улаживая этот вопрос, посланники пробыли с 8 по 13 сентября. 10 сентября господарь дал в их честь обед, встретил посланников на нижнем крыльце и сопровождал их, идя по левую руку. «И, вшед в палаты, сели, и спрашивал господарь посланников о здравии, а посланники взаимно его спрашивали. Потом говорил господарь, что время им, посланником, ехать доброе, понеже осень настоит благополучная. И посланники сказали: правда так, что время настоит благополучное, а к тому еще и в ночи месяц осиявает». За обедом Украинцев и господарь сидели «против стола в креслах», причем Украинцеву была предоставлена правая сторона, дьяк Иван Чередеев и дворяне по правую сторону на скамье, а по левую сторону на скамье митрополит греческий, бояре и чиновные господарские люди. В середине обеда пили за здоровье великого государя и стреляли из пушек и из мелкого ружья. За столом играла музыка. При отъезде посланников господарь со свитой сам провожал их за город [1]. Делая остановки и ночуя в степи, посольский поезд 17 сентября прибыл в порубежный волошский город Сороку на Днестре, где простоял до 19 сентября. 19-го переправились через Днестр, 21-го миновали город Браславль, ночевали в поле, 22-го приехали в польский город Немиров. Так как польский губернатор в подводах и в провожатых отказал, а нанять было негде, то посланники, вопреки состоявшемуся в Яссах соглашению, поехали из Немирова 23 сентября на ясских подводах. «А провожатые и подводчики ясские, оставя те подводы, поворотились из Немирова в Яссы, а с посланники провожатые не поехали и подводчики за подводами не пошли. И волов, которые были в телегах, гнали и берегли и ночью пасли дворяне, и переводчики, и подьячие, и толмачи, и люди посланничьи даже до Хвастова» [2]. 26 сентября во время ночлега посланников под Черным лесом в третьем часу ночи «явился гетманской надворной конной хоронгви ротмистр Иван Ростковской» с отрядом в 160 человек; его выслал навстречу посланникам гетман для оберегания их в пути. В тех местах было тогда неспокойно: польский коронный гетман Яблоновский вел войну с полковником Семеном Палеем и осаждал Палея в Фастове. 27 сентября к посланникам явился пасынок Палея с отрядом в 50 казаков, а 29-го под Поволочью встретил их сам Палей с 300 казаками. 30 сентября посланники были в Фастове. 2 октября ночевали

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 1270—1272.
[2] Там же, л. 1279—1280.

под городом Васильковым. 3-го ночевали в лесу у речки Веты[1]. Вечером приехал из Киева генеральный есаул Иван Скоропадский, посланный гетманом спросить посланников о здоровье. За ним приезжали киевские городские власти — «войт с бурмистрами, ратцами и лавниками». «В 4-й день (октября), как посланники поехали с стану, и их по приказу гетманскому встретил конной охотной полковник Иван Рубан с полком своим с осмью сот человеки и шел с полком лавою перед посланники. А как посланники учали к Киеву приближаться, и за рекою за Лыбедью встретил войска Запорожского обоих сторон Днепра гетман Иван Степанович Мазепа с генеральною старшиною, и с полковники, и с знатными войсковыми многими товарыщи и виталисъ, сидя на лошедях. А сседчи с лошедей, друг друга поздравляли и ехали до Печерского монастыря в гетманской карете; чрезвычайной посланник сидел по правую, а гетман по левую руку. А как к Печерскому монастырю приехали и из кареты вышли, и вне монастыря у святых монастырских врат встретил гетмана и чрезвычайных посланников архимандрит печерский Иоасаф Краковский с братиею. И, учиня поздравление и говоря посланникам рацыю, пошли на монастырь. А как пришли к дверям церковным, и в тех церковных дверях с животворящим крестом господним встретил преосвященный Иоанн Максимович архиепископ черниговский и, подав благословение гетману и посланником, вошли в церковь, и говорил диакон литию. А потом начели обедню, служил оный же архиепискуп черниговский со архимандриты и с священники. А по совершении божественныя литоргии были посланники и все при них будучие государевы люди у гетмана на обеде. И в половину обеда пили за здравие великого государя его царского величества. И потом от гетмана приехали посланники на назначенный отведенной двор. А ясские волы и 17 лошадей, которые были в обозе посланничьем, по приказу гетмана Ивана Степановича принял Печерского монастыря конюшей, и хотел их гетман во свое время отослать в Волоскую землю с своими провожатыми к сороцкому паркалабу».

«Ис Печерского местечка в Киев приехали посланники октября в 6 ден и были того дня в Софейской церкви у обедни. Служил божественную литоргию преосвященный Варлаам Ясинский митрополит киевский, а с ним епископ и архимандриты и священники. А по совершении божественные литоргии были посланники на обеде у гетмана ж. И в половину обеда пили за здравие великого государя его царского величества. Стояли посланники в Киеве на Подолии у киевского войта»[2]. Из Киева двинулись на 150 данных гетманом подводах. Гетман с старшиной, с полковниками и «с знатными товарищами» провожали посланников с милю за город. Путь лежал на Козелец, Нежин и Глухов.

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 1280 об. — 1282.
[2] Там же, л. 1282 об. — 1284 об.

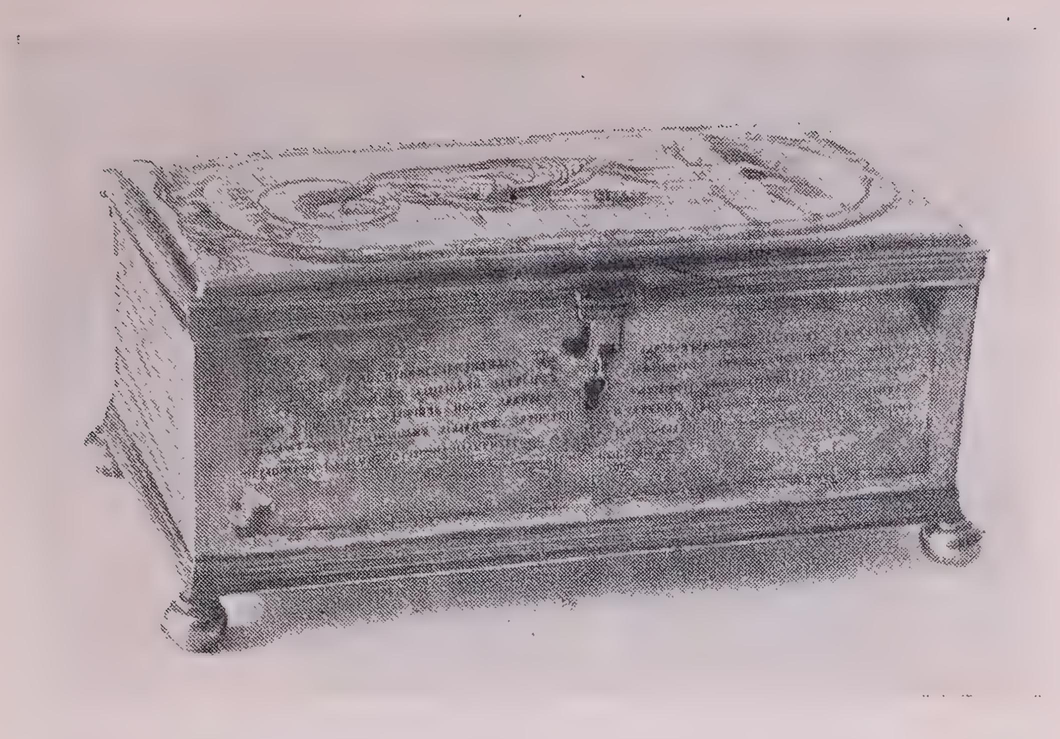

Рис. 24. Серебряный ковчег, сделанный в Москве в 1706 г. по заказу Е. И. Украинцева для мощей, полученных им от иерусалимского патриарха Досифея в Константинополе.

Хранится в Государственном историческом музее в Москве.

В Москву посольство прибыло 10 ноября. 15 ноября Украинцев передал в Посольский приказ привезенные им документы: султанскую грамоту и визирев лист к царю, подлинный экземпляр мирного договора и список с него на латинском языке [1]. Из Посольского приказа велено было «ящик оклеен отласом червчатым, в котором положены турского салтана и везиря его подлинные грамоты на турском языке, каковы они к великому государю прислали с чрезвычайными посланники с думным советником с Емельяном Игнатьевичем Украинцевым да с дьяком с Иваном Чередеевым, да о тридесятилетнем перемирье договорные подлинные статьи на турском же языке, да с тех ж договорных статей список на латинском языке за печатьми турских министров, а отдан тот ящик в Государственном Посольском приказе сего же ноября в 14 день за его, думного советника, печатью, поставить для бережения, запечатав своею, государевою, печатью на Казенном дворе в палате с прежними такими ж государственными крепостьми» [2]. Состав посольства: Украинцев, Чередеев, переводчик Ботвинкин, подьячий Карцев были вызваны в полки под Ругодив для доклада. С ними же вызывался туда и стольник князь Д. М.

[1] Арх. мин. ин. дел, Книга турецкого двора, № 27, л. 1285—1285 об.
[2] Там же, Дела турецкие 1699 г., № 4, л. 283—284.

Голицын, назначенный великим послом в Константинополь для подтверждения мирного договора [1]. Парадный официальный прием Украинцеву дан был в Преображенском 11 декабря: «А великого государя пресветлые очи видел и был у руки и грамоты святейших патриархов к нему, великому государю, и к сыну его, государеву, к благоверному великому государю царевичу и великому князю Алексею Петровичу и ко святейшему Адриану патриарху Московскому и всеа России писанные поднес ему, великому государю, чрезвычайной посланник в Преображенском декабря в 11 день, как он, великий государь, изволил притить к Москве из своего, государского воинского походу из-под Ругодива» [2]. За посольскую службу Украинцев получил в 1702 г. вотчину в Каширском уезде — Жерновскую дворцовую волость [3].

---

[1] Арх. мин. ин. дел, Дела турецкие 1699 г., л. 275—278.

[2] Там же, Книга турецкого двора, № 27, л. 1285—1285 об.

[3] Там же, Дела турецкие 1699 г., л. 305—309.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Описанием посольства Е. И. Украинцева в Константинополь заканчивается рукопись академика М. М. Богословского «Петр I. Материалы для биографии». На последней странице им поставлена дата — 6 апреля 1929 г. Далее должно было следовать изложение событий Северной войны, но 20 апреля 1929 г. автор скончался и его труд остался неоконченным.

ПРИМЕЧАНИЯ К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

К рис. 1. При выборе портрета Петра I для настоящего тома пришлось отступить от правила, принятого в предшествующих томах: давать для каждого тома портрет, современный излагаемым в этом томе событиям. Большая часть достоверных, писанных с натуры портретов Петра сделана после 1710 г. За первые десять лет XVIII столетия не было написано ни одного портрета. Поэтому для настоящего тома пришлось взять портрет Петра I работы художника Ивана Никитина (род. около 1688 г. — ум. в 1741 г.), написанный в 1721 г.

В походном журнале Петра под 3 сентября 1721 г. записано: «На Котлине острове перед литоргиею писал его величества персону живописец Иван Никитин». Этот портрет и воспроизведен в настоящем томе[1]. При взгляде на него обращают на себя внимание реализм изображения и своеобразие трактовки темы художником. Этот портрет резко отличается от блестящих придворных портретов западноевропейских живописцев того времени. В нем нет салонной манерности Кнеллера, слащавости Натье, условной героичности Моора. Нет традиционной горностаевой мантии с драгоценной пряжкой и фантастических лат. На Петре простой темный камзол и белый шейный платок. Да и этот скромный костюм скрывается в глубокой тени. Художник как бы умышленно затушевал его, чтобы внимание зрителя сосредоточилось на лице Петра. Он не позирует. С полотна на нас смотрит человек уже немолодой с усталым, нездоровым лицом, но глаза его, хотя и потерявшие прежний блеск, полны напряженной мысли, а все лицо выражает несокрушимую волю. В отличие от западноевропейских живописцев, оставивших нам парадные портреты императора-полководца, Никитин дал изображение Петра в его ежедневном трудовом быту, как он представляется нам по деловым заметкам в его записных книжках и по рассказам мастера токарного ремесла Андрея Нартова, у которого Петр учился токарному делу. Эта интимность портрета, заключающаяся в желании не только передать внешнее сходство, но и показать внутреннюю индивидуальность Петра, выделяет портрет, сделанный Никитиным, из ряда многих других.

[1] Диаметр оригинала — 54 *см.*

Большой интерес представляет для нас и биография художника. Иван Никитич Никитин является одним из интереснейших представителей русской интеллигенции петровского времени. Сын московского священника, Никитин был отдан в певчие патриаршего хора. После смерти патриарха Адриана в 1700 г. он вместе с несколькими другими лучшими певчими попал в царский походный хор и благодаря этому стал известен Петру. Это обстоятельство могло послужить толчком к его дальнейшей карьере, но первые шаги ее нам мало известны.

Одно время Никитин был учителем арифметики и рисования в московской артиллерийской школе, затем состоял при Оружейной палате. Здесь он имел возможность работать под руководством живописца Таннауэра и развить свое природное дарование. В 1715 г. Никитин был уже художником с именем. По крайней мере под 30 апреля этого года в походном журнале Петра записано: «Его величества половинную персону писал Иван Никитин»[1].

В следующем году Петр решил отправить несколько молодых художников в заграничную командировку. В числе их находились и Иван Никитин с младшим братом Романом. Уже в это время Петр очень ценил талант Ивана Никитина, смотрел на него как на крупного художника и гордился им. После встречи за границей с Никитиным, ехавшим вместе с русским послом в Италии П. П. Беклемишевым в Венецию, Петр писал 19 апреля 1716 г. Екатерине, которая в это время находилась в Данциге: «Попались мне навстречу Беклемишев и живописец Иван. И как они приедут к вам, то попроси короля (польского короля Августа II), чтоб велел свою персону ему списать, также и прочих, кого захочешь, а особливо свата, *дабы знали, что есть и из нашего народа добрые мастеры».*

Никитин пробыл в Венеции и Флоренции четыре года. В 1720 г. он возвратился на родину, где был зачислен придворным живописцем. Кисти Никитина принадлежит ряд портретов Петра I, членов его семьи и виднейших деятелей того времени.

Судьба талантливого художника-самородка была печальной. С воцарением Анны наступили мрачные времена бироновщины, ознаменовавшиеся гонениями на все русское.

Враждебное отношение Никитина к чрезмерному увлечению иноземными обычаями, широко распространившемуся в то время, послужило основанием к признанию его государственным преступником. Его приговорили «бить плетьми и послать в Сибирь на житье вечно за караулом». В Сибири Никитин прожил до конца царствования Анны. Лишь в 1741 г., получив прощение, он двинулся в обратный путь, но в дороге умер[2].

К рис. 24. Ковчег представляет собой прямоугольную коробку (размером $11{,}4 \times 25{,}6 \times 12$ *см.)* на четырех шарообразных ножках с двумя крышками на шарнирах. Ножки, углы, ободки крышек и дно вызолочены. На внешней крышке вырезано изображение Марии Египетской в рост. На внутренней крышке ковчега помещено резное изображение той же Марии Египетской, молящейся перед иконою богоматери. Посреди крышки круглое отверстие и следы прикрепления не сохранившейся третьей крышки.

По наружным стенкам ковчега вырезана надпись: «В лето от создания мира 7207, а от воплощения сына слова божия 1699 от пресветлейшего и державнейшего великого государя царя и великого князя Петра Алексеевича всеа великие и малые и белые России самодержца посылан чрезвычайной посланник думной диак Емелиан Игнатьевич Украинцев в Константинополь к турецкому Мустафе султану о договаривании и постановлении между Российскою и Турскою империями мира. И при отпуске его ис Константинополя даровательным обычаем благословил его святейший кир Досифей патриарх иер[уса]лимский святыми мощми святые преподобные Марии Египетские (сиречь ноги десные плюсно) и во свидетельство того дал граммату на еллинском

---

[1] О судьбе этого поясного портрета, к сожалению, ничего неизвестно.

[2] О И. Н. Никитине см. «Походные журналы Петра Великого 1715 г.», стр. 53 и «Походные журналы Петра Великого 1721 г.», стр. 73; «Письма русских государей», т. V; *П. Н. Петров,* Русские живописцы-пенсионеры Петра Великого.

диалекте за печатью и за рукою своею. И та подлинная граммата переложена с еллинского на иллирический язык (сиречь славенски) и положена с теми мощми в сем ковчезе...» Далее следует перечисление имен родственников Украинцева, «за упокой» которых он молит. Среди 29 имен восемь названы «убиенными» (возможно, что они были убиты во время крымских или азовских походов). «И вышереченной думной диак, — продолжает запись, — те святые мощи отдал вкладу для вечного помяновения своего и родителей своих в царствующем граде Москве в монастырь пресвятые богородицы Владимирские, что на Стретенке, в котором монастыре и церковь во имя тоя преподобные Марии Египетские каменная обретается...» Надпись кончается просьбой к игумену и братии Сретенского монастыря молить о душах умерших родственников Украинцева и наказом: «А вышепомянутых мощей из монастыря никуды и никому дарственным обычаем и продажею не отдавать».

На внутренней крышке ковчега вырезана надпись с указанием, что вклад был принесен в Сретенский монастырь «из дому думного диака Емелияна Игнатьевича Украинцева» 18 февраля 1706 г.

После Великой Октябрьской социалистической революции ковчег находился в антирелигиозном музее искусств в Донском монастыре, а оттуда в 1935 г. был передан в Государственный Исторический музей. Если серебряную коробочку с изображением плана Карловицкого конгресса (см. т. III настоящего издания, рис. 24 и примечание к нему) можно лишь предположительно отнести к П. Б. Возницыну, то этот ковчег уже вне всяких сомнений принадлежал главе русского посольства в Константинополе в 1699—1700 гг. Е. И. Украинцеву и является пока единственным известным памятником материальной культуры, связанным с этим посольством [1].

К плану Константинополя. План Константинополя, две детали которого помещены в данном томе, сделан Дмитрием Кантемиром (как указывает надпись на титуле, помещенном в картуше) и гравирован Алексеем Зубовым в 1720 г. (имя гравера и дата вырезаны на нижней рамке панорамы Константинополя, помещенной на том же плане). План гравирован на двух больших досках и снабжен подробной экспликацией. По техническим условиям не представилось возможным воспроизвести здесь план полностью. Воспроизводятся лишь те части его, которые непосредственно относятся к тексту книги, т. е. все протяжение Босфора и Константинополь. Левый лист гравюры заключает в себе, кроме воспроизведенной здесь части Константинополя, изображение дома Д. Кантемира, находившегося в Константинополе (в левом верхнем углу плана), а под ним во всю ширину листа — экспликацию. Посредине правого листа вверху помещен картуш с титулом, а по сторонам его — экспликация (в нашем воспроизведении картуш пришлось спустить ниже, поместив его на месте, занятом в оригинале экспликацией). В правом нижнем углу в рамке с барочными гирляндами помещена панорама Константинополя, названная «Проспект полуденной».

Остановимся на тех номерах экспликации, которые имеют отношение к содержанию книги, перечисляя их по направлению от входа в Босфор к Константинополю: № 91 и 92 — маяки у входа в Босфор, № 88 — Мавромольский монастырь, № 86, 180 — укрепления, населенные янычарами, № 81 — греческое село Новое, № 106, 107 — султанское село Бесикташ с садами, 108 — литейный двор.

Далее помещено изображение Галаты, обнесенной стенами. Здесь на берегу расположен рыбный ряд (№ 109). За Галатой, к западу, также на берегу Золотого рога находились: № 114 — галерный двор, № 115 — адмиральские палаты, № 116 — Терсана (адмиралтейство). Дальше от берега, за адмиралтейством, был расположен загородный двор султана.

На противоположном берегу Золотого рога, в Стамбуле, обнесенном городовой стеной, которая удваивалась в части, примыкавшей к суше, Фонарские

---

[1] Указанием на ковчег и сведениями о нем мы обязаны зав. отделом драгоценных металлов Государственного Исторического музея Т. Г. Гольдберг и старшему научному сотруднику того же отдела М. М. Постниковой.

ворота (№ 119) вели в греческую слободу, в которой помещались палаты патриархов константинопольского и иерусалимского. Внутри городовой стены, на берегу Мраморного моря, помещалась тюрьма Едикуле (Семибашенный замок). — № 37. Восточнее ее в городовой стене были устроены Песочные ворота (Кумкапы) — № 138, через которые посольство въезжало в город. В этой части города были расположены дворы административных лиц: № 7 — палата великого визиря, № 17 — палата аги янычарского, № 27 — жилища самих янычар.

Здесь же была сосредоточена константинопольская торговля: № 9 — «торжище египетское», № 13 — «торжище дражайших вещей», № 14 — гостиный двор. Ближе к восточной оконечности косы между Босфором и Золотым рогом: № 4 — св. София и № 6 — древний ипподром, на котором помещались памятники древности — обелиск императора Феодосия, «Змеиная колонна» (столб, образованный из трех переплетающихся бронзовых змей), перевезенная императором Константином Великим из Дельф, и остатки каменной колонны императора Константина Багрянородного. К ипподрому направлялось торжественное шествие султана Мустафы во время празднования Байрама, на которое смотрели посланники.

За городскими стенами с наружной стороны (к западу от города) помещались дачи константинопольской знати. Здесь же находилась ранее церковь Живоносного источника — место, которое посетили посланники.

Восточная оконечность косы, обнесенная особой стеной, была занята султанским дворцом, представлявшим собой целый комплекс строений, в который входили и древние палаты Константина Великого: № 2 — двор янычар (денежный двор), № 1 — двор султана, № 3 — женский дворец султана. К самому берегу спускались сады, среди которых были расположены «набережные» палаты султанского дворца.

То обстоятельство, что план Константинополя, составленный Дмитрием Кантемиром, был гравирован в России, очевидно по распоряжению Петра, указывает на интерес, который он продолжал проявлять к Турции; по мере того как Северная война близилась к концу, мысль его вновь обращалась к тому, чтобы укреплять свои границы на Ближнем Востоке.

В отделе исторической картографии Государственного Исторического музея имеется превосходно начерченная пером точная копия этого плана с воспроизведением всех помещенных на нем рисунков. Палеографические признаки дают основание отнести время изготовления этой копии к третьей четверти XVIII века. В том же отделе ГИМ'а имеется целая серия карт и планов местностей, лежавших на пути следования Екатерины II в Крым. Это обстоятельство навело зав. отделом исторической картографии П. А. Незнамова на правильное предположение о том, что копия плана Константинополя была сделана специально для этого путешествия. Это показывает, что план Константинополя, гравированный при Петре I, не утратил своего практического значения еще и в последней четверти XVIII века.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Условные сокращения: архм. — архимандрит, архп. — архиепископ, б-н — боярин, в-да — воевода, дв. — дворянин, кн. — князь, мтр. — митрополит, пр-з — приказ, ст. — стольник, ц.—царь, ц-ч — царевич, ц-вна — царевна.

Г

Д

Е

Ж

З

И

Н

О

П

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Условные обозначения: г. — город, д. — деревня, м-рь — монастырь, о-в — остров, р. — река, рч. — речка, с. — село, у. — уезд, ул. — улица, ц. — церковь. Поставленные в скобках номера обозначают номера на плане Константинополя, помещенном в данном томе.

В

Г

Д

Е

Ж

З

И

К

Л

М

Н

О

П

Р

С

Т

У

Ф

Х

Ц

Ч

Ш

Э

Я

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ

А

Ага — титул младших офицеров и чиновников в Турции.

Агарянский — неверный, нечестивый.

Ады-баша — по разъяснению статейного списка «сотник».

Алтабас — тяжелая шелковая ткань, затканная нитями волоченого золота *(см.)* или серебра, которые придают ей металлическокованый вид.

Алтабаспетельчатый — алтабас, украшенный рельефным узором из петель, сделанных из золотых или серебряных нитей.

Анычар-агасы. См. Янычар-агасы.

Аргамак — верховая лошадь восточной породы.

Артикул — отдел, статья, глава, параграф.

Ассистенция (оссистенция) — свита.

Б

База — заимка.

Байрам — главный мусульманский праздник, наступающий по окончании Рамазана (сорокадневного поста).

Барбарес — пират северо-восточного побережья Африки.

Басурман (бусурман) — нехристианин, особенно мусульманин.

Басурманить — обращать в мусульманство.

Бастанджи-баша (бедшанджи-паша) — по разъяснению статейного списка «дворецкий».

Батог (батожок) — прут, употреблявшийся при телесном наказании (впоследствии назывался шпицрутеном).

Баша (паша) — главный, старший; почетный титул высших чиновников и генералов в Турции.

Баштарня — большая галера (флагманское судно).

Бедшанджи-паша. См. Бастанджи-баша.

Бей — господин; титул, дающийся в Турции обычно сыновьям высших чиновников — башей.

Бострог — короткая куртка без рукавов.

Бурмицкие (гурмыцкие) зерна — жемчуг лучшего качества, добывавшийся в Ормузском заливе.

Бусурман. См. Басурман.

В

Ведомость — известие.

Веко — блюдо, миска.

Венеты — венецианцы.

Визирь (буквально: «носильщик тяжестей») — титул высших государ-

ственных сановников на мусульманском Востоке, главным образом первого министра — великого визиря.

Вож — лоцман.

Войт — административное лицо, стоящее во главе волости.

Волох — житель Валахии.

Волоченое золото и серебро — тонкая золотая или серебряная проволока, употреблявшаяся при тканье тяжелых шелковых материй и при вышивании.

Вымысл — умысел, задняя мысль.

Выразуметь — понять, продумать, обдумать.

Г

Галеас — самое большое из парусных и гребных судов; имело те же части, что и галера *(см.)*, но было на одну треть длиннее галер, соответственно шире и выше их; имело по три мачты с одним парусом на каждой. На носу Г. помещалась трехъярусная батарея с 7 пушками; на каждое весло требовалось по 7 человек; экипаж состоял из 800—1200 человек. Движения Г. при их тяжести и громоздкости были довольно медленны и неповоротливы.

Галера — парусное и гребное судно с двумя мачтами, которые можно было убирать в случае надобности. На галерах были большие треугольные паруса; на носу помещалось пять орудий; экипаж — до 450 человек; на каждом весле сидело по 5—6 человек. В Западной Европе в качестве гребцов обычно использовались осужденные или военнопленные, ноги их приковывались к скамьям, на которых они сидели. Далматское название галеры — ка́торга — было перенесено на наименование гребной работы на ней, а затем и на принудительный труд вообще.

Гарач — налог на немусульманское население в Турции взамен военной службы.

Гвоздичный — коричневый.

Гостиная сотня — вторая группа привилегированного купечества после гостей, так же, как и гости, несшая в виде повинности казенные службы.

Гуляфная вода — ароматичная вода, настоенная на лепестках розы и употреблявшаяся для омовений.

Гурмыцкий жемчуг. См. Бурмицкие зерна.

Д

Дефтердар (тефтедарь) — казначей в Турции.

Диван — тайный совет султана, состоявший из великого визиря, шейх-уль-ислама *(см.)*, кубе-визирей и председателя государственного совета.

Долгий — длинный.

Е

Ефимок — русское название западноевропейской серебряной монеты — иоахимсталера.

Ектения — моление о здравии государя.

Ж

Животы сносные — украденное движимое имущество.

Житье — 1) жилое помещение, 2) этаж.

Жупан — 1) теплая верхняя одежда на Украине, 2) шуба, тулуп.

З

Запона — украшение в виде застежки, брошки, бляхи из драгоценного металла с камнями, часто отделано эмалью.

Зане — так как.

Звычайный — чрезвычайный.

Зепь — карман.

Зепные часы — карманные часы.

Золотный бархат — бархат, в ткань которого вотканы золотые нити; золотный бархат выделывался преимущественно в Турции.

Зуфь (изуфь) — шерстяная ткань восточного изделия.

И

Изорбаф — персидская шелковая материя сатинного переплетения, затканная тонкими золотыми или серебряными нитями.

Изуфь. См. Зуфь.

К

Кагве — кофе.

Казы-аскерь — «судья войска»; название двух чиновников, следующих в иерархии непосредственно за великим муфтием; один — румелийский, другой — анатолийский.

Калга — наследник престола у крымских ханов.

Камень. См. Кантарь.

Камка — легкая шелковая ткань полотняного переплетения с узором того же цвета, что и фон.

Камка лаудан — английская камка (лондонская).

Кантарь (контарь) — старая весовая единица в Турции, равная 56,6 *кг*.

Капральство — отделение солдат, составляющее четверть роты.

Кармазинный — красный.

Карбас (карбус) — большая плоскодонная лодка для перевозки грузов с двумя четыреугольными парусами, иногда с каютою на корме.

Кастель — замок, крепость.

Каторга. См. Галера.

Кафтанджи-баша — казначей султана.

Каюк — легкое гребное судно.

Кегая — адъютант.

Кеч — янычарский значок.

Кизляр-агасы — старший евнух, начальник султанского гарема, игравший видную роль в государственном управлении.

Киндяк — восточная бумажная ткань полотняного переплетения.

Контарь. См. Кантарь.

Кошевой атаман — начальник коша — станицы, станичный атаман.

Кривая лавка — боковая лавка.

Кубе-визирь — член тайного совета (дивана) в Турции.

Кумпанство — 1) товарищество, добровольно составленное из землевладельцев для отбывания повинности постройки кораблей; 2) комплекс из 8 тыс. дворов духовных землевладельцев или 10 тыс. дворов светских землевладельцев, от которого должен был быть построен один корабль.

Куранты — газеты.

Курень — шалаш, балаган, лачуга.

Л

Лава — ряд, порядок в одну линию.

Лавник — заседатель в суде.

Левок — турецкая серебряная монета.

Лиман — залив.

Любительная грамота — грамота, подтверждающая мирные отношения между странами.

М

Мавня — турецкая грузовая баржа.

Мапа — географическая карта.

Мотчание — задержка, промедление.

Мультянский — молдавский.

Мундштук (муштук) — часть конской сбруи. Мундштук состоял из уздечки с удилами, решмы — бляхи, украшавшей лоб лошади, и науза — кисти, привешивавшейся под шеей лошади.

Муфтий — мусульманское духовное лицо, состоявшее при каждом суде; его функция заключается в постановлении решений по всем духовным и юридическим вопросам.

Муфтий великий (шейх-уль-ислам) — избирается из числа муфтиев; его обязанность — придавать законную силу государственным мерам и наблюдать, чтобы они согласовались с предписаниями ислама.

Н

Неделя — в данном случае воскресенье.

Нудиться — пытаться.

Нурадин (нур-эддин)—начальник области, подвластной Турции.

О

Обаче — однако.

Обнадеживательная грамота — предварительная грамота с извещением о принятии условий договора.

Обух — здесь: топор.
Объярь — шелковая материя сатиновой или репсовой выделки (рубчатая), которая иногда сплошь пробиралась тончайшими полосками золота или серебра.
Ока — турецкая весовая единица, равная 1284 *гр*.
Околичность — окружность.
Ономняшний — прошлый, предшествующий.
Оратор — посол.
Осаднивать — осадить, содрать, осаднить, стереть кожу.
Оссистенция. См. Ассистенция.
Очевидно — лично.

П

Паникадило — люстра.
Папежники — католики.
Пара — мелкая турецкая монета, равная $^1/_{40}$ пиастра.
Паша. См. Баша.
Пейк — вестник, гонец.
Пескеш (пешкеш) — подарок, подношение, принос, взятка, поборы.
Плащ — металлическая розетка, нашивавшаяся в виде украшения на пояса и другие подобные предметы.
Плоты медные — куски меди с казенными штемпелями, ходившие в Швеции в качестве монеты и вывозимые русскими купцами как металл.
Подворок — подгородная усадьба.
Подтвержденная грамота — грамота, заключающая в себе подтверждение ранее заключенного договора.
Пожиточный — состоятельный, обеспеченный.
Поземное (строение) — одноэтажное строение.
Полномочная грамота — документ, свидетельствующий о полномочиях послов.
Прапор, проапорец — знамя, значок.
Презельно — особенно.
Прилог — пример.
Проволока — задержка, промедление.
Проезжая грамота — документ, выдававшийся отдельным лицам для беспрепятственного проезда.
Противень — список, копия.
Протори — расходы.

Р

Райна — поперечное дерево на мачте, за которое привязан парус.
Рамазан — мусульманский сорокадневный пост.
Ратманы (ратцы) — члены муниципалитета.
Рация — речь.
Реверенда — верхнее платье, надеваемое поверх кафтана.
Рейз-эфенди — государственный канцлер.
Рудожелтый — оранжевый.
Рундук — площадка, помост перед ступенями крыльца.

С

Саадак — 1) налучье, чехол для лука, обычно кожаный тисненый, иногда отделанный серебром и золотом и украшенный драгоценными камнями, или бархатный, вышитый; 2) весь прибор, состоявший из лука с налучьем и колчана со стрелами.
Сандал — черноморское береговое турецкое судно с одной мачтой и большим парусом.
Сарай (серай, сераль) — дворец.
Сипоша — свирель, дудка.
Сочевица — чечевица.
Срацынское (сорочинское) пшено — рис.
Ставленая грамота — грамота, заключающая в себе назначение на должность.
Стены черепичные ценинные — стены, выложенные поливными изразцами.
Ступистый конь — конь с крупным шагом.
Сулаки — походная почетная стража при султане.
Сулак-баша — начальник сулаков.
Сунгур — охотничья птица, кречет.
Сурначей — дудочник (музыкант).

Т

Тафейка (тафья) — шапочка, ермолка, тюбетейка.

Теперво — теперь.

Тефтедарь. См. Дефтердар.

Толмач — переводчик устной речи в отличие от переводчиков письменных документов; от последних требовалось лучшее знание иностранных языков.

Толмачить — толковать.

У

Указные товары — товары, разрешенные к вывозу.

Ф

Фебра — лихорадка.

Фрары — католики.

Ферезь — мужское длинное платье с длинными же рукавами, без воротника, с разрезами в боковых частях подола; украшение Ф. составляли нашивки с кистями, прикреплявшиеся около пуговиц в поперечном направлении. Ф. имела значение официального мундира.

Фряжский — заморский, заграничный.

Ц

Цветоносная неделя — вербное воскресенье, празднуемое за неделю до пасхи.

Ценинные чашки — фарфоровые чашки.

Ч

Чайка — 1) запорожское судно, днище которого выдалбливалось из одного дерева, а борта были обшиты толстым камышовым поясом, связанным лыком для защиты от выстрелов и от волны; 2) небольшое судно, формою похожее на галеру, приспособленное к движению на парусах и на веслах и вооруженное пушками и гаубицами; поднимало до 100 человек команды.

Чауш — полицейский в Турции.

Чауш-баша — офицер.

Червчатый — густо-красный, багровый.

Чердак — беседка, павильон.

Черносошные крестьяне — крестьяне, живущие на государственных землях.

Четь — четверть.

Чурбачей (чурвачей) янычарский — офицер турецкой янычарской пехоты.

Ш

Шейх-уль-ислам. См. Муфтий великий.

Шербет — прохладительный напиток, употребляющийся на Востоке, приготовляемый из воды с вареньем.

Шкипер — капитан купеческого судна.

Шкода — вред, ущерб, порча.

Э

Эминь — почетный титул, дававшийся в Турции начальнику какой-нибудь отдельной отрасли в администрации.

Ю

Юрты татарские — татарские поселения.

Я

Язычей — переводчик.

Яла-агасы белгородский — правитель Белгородчины.

Яловица — молодая корова, трехлетка.

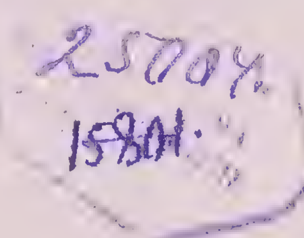
Янычар (янычай) — турецкий пехотинец.

Янычар-агасы — начальник янычар.

СОДЕРЖАНИЕ

Редактор *С. Петрова*

Художественное оформление I, II, III,
IV и V томов
художника *Д. Божанова*

Технический редактор *М. Пиотрович*

Подписано в печать 20/VII 1948 г.
Тираж 10 000 экз. М-13079. Заказ № 1162.
Объем $19^{3}/_{4}$ п. л.+$1^{1}/_{4}$ п. л. вклеек. 21,1 уч.-изд. л.
Цена 12 р.

2-я типография «Печатный Двор»
им. А. М. Горького треста
«Полиграфкнига» ОГИЗа
при Совете Министров СССР.
Ленинград, Гатчинская, 26.

5